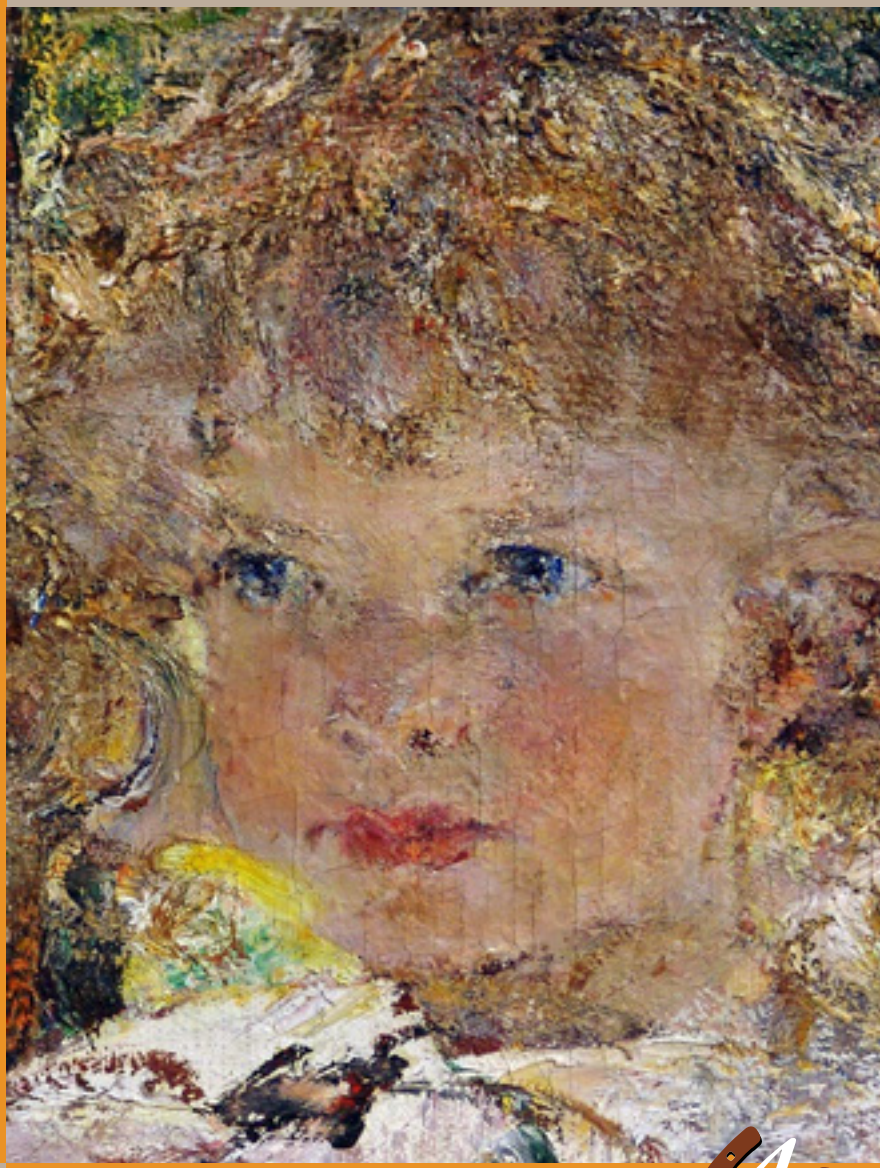
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

12+

ТАТАРСТАН



№2 (28) СЕНТЯБРЬ 2018

Елабуга.
Фото Евгения Поспелова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 2(28) • СЕНТЯБРЬ • 2018

Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку.
Мы умели жить. Помни это. Будь человеком!

Василий ШУКШИН

ББК 94.3+я2(Тат)
А-79

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — *первый секретарь Правления Союза российских писателей;*

Ларионова Татьяна Петровна — *исполнительный директор республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*

Зарипов Айрат Ринатович — *руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*

Крупин Владимир Николаевич — *русский писатель, академик, член Президиума Академии Российской словесности;*

Суворов Виктор Семёнович — *ректор Набережночелнинского государственного торгово-технологического института, доктор педагогических наук.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Н. Бабаев — *председатель попечительского Совета Русской православной церкви в Набережных Челнах, член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Н. М. Валеев — *доктор филологических наук, член Союза писателей России (Казань);*

Н. А. Вердеревская — *кандидат филологических наук, член Союза российских писателей (Елабуга);*

Р. Б. Гайнетдинов — *заведующий отделом Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань);*

В. Н. Гофман — *протоиерей, член Союза писателей России (Нижний Новгород);*

В. А. Ермаков — *заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России (Орёл);*

И. В. Лимонова — *член Союза писателей СССР (Москва);*

Д. Е. Кан — *член Союза писателей России (Оренбург);*

С. Д. Кузнечихин — *член Союза российских писателей (Красноярск);*

О. В. Кузьмичева-Дробышевская — *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

Г. С. Морозов — *член Союза писателей России (Касимов, Рязанская обл.);*

Н. В. Переяслов — *секретарь правления Союза писателей России (Москва);*

Н. Б. Рачков — *секретарь правления Союза писателей России (Тосно, Ленинградская обл.);*

Р. Ш. Сарчин — *доктор филологических наук, член Союза российских писателей (Казань);*

М. А. Чванов — *президент Международного Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Заместитель главного редактора — Александр Воронин
Технический редактор — Сергей Алешков
Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов
Художник — Ольга Белова-Недовизий

ISBN

ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ

МОСТЫ ИСТОРИИ

Аврал!
Тревога!
Человек за бортом!
Какое испытанье для него:
Барахтается на разрыв аорты,
На грани выживанья естество.

Аврал!
Тревога!
Рыбаки на льдине!
И хоть бодрят друг друга, мол — не дрейфь!
Но у иных рождаются седины
От мыслей — чем закончится их дрейф.

И как тревожно!
Как несправедливо!
Хоть это осознали мы потом,
Когда вдруг Полуостров, отделившись,
Остался у Державы за бортом.

Как будто выпал в океан безбрежный,
Попав на разграбление к врагам.
И эти годы жил одной надеждой –
Вернуться вновь к родимым берегам.

Судьба спасла от участи Донбасса,
Народ единый воссоединив.
За волею людей единогласной
Связал нас новый мост через пролив.

Разбуженные мировые встряски,
Быть может, и другой решат вопрос:
Когда-нибудь с потерянной Аляской
Соединит нас Беринговский мост.

ЛЕТО. КАЗАНЬ. ЮБИЛЕИ

В этом году главными юбилеями в литературе стали 150-летие А. М. Горького, 200-летие И. С. Тургенева и 275-летие Державина, но в Татарстане этот год объявлен годом Льва Толстого, хотя 190-летие принято считать всего лишь круглой датой...

Не будем особо придираться к числам, они лишь повод поговорить о классике и современности. О мировом значении великой русской литературы и назначении современного литературного процесса в отдельно взятом регионе. Не для того, чтобы сравнивать «век нынешний и век минувший», но ради напоминания (самому себе хотя бы!) — на кого равняться. Идеал недостижим, но ориентир нужен. Начнём, тем не менее с внутренних событий!

Мустафинские чтения в Казани проводились 3 мая, в день рождения поэта Виля Салаховича Мустафина (1935–2009). Участники созданной им литературной студии «Галерея», которую три года назад мы возродили в Музее Константина Васильева в виде литературного объединения имени В. С. Мустафина, вспоминали о своём учителе, читали его стихи. По традиции о поэте вспоминали и философы — Камиль Хайруллин, Владимир Курашов, Натан Солодухо. Как всегда, ярким и содержательным стало выступление мустафинского друга, создателя галереи Константина Васильева, первого директора, а ныне главного научного сотрудника музея Геннадия Васильевича Пронина, который рассказывал о тех годах, когда они вместе с Вилем Мустафиным работали в ГНИПИ-ВТ — легендарном казанском научно-исследовательском институте вычислительной техники.

Через несколько дней мне позвонила Чечкэ Салаховна Мустафина и поблагодарила за то, что мы вспомнили и о Салахе Садреевиче Атнагулове — отце сестры и брата Мустафиных. Кстати, она собрала пять папок материалов о своём папе, и по

На Мустафинских чтениях

ним смогла уточнить, что Салах Садреевич родился 28 мая по старому стилю, то есть 10 июня 2018 года исполнилось ровно 125 лет со дня рождения С. С. Атнагулова. Увы, ни одно татарстанское издание не вспомнило об этом выдающемся деятеле, и мы хотим восполнить это упущение (см. публикацию очерков из моей книги «Воля Виля» в этом номере, стр. 40-87).

В рамках акции «Ночь в музее» кремлёвский музей-мемориал Великой Отечественной войны проводил авторский вечер члена Союза российских писателей, поэтессы и художницы Лады Аюдаг. Вот уже 15 лет она возглавляет Казанское отделение профессионального союза художников СНГ, за это время провела более ста коллективных и персональных выставок у нас в стране и за рубежом, в том числе у стен берлинского Рейхстага в мае 2005 года. Кроме того, 16 лет она являлась редактором и художником самого популярного в республике русскоязычного издания для детей — «Детской газеты». И уже 17 лет руководит единственным в Казани музеем А. С. Пушкина при 7-й гимназии.

Аюдаг не только читала стихи из своих книг, но и представила детские «сказки-раскраски», показала оформленные ею книги московских и казанских авторов, коллективные сборники, где она выступила и в качестве редактора — «Грибная одиссея», «Калейдоскоп» (представленный на VII салоне Русской книги в Париже) и других. Вечер прошёл –в тёплой дружеской атмосфере, какую может создать вокруг себя только Аюдаг! Ансамбль «Романтика» под руководством Аллы Романовой исполнил несколько песен, а известный мастер художественного свиста Вильямс Ахмадуллин удивил публику оригинальным попурри из песен военных лет. Свои стихи на вечере читали поэты Натан Солодухо и Ростислав Пулялин.

К юбилею Лады Аюдаг правление Союза российских писателей прислало поздравительную телеграмму за подписью первого секретаря СРП Светланы Василенко.

В день рождения А. С. Пушкина, в День русского языка, 6 июня в Казани открылся V Книжный фестиваль, программу которого мэрия развернула чуть ли не на неделю — до самого Дня России. На событиях Книжного фестиваля хотелось бы остановиться подробнее.

Накануне в арт-резиденцию «Старо-Татарская слобода» приехал Павел Басинский, известный российский писатель и литературовед, член Союза российских писателей и Академии русской современной словесности, лауреат премии Правительства РФ в области культуры (2014), «Большой книги» и «Антибукера», постоянный член жюри премии «Ясная Поляна» и обозреватель отдела культуры «Российской газеты» (в этом номере «Аргамака» публикуется его статья о Толстом и Достоевском). Но прежде хотелось бы сказать несколько слов о самой арт-резиденции. Она открылась в декабре прошлого года по инициативе мэра Казани Ильсура Метшина. Куратор проекта, известный московский писатель, уроженец города Горького Ильдар Абузяров за полгода привёз в арт-резиденцию самых разных писателей, что называется от

«А» до «Я», среди которых Алексей Арзамасов и Наталья Якушина, Роман Сенчин и Герман Садуллаев, заместитель главного редактора журнала «Юность» Игорь Михайлов и, наконец, главный редактор портала «Свободная Пресса», депутат Госдумы РФ, первый заместитель председателя Союза писателей России Сергей Шаргунов.

Арт-резиденция находится в знаменитой сталинке на углу улиц Татарстан и Марджани, окна смотрят на Театр Камала и озеро Кабан, это обычная трёхкомнатная квартира, где можно жить и работать писателям — и у мэрии есть надежда, что кому-нибудь из знаменитостей вдруг придёт в голову написать рассказ, повесть или даже роман о нашем славном городе... Идея замечательная, в духе нашей мэрии, которая, видимо, убеждена, что в самой Казани писателей, конечно, не может быть по определению, а значит, о нашем славном городе достойно могут написать только заезжие варяги!

Пожить неделю в арт-резиденции Павел Басинский согласился с удовольствием и в приватной беседе заметил, что вообще мечтал бы жить в такой квартире. Во всяком случае, с удовольствием приехал бы сюда ещё и ещё... Но в этот раз в Казань его пригласили, прежде всего, как одного из авторитетных исследователей жизни и творчества Алексея Максимовича Горького и Льва Николаевича Толстого, о юбилеях которых мы упоминали в самом начале обзора.

Впрочем, первым местом выступления московского литературоведа в Казани стал митинг возле памятника А. С. Пушкину у оперного театра. А после его пригласили выступить на презентации новой книги Гузель Яхиной «Дети мои» в Казанской Ратуше. И приглашение было не случайным. Дело в том, что Павел Басинский одним из первых написал о Гузели Яхиной и её первой книге «Зулейха открывает глаза», ровно три года назад, когда дебютный роман ещё не получил престижных премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», ещё не был переведён на тридцать языков. А в татарстанской прессе о романе отзывались как об «Истории одного предательства» и обвиняли в плагиате... Но Басинский со страниц «Российской газеты» уже тогда предрёк роману славную судьбу, а Гузель Яхину назвал главным открытием Года литературы.

Павел Басинский и Ильдар Абузяров выступают на Пушкинском празднике поэзии

По роману, выросшему из сценария, писавшегося как дипломная работа в Московской школе кино, теперь собираются снять 8-серийный фильм, и как раз в те дни, о которых мы ведём речь, в Казанском Дворце химиков проходили кастинги среди артистов и непрофессионалов для участия в сериале. А заглавную роль согласилась сыграть знаменитая уроженка Казани — Чулпан Хаматова.

О новом романе Гузели Яхиной «Дети мои» Павел Басинский написал рецензию также одним из первых. И снова предрекает ей успех: «В новом романе тоже затронута тема репрессий. Но автор не сделала её центральной и отнесла в самый конец и в комментарии к нему. А вот главную тему — самостояние маленького человека в споре с Большой Историей — автор развивает убедительно и заставляет сопереживать герою даже самого осторожного читателя,— считает критик.— Сила романа — в любви автора к своему скромному герою, любви иррациональной и потому пронзительной. И эта пронзительная любовь в новом романе не слабее любви Яхиной к Зулейхе. А читатели любят за любовь... Так что очень может быть, что мы имеем дело с новым бестселлером».

Помимо презентации романа «Дети мои» в День русского языка Гузель Яхина приняла участие в церемонии награждения победителей Международной образовательной акции по всеобщей проверке грамотности «Тотальный диктант-2018». В этом году его писали в 80 странах по текстам Гузели Яхиной «Утро», «День» и «Вечер» — отрывкам из первой главы её нового романа. Также автора пригласили на открытие V городского книжного фестиваля, организованного мэрией Казани в Лядском саду, где Гузель Яхина рассказала читателям о новой книге и провела автограф-сессию.

Логично, что фестиваль был посвящён году Льва Толстого в Татарстане. И в самом Лядском саду казанские библиотекари постарались воссоздать в миниатюре усадьбу Ясная Поляна. Гуляющим по саду предлагали познакомиться с рецептами сливового и яблочного варенья, которые любили в семье графов Толстых и князей Волконских, любителям музыки раздавали ноты вальса, который сочинил молодой Лев Толстой. Для самых маленьких участников фестиваля устроили детскую площадку с литературными квестами и конкурсами, чтением рассказов великого русского писателя и викторинами по его произведениям, для школьников провели литературный флешмоб «Толстой — детям» и диктант по текстам классика. В «Летней читальне» развернулась выставка, посвящённая его творчеству.

На летней эстраде читали стихи казанские и челнинские поэты, куратор Казанского литературного кафе Эдуард Учаров провёл презентацию двух выпусков альманаха «КаЛитКа», которые были составлены соответственно из стихов и прозы казанских авторов, выступавших в последнее время в кафе на улице Вишневского, в здании Центральной библиотеки Казани. Мне довелось участвовать в ней, и своё выступление я посвятил Лядскому саду, где ровно 120 лет назад (чуть ли ни день в день, в этом самом месте!) побывали император Павел Первый со своими сыновьями — Александром и Константином. После обеда в доме генерала Лецкого царственные особы прогуливались по саду, который уже тогда был публичным. Слух государя и великих

князей ублажали пением крепостные актрисы казанского дворянина Павла Петровича Есипова. Царь пожаловал певицам свою бриллиантовую пряжку, а помещик и тёзка дерзнул обратиться к монарху с просьбой — разрешить открыть в Казани городской театр.

И получил высочайшее на то соизволение. А в саду показывали «живые картины» из античной мифологии, казанцы любовались аллегориями, очень модными в те времена... Мимо этого юбилея мы никак не могли пройти, такая связь времён на многих произвела впечатление.

В Доме-музее Василия Аксёнова проходила встреча Павла Басинского с читателями. До этого он встречался со студентами и преподавателями филфака Казанского университета (официально — Института филологии и межкультурной коммуникации имени Л. Н. Толстого при КФУ), но в Аксёновском зале собралась совсем другая аудитория, преимущественно возрастная. Вёл встречу, как и предыдущие вечера с гостями арт-резиденции, Ильдар Абузяров.

Павел Басинский окончил Литературный институт имени А. М. Горького, там же учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Горький и Ницше», написал биографию Горького для Горьким же созданной и до сих пор популярной у читателей серии «Жизнь замечательных людей» (2005). В 2010 году книга Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» была удостоена национальной литературной премии и до сих пор остаётся бестселлером. И вот теперь издательство «Молодая гвардия» попросило автора написать биографию Толстого для «ЖЗЛ»! Правда, в советские времена в этой серии уже выходила замечательная книга Виктора Шкловского о Толстом, но по понятным причинам в ней полностью была опущена очень важная религиозная составляющая в жизни и творчестве Льва Николаевича. Но без богоискательских произведений сложно его представить!

По признанию Басинского, Казань является совершенно уникальным местом в истории отечественной словесности. После Москвы и Петербурга ни один другой город не может похвастаться таким литературным наследием. Здесь родились знаменитые поэты XVIII века — последний классицист Гавриил Романович Державин (14 июля мы отмечали его 275-летие!) и первый русский романтик Гавриил Петрович Каменев (в этом году и ему отмечалось 245-летие). Здесь учились в университете известные прозаики Сергей Тимофеевич Аксаков и Павел Иванович Мельников (кстати, не забыть бы, в ноябре этого года Андрею Печерскому исполняется 200 лет!). Здесь в гостинице Дворянского собрания останавливались Александр Пушкин и Александр Дюма, через Казань возвращались из ссылки Достоевский и Герцен...

Но особую роль сыграла Казань в жизни Толстого и Горького, и на этом Павел Басинский в своих книгах, равно как и в нынешних выступлениях, делал важный акцент. Именно в Казани в их жизни случился духовный перелом, после чего оба начинают писать. Для Льва Толстого это первые дневниковые записи, которые впоследствии писатель считал главным своим литературным трудом (в Полном собрании сочинений его дневники составили 13 томов!). Для Алёши Пешкова, совершившего в Казани две попытки суицида, духовная драма стала началом новой, уже взрослой жизни. «Физически я родился в Нижнем Новгороде,— писал он позже,— духовно в Казани».

Много нового и интересного узнали казанские книголюбы и на лекции «Толстой и Горький — парадоксы биографии» двумя днями позже, в рамках программы Книжного фестиваля в парке «Чёрное озеро», организованного мэрией Казани. Басинский представил здесь свою книгу «Лев Толстой. Свободный человек» (2018), ответил на многие вопросы. В частности, рассказал о фильме «История одного назначения», где одним из героев стал Лев Толстой (а Павел Валерьевич выступил одним из авторов

сценария) и который в те дни режиссёр Авдотья Смирнова представляла на кинофестивале «Кинотавр-2018».

Лекция прошла в Казани воскресным днём, а решение жюри фестиваля объявили в Сочи поздно вечером, когда мы уже проводили Павла Басинского с Казанского вокзала, не успев его поздравить... «История одного назначения» получила приз «За лучший сценарий».

А победителем «Кинотавра» стала лента Наталии Мещаниновой «Сердце мира», о чём с гордостью сообщила кинорежиссёр Мария Разбежкина — ещё одна участница Книжного фестиваля в Казани, начинавшая у нас свой путь в кинодокументалистике и хорошо известная казанской публике.

На Книжном фестивале Марина Разбежкина представляла свою книгу «Чурики-мокурики Свияжска. Записки и многолетние наблюдения на острове», которую она написала 20 лет назад вместе со своим другом, известным художником Рашитом Сафиуллиным (он работал с Андреем Тарковским над фильмом «Сталкер» и спектаклем «Гамлет» в Ленкоме, ныне живёт в Москве). Книга представляет старый Свияжск — с покосившимися заборами и заброшенными домами, зарослями крапивы и редкими жителями, отрезанными от благ цивилизации... Вместе с автором записок книгу представили её издатели — художник Ксения Шачнева и директор музея-заповедника «Остров-град Свияжск» Артём Силкин.

Раз уж разговор у нас свернул на кинорежиссуру, стоит отметить, что одной из самых ожидаемых на прошедшем Книжном фестивале считалась лекция Тимура Бекмамбетова — самого коммерчески успешного российского режиссёра и продюсера, снявшего оба «Дозора», «Иронию судьбы. Продолжение» и «Ёлки», выпустившего в Голливуде картины «Особо опасен» и «Бен-Гур». В этом году его киностудия «Базилевс» представила зрителям фильм «Профиль», снятый в жанре screenlife. Собственно, этому новому киножанру и посвящалась лекция «Новый язык кино». Напомним, screenlife — буквально «экранная жизнь». Иначе говоря, всё действие в таких фильмах разворачивается на экране компьютера или смартфона, то есть в виртуальном пространстве.

Очень символично, что с призывами Бекмамбетова начать новую эру кино совпали слухи о смерти мэтра советского кинематографа, более всего известного своей пятисерийной экранизацией романа братьев Вайнеров «Эра милосердия». Впрочем, весь следующий день родные и близкие на все лады опровергали сообщения СМИ, чтобы ещё через день страна официально узнала о кончине председателя Комитета по культуре Государственной Думы РФ, народного артиста России Станислава Сергеевича Говорухина. Так что уход известного кинорежиссёра и общественного деятеля в чём-то напомнил печальную историю Сергея Станиславовича Говорухина, сына

известной казанской артистки Юноны Ильиничны Каревой (первой жены Говорухина, которую он снял в роли жены Груздева в культовом сериале «Место встречи изменить нельзя»), талантливого прозаика, автора сборников рассказов и повестей «Со мной и без меня», «Прозрачные леса под Люксембургом». Дело в том, что Сергей скончался в возрасте пятидесяти лет, много дней перед тем пролежав в коме, пока по разным каналам сообщали и опровергали вести о его состоянии...

Станислав Говорухин окончил геологический факультет Казанского университета, был однокашником известных поэтов Николая Беляева и Романа Солнцева, позднее ставший одним из первых операторов и режиссёров Казанской студии телевидения, откуда поступил во ВГИК, а позже 20 лет проработал на Одесской киностудии, сняв самые известные свои фильмы «Вертикаль» и «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким. В годы перестройки ушёл в политику, сняв документально-публицистические фильмы «Так жить нельзя», «Великая криминальная революция», «Россия, которую мы потеряли». Выступил соперником В. В. Путина на президентских выборах 2000 года, а в 2011-м вдруг возглавил его предвыборный штаб. Был избран сопредседателем Центрального штаба Общероссийского Народного фронта... На панихиде Говорухина в Преображенской церкви храма Христа Спасителя В. В. Путин сказал: «Он ещё раз напомнил мне о том, что у нас в стране много настоящих патриотов, граждан, людей со своей собственной, твёрдой позицией, которые способны её отстаивать, не руководствуясь конъюнктурными соображениями, а исходя из интересов страны, так, как они это понимают».

По словам президента, Говорухин был человеком избранным, «на нём была и с ним всегда останется, уже в другой жизни, за облаками, печать Господня».

Увы, дату официального открытия Чемпионата мира по футболу омрачила ещё одна тяжёлая утрата — в тот же день, 14 июня в Крыму скоропостижно скончался известный казанский художник-карикатурист Вячеслав Бибишев. Много лет мы были знакомы, работали вместе в «Казанских ведомостях». К его пятидесятилетию я написал о нём большую статью в журнал, а он нарисовал мой портрет (в жанре шаржа, разумеется), который до сих пор висит у меня дома. Большой и солнечный человек, уже давно классик в мире карикатуры, шаржа и сатирической графики, лауреат международных конкурсов в России, США, Австралии, Аргентине, Бельгии, Бразилии, Германии, Иране, Италии, Турции, Франции, Хорватии, Чехии, Японии. Чего стоит гран-при «Золотой Эзоп», полученный им в мировой столице сатиры и юмора Габрово (Болгария), аналог кинематографического «Оскара»!

Вячеслав Леонардович Бибишев руководил секцией карикатуристов в Союзе художников РТ, возглавлял Гильдию карикатуристов, преподавал в институте культуры. К своему 55-летию Слава поехал в Бахчисарай, где готовил юбилейную персональную выставку «Крым в моём сердце», и там остановилось его сердце. Ровно месяц он не дожил до юбилея...

Остаётся добавить, что BIB (известный в мире псевдоним Бибишева) родился в один день с поэтом Державиным, поэтому в июле мы Славу тоже вспомнили. Помянули.

3 июля в Казанском литературном кафе «КаЛитКа» мы решили отметить 80-летие со дня рождения Диаса Валеева (1938–2010) небольшой театральной постановкой «Меченый» — по его последней пьесе «Карликовый буйвол». Название изменили, поскольку убрали из трагифарса некоторые сцены, в том числе с разгадыванием кроссворда в кабинете «конторы глубокого бурения». Собственно, Диас Назихович с моими сокращениями был знаком ещё при жизни, впервые данную сценическую версию исполнили актёры Казанского тюза на юбилейном вечере Д. Н. Валеева — ровно десять лет назад. И автору наш мини-спектакль чрезвычайно понравился, ведь «Карликовый буйвол» оставался единственной его пьесой, которая никогда не шла в театрах!

И теперь мы решили возобновить постановку в виде читки — силами поэтического театра «Диалог» (художественный руководитель — Ольга Левадная, главный режиссёр — Владимир Нежданов). Собравшиеся на вечере зрители много смеялись и аплодировали. Особенно приятно, что вместе с нами порадовались сценическому успеху вдова и дочь драматурга — Дина Каримовна и Дина Диасовна. Третья Дина — внучка — на вечер приехать не смогла, но успела прислать эскиз обложки новой книги воспоминаний о знаменитом дедушке. Сборник должен выйти ближе к осени, когда в Доме литераторов на ул. Муштари пройдёт официальный юбилейный вечер Диаса Валеева (в самом деле, стоит ли руководству СП Татарстана грузить себя в летний период лишними мероприятиями?). Так что наш, фактически юбилейный вечер известного татарского драматурга, прозаика и публициста, организованный Татарстанским отделением Союза российских писателей, будем считать скромным домашним торжеством. Поскольку вечер прошёл в тёплой дружеской обстановке. Среди друзей.

Александр ВОРОНИН

КАК НАЗАРБАЕВ СТАЛ ПОЧЁТНЫМ ДОКТОРОМ КФУ, А ВЛАДЫКА ФЕОФАН ПРОЦИТИРОВАЛ ВЫСОЦКОГО

В этом году на празднике Ураза-байрам в Казани побывал Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. В Казанском федеральном университете высокому гостю вручили диплом о присвоении звания «Почётный доктор Казанского университета». В торжественной церемонии принимали участие Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, представители министерств и ведомств республики, а также казахские студенты, обучающиеся в КФУ.

Как отметил Нурсултан Назарбаев, Казахстан всегда отстаивал позиции дружбы и глубокого родства с Россией и её народами. Например, с Татарстаном эту страну сближает не только общность языка, культуры и истории — достаточно вспомнить проходивший по обеим территориям в древности Великий Шёлковый путь — но и современные экономические модели, и видение новых путей развития науки и образования.

Далее в рамках рабочего визита Президент Казахстана посетил Казанский Кремль, где на специально для него организованной выставке промышленных предприятий республики ознакомился с продукцией Зеленодольского судостроительного завода, КАМАЗа, завода «Форд Соллерс», Казанского вертолётного завода. Затем в Президентском корпусе прошла встреча двух президентов. Со стороны Республики Татарстан в ней приняли участие руководитель Аппарата Президента РТ Асгат Сафаров, заместитель Премьер-министра РТ — министр промышленности и торговли РТ Альберт Каримов, вице-премьер Татарстана Лейла Фазлеева, помощник Президента РТ Радик Гиматдинов, Полномочный Представитель Республики Татарстан в Республике Казахстан Денис Валеев.

Президент Татарстана Рустам Минниханов поблагодарил Нурсултана Назарбаева за визит в Казань и отметил особую роль Президента Республики Казахстан в развитии Евразийского пространства. «Сегодня Казахстан — наш самый главный партнёр. Татарстан и Казахстан близки по языку и религии. На территории вашей страны проживает большая диаспора татар. Мы очень часто бываем в разных регионах Казахстана, везде находим максимальную поддержку. Вы крупнейшая нефтяная страна в части использования передовых технологий для нефтедобычи. У нас в этой сфере также наработан огромный опыт»,— сказал Президент Татарстана. По мнению Рустама Минниханова, большой потенциал взаимодействия есть в области образования. «Сегодня в республике обучаются более 1200 студентов из Казахстана, из них почти половина — в Казанском университете. В Астане я посещал Назарбаев Университет, который является одним из лучших. Мы бы хотели активизировать работу в части обмена студентами».

Он поздравил Президента Казахстана с успешным проведением Международной специализированной выставки «ЭКСПО-2017» в Астане. «Создание на площадке ЭКСПО Международного финансового центра — это очень важное решение. Мы хотим работать с нашими коллегами из Казахстана в рамках финансового центра, развивать взаимодействие в сфере исламского банкинга».

В свою очередь, Нурсултан Назарбаев отметил, что Казахстан и Татарстан связывают близкие отношения. «Республика ваша является одним из самых развитых регионов России. Сегодня на выставке мы увидели целую линейку машин, и это нас очень интересует. Мы, естественно, будем покупать, а также создавать совместные предприятия, как в Татарстане, так и на территории Казахстана». Президент Казахстана видит большой потенциал развития торгово-экономических отношений. Сегодня взаимный товарооборот между Казахстаном и Татарстаном составляет $700 млн. Нурсултан Назарбаев выразил уверенность, что его можно довести до $1 млрд.

«Мы нефтедобывающая страна. Сейчас важно поднять производительность. Цена на нефть качается, поэтому необходимо её перерабатывать. В этом направлении у Татарстана большой успех»,— подчеркнул Нурсултан Назарбаев. В числе перспективных направлений взаимодействия Президент Казахстана также отметил сельское хозяйство, медицину и гуманитарную сферу.

В завершение встречи Нурсултан Назарбаев вручил Рустаму Минниханову орден «Достык» (Дружба) I степени — высшую награду Казахстана для иностранных граждан. «Вы многое сделали и продолжаете делать для дружбы, взаимопонимания, доверия между нашими странами. Я это вижу»,— добавил Президент Казахстана.

После президенты перешли в Представительский корпус Казанского Кремля, где Нурсултан Назарбаев встретился с Государственным советником РТ, председателем Попечительского совета Республиканского фонда по возрождению памятников истории и культуры Минтимером Шаймиевым. Шаймиев представил гостям экспозицию, посвящённую восьмилетней деятельности Фонда по возрождению древнего города Болгар и острова-града Свияжск. Особо Государственный Советник РТ подчеркнул, что все объекты, представленные на стендах и макетах, в основном построены, восстановлены и отреставрированы. Болгарский историко-археологический комплекс, а также Успенский собор и монастырь острова-града Свияжск включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Минтимер Шаймиев подробно рассказал высокому гостю о новых проектах, реализуемых при содействии Фонда «Возрождение»: это строительство Болгарской исламской академии и воссоздание Собора Казанской иконы Божьей Матери. Так, комплекс зданий Болгарской исламской академии был возведён за один год и с сентября 2017 года Академия занимается подготовкой интеллектуальной элиты

мусульманской уммы страны — магистров и докторов исламского богословия. Нурсултан Назарбаев выразил заинтересованность в сотрудничестве с Болгарской исламской академией и отметил, что на учёбу в Академию будут направлены представители мусульманского духовенства Казахстана.

Три дня спустя случилось ещё одно важное для фонда «Возрождение» событие — чин освящения крестов Собора Казанской иконы Божьей Матери совершил митрополит Казанский и Татарстанский Феофан. На торжественном мероприятии присутствовали заместитель председателя Государственного Совета Татарстана, исполнительный директор Фонда возрождения памятников истории и культуры республики Татьяна Ларионова, заместитель министра культуры РТ Светлана Персова, заместитель руководителя Аппарата Президента РТ — руководитель департамента по вопросам внутренней политики Александр Терентьев, директор музея-заповедника «Остров-град Свияжск» Артём Силкин, представители республиканских министерств и ведомств, духовенство Казанской епархии, учащиеся Казанской православной духовной семинарии, руководители подрядных и проектных организаций, занятых в строительстве, многочисленные верующие. Перед началом богослужения глава Татарстанской митрополии обратился к собравшимся с приветственным словом:

«Дорогие друзья! Многоуважаемые Татьяна Петровна, Светлана Глебовна! Уважаемые строители и все, кто принимает участие в великом деле возрождения дома небесной заступницы Казанского края! Сегодня мы с вами являемся свидетелями и творцами удивительной страницы в жизни не только Татарстана, не только России, но и всего православного мира. Прошло два года с того момента, как президент республики Рустам Нургалиевич Минниханов подписал указ о воссоздании собора и строительстве Болгарской духовной академии, и вот перед нами — возродившийся из пепла величественный и прекрасный собор. Возведение такого масштабного сооружения даже по современным меркам — пример огромного труда многих и многих людей. Но по-другому и не могло быть, ибо это дом Божией Матери — многовековой заступницы края Казанского и всей России, построенный на священном месте...

За великими свершениями всегда стоят великие люди. Хочу ещё раз поблагодарить нашего президента, чьим решением положено начало возрождению этой святыни. Его воля и стремление к исторической справедливости лежат в основе этого проекта. Но есть и ещё один человек, без трудов и воли которого этот проект не мог быть реализован — первый президент Татарстана, государственный советник республики Минтимер Шарипович Шаймиев. Сегодня он возглавляет фонд «Возрождение», который возрождает Болгар, Свияжск, Казанский собор. Благодаря таким людям как Минтимер Шарипович возрождаются национальные святыни».

Глава Татарстанской митрополии также выразил признательность за помощь в деле строительства руководству города, администрации президента РТ, строителям и проектировщикам. «После освящения эти золотые кресты станут венцом над собором, и как сказал великий поэт, „купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал“. И к золоту крестов прибавляется золото наших сердец, золото нашей любви к Богу, к Матери Божией, к нравственной чистоте, золото нашего мирного бытия».

Митрополит Феофан прочитал молитву и окропил освящённой водой пять крестов собора. Затем центральный крест (473×180 см) был водружён на главный купол храма. Кресты были изготовлены московскими мастерами. В завершение церемонии владыка Феофан ещё раз поздравил всех собравшихся со знаменательным событием:

«В такие моменты мы должны размышлять о будущем нашего Отечества. Любите тех, кто рядом, ибо и мы, и мусульмане живём в одном замечательном доме — России и Татарстане. Помолимся Царице Небесной, чтобы это доброе дело также легло в фундамент нашего мира, согласия и любви».

После установки креста на центральный купол духовенство и верующие приложились к малым накупольным крестам. Как сказал владыка Феофан на короткой пресс-конференции, их поднимут на купола в рабочем порядке, исходя из погодных условий. К осени, до празднования Дня народного единства и Казанской иконы Божией матери (4 ноября) все фасадные работы должны быть закончены, строительные леса уберут, смонтируют и подключат подсветку собора — таким образом, основные строительные работы завершаются с опережением графика, общий вес конструкции составил 123 тысячи тонн.

И теперь начинается самое важное... Как сказала журналистам исполнительный директор фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, воссозданием внутреннего убранства собора занимаются эксперты и проектировщики Патриаршего совета по культуре. «В зависимости от того, какой будет проект, будет выстраиваться график производства этих работ,— сказала вице-спикер Госсовета.— Патриарх Кирилл в курсе всех событий и последовательности выполнения работ, которые здесь происходят. Думаю, удастся его пригласить и на освящение собора».

Владыка Феофан подтвердил: «Патриарх приглашён и сказал: „Без сомнения, буду освящать!“ Но работы ещё очень много. Возведение стен храма — этап более простой по сравнению со стадией внутренней отделки и росписи. Есть временные технологические рамки, которые не позволяют нам торопиться. Здание перед росписью должно устояться, иначе могут возникнуть микротрещины. В соборе будет уникальный иконостас с колоннами из мрамора, привезённого из Италии и Греции, с резьбой по дереву, позолотой и бронзой. Специалистов, способных выполнить такую работу, не так много, и проект уникален... К концу следующего года мы сможем увидеть, что у нас получается».

Ирина ГРИГОРЬЕВА,
по материалам пресс-службы Президента РТ,
сайта: tatmitropolia.ru и интернет-издания БИЗНЕС online

БОЛДИНО — СТОЛИЦА ВДОХНОВЕНИЯ

52-й Всероссийский Пушкинский праздник поэзии собрал в Большом Болдине Нижегородской области писателей и почитателей творчества великого поэта со всей России. Известные российские мастера слова приехали в столицу вдохновения, где первым поэтом России были написаны лучшие произведения, из самых разных уголков нашей страны. Владимир Середин, Александр Кондрашов и Борис Лукин из Москвы. Николай Алешков из Татарстана. Диана Кан из Оренбурга. Магомед Ахмедов из Дагестана. Николай Лалакин из Владимира... Большая делегация писателей по традиции прибыла из Нижнего Новгорода: Валерий Сдобняков, Олег Захаров, Людмила Калинина, Ирина Дружаева, Валерия Белоногова, Михаил Чижов, Александр Чеснов, Софья Александрова... Да что там! Поздравить почитателей творчества Пушкина прибыл сам и. о.нижегородского губернатора Глеб Никитин со своей командой. И со сцены недавно отстроенного в Болдине великолепного Пушкинского центра озвучил приветствие гостям праздника от президента России Владимира Путина. Губернатора и его команду встретил в бальном фойе центра настоящий Пушкинский бал, где любимые поэтом танцы исполняли малыши в бальных платьях и фраках, юноши и девушки школьного возраста и сотрудники музея, которых можно назвать уже профессионалами «бального дела». Бал был великолепен, губернатор был приятно удивлён...

Программа праздника выдалась более чем насыщенная. Мероприятия часто шли параллельно на разных площадках. И поспеть всюду гостям и зрителям было просто нереально, приходилось выбирать и выбор был не из лёгких, ибо хотелось одновременно побывать всюду! Пушкин — понятие всеобъемлющее, потому не удивительно, что мероприятия были не только литературные. Среди нижегородской делегации я с удовольствием увидела замечательного художника-пушкиниста Валерия Крылатова, чья трактовка образа Пушкина настолько современна и одновременно традиционна, что почерк этого художника не спутаешь ни с каким другим!

Для юных участников праздника в парке пушкинской усадьбы состоялся мастер-класс по акварели на пленэре «Под сенью болдинских аллей...». В выставочном зале музея-заповедника прошло открытие выставки-конкурса творческих работ учащихся и преподавателей Нижегородской школы искусств и ремёсел им. А. С. Пушкина «Изограф». В картинной галерее открылась выставка «Пушкиниана молодых», в основу экспозиции которой легли произведения молодых художников разных поколений. Как пояснила нам директор Пушкинского музея-заповедника в Болдино Нина Анатольевна Жиркова, эти выставки — результат плодотворного сотрудничества Большеболдинской картинной галереи и Нижегородского регионального отделения Союза художников России.

Поистине знаковым можно назвать открытие в рамках праздника бюста святому благоверному князю Александру Невскому — небесному покровителю рода Пушкиных. Бюст прибыл в Болдино из солнечного Краснодара и установлен на церковной площади напротив алтарной стены родового храма в честь Успения Божией Матери, построенного в своё время на деньги семейства Пушкиных.

Каскадом творческих встреч отмечен праздник. В конференц-зале научно-культурного центра коллеги и читатели встречались с лауреатами литературной премии Нижегородской области «Болдинская осень» 2018 года Людмилой Калининой (номинация «Поэзия») и Валерией Белоноговой (номинация «Критика, публицистика»). А в детской библиотеке состоялось знакомство с большой креативщицей, писательницей и поэтессой Ириной Дружаевой, с которой я подружилась, поскольку

мы жили в одном гостиничном номере. Ирина стала лауреатом премии «Болдинская осень» в номинации «Проза».

Пушкин тем и замечателен, что тяжкую литературную работу делал, словно играючи. И потому приехавшие на праздник писатели не только пребывали на различных сценах, выступая перед публикой. Они попутно работали, проведя круглый стол, посвящённый обсуждению проблемы наследования традиций русской классики в современной отечественной литературе.

Одной из кульминаций праздника стал торжественный вечер в научно-культурном центре, где по традиции выступили гости — поэты разных градов и весей и разных поколений. Впервые в празднике участвовали молодые поэты — победители Слёта молодых литераторов... По окончании официальной части почётных гостей праздника и болдинцев ожидала уникальная возможность увидеть балет «Кармен» на музыку Жоржа Бизе. Это был совместный авторский проект с участием Национального Академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь, солистов балета из Санкт-Петербурга, а также оркестра, артистов балета и других специалистов Музыкального театра им. Яушева Республики Мордовия. Хореография и постановка Надежды Калининой (Санкт-Петербург).

Второй день праздника по традиции начался панихидой в родовом храме Пушкиных. Затем в усадьбе музея поэты-гости возложили цветы к памятнику А. С. Пушкина. Этот момент я запомню навсегда. Дотоле хмурое болдинское небо именно в момент возложения нами цветов чудесным образом вдруг прояснилось и выглянуло яркое солнце, чтобы сопровождать праздник до его окончания. «Пушкин с нами»,— подумала я, глядя на солнце. После экскурсии по дому-музею Болдино, перед которым растёт лиственница — ровесница Поэта, мы с удовольствием поучаствовали в интерактивной программе «На Пушкинском на дворе» с участием творческих коллективов. Также «участниками» этой программы были тающие во рту и столь любимые Поэтом яблочные пирожки и самые настоящие самовары. Мы поучились вязать банные веники, носить вёдра на коромысле, прилегли на соломе рядом с пушкинским

Балдой, пофотографировались в окружении юных гусаров и барышень пушкинской эпохи... А праздник тем временем набирал обороты! Пока в зрительном зале культурного центра шёл спектакль «Летучий корабль» для юных зрителей по мотивам русских народных сказок в постановке Арзамасского драматического театра, мы выступали на импровизированной сцене в роще Лучинник. Такие поэтические чтения под открытым небом — традиция праздника. Эта роща известна, как излюбленное место прогулок Поэта. Сама атмосфера Лучинника настраивает на лиризм... Впрочем, не только на лиризм, поскольку в пушкинские дни в Лучиннике проводится ярмарка народных промыслов, по развитию которых Нижегородчина прочно удерживает первое место в России...

Спросите, почему роща называется Лучинник? И коренные болдинцы расскажут вам историю, что когда Пушкин был в Болдине, на конюшню привели сечь одного крестьянина, который порубил на лучину молоденькие деревца этой рощи. Пушкин был добрый барин. Он отменил наказание, а крестьянам сказал: «Не губите рощу, она пока такая молодая, настоящий лучинник. А вырастет и будет вам подмогой...». Спасённые Пушкиным берёзы и липы уже в котором своём древесном поколении шумят в Болдино, храня заповедные целебные родники с водой, веками питающей столицу вдохновения России — пушкинское Болдино.

Диана КАН

НА ВИДУ У ВСЕХ

Кильмезь — большое село (ныне посёлок городского типа, районный центр) на юге Кировской области, граничащей в этом месте с Удмуртией и Татарстаном. И Марийская республика тут недалеко. Эта близость и послужила основой национального состава населения. На протяжении нескольких столетий в Кильмези и окрестностях вместе живут русские, удмурты, татары и марийцы. Здесь же — родина выдающегося писателя современности Владимира Николаевича Крупина, академика Академии Русской словесности, члена президиума Всемирного русского народного собора, лауреата Патриаршей литературной премии. В нынешнем мае мне и члену Союза российских писателей, автору-исполнителю Александру Тарасову (оба из Набережных Челнов) повезло оказаться на Десятых Крупинских чтениях, прошедших на этой благословенной земле, окружённой смешанными лесами, реками и озёрами...

* * *

Миновав Можгу, мы на белом BMW Александра Николаевича (спасибо ему за автомобиль, за вождение и за достойную компанию) остановились перед выбором: сократить путь через лес или сделать крюк по асфальту. Выбрали последний вариант и проколесили почти сто километров лишку, едва не опоздав. Зато, свернув с трассы в Кильмезь, увидели: навстречу нам движется самый настоящий Крестный ход — с иконами и хоругвями. Встречали, слава Богу, не нас, а двигались к новенькой часовне на краю села, чтобы освятить её. А день-то 22 мая был — летний Никола! А меня-то зовут — Николай! Вот и оказался я везунчиком, ибо, присоединившись к процессии, помолился вместе со всеми и приложился к Кресту с иконой Николая Угодника.

Последующие сутки (даже чуть более) пролетели незаметно. Мы были вовлечены в калейдоскоп событий. После торжественной встречи с хлебом-солью на

центральной площади посёлка прямиком с экскурсии по аллее Славы все вошли в Святотроицкий храм и вместе с батюшкой Владимиром, тёзкой Крупина, отслужили перед началом чтений молебен на благое дело.

К Владимиру Николаевичу и его землякам пожаловали уважаемые гости: писатели, учёные, деятели культуры, друзья. Из Кирова приехали сотрудники областной научной библиотеки имени А. И. Герцена: кандидат философских наук, главный научный сотрудник Н. И. Злыгостева, кандидат культурологии, искусствовед, редактор Л. Б. Горюнова, заместитель директора по научной работе С. Н. Будашкина, из Уржума депутат Законодательного собрания Кировской области Ю. И. Терешков, из Вятских Полян директор Центра повышения квалификации ИРО Н. В. Барабанова, из Кирово-Чепецка писатель О. П. Шатков, поэт А. С. Чирков, сподвижники Крупина по организации ежегодного Крестного хода на реку Великую В. Н. Соколов, Р. С. Петров, Л. М. Пантелеев, из Москвы актёр театра-студии «Слово» Г. А. Негодин, из соседнего с Кильмезью села поэт В. А. Лешуков, из Ижевска сотрудник миссионерского отдела Удмуртской и Ижевской епархии В. В. Шкляев. из Йошкар-Олы редактор литературного журнала «Литера» С. А. Щеглов и гармонист А. А. Иванов, ну и мы с Тарасовым из Татарстана. На всех мероприятиях присутствовал и принимал участие глава Кильмезского района А. В. Стяжкин. Много было библиотечных работников и педагогов из Кировской области. А рядом с самим виновником и главным объектом чтений всё время находились его любимая супруга Надежда Леонидовна Крупина, она же кандидат педагогических наук, главный редактор журнала «Литература в школе», и — на правах лучшего друга — поэт из Перми Анатолий Григорьевич Гребнев.

Пленарное заседание прошло в замечательном, просторном районном Дворце культуры.Многие из названных выше лиц там выступили. И мне довелось читать стихи, и Александр Тарасов под овации спел свою песню «Журавли» на стихи поэта Михаила Федосенко. А ещё мы увидели водевиль по рассказам А. П. Чехова «Попался», инсценировку которого написал В. Н. Крупин, и он же выступил режиссёром спектакля, а сыграли его работники Центральной кильмезской библиотеки

Нынешние чтения названы «Жизнь, как музыка». Вот какое толкование дал этому факту Владимир Вениаминович Шкляев: «Музыки на этих удивительных встречах в соловьиной Кильмези в самом деле было много. Негромкая музыка стихов, проникновенные русские песни, яркие выступления молодых на сценах. А самая любимая музыка — это родниковой чистоты и искренности слово русского писателя Владимира Николаевича Крупина. Его можно слушать и слушать, он пробуждает в сердцах самые лучшие чувства. И музей, и школьный класс, и сельский клуб расцветают от его слова, как яркий летний луг».

Что правда, то правда. Посмотришь на Владимира Николаевича сбоку — ни дать, ни взять, римский патриций! А заглянешь в его глаза, а услышишь тёплый голос, рассказывающий о чём бы то ни было простым и, в то же время, образным и ёмким народным

языком, и душа откликается радостью узнавания родного Русского мира. Под впечатлением этого взгляда, этого голоса я решился прочитать на публике и подарить потом Крупину листок с переделанным мною знаменитым стихотворением Рубцова «Добрый Филя» (да простит меня Николай Михайлович за подобное хулиганство!):

Задремавший счастливо,
На пригорушке весь,
Как рубцовское диво.
Я запомнил Кильмезь.
Здесь в избе деревянной
без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной
Николаич живёт.
Он не кормит скотину.
Но у всех на виду
Ходит в храм и в долину,
Складно дует в дуду.
Он седой и красивый.
Им гордится Кильмезь.
Мир — такой справедливый —
Только здесь!

Кильмезь и вправду гордится своим сыном и любит его. Ежегодное проведение Крупинских чтений — свидетельство мудрости народной. Местная общественность не стала ждать утраченного государством внимания к литературе, а проявила это внимание сама, осознавая, что Владимир Николаевич — единственный и неповторимый — продолжатель традиций всей русской классики, друг и соратник таких, уже ушедших от нас, современников, как Василий Шукшин, Василий Белов, Валентин Распутин, что он продолжает их праведное дело. Кильмезь тем самым подаёт пример всей России: города и веси, не ждите заботы о развитии литературы от Московского Кремля, проявите эту заботу сами! ...Несколько лет назад в Кильмези сгорел при пожаре родительский дом Владимира Николаевича. Недолго думая, местная администрация и областное начальство изыскали средства, чтобы восстановить отчее гнездо писателя в свежесосновом виде, и теперь там дом-музей писателя, а Владимир Николаевич, когда приезжает на родину из Москвы, живёт здесь да ещё и в баньке парится.

Гости чувствуют какую-то особую доброжелательность жителей Кильмези. Здешние вятские — совсем не хватские, они улыбчивые, терпеливые, привыкшие жить в согласии со всем окружающим миром. Если сказать об этом покороче — они не ропщут. Вот нет в посёлке до сих пор газа — и ладно, когда-нибудь появится, вроде уж не так далеко трубы тянут. А пока возле каждого дома — поленницы берёзовых дров. Даже храм

отапливается дровами, а котельная работает только для школы, нового Дворца культуры и двух-трёх административных зданий.

В Кильмези на меня повеяло советским прошлом. Не надо его только хулить, ведь было много хорошего! Лучше вспомнить, что писал о нашем общем прошлом незабвенный Василий Макарович: «Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком!»

Уверуй, что всё было не зря... Наши песни... Душа будто бы вновь прониклась этой нравственной правдой. А как она, душа, ликовала в деревне Рыбная Ватага, где песни звучали и звучали — и русские старинные, и незабываемые советские, и местные частушки озорные. Нарядные ядрёные бабёнки в сарафанах, пара-тройка мужичков в косоворотках да картузах, гармонист Женя, умеющий играть всё, чего душа пожелает, пели нам сначала со сцены сельского клуба, потом, сдвинув лавки да стулья, усадили нас за заранее приготовленный стол — и тут уж мы пели все вместе. В Кильмезь возвращались ближе к полуночи, при свете звёзд.

Такие же мероприятия (даже не хочется называть «мероприятиями» действа, на которых возникает душевное родство) проходили в деревнях Азиково и Малая Кильмезь. А на следующий день гости-писатели выступали перед учениками Кильмезской средней школы, потом они участвовали в работе секций библиотекарей, учителей истории, русского языка и литературы, краеведов, становились зрителями театрализованного концерта школьников «Жизнь, как музыка», побывали на выставке декоративно-прикладного творчества «Кильмезские лоскутные узоры» (автор Л. Д. Иванова), а также на выставке художника А. Селезнёва «Старая Вятка».

И как не вспомнить — Кильмезские застолья были щедрыми и хлебосольными. В обратный путь мы с Александром Николаевичем Тарасовым поехали по другому. Верную дорогу нам указал Рауф Хайдаров, житель лесной деревни Тархан. С ним мы познакомились на чтениях. Оказалось, что Рауф бывал — и не раз — в Набережных Челнах, где постоянно, вплоть до своей кончины жил его старший брат Мунавир Мухарлямович, которого мы оба знали и с которым сотрудничали — он работал директором камазовского издательства. В Тархане Рауф и его жена Роза ещё раз покормили нас и показали своё хозяйство: крепкий дом с летним пристроем, живностью, огородом, садом, и... интернетом. А за огородом — чистейшее озеро с рыбой. А в лесу — грибы, ягоды, кабаны, зайцы да медведи (мирные). Одна печаль — дети выросли да разъехались, правда, недалеко, родительский дом навещают. «Вот появятся маслята да грузди, приезжайте на пару дней вместе с жёнами»,— пригласила нас Роза. Рауф Мухарлямович проводил на своей вездеходной «Ниве» до нужного поворота на большак. По пути заехали на погост — поклониться светлой памяти ушедших.

По дороге мне вдруг подумалось, что в Кильмези и в Тархане люди живут правильной жизнью. В отличие от нас, нынешних городских...

ОТ РЕДАКЦИИ. Читайте в этом же номере «Аргамака» интервью с Владимиром Николаевичем Крупиным и его «крупинки» под общим названием «С утра пораньше», начиная со стр. 131

Николай АЛЕШКОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПЬЕСЫ И ПЕСНИ ФАЙЗИ!

Любопытство заставило меня освоить интернет, чтобы изучить те пути, которыми идут новые поколения в поиске информации. Я задалась вопросом — как услышать музыку наших классиков? Ту музыку, над которой плакали и которой восхищались наши отцы? Результаты поиска оказались плачевными. Конечно, кое-что есть. Но далеко не всё, чем мог бы гордиться татарский народ. Надо признать, что собраны по крупицам крохи, представляющие музыку Салиха Сайдашева, Мансура Музафарова, Рустама Яхина, Назиба Жиганова и Фарида Яруллина. Однако, Джаудат Файзи не удостоился этой чести. Почему? Ответа на этот вопрос не найти. Тут я пожалела, что и мы, его родственники, беспечны к его творчеству. Мы наивно полагали, что музыка, звучащая из репродукторов, сопровождаемая именем родного человека, никуда не исчезнет. Но, тревожная тенденция коснулась не только наследия, но и памяти великого татарского композитора. Его 100-летие прошло в Казани незамеченным. А жаль: оно могло бы вылиться в большой красивый праздник. Тешу себя надеждой, что начало 2020 года ознаменуется юбилейным чествованием, на котором прозвучит прекрасная музыка Джаудата Файзи.

Но так ли она прекрасна? Может быть её заслуженно забыли? Вот тут-то и возмутятся истинные целители музыки. А как же «Башмачки», ознаменовавшие собой рождение жанра татарской музыкальной комедии? Эта опера была любима не только татарским зрителем. Она переводилась на языки народов СССР и шла по всей стране: в Москве, в Киеве, в Уфе, в Улан Удэ. Успех был грандиозный. С тех пор, как «Башмачки» перестали ставиться в оперном театре им. Мусы Джалиля, прошло четверть века. Выросло новое поколение, не имевшее возможности насладиться этим шедевром татарской музыкальной классики.

А ведь молодые обращаются к творчеству Джаудата Файзи, находя в нём актуальное звучание, близкое им настроение. Оперная студия при казанской консерватории, в состав которой входят студенты и выпускники, показывали «Башмачки» на сценах БКЗ им. С. Сайдашева и татарского академического театра им. Г. Камала. Молодое поколение очень избирательно. Им невозможно навязать то, что им не нравится. Они выбирают сами. Благодаря талантливой молодёжи, музыка Джаудата Файзи зазвучала снова. В репертуаре оперной студии гениальные произведения Чайковского, Рахманинова, Стравинского, Россини, Моцарта, Пуччини. Наряду с этими всемирно известными именами, стоят имена татарских композиторов, которых выбрали молодые для своих постановок и музыку которых с гордостью исполняют. Это Салих Сайдашев, Назиб Жиганов и Джаудат Файзи.

Прошло то время, когда по радио и на телевидении звучала классика. Помню, приходя из школы и садясь обедать, мы слушали концерт «В рабочий полдень». В нём звучала классика с обязательным объявлением авторов произведений и исполнителей. Так мы получали культурное образование. А по выходным отец забирал радиоприёмник к себе в комнату и наслаждался, слушая праздничный концерт, в котором звучала татарская музыка. Папа не выходил из комнаты, пока не закончится «Ял концерты». В каждом концерте неизменно звучало имя дяди «Джаудат Файзи музыкасы». Прошло полвека с тех пор. Давно нет праздничных концертов, от которых светлело на душе от красоты татарских песен, которые часто заставляли плакать, тревожа душу печальными переливами.

Результаты поиска в интернете меня удивили. Оказалось, что очень популярен у современных исполнителей романс Джаудата Файзи «Урман кызы». Его исполняют и на курае, и на гитаре, и на аккордеоне симфонические оркестры и камерные ансамбли. Очень трогательно. Я вспомнила, как моя дочь, учась в младших классах музыкальной школы, разучивала эту нежную мелодию на маленькой скрипочке. И находились записи, песни в исполнении именитых певцов. В 1932 году, к годовщине смерти Хади Такташа Джаудат написал свой первый романс на стихи поэта. Романс сразу же зазвучал на радио, его услышали все. Тогда все узнали о молодом композиторе Джаудате Файзи. Когда Джаудат сочинил «Лесную девушку» ему было всего 22 года. Романс «Урман кызы» пережил многое и многих. Однако, не только его я обнаружила на просторах интернета. Песни «Сагыш» («Печаль») и «Яшь наратлар» («Молодые сосны») и несколько отрывков из «Башмачков». Вот и всё. А как же двести, написанных Джаудатом Файзи песен? Его музыка к драмам «Неотосланные письма», «Ходжа Насретдин», музыкальные комедии «На берегу Волги», «Чайки»?

Внучатый племянник Джаудата Файзи Виктор Файзуллин объяснил: «Нет нот. Его произведения не издавались много лет. То, что было, давно утеряно. А архив, сразу после смерти композитора передали Национальному музею РТ. Там он и хранится в фондах вместе с его роялем, которого так больше никто и не видел. И я подумала: значит, наследие маэстро можно воскресить. Ноты, написанные наспех, от руки самим композитором нуждаются в изучении и приведении в порядок. Сразу вспоминается большая работа, проделанная Сладковским и его оркестром. Созданная им антология татарской музыки восхищает и даёт надежду, что и к наследию Джаудата Файзи отнесутся достойно. Как хотелось бы послушать произведения композитора, творившего в годы зарождения профессиональной татарской музыки, в исполнении современного оркестра мирового уровня! Чтобы эта музыка потрясла современного слушателя, и все воскликнули: ай да Файзи! Так в своё время восклицали на его концертах.

И такая реликвия, как рояль, не должна простаивать в закромах музея. Хочется привлечь внимание творческой общественности к этому вопросу. Вот бы его разыскать и привести в порядок! Любой музыкант был бы рад поиграть на рояле Джаудата Файзи. Чтобы инструмент жил, на нём нужно играть. Принять участие в судьбе инструмента композитора, в первую очередь означает его реставрацию. Это естественно после полувека невостребованности.

Реликвиями стали и записи произведений маэстро. Неожиданный и бесценный подарок преподнёс мне Виктор Эмилевич Файзуллин: кассету с записью «Вечернего концерта», записанного по радио. Этот концерт был полностью посвящён произведениям Джаудата Файзи. На моё счастье дома оказался кассетный магнитофон в рабочем состоянии. Заиграла музыка. Полилась вдохновенная мелодия лирического вальса «Яз шатлыгы» («Радость весны»). В этом вальсе есть всё: и радость,

и полёт души, и грустные щемящие нотки, и молодой задор. А вот всем известная песня в ритме марша «Сегодня праздник» Написанная на стихи Тукая, она звучала в республике на каждом празднике, а теперь она знаменует собой каждый день рождения Тукая, который стал национальным праздником. Эта песня несёт необыкновенный эмоциональный подъём и воодушевление. Огромной силой воздействия обладает музыка к музыкальной комедии «Идель буенда» («На берегу Волги»). Здесь и трагизм, и сила духа, тревожные мотивы сменяются лиричностью. Марс Макаров виртуозно исполнил на баяне танцевальную мелодию. Лучшие исполнители: Флёра Сулейманова, Венера Ганеева, Хадича Гиниатова, Усман Альмиев, Азат Аббасов, Раиса Билалова, Альфия Галимова, Руслан Даминов украсили своими потрясающими голосами программу. Флёра Сулейманова исполнила песню «Гульшахида» на стихи Габдрахмана Абсалямова. Песня показалась мне необыкновенной. Я никогда раньше не слышала ничего подобного. Возможно, невероятный тембр голоса Флёры создал вокруг этой песни волшебный ореол, а трогательные слова вызвали у меня щемящее чувство. Непостижимая грусть татарских напевов стала причиной навернувшихся на глаза слёз. Услышала я и отрывки из музыкальной комедии «Акчарлаклар» и куплеты Ходжи Насретдина из одноимённой музыкальной драмы, и фрагменты из «Башмачков» и драмы «Ташкыннар» («Потоки»). Так, героическое настроение сменялось лёгкостью и нежной грустью, а восторженность шаловливливыми нотками. Гордость переполняла мою душу. Я укрепилась в своей уверенности, что творчество Джаудата абый не пропадёт, а напротив будет жить в веках также, как музыка С. Сайдашева, Ф. Яруллина и Н. Жиганова.

Про каждого из мэтров татарской музыкальной классики в энциклопедии значится слово «Первый». Действительно, на их долю выпало стать первопроходцами. Татарской профессиональной музыки прежде не было. Лишь в 1938 году композиторы, вернувшиеся после пятилетнего обучения в татарской оперной студии при московской консерватории, стали создавать невиданные ранее шедевры татарской профессиональной музыки. Это Салих Сайдашев — один из основоположников татарской профессиональной музыки, Рустем Яхин — первый татарский пианист, солист, активно занимавшийся концертной исполнительской деятельностью, Назиб Жиганов — основатель казанской консерватории, создатель симфонического оркестра, Фарид Яруллин, создавший первый татарский балет. Джаудат Файзи, к сожалению, не увидел его постановки. Но именно он — основоположник жанра татарской музыкальной комедии. Впрочем, каждый из этих музыкантов сказал своё слово в татарской культуре, а вместе они — яркое созвездие, из которого ни одна звезда не должна погаснуть.

Музыка Сайдашева, Яхина, Жиганова, Яруллина и Файзи — фундамент, на который опираются все татарские музыканты. Их забывать мы не имеем права. Это бы значило лишить будущие поколения прекрасной самобытной музыки, несущий в себе национальной колорит. С этой точки зрения чрезвычайно актуальным является учреждение фестиваля «Мирас» («Наследие»), носящий имя Назиба Жиганова. И фестивалю уже три года. Руководит им Сладковский, это тоже обнадёживает. Вот только когда вспомнят наши музыканты, что был такой композитор Джаудат Файзи? А партитуры и клавиры композитора продолжают лежать в фондах музея и ждать своего часа. Я нисколько не сомневаюсь, что этот час настанет. Хотелось бы только, чтобы это произошло скорее, к 110-летнему юбилею маэстро.

Диляра МУХАМЕДЬЯРОВА

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА ЧЕЛНИНСКОЙ ГРАФИКИ

В 2012 году в Набережных Челнах появилось объединение профессиональных художников «Мастерская графики имени Александра Халдеева». Это событие открыло новую страницу в художественной жизни города, в которой ощущался недостаток специалистов, преданных искусству печатной графики.

Инициатором создания и руководителем объединения стал Марат Искандарович Мингалеев — график, член творческого союза художников России в Республике Татарстан, член Ассоциации искусствоведов (АИС), заместитель директора Набережночелнинской картинной галереи.

Марат Мингалеев вдохновляет и объединяет молодых художников, выпускников высших учебных заведений города. Настоящий энтузиаст, всегда готовый прийти на помощь и поделиться секретами мастерства, он без устали тратит свои силы и вдохновение на развитие редкого в нынешних художественных кругах искусства эстампа.

Заканчивая в своё время Набережночелнинский государственный педагогический институт, Марат выполнил дипломную работу в технике офорта под руководством Александра Валерьевича Халдеева (1959–2011). И в память об учителе, замечательном педагоге и художнике, внёсшем достойный вклад в историю графического искусства Республики Татарстан, он создал творческое объединение его имени.

С первых же шагов коллектив «Мастерской» получил поддержку со стороны неформального творческого объединения художников и искусствоведов «Казанский графком» во главе с Александром Артамоновым. Пропагандируя искусство печатной графики, «Графком» развернул широкую выставочную деятельность, наладил контакты с российскими и зарубежными центрами графики, привлёк к сотрудничеству как опытных, так и молодых мастеров печатного искусства из разных городов республики.

В 2015 году челнинских художников пригласили в творческую мастерскую «ОСТРОВ» Поволжского отделения Российской академии художеств и творческого союза художников России, расположенную на острове-граде Свияжске. Здесь они встретились с итальянским мастером ксилографии Роберто Джанинетти, лауреатом II Казанской биеннале печатной графики. Под его руководством Айгуль Мунирова, Гузель Исаева, Рушания Шайхутдинова, Регина Иксанова и Марат Мингалеев осваивали технические приёмы коллаграфии — малоизвестной у нас разновидности эстампа. Джанинетти увлёк молодых художников новым подходом к традиционным техникам и продемонстрировал им роль эксперимента в процессе создания эстампа.

Техника коллаграфии, название которой отсылает нас к коллажу, позволяет совмещать в одной работе различные приёмы и методы печатной графики. При подготовке печатной формы в ход идут трафареты и шаблоны, подручные материалы типа кусочков ткани и фактурной бумаги. Прежде чем оттиск примет свой конечный вариант, он несколько раз проходит через печатный вал офортного станка. Художник может вмешаться в задуманную композицию, изменить цветовое решение, внести необходимые акценты, обогатить фактуру листа. В итоге рождается уникальное в своём роде произведение, напоминающее процессом своего создания музыкальную импровизацию.

Таким образом, наряду с традиционными техниками линогравюры, офорта, гравюры на картоне, сухой иглы и монотипии у челнинцев появилась в арсенале новая техника, которая на сегодняшний день стала ведущей в их творческой деятельности.

Помимо общения с Роберто Джанинетти художники участвовали в мастер-классе шведского графика Яна Бертиля Андерсена, обладателя гран-при II Казанской

Встреча с Роберто Джанинетти

биеннале печатной графики, который поделился с ними тонкостями композиционного решения и исполнения таких простых на первый взгляд техник, как монотипия и флоротипия.

Мастерская «ОСТРОВ» дала возможность челнинским графикам погрузиться в культурную среду и самого Свияжска, а впечатления от посещения древнего острова-града послужили им в дальнейшем материалом для создания работ в двух проектах — «Постижение. Свияжская уха» (2015) и «Дом. Свияжский дом» (2017).

Затем процесс изучения и освоения печатных техник привёл молодых художников в Санкт-Петербург, где они участвовали в групповом мастер-классе (workshop), проходившем в Графическом кабинете Центрального выставочного зала «Манеж» и Школе печатной графики на Песочной набережной. Кроме того, челнинцы посетили мастерские художников-графиков Михаила Карасика, Михаила Городецкого, Юрия Штапакова и Натальи Сердюковой. Питерские мастера продемонстрировали гостям свой опыт в работе над литографией, офортом и в создании «книги художника».

В прошлом году по приглашению А. Артамонова Марат Мингалеев в составе «Казанского графкома» экспонировал свои работы на выставке «Казанский палимпсест» в небольшом городке Верчелли в Италии, где было представлено современное искусство печатной графики Татарстана. Экспозиция открылась в рамках международной творческой мастерской «Верчелли — Казань: взаимопроникновения и взаимовлияния в современном искусстве печатной графики», инициатором и куратором которой выступил Роберто Джанинетти. Темой для гравюр, которая была предложена художникам, стал средневековый Верчелли с его богатейшим историческим и культурным наследием. На итоговой выставке арт-проекта «SulSakro/Сакральное» были представлены работы мастеров графики из Италии, Польши и России.

В дальнейшем челнинцев заинтересовали международные проекты, объявленные в Польше: International prints exchange «Poza Kontrola/Beyond Control» (Международный обмен гравюрой «Вне контроля / Beyond Control»), организованный Академией изящных искусств из Вроцлава, и фестиваль «Apple/Art/Festival» («Яблоко/

Искусство/Фестиваль»), состоявшийся в городке Белхатув. Это вдохновило художников на создание открыток в технике тиражной графики. От каждого участника на конкурс было отправлено несколько работ: одна из открыток экспонировалась на выставке, а остальные были разосланы организаторами другим участникам. Подобные арт-проекты дают художникам возможность не только коллекционировать открытки, но и быть в русле тенденций развития этого направления в графическом искусстве.

Интерес челнинских художников к созданию современной открытки в авторском исполнении не случаен. Уже не первый год ведётся работа по созданию «челнинской открытки» в качестве сувенира, отражающего национальный колорит. Идею подала дизайнер Валерия Цинк, которая в своих поисках остановилась на татарских благопожеланиях. Марат Мингалеев создал ряд открыток на основе татарского песенного фольклора. Став участниками арт-проекта «Булгары — территория мира» (2017), художники из «Мастерской графики имени Александра Халдеева» в сюжетном решении своих открыток, оттиски которых были выполнены в техниках линогравюры, сухой иглы и гравюры на картоне, использовали мотивы археологических артефактов и символов тюркской культуры.

Молодой коллектив активно познаёт тайны печатного дела и охотно делится своим опытом с поклонниками графического искусства. Под руководством Марата Мингалеева состоялись такие серьёзные тематические проекты, как «Моабитская тетрадь» по стихам Мусы Джалиля; «Марина Цветаева о любви и жизни»; «Слово и образ в шамаиле. Леттеринг», посвящённый дню рождения Габдуллы Тукая; «Игра в буквы», ставший попыткой синтеза поэзии и графики. Все они прошли в Набережночелнинской картинной галерее, где открылся «Кабинет эстампа». Новая творческая площадка собрала в своих стенах как профессионалов, хорошо знакомых с искусством графики,— преподавателей художественных школ и вузов города, дизайнеров, искусствоведов, так и студентов художественных факультетов, а также просто любителей

Этнотусовка

hand-made, впервые пробующих себя на графической стезе. Результаты прошедших проектов экспонировались на тематических вернисажах.

Мингалеев. Набережная старого города. Линогравюра. 2017

Серьёзные творческие намерения художники «Мастерской» подтвердили своим участием в таких значительных проектах, как Казанская международная биеннале печатной графики «Всадник», Елабужская международная триеннале экслибриса, биеннале-фестиваль графики «УРАЛ-ГРАФО», Уральская международная триеннале печатной графики.

Трое из них, члены творческого союза художников России, удостоились престижных наград: Марат Мингалеев получил премию имени Александра Туманова за вклад в развитие графического искусства в Республике Татарстан, а Гузель Исаева и Айгуль Мунирова стали лауреатами премии Российской академии художеств.

При поддержке казанского «Графкома» в 2015 году состоялось важное событие в истории «Мастерской» — коллективная выставка работ в Галерее современного искусства Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан. Опыт совместной выставочной деятельности позволил художникам посмотреть на своё творчество со стороны, услышать оценку коллег и зрителей, почерпнуть новый импульс к творческим поискам. И, самое главное, данная выставка стала серьёзной заявкой на дальнейшее развитие нового творческого коллектива.

Его безусловный лидер Марат Мингалеев проводит огромное количество мастер-классов по печатной графике для школьников и студентов как в городе, так и регионе. Среди них более всего хочется отметить художественно-образовательные проекты для учащихся Детской школы искусств, нацеленные на рост молодого поколения графиков.

Своё первое творческое пятилетие художники отметили отчётной выставкой, название которой было обозначено цифрой «5». Эти пять лет были периодом становления художников на серьёзную творческую стезю по сохранению, развитию и популяризации искусства печатной графики, поиску собственной стилистики, освоению различных техник печати. Хочется пожелать им новых творческих успехов и профессиональных открытий, встреч с интересными мастерами графики, плодотворных выставок и проектов, и конечно, пополнения рядов «Мастерской графики имени Александра Халдеева»!

Елена ПАРЩИКОВА

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

«Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ...»

ЧЕЛНИНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Уверена, среди музыкантов Набережных Челнов и тех, кто любит музыку, не встретишь человека, не знающего молодую талантливую певицу, выпускницу Набережночелнинского колледжа искусств Ольгу Лахнову. Сегодня она учится в одном из лучших творческих вузов страны — Российской академии музыки имени Гнесиных.

Познакомилась я с Олей несколько лет назад. Мы вместе участвовали в литературно-музыкальной программе «Рождественские святки», которую для челнинцев подготовили Татарстанское отделение Союза российских писателей, возглавляемое Николаем Алешковым, и ансамбль народных инструментов «Наигрыш» под руководством Николая Фёдорова. В программе того памятного вечера, состоявшегося на сцене Органного зала, прозвучали шедевры классической и народной музыки: музыкальная иллюстрация Г. Свиридова к повести А. С. Пушкина «Метель»; русская народная «Калинка» в исполнении «Наигрыша»; ария Снегурочки из одноимённой оперы Н. Римского-Корсакова — её блистательно спела Людмила Филиппова (сопрано). Впервые я тогда услышала Сергея Бабича (бас), он так ярко — от души — преподнёс русскую народную песню «Вдоль по Питерской», что мне подумалось: «Не оскудели голоса России, вот — современный Фёдор Иванович Шаляпин». И молодой тенор Владимир Аюпов не отстал от старших товарищей, с неподдельным азартом спел «Коробейников». Зимняя нота поэзии прозвучала в стихах Николая Алешкова, Веры Хамидуллиной, Олега Лоншакова, Ксении Лариной. Я тоже читала. Колядовали на сцене и дети — участники фольклорного ансамбля «Крупеничка» школы искусств. Не обошлась новогодняя программа и без экспериментов: впервые в сопровождении ансамбля «Наигрыш» прозвучали авторские песни Елены Емалтыновой, и мне посчастливилось под «народный аккомпанемент» спеть свою. Этот опыт эклектики музыкальных жанров состоялся благодаря Николаю Фёдорову — он аранжировал наши мелодии, сочинив и расписав для каждого инструмента ансамбля оригинальную партию, и «обновлённые» песни тепло приняла челнинская публика.

Казалось, искушённого зрителя уже невозможно было удивить необычными номерами, яркими театральными костюмами. Надо заметить, каждый из участников выходил на сцену в каком-либо народном образе: мне, например, выпало нарядиться столбовой дворянкой, Вере Хамидуллиной, как она сама пошутила,— Сватьей бабой Бабарихой. Да что говорить, на сцене, под новогодней елью даже конь в пальто сидел!.. Однако когда в конце программы вышла хрупкая Снегурочка в серебристо-синем

русском сарафане, застенчиво улыбнулась и, вникнув в образ, задорно спела звонким, но в то же время пронзительно нежным голосом «Ой, снег-снежок, белая метелица», зал зааплодировал и с криками «браво» встал. Потом по рядам полетел шепоток: те, кто впервые услышал юную Ольгу Лахнову, с восторгом переспрашивали: «Откуда такая красавица?» И ещё больше удивлялись и уже гордились, узнав: «Наша, челнинская».

С тех пор мы довольно часто встречались с Олей на различных городских мероприятиях, и всякий раз мне глубоко импонировали и её манера исполнения народных песен, в которой сочетаются душевно тонкое, некрикливо народное и благородно академическое пение; и Олина застенчивость и простота, добросердечная открытость в общении. Наблюдая за стремительным певческим ростом девушки (не специально, конечно, а по случаю), я видела трепетное, как к дочери, и уважительное, как к высокому профессионалу, отношение к ней руководителя ансамбля «Наигрыш» Николая Фёдорова. Читала искреннее восхищение в глазах председателя общественной организации «Набережночелнинское Русское общество» Анатолия Рябова и его заместителя Сергея Воробьёва — они, почитатели русской народной песни, стали инициаторами и приняли самое активное участие в организации сольного вечера Оли в концертном зале имени Сары Садыковой.

Вот и Денис Саттаров, первая скрипка знаменитого камерного оркестра Игоря Лермана, однажды сказал: «Как только Ольга запоёт первый звук, она сразу улетает в особый мир и увлекает слушателей за собой». И компетентная вокалистка-народница, преподаватель вокала, руководитель Народного хора ветеранов имени А. И. Краснова при ДК «Энергетик» Олеся Шимон, с которой я хорошо знакома, высоко отзывается о «Богом поцелованной девочке».

Знаю, что Ольга Лахнова в свои двадцать два уже является обладательницей Гран-при VI Республиканского конкурса «Русская песня. Молодые голоса», лауреатом международных и Всероссийских конкурсов; что с отличием окончила Набережночелнинский колледж — вокальное отделение у педагога Ирины Булатовой и поступила учиться в московский вуз. Мне всегда было чрезвычайно любопытно разузнать об Ольге побольше, но не будешь же перед концертом или после приставать с расспросами.

Мне повезло: после презентации юбилейного — 25-го номера — литературного журнала «Аргамак», его главный редактор Николай Алешков обратился с просьбой: «Напиши о нашей челнинской чудесной певице Оле Лахновой». Конечно же, я с радостью согласилась, а оказавшись в Москве, договорилась с Олей об интервью.

ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

Российская академия музыки имени Гнесиных находится в центре Москвы. Рядом — Центральный дом литераторов, знаменитый по роману Толстого дом Ростовых, недалеко — Центральный дом архитекторов. Напротив Академии — скверик с памятником И. Бунину. В десяти минутах ходьбы — музей М. Цветаевой... Много раз мне доводилось проходить мимо музыкального храма. А ныне иду именно в этот вуз, о котором знаю давным-давно, о котором мечтают многие музыканты.

Лишь только я переступила порог огромного четырёхэтажного особняка советской эпохи (главная часть академии была построена в 1946 году и стала первым в Москве зданием, предназначенным специально для вуза), как на меня обрушился поток различных звуков: говорящих и поющих голосов, какофония играющих инструментов. В фойе — многолюдно: закончились дневные занятия. Я остановилась у электронного турникета, перекрывающего проход к парадной мраморной лестнице. У меня не было пропуска в учебное заведение и, чтобы не беспокоить охрану, мы с Олей по телефону договорились встретиться у гардероба.

Среди снующих туда-сюда студентов, я увидела знакомое лицо. Девушка легко сбежала по лестнице, словно порхающая птичка-малиновка. Пышные вьющиеся волосы собраны в тугую косу. Поверх строгого платья на плечи накинут уютный павлопосадский платок. Увидев меня, Оля широко улыбнулась, её большие синие глаза заискрились радостью.

Приют для разговора мы нашли в просторной столовой.

— Я так волнуюсь,— смутилась Оля, когда мы «приземлились» за свободным столиком у окна,— первый раз в жизни пришла на интервью.

— Я тоже волнуюсь, хотя далеко не первый раз... так, словно перед выходом на сцену.

— Да, и правда, как перед сценой.

— Значит, справимся, к выступлениям-то не привыкать.

— К сцене невозможно привыкнуть,— растерянность в глазах Оли улетучилась. И уже серьёзно, но всё с той же очаровательной улыбкой на пухлых губах — они как будто не умеют не улыбаться, девушка сказала: — На сцену выходишь подготовленная, с определённой задачей...

— У нас тоже задача — познакомиться поближе. Изучаемый материал вы знаете. А решать будем с помощью импровизации. Ладно?

— Ладно,— с облегчением выдохнула студентка.

Чтобы никто нам не помешал — не уселся на свободные места за наш столик, мы с Олей поставили на стол свои сумки, обозначили, словно заборчиком, необходимое нам пространство. Наша уловка сработала: рядом оказался молодой человек, бросил взгляд на два невостребованных стула, спросил:

— Вам не нужны?

— Нет,— ответила я.

Он подхватил лёгкую пластиковую добычу и унёс к столику, за которым собралась компания из шести человек. А мы с Олей, отгородившись от бурлящего мира столовой, спокойно приступили к разговору.

— *Оля, расскажите, пожалуйста, о своей семье. Вы коренная челнинка?*

— Я родилась в Набережных Челнах, а мои дедушка и бабушка, родители мамы, из Зеленодольска. Дедушка Анатолий Григорьевич Коротков работал там начальником цеха на судостроительном заводе им. А. М. Горького. В 1983 году он с женой Диной Валиахметовной приехал в Набережные Челны. Их дочь Елена вышла замуж за Игоря Лахнова, и появились мы с сестрёнкой Полиной. Я старшая. Папа с нами давно не живёт, он ушёл, когда мне было пять лет, так что я его помню плохо. А мама у меня замечательная — она не просто мама, а настоящая подруга. Имея образование педагога-психолога, она работает в Набережночелнинской коррекционной школе для детей с тяжёлыми нарушениями речи. Семья наша очень дружная, мы и сегодня живём все вместе.

— *Вы родились уже после того, как распался Советский Союз, когда познавательные музыкальные программы советского телевидения стали вытесняться западной и доморощенной поп-музыкой. О народной песне и вовсе стали забывать. Современные молодые люди не вспомнят даже названий музыкальных телепередач, которые были популярными ещё до середины 90-х. Например, старый добрый «Музыкальный киоск» — он*

знакомил нас с новинками грамзаписи. Слава Богу, ещё жива «Играй гармонь» — пожалуй, единственная сегодня передача о народном музыкальном творчестве... Оля, кто вам привил любовь к народной песне? От кого вы унаследовали певческий голос?

— Кроме дедушки, в семье никто не поёт. Это он подарил мне свою любовь к музыке... Знаете, когда в семье есть бабушка и дедушка, они создают какое-то особое тепло, передают, если так можно сказать, эстетику старой школы, которая в чём-то далеко не современная, но очень душевная. Да, когда я росла, по телевизору уже не показывали те передачи, что вы назвали. Но у дедушки — много музыкальных пластинок. Мы и сейчас их проигрываем. И когда я была маленькой, с дедушкиных пластинок впервые услышала Лидию Русланову и Ивана Суржикова. Дедушка любит русские народные песни в их исполнении. Слушая их, я запоминала мелодии и слова, подпевала. Дедушка радовался и говорил: «Может, хотя бы ты у нас запоёшь». Именно дедушкины пластинки стали первым глубоким впечатлением, которое повлияло на мой выбор. А когда мне было лет пять, взрослые купили видеомагнитофон и поставили кассету с безумно популярной в конце 90-х Надеждой Кадышевой. Увидев её наряды, я, пожалуй, впервые подумала: «Так же хочу — в красивых платьях на сцене».

Дома звучала и классика: Чайковский, Свиридов... Классическая музыка была вместо колыбельных и, наверное, отложилась на подкорку. Теперь я всё, что слышала в детстве, очень люблю.

— *Получается, в семье — вы единственный музыкант?*

— Нет, моя сестрёнка окончила музыкальную школу № 5, ту же, что и я. Только я училась на хоровом отделении, а она — в классе фортепиано, и сейчас она студентка педагогического колледжа, музыкально-педагогическом факультета.

— *Оля, а кто в школе у вас вёл специальность?*

— Ирина Сергеевна Булатова. Знаете, как интересно получилось. Я окончила музыкальную школу, когда училась в седьмом классе общеобразовательной. Решила поступить в училище, но туда на базе семи классов не принимали. Тогда, продолжив учёбу, я пошла на подготовительные курсы училища. Но и после восьмого класса на вокальное отделение не брали... Но мне повезло: Ирина Сергеевна пришла работать в училище. Она не народница, но окончила курсы повышения квалификации и самостоятельно изучала основы и особенности народного пения. В общем, в виде исключения, меня приняли на год раньше на первый курс вокального отделения.

Поскольку в училище было только две студентки-народницы — я и Даша Тараканова (первая выпускница, нынче она уже окончила институт культуры в Москве), — то народного хора, обязательного для нас предмета, не было. Зато был академический «Религаре»[1] — из студентов дирижёрско-хорового отделения. И вот я оказалась перед выбором: либо посещать занятия народного хора ветеранов при ДК «Энергетик», либо академический хор училища. Честно скажу, не очень хотелось заниматься с ветеранами, и я выбрала академический. И не пожалела. Руководитель хора Валентина Васильевна Шантарина — очень светлый человек, на её занятиях всегда получаешь позитивный заряд. Мне и сегодня помогают её добрые напутственные слова о том, что искусство — это служение людям.

Уже учась в Гнесинке, я оценила то, что мне дали первые педагоги, прежде всего — навыки звукоизвлечения, и, конечно, я благодарна учителям за то, что направили меня на осознание и выбор собственной творческой позиции. Не так давно, прочитав книги Константина Станиславского, я только укрепилась в ощущении искусства в себе.

[1] Religare (лат.) — воссоединять, в смысле восстановления связи между человеком и Богом

— *Оля, а что вы считаете главным в пении?*

— Когда училась в училище, думала, что главное — душа. Только душа, природа и слух подсказывают, как надо петь. Отчасти это верно, но знание вокальной техники позволяет быстрей справиться с какой-либо песенной задачей. В жизни вокалиста бывают такие ситуации, когда навыки выручают. Кроме того, именно знания и владение техникой помогают воплотить в песне твою собственную душу и довести мысль произведения до слушателя, прожить образ, отключиться от ненужных мыслей и выйти на какую-то сверхзадачу, настроиться на песню, стать её проводником.

— *А бывали такие случаи, когда владение вокальной техникой выручало?*

— Буквально вчера. Меня пригласили выступить с фольклорным ансамблем на празднике, который проходил на улице. И знания, как лучше петь в таких условиях, как посылать звук, помогают сберечь голос, не травмировать связки. Иногда приходится петь, когда не совсем здорова, тут тоже выручает техника. Более того, с помощью техники можно запустить такие процессы, которые будут способствовать быстрейшему выздоровлению. За счёт этого голос меньше изнашивается, открываются его новые возможности, о которых раньше и не догадывалась, а значит, можно шире раскрываться в творческом плане. У меня, например, увеличился диапазон. Бывает так, что какие-то ноты в голосе у вокалиста от природы есть, но без определённой техники — то получится их взять, то нет... Всё это безумно интересно, полезно и увлекает.

— *Мне самой это очень интересно. А что нужно, чтобы взять, например, низкую ноту? Сможете объяснить так, чтобы стало понятно читателю, не знающему вокальную технику и терминологию.*

— Попробую. Прежде всего, надо открыть «купол»... — Оля засмеялась и на короткое время задумалась. — Ну, это как бы зевнуть... и послать звук в самую высокую точку нёба... при этом важно держать пресс, низкий грудной звук и, если так можно выразиться, соединить эти две точки...

— *Помню, когда у меня соединились эти две точки, мне показалось, я превратилась в трубу... удивительное ощущение.*

— Вот-вот, самое правильное ощущение! Я сама у себя долго это искала. А когда вдруг почувствовала, что нашла, так обрадовалась!.. У меня сопрано, но умение брать свои же низкие ноты, важно. Когда я выступала в Сергиевом Посаде с оркестром, с Государственным ансамблем музыки и танца «Садко» при Московской областной филармонии, мне пришлось подменить солистку, а у неё — альт. Естественно, оркестр играл в её тональности. Вот тут и выручила моя находка собственных низких нот, которыми раньше не умела пользоваться, и получилось создать нужный образ. Это просто счастье!

— *Оля, вы участвовали в различных вокальных конкурсах. Помните самый первый, когда он был? Как проходил? Что вы чувствовали?*

— Первый раз участвовала в конкурсе в 2007 году, будучи ещё школьницей. В Иваново проходил конкурс исполнителей народных песен. Я тогда специально готовила народный репертуар. Заняла второе место. После этого конкурса педагог начала со мной заниматься только в народном стиле. С тех пор у меня никогда не возникало сомнений, что народная песня — это моё. Я училась с радостью, мне безумно хотелось красиво петь. Остро поняла, как будто зов души почувствовала: при первой же возможности буду поступать в училище. А когда в 2008 году познакомилась с ансамблем народных инструментов «Наигрыш» и первый раз с ним спела в Органном зале, тогда поняла, что не просто хочу научиться петь, а связать с музыкой, с песней свою жизнь.

— *Десять лет назад...*

— Ой... — Оля всплеснула руками, весело рассмеялась. — И правда! Уже 10 лет мы вместе с «Наигрышем»! Я даже дату самого первого выступления помню: 24 декабря

2008 года. Николай Прокопьевич Фёдоров готовил тогда с коллективом программу «Очарованный странник». Я пела две песни. Так началось наше сотрудничество. И я поверила, что если делать всё, что от тебя зависит, то обязательно сбудется то, о чём мечтается. «Наигрыш» помог мне сдать государственные экзамены в училище. Наше сотрудничество с ансамблем сложилось для меня счастливо.

— *А когда был первый сольный концерт, за который вы получили первый гонорар?*

— Такой концерт состоялся 6 декабря 2014 года, в Набережных Челнах, в Концертном зале имени Сары Садыковой. О, это такой великий труд — организовать и провести концерт. Я тогда первый раз с этим столкнулась: зрителей собрать, билеты продать, чтобы оплатить аренду, работу звукооператора, светооператора... И чтобы всё получилось, мои родные, все друзья купили билеты, никому никаких льгот. Я чувствовала неловкость, но спасибо всем, кто меня поддержал! Прежде всего, Набережночелнинскому русскому обществу. Большой поддержкой для меня оказалось участие баяниста Наиля Амировича Мухаметзянова, он является концертмейстером театра танца «Булгары», но пока я училась в училище, аккомпанировал и мне. Благодарна и Николаю Прокопьевичу Фёдорову, он с «Наигрышем» делает удивительно красивые оркестровки песен, находит необычные произведения, у него особое музыкальное чутьё... Его бы сюда, в Москву!.. Раньше он сам для меня что-то искал, теперь я привожу песни, которые мы разучиваем с ансамблем.

Первый сольный концерт нас окрылил, и Ирина Сергеевна Булатова предложила дать концерт в городе Белебее, в Башкортостане, где она когда-то работала. С организацией помог Павел Николаевич Крылов, руководитель оркестра русских народных инструментов Центрального дворца культуры Белебеевского района.

— *А почему вы решили получить высшее образование в Москве?*

— У меня не было сомнений, что буду поступать в вуз. Вот только в какой?.. Думала об Оренбурге — там очень мощный народный хор. Думала о Самаре — там получила образование Ирина Сергеевна. Были мысли и о Саратове — там сильная хоровая кафедра. О Москве тоже думала, но были сомнения, поступлю ли, здесь такой большой конкурс...

— *И всё-таки, решились — сюда?*

— Даже не знаю, как рассказать... сыграли роль и мечта, и... мистика. Когда училась на третьем курсе колледжа, пригласили выступить с «Наигрышем» и хором ветеранов, которым руководил Шамиль Исламович Мухаметгалиев, в ДК «КАМАЗ». Мы благополучно отрепетировали. А во время концерта, когда Шамиль Исламович аккомпанировал хору на баяне, у него остановилось сердце. Он умер прямо на сцене. У меня был шок... Через несколько дней Шамиль Исламович мне приснился, как будто позвонил по телефону. Я во сне удивилась: «Как же вы звоните, вы же умерли?» — А он: «Я ушёл легко... Оля, всё у тебя будет хорошо, только поступай учиться в Москву»...

В феврале, перед окончанием училища, мы с Ириной Сергеевной приехали в академию на день открытых дверей, я первый раз прослушалась у здешних педагогов. Мне понравилась атмосфера вуза. Душа будто встрепенулась. Здесь прекрасная народная школа... Но мне казалось, что девушке из провинции попасть в Гнесинскую академию просто нереально. Однако сюда уже тянуло, и в марте мы с мамой ещё раз приехали. И ещё раз я прослушалась, уже индивидуально у профессора Владимира Алексеевича Бурлакова. После второго прослушивания у меня появилась вера: поступлю...

— *Оля, я думаю, тем, кто соберётся поступать в творческий вуз, интересно узнать, как проходят вступительные экзамены? Какие предметы вы сдавали?*

— Первый экзамен — специальность, как и в любой творческий вуз. Я пела два произведения: «Вы куда летите, лебеди» (музыка Аверкина) и русскую народную песню в обработке Новикова «По улице мостовой». Одну песню исполняла а´капелла[1], другую с аккомпанементом. Перед экзаменом была единственная встреча с концертмейстером Виктором Ивановичем Маляровым, который сразу мне очень понравился, и потом, когда стала учиться, он оказался моим постоянным концертмейстером. Он прекрасно играет на баяне, на рояле, с ходу подбирает любую песню в нужной тональности... На экзамене меня спросили, подавала ли я документы ещё в какой-нибудь вуз, сейчас ведь можно основные документы отдать в один вуз, а копии — в другие, чтобы подстраховаться. Честно ответила «нет». Я на самом деле не думала, что надо подстраховаться. Мечтала об этом вузе и решила: сделаю всё, что от меня зависит, и будь что будет.

Второй экзамен — сольфеджио. Готовилась серьёзно. Слушала музыкальные диктанты, тренировалась определять тональности, — у меня хороший музыкальный слух, но не абсолютный. Зато, готовясь к экзаменам, обнаружила, что слух поддаётся тренировке: я научилась определять тональности мелодий с закрытыми глазами.

Третий экзамен — коллоквиум. Нас предупредили, что могут спросить о чём угодно, не только о музыке: о каких-то исторических событиях, о литературных произведениях. Забавным мне показался вопрос о том, кем был Ленин. Не думаю, что многие абитуриенты сейчас не знают ответа, но, говорят, некоторые отвечают, что Ленин — композитор. Спросили, кто из народных певиц мне близок, и я ответила Русланова и Зыкина. Людмила Зыкина мне нравится своей трактовкой песен — академически-народной. А Русланова — артистизмом... Конечно, мне нравятся и другие певицы, но эти — великие — для меня на первом месте. Расспрашивали, откуда я приехала, чем интересен наш город. Ну, тут уж я отвечала спокойно и с гордостью... В общем, на коллоквиуме получила из возможных 100 баллов 100. И специальность я сдала на 100, сольфеджио на 95. После музыкальных экзаменов мне сказали, если русский язык и литературу так же хорошо сдам, то меня примут на бюджетное отделение.

— *И как, удалось поступить на бюджетное?*

— Удалось, хотя по русскому языку был безумно сложный диктант. Мне было очень трудно, ведь как предмет, русский язык я не изучала с первого курса колледжа,

[1] А´капелла — вокальная партия (произведение), исполняемая без музыкального сопровождения.

потому что после 9-го класса в программе его нет. Пришлось готовиться самостоятельно. За диктант я получила 71 балл. Экзамен по литературе был в виде теста — это несложно, сдала на 97 баллов. И так получилось, что из всех поступавших в тот год в вуз, я набрала самое большое количество баллов, и оказалось первой в списке зачисленных. До последнего не верила, пока не увидела приказ.

— *У какого мастера вы учитесь теперь?*

— По специальности — у Светланы Конопьяновны Игнатьевой, заслуженной артистки Российской Федерации, профессора, художественного руководителя Государственного академического Северного русского народного хора. Знаете, тут тоже не обошлось без провидения. На последнем курсе училища я открыла для себя молодую певицу Татьяну Семушину, мне очень понравился её глубокий обволакивающий голос и удивительно выразительная мягкая манера пения. В одном из интервью певицы прочла, что она от всего сердца благодарит своего педагога Игнатьеву. Я подумала: «Вот бы и мне учиться у этого мастера». Подумала и забыла...

В самый первый день учёбы в вузе было распределение. Среди педагогов я увидела Светлану Конопьяновну. Сердце дрогнуло: «О, это сама Игнатьева!» И вдруг объявляют: «Лахнова — у Игнатьевой»!.. На первом уроке я безумно волновалась... на занятиях Светлана Конопьяновна стала раскрывать мой голос, и у него обнаружились новые краски... Когда я узнала, что Светлана Конопьяновна ровесница моей бабушке, удивилась: «Северный народный хор» базируется в Архангельске, и она постоянно туда-сюда летает; здесь у неё много студентов. А ей столько лет! При этом голос у неё необыкновенно красивый, свободный, бархатистый, низкий, будто лежит на груди, кажется, она совершенно легко поёт... А ещё в ней удивительно сочетаются доброта и честность. Для меня она — пример настоящего человека творчества.

— *Вы учитесь на третьем курсе Академии, у вас началась педагогическая практика. Нравится ли вам работа учителя?*

— Нравится. Ответственно и интересно. Преподавательская работа даёт возможность самой чему-то научиться. Мой руководитель по педпрактике Наталья Васильевна Хлынина, доцент, преподаёт и в академии, и в колледже, дала мне свою ученицу Малику Сергалиеву, талантливую девочку 16-ти лет... Занимаюсь и с одним мальчиком. И тут, можно сказать, вмешался случай. В одном из концертов я выступала с северными частушками и сама себе аккомпанировала на балалайке. Среди зрителей оказалась семья Кононовых — родители и сын. Они — из Архангельска, любят «Северный русский хор», сейчас живут в Москве, но север остался для них родным. После концерта разыскали меня в академии и попросили заниматься с их сыном Андреем. Боже, мне казалось, сама ещё мало что знаю, а тут — мальчика учить. А этот мальчик — и на трубе играет, и на танцы ходит, и в театральной студии — звезда. И мультфильмы «Фиксики» озвучивал, пока у него был детский голос. Потом голос мутировал, стал низким. Сейчас Андрею 14 лет. Вот вместе с ним тоже начала учиться преподавать. И снова открытия: объясняя какие-то моменты, сама стала лучше понимать вокальную технику. А когда у ученика начало что-то получаться — это такая радость! Впервые ощутила в себе какое-то новое чувство уверенности. Начала лучше понимать своих учителей: почему и за что тебя ругали, что от тебя требовали. Иногда даже кажется, что говоришь словами своих педагогов. Сейчас мы с Андреем готовимся к конкурсу «Звучит Москва».

— *Дай Бог удачи вам и вашим ученикам.*

— Спасибо.

— *А сами планируете участвовать в каких-либо новых проектах?*

— Я познакомилась с интересным молодым композитором Святославом Оводовым. Он студент третьего курса кафедры композиции и инструментовки, отлично владеет

фортепиано. Нам интересна идея сочетания народной музыки с современными исполнительскими, композиторскими поисками, которые привносят молодые музыканты. В настоящее время мы со Святославом готовим совместный номер для концерта из цикла «Народная песня: из прошлого в будущее», посвящённого творчеству народной певицы Александры Ильиничны Стрельченко. Идея проведения таких концертов принадлежит академии. А вот номер — песню из репертуара Александры Стрельченко «Я люблю эту землю» (Е. Птичкин — В. Харитонов) — мы со Святославом задумали сами. Надеюсь, наш эксперимент, который заключается в соединении народной музыки с классической и с импровизацией, получится. Мне кажется, не свойственные типичной народной песне музыкальные обороты, гармонические решения, могут расширить восприятие слушателями народной музыки; голосу дать возможность проявиться как-то по-новому и раскрыть глубину самой песни — ради чего она создана и живёт, её философию, логику. Ведь песня — часть мира, и сама — целый мир. Хочется этого проникновения.

Намечается ещё один серьёзный проект: первый раз буду участвовать в конкурсе по общему фортепиано. Мой первый педагог по фортепиано в детской музыкальной школе № 5 Лилия Закиевна Гайнуллина всегда верила в меня. Именно она терпеливо разучивала со мной гаммы, этюды, ставила каждый пальчик. Лилия Закиевна умела поддержать, настроить на преодоление трудностей, создать атмосферу добра.

Сейчас фортепиано преподаёт Татьяна Александровна Рязанцева. Она мне подарила любовь к игре на этом инструменте, я вдруг поняла, что у меня получается. Это вдохновляет. Я раньше и предположить не могла, что от игры сложных пьес Грига и Дебюсси когда-нибудь буду получать такое удовольствие. Мне всегда казалось, что главное в освоении фортепиано — всё сдать «без хвостов». Оказывается, от учёбы, от исполнения произведений можно получать большую радость!.. Я счастлива.

— *Оля, сейчас вы живёте в огромной шумной Москве. Подружились ли вы с ней — с той, которая «слезам не верит»?*

— Да, Москва суетный город. Когда я приехала, она, конечно же, восхитила меня размахом, но и насторожила: смогу ли я со своим спокойным характером ужиться с ней? Казалось, Москва меня сметёт, не выдержу её ритма, шума, суеты. Потом я стала привыкать. Потом появилась привязанность. А теперь понимаю, что люблю. Любовь родилась далеко не с первого взгляда, но любовь — настоящая. Иногда кажется, Москва всегда была во мне, просто я не знала, не находила её в своей душе.

Люблю и Набережные Челны, но теперь, когда приезжаю, мне не хочется просто отдыхать, а хочется что-то отдать городу из того, что открылось мне: через сотрудничество с замечательным «Наигрышем», через выступления.

Скучаю по родной природе. Жду летние каникулы, чтобы поехать с семьёй в деревню Старую Ашпалу Мензелинского района. Дышится там легко. Любуюсь лесом, полем и отдыхаю. Люблю ходить с дедушкой в лес за грибами. Люблю просто гулять по полям и слушать: птиц, жужжание мух, стрекотание кузнечиков, ветер в траве. Я будто окунаюсь в душистый воздух, растворяюсь в нём и сливаюсь с полем и с небом. Ночью, когда ясные звёзды, особенно остро переживаю чувство, что попадаю в другое измерение, оказываюсь вне времени. Удивительное ощущение пространства — родного. В Москве невозможно увидеть звёзды так ясно, как ночью в поле, когда кожей чувствуешь бесконечность... Итак в груди защемит необыкновенно сладкая тоска... И хочется петь...

РЕНАТ ХАРИС

ПРИЗРАК

Ein Gespenst geht um in Europa…
Karl Marx, Friedrich Engels. 1848.
Призрак бродит по Европе…
Карл Маркс, Фридрих Энгельс. 1848.

По планете Призрак бродит,
заслоняя солнце тенью.
На народы страх наводит,
будто стала жизнь мишенью.
Но откуда он явился?
Где он жил, судьбе не внемля?
Словно коршун где-то вился
и внезапно — пал на землю!

По планете Призрак бродит —
через страны, океаны,
и повсюду колобродит,
напуская в мир туманы.
Никнет всё, где он промчится,
как трава под табунами!
Как торнадо мир зачистит,
и в умах пройдут цунами…

Бродит Призрак, что-то ищет
то в песках, то в Антарктиде,
среди льдов с песками рыщет,
их беспечность ненавидя.
Словно сыплет соль на раны,
по Земле несёт раздоры,
покрывает мир, нам данный,
злом из ящика Пандоры…

Бродит Призрак по Европе,
повергая страны в смуту.
В склоках, как в болотной топи,
тонут люди, веря плуту.
Блуд ползёт сквозь тьму столетий
меж вождями и послами,
сея грех среди мечетей
и крестов с колоколами.

И в мой дом проник тот Призрак,
над моей смеясь судьбою!
Кто мне вбросил в душу искру,
обжигая всё собою?
Высь — как мамы взгляд сияет,
и в той светлой голубизне,
словно ласточки, порхают
мои помыслы о жизни.

Между мною и бумагой —
то ль навар, а то ли пена.
Разум мой, кипя отвагой,
вдаль умчится, как из плена,
то ли в мир унылых хижин,
то ли в райские равнины,
то ли в дни, где я увижу
завтрашнее время сына.

Там, деля наш мир на части,
режут Землю пулемёты.
Пауки там, точно сласти,
пьют нутро из самолётов.

Муравьи останки танков,
как поживу к себе тащат.
То ль под Курском те останки,
то ли в Сирии горящей.

Громыхают децибелы,
грохот речь людскую глушит!
Я руками неумело
заслонить пытаюсь уши.
Но конец предвидя Света,
я не голову сжимаю,
а в руках своих планету
от погрома защищаю.

Как азартно, зло премьеры,
короли и президенты,
рушат веру и без меры,
разжигают инциденты.
То в политику играют,
расширяя санкций список,
то трубу перекрывают,
чтобы нефтепровод высох.

Мир в угрозах страшных тонет,
испуская стон хрипящий.
Ну а я держу в ладонях
череп свой, огнём горящий.
То ли в нём пылает магма,
то ли в нём мой мозг вскипает,
то ль уже в клубах тумана
мир в последний срок вступает…

Может, вслед за Иисусом,
что вещал Завет в народе,
мне прожить судьбу не трусом,
а открыть всем путь к свободе?
Или — вслед за Моисеем
указать всем в рай дорогу?
Мы Коран прочтя, успеем
с Мухаммадом выйти к Богу…

Но как листьев шум над лесом —
так шумят над нами сплетни.
Не под Богом, а под бесом
мы живём на белом свете.
Коммунизма Призрак страшен
многим был, обманчив, злобен…
Не с того ль весь мир продажен,
что он Дьяволу подобен?

Олигархам — мало денег,
генералам — мало пушек,
депутатам в учрежденьях
мало кожаных подушек.
Алчность гложет ум банкиру,
долларов ему всё мало,
а вождям — лишь власть над миром
обрести недоставало.

Каждый лично строит планы,
чтобы править всей Землёю.
Я ж — держу в ладонях страны,
омывая их слезою.
Ничего не в силах сделать —
нет ни действия, ни слова,
есть порыв души и смелость,
но на всём — висят оковы.

Как же надо сохранить мне
эту Землю во Вселенной
и не дать порваться нитям —
тем, что держат мир нетленный?
Я сберечь обязан ветры,
красоту полей цветущих,
рощи, горы, реки, кедры
и средь них — людей живущих!

Пусть вода водою будет,
пусть зерно на нивах всходит,
пусть нас птицы пеньем будят,
а печали — прочь уходят.
Пусть рождаются поэты,
те, которых долго ждали,
и стихами их воспеты
будут солнечные дали!

Но из гущи лихолетий,
где сжигали жизни войны,
выйдет страшный Призрак Третьей
мировой грозящей бойни!
До войны лежит лишь малость
(аж планета поседела!),
и до битвы нам осталось
шаг один всего лишь сделать.

Или кто-то крикнет в давке:
«Нас вожди зовут к победам!»
И взовьются «Томагавки»,
«Искандеры» взмоют следом.

Но не страшно ль нам, чтоб вирус
загрузил в компьютер некто —
чтоб из рук орбиты вырвясь,
в бездну канула планета?

Видно, должен я кому-то
оторвать язык за фальшь их,
чтоб не трогали компьютер
и Земля летела дальше.
Так какие же молитвы
мне читать всё время, чтобы
на планете стихли битвы
и не стало больше злобы?

Ни расширить нашу Землю,
ни уменьшить — невозможно!
Годы завтрашние внемлют
только слову, что не ложно.
Но опасны миру речи,
что с фашистов грех снимают
за освенцимские печи,
где людей в огне сжигают.

Кто меж Западом с Востоком
скажет слово как посредник,
бой унявший, тот пророком
миру явится последним!
Кто до севера и юга
сверх религий достучится,
тот навеки станет другом
всем душой и сердцем чистым!

Мир, что Божьим словом создан,
чтобы жить всегда и ныне,
меря высь путём межзвёздным,
не сгорит ли вдруг в гордыне?
Ну а Шар Земной, однажды
превратившись в лёд от стужи,
или, высохнув от жажды,
станет Богу вдруг ненужным.

Что ж! И я умру в Отчизне,
где навек отцы уснули.
Не хочу уйти из жизни
ни от бомбы, ни от пули.

Я пройду счастливым гостем
по своей дороге трудной.
Жизнь хочу прожить без злости
и с любовью обоюдной.

Я хочу, чтоб птицы пели,
чтобы расцветали страны,
чтоб не висли параллели,
не рвались меридианы.
Чтобы разум человека
не слабел ни на минуту,
чтоб от века и до века
шли мы к счастью и уюту.

Чтоб ни в чём не сомневаться
ни на празднике, ни в тризне,
и с восторгом упиваться
бесконечной негой жизни!
Лучше сладкого урюка
в доме мальчик появился —
то у старшего у внука
сын второй на днях родился!

И живу я, сердцем веря,
что никто в судьбе отныне
на него не прыгнет зверем,
детства радость не отнимет.
А над ним всегда лучиться
будет купол небосвода —
ясный-ясный, чистый-чистый,
точно взгляд его народа.

Так мой корень родословный
стал ещё на жизнь длиннее!

...Ну, а вдруг тот корень кровный
пеплом призрачным истлеет?
Будто мучимый мигренью
или духом демонизма,
бродит в мире грозной тенью
Призрак...
Но — не коммунизма.

2017, ноябрь.
Перевод с татарского
Николая ПЕРЕЯСЛОВА.

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ВОЛЯ ВИЛЯ

Главы из книги очерков о жизни и творчестве В. С. Мустафина

Своим первым в жизни воспоминанием Виль Мустафин однажды назвал эпизод, когда он бился головой о холодный кафельный пол в детском приёмнике на улице Красина. С двухлетним малышом, ещё не умеющим говорить, случилась истерика, нервный припадок, как посчитали взрослые. Его пришёл навестить дед Сулейман, а он ждал бабушку. Почему-то её не пустили к внуку служительницы детского учреждения тюремного типа для детей врагов народа. А может, она просто не смогла прийти (возможно, болела) и прислала супруга.

Крики внука, конечно, посчитали детским капризом. Взрослые уверены, что маленькие дети вообще не способны что-либо понимать. Хотя единственным отличием внутреннего мира (и мировосприятия) недавно родившегося ребёнка от взрослого человека, пожалуй, следует признать неумение относиться ко всему конформистски-пофигистски, с юмором и снисхождением. Дети не могут изречь банальное «се ля ви». Потому что не успели вкусить в полной мере, какова она на самом деле — жизнь.

Впрочем, взрослые знают, ребёнка не обманешь. Дети безошибочно отличают хорошего человека от дурного. Они уже способны любить всем сердцем — а это главное, что определяет в человеке человека.

ОТЕЦ, ДЕД СУЛЕЙМАН, ТЁТЯ ХАДИЧА

I

Первое воспоминание, быть может, самое важное в судьбе человека, у Виля связалось с твёрдым намерением — лишить себя жизни. Наверное, в это трудно поверить, чтобы двухлетний малыш был способен на такое... Тем не менее, Виль Салахович настаивал: в детприёмнике на улице Красина у него была не истерика, а именно твёрдая решимость умереть.

Он совсем не помнил своей жизни с родителями. Старшая сестра Чечкэ после рассказывала брату, как они жили в большой светлой квартире, выходившей окнами в Ленинский сад (тот дом на улице Дзержинского после войны снесли, а на его месте построили сталинскую пятиэтажку, где ныне располагается музей художника А. Мазитова).

Семья Атнагуловых была дружная и счастливая, жили они по тем временам в достатке, лучше многих, ибо папа их был известным и влиятельным в Казани человеком, входил в бюро Татарского обкома партии... И вдруг в один момент всё рухнуло. Отца арестовали, семью из квартиры выселили. Вскоре и маму арестуют, дочек отправят в детский дом, а маленького сына определят в приёмник для самых маленьких...

И коли Виль в неполные два года от роду пытался совершить «первый суицид», то можно верить — это была решимость вполне сложившегося внутреннего человека (в том маленьком хрупком тельце), который уже пережил страшную семейную трагедию. Коварная память не сохранила бытовых подробностей катастрофы, тем не менее, суть малыш ощутил на своей шкуре самым грубым образом — из светлого и тёплого, приветливого и безопасного мира, где мама с папой, бабушка и сёстры так ему были рады, так о нём заботились, вдруг малыша швырнули на жёсткую клеёнку в холодном детприёмнике. А рядом десятки таких же безвинно осиротевших детей дерут глотки, взывая к справедливости...

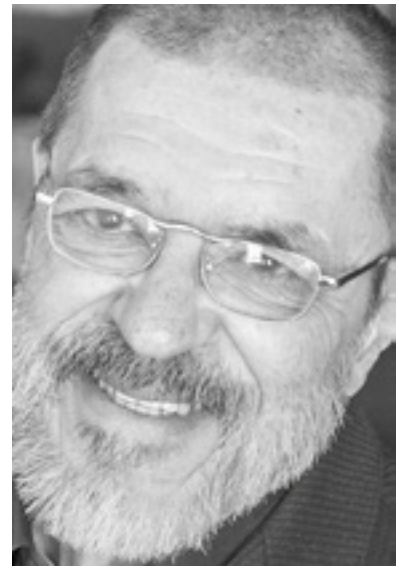
СОНЕТ МОЕМУ СОНЕТУ

То перевёрнут ты, то вывернут...
Ты — как судьба моя, сонет...
Я в детстве был из детства выдернут,
мне камень заменил паркет.

И головою об пол бился я,—
(мой первый в жизни суицид)...
Одна лишь нянька ненавистная
не вспомнила своих обид.

И отнесла меня на кухоньку,
где пахло чем-то кисло-тухленьким,
поила — с ложки — киселём.

Кормила булочкою пухленькой
и всё шептала тихо в ухонько...
Жаль,— в русском не был я силён...



Нашего поэта при рождении назвали не Вилем, а Вилом. В тридцатые годы модными были имена не из церковных святцев, а идеологически верные, новообразованные. Мне не пришлось в жизни встречать Октябрин или Даздраперм (Да здравствует Первое Мая), но с детства слышал такие имена, как Ким или Рэм (что расшифровывается, как Коммунистический интернационал молодёжи и триединство: Революция — Энгельс — Маркс). Особенно прижилось в массах мужское имя Вил (с разновидностями Вилен, Владлен), в честь вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина.

Ничего удивительного, что Салах Садреевич Атнагулов именно так назвал своего сына. Для него имя это, безусловно, было свято. Он и дочерям придумал необычные имена, ныне практически не употребляемые — Чечкэ (в переводе с татарского — Цветок) и Гюлкей.

Всю жизнь Виль стремился узнать о своём отце хоть что-нибудь, однако биографию Салаха Атнагулова сыну удалось восстановить лишь в 80-е годы — ничего достоверного о реабилитированном отце до перестройки не удалось найти. Все статьи об отце Виль собрал в особую папку. Мне он дал в неё заглянуть в день нашей последней встречи...

II

Салах Садреевич Атнагулов родился в 1893 году в селе Суккулово бывшего Ермекеевского уезда на юго-восточной окраине Казанской губернии (ныне село числится в Белебеевском районе, на северо-западе Республики Башкортостан). Его отец (дед Виля) был лесоторговцем, имел наёмного батрака, что по тем временам считалось обычным делом, но после революции грозило чуть ли не смертным приговором.

Как было принято в их окружении, Салах поехал учиться в Уфу, окончил высшее духовное учебное заведение — медресе «Галия». Но стать муллой не захотел, избрал для себя путь народного учителя. Любопытная деталь: в башкирской глубинке учитель-татарин преподавал в чувашской школе... русский язык и литературу! Удивительно? Оказывается, по тем временам это было в порядке вещей. Чуваши в Казанской губернии довольно долго оставались этническим большинством. Национальные вопросы всплыли на поверхность сразу после революции — и решать их пришлось тогда Иосифу Сталину, народному комиссару по национальным вопросам в Советском правительстве (Совнаркоме). А проблемы административно-территориального деления большевики предпочитали решать по-революционному, одним взмахом шашки. Территорию между Волгой и Уралом поделили на автономные республики по своему усмотрению.

Революцию семнадцатого года Салах Атнагулов принял с восторгом и окунулся в практическую революционную работу. Он был левым эсером и тесно сотрудничал с Галимжаном Ибрагимовым, ныне признанным классиком татарской литературы, а сто лет назад являвшимся преподавателем медресе «Галия», одним из лидеров татаро-башкирского крыла социал-революционеров, который после Февральской революции был избран делегатом Всероссийского учредительного собрания.

Как мы помним, левые эсеры идеологически не расходились с социал-демократами (большевиками), политические разногласия появятся позже. Салах Атнагулов входил в комиссию мусульманского военного Шуро и Военный Совет Идель-Уральского Штата (республика Идел-Урал должна была включить в себя огромные пространства нынешних республик — Татарстана и Башкортостана, Чувашии и Марий Эл, простираясь до самого Казахстана!). С переездом Советского правительства из Петрограда в восемнадцатом году Салах Садреевич оказался вместе с Ибрагимовым в Москве, вошёл в Центральное бюро татаро-башкирского комиссариата, работал в комиссии по созыву Учредительного Съезда Советов Татаро-Башкирской Республики. В мае 1918-го, опять же вместе с Ибрагимовым, Атнагулова послали в Уфу — уполномоченный Татаро-Башкирского комиссариата стал «товарищем» (то есть заместителем) заведующего губернского отдела просвещения, заодно заведовал губернскими педагогическими курсами.

Летом до Уфы докатилась гроза Гражданской войны (заваруха с белочехами захватила не только Казань, Самару и Симбирск). Атнагулов идёт в Красную Армию, в боевой отряд татаро-башкирских левых эсеров. Говорившего на многих языках, в том числе на немецком и английском, его послали в тыл к белочехам — вести разведывательную деятельность...

После войны Салаха Садреевича стали «двигать» всё выше и выше. Опять же не без участия Галимжана Ибрагимова. Сначала избрали делегатом II Всероссийского Съезда коммунистических организаций народов Востока, а после съезда оставили в Москве, назначив редактором издательства Центрального Бюро коммунистических организаций Востока. В те годы Атнагулов часто пересекается в работе с «товарищем Кобой». И мама подтверждала Вилю позже, что Салах Садреевич со Сталиным одно время был на «ты».

В 1922–1925 годах Атнагулов работал главным редактором газеты «Эшче» («Рабочий»), она выходила на татарском языке и считалась центральным периодическим изданием для многих тюркоязычных регионов. Окончил Институт красной профессуры ВКП (б), где среди профессоров числился знаменитый Николай Бухарин, один из самых эрудированных деятелей в большевистской элите, позже репрессированный.

Знакомство с высшим руководством Советской России, как можно понять, и стало причиной гибели Салаха Атнагулова, как и Галимжана Ибрагимова, а также многих их знакомых и соратников тех лет. От ареста в 1937-м Галимжана-ага не спасёт даже высшее в ту пору звание — Героя Труда, а от суда Военной Коллегии и «высшей меры социальной защиты» (расстрела в течение суток) Ибрагимова «избавит»... лишь смерть в камере НКВД. Именем классика татарской литературы ныне назван большой проспект в Казани и красивейший бульвар в Уфе.

III

Салах Садреевич Атнауглов

В середине двадцатых годов Салаха Атнагулова направили из Москвы в Казань — как тогда говорили, «бросили» на укрепление руководящих национальных кадров. С первых дней 33-летний «мэтр газетного цеха» занялся становлением республиканской периодической печати. С 1925 года Салах Садреевич был редактором главной газеты на татарском языке, которая тогда называлась «Кызыл Татарстан», ему же поручили организовать работу газетно-журнального издательства, которое тогда называли по-французски звучной аббревиатурой — «Гажур». Впрочем, это не значит, что у Атнагулова всё было в ажуре, практически с нуля ему пришлось создавать многие издания, в том числе выходящие до сих пор журналы — сатирический «Чаян» («Скорпион») и педагогический «Магариф» («Просвещение»). Не менее значимой для Салаха Садреевича стала преподавательская деятельность, прежде всего в Институте народов Востока, из которого позже вырос Казанский педагогический институт, ныне входящий в состав Казанского федерального университета.

Салах-ага преподавал древнюю татарскую литературу. Шестьдесят лет спустя об этом напишет воспоминания видный татарский писатель, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая Ибрагим Салахов. Русский перевод его статьи «Учёный и педагог» (очевидно, до сих пор не изданный) осуществил Виль Мустафин.

Мы приведём из той статьи лишь несколько абзацев, наиболее ярких: «По правде говоря, Салах-ага Атнагулов при первой нашей встрече не вызвал у меня особого расположения: он показался мне слишком строгим, сухим, высокомерным человеком. Видимо, первое моё впечатление было вызвано его внешним обликом. Если мне не изменяет память (ведь после этой встречи прошло больше полувека), он был высоким, сухопарым, не сказать, чтоб очень темнокожим, но похожим на сильно опалённого солнцем смуглого южанина. Чёрные, непослушные, сухим ковылём рассыпающиеся по обеим сторонам лба волосы. Такие же чёрные и густые, сросшиеся на переносице брови. Продолговатое, с выступающими скулами лицо, на котором проглядывались рябинки. Вообще говоря, он производил впечатление человека угрюмого. И одет он был тогда в тёмный костюм, из-под которого виднелась чёрная косоворотка.»

В этом описании портрета Атнагулова невольно ищешь — и находишь черты сходства Виля Салаховича с отцом. Однако внешнее сходство вряд ли так важно, как манера выступать перед аудиторией. Студенты КАИ, учившиеся в шестидесятые годы, часто вспоминают, каким блестящим лектором был Мустафин, и кстати — тоже в тридцать три года! На лекции Виля по математике сбегались студенты разных потоков.

Но продолжим воспоминания писателя — студента 20-х годов: «...остановившись в центре аудитории, обвёл глазами студентов, задержавшись на каждом пристальным взглядом.

— Вам, уважаемые студенты,— голос мягкий, каждое слово произносится чётко и ясно, привлекая к себе внимание слушателя,— я буду читать лекции по истории древней татарской литературы. Дополнительных материалов для более глубокого усвоения этой темы предложить, к сожалению, не могу. Учебных пособий по данному предмету не имеется. Поэтому, внимательно слушая всё, что я здесь буду говорить, совсем не будет лишним, если отдельные моменты (я их буду выделять особо) вы будете записывать.— Он снова прошёл по аудитории, остановился на том же месте.— Итак, начнём первую лекцию.— Подойдя к кафедре, раскрыл свой портфель.— Вот несколько исторических источников...

Тогда не только учебников, даже отдельных статей по этому предмету не было. Всё упиралось в отсутствие исторических документов. Быть может, хранилища этих бесценных рукописей в те грозные годы, когда Иван Грозный осаждал Казань, были разрушены или, объятые пожаром, они обратились в пепел, как и многие другие городские строения. Если это так, то бесценные сокровища древней татарской литературы для нашей истории навеки утеряны. К счастью, не всё оказалось так уж безнадёжно. Часть ценностей сохранилась. Нет, не в Москве, не в Петербурге, не в Астрахани, а совсем далеко-далеко: в Риме — в Ватикане, в Париже — в музеях Лувра, в Лондоне — в Британской королевской библиотеке. Об этом поведал нам Салах-ага Атнагулов, сопровождая свой рассказ показом фотодокументов. Благодаря ему, мы, студенты, прикоснулись к тем великим сокровищам, к тем бесценным реликвиям, что оставили нам наши далёкие предки...

Словно отвергая жестокий приговор истории — исчезли, пропали, утеряны — он вытаскивал из бездонного портфеля и демонстрировал нам всё новые и новые фотокопии бесценных исторических документов. Опираясь на эти живые свидетельства истории, Салах-ага высвечивал перед нами горизонты нашего далёкого прошлого, затянутые густым туманом веков. Своими лекциями он наяву воплотил одну из благороднейших миссий учителя — пробудил в нас, студентах, неистребимую тягу к познанию далёкого прошлого своего народа. Мы создали на факультете специальный кружок по изучению истории древней татарской литературы. Салах-ага многое сделал для того, чтобы этот кружок стал истинной ареной зарождения и борьбы мнений, стал центром изучения конкретных исторических рукописей, усвоения методов их сравнительной оценки и формирования обобщающих выводов. Эти поиски и находки нам всем очень нравились. Мы чувствовали, что с каждым занятием мы продвигаемся всё дальше и дальше — открываем что-то новое, ошибаемся, спорим. Наш учитель — в центре. Он — арбитр.

Салах-ага Атнагулов, подобно Абу Али ибн Сине, раскрыл перед нами покрытые пылью двери храма науки и раздал нам запрятанные там бесценные тайны. Одарил каждого из нас, а значит, одарил общество, одарил весь мир.»

Одновременно с журналистской и педагогической деятельностью Салах Садреевич читал лекции в Институте марксизма-ленинизма, возглавлял соответствующую терминологическую комиссию и комиссию по переводу трудов Маркса и Энгельса на татарский язык. Как учёный, он тесно сотрудничал с тем же Галимзяном Ибрагимовым, имя которого не случайно ныне носит Институт языка и литературы Академии

наук Татарстана. Под его руководством Атнагулов работал также по проблемам развития татарского литературного языка и татарского языкознания, написал множество статей по этим вопросам и стал соавтором учебника «Грамматика татарского языка. Синтаксис» (совместно с Г. Аппаровым).

По марксистско-ленинской терминологии тогда велись ожесточённые споры, впрочем, дискуссии не переходили в плоскость контрреволюционных обвинений. По сути, двадцатые годы стали неким советским Ренессансом — не только в науке и искусстве, литературе и общественной жизни. Конечно, много было жуткого и наносного, как, скажем, деятельность общества безбожников, крушивших храмы и мечети, или движения «Долой стыд!», которое организовывало в мусульманской Казани нудистские шествия по улицам. Вместе с тем, это было во многом плодотворное время.

Всё перевернулось в тридцатые годы — и взаимные обвинения двадцатых годов, вполне позволительные в рамках научной дискуссии или полемики в печати, вдруг стали поводом для арестов и репрессий.

IV

Обширные научные работы Салаха Атнагулова вспомнили в 90-е годы, когда в Республике Татарстан возобновились попытки перевода татарского языка на латиницу. Поскольку Атнагулов входил в правление общества «Яналиф» («Новый алфавит»), его по праву считали одним из главных идеологов латинизации. Сегодня баталии двадцатилетней давности многими почти забыты, хотя на некоторых улицах Казани до сих пор мы видим таблички с названиями улиц не только на татарском языке, но и написанными латинским шрифтом. Напомним, до 1927 года в Советской Татарии пользовались арабским шрифтом, после — вплоть до 1940-го использовали латиницу. Ныне в интернете можно найти популярную фотографию тех лет — на здании бывшего Дворянского собрания, ставшего в советские годы Домом красноармейца, позже Домом офицеров (к празднованию 1000-летия Казани дворец отреставрировали и назвали Ратушей), можно видеть огромную аббревиатуру «ATSSR» (Avtonomia Tatarstan Soviet Socialistiq Respublikasy легко переводится на русский язык, поскольку не содержит ни одного исконно русского слова). А в музее-квартире Героя Советского Союза Мусы Джалиля на ул. Гоголя можно увидеть автографы поэта, также написанные латинской графикой. Поэт последние стихи свои в Моабитской тюрьме тоже писал на латинице.

Окончивший в своё время медресе, Салах Садреевич владел и арабской, и латинской графикой, а как языковед мог компетентно судить о предмете споров. Поэтому держался того мнения, что современному татарскому языку больше подходит именно латинский шрифт. А кириллица невольно искажает фонетический строй татарского языка. И не один Атнагулов придерживался таких взглядов, приводя достаточно доводов в доказательство... Но к научным доводам в те годы никто не прислушался, перевод татарского языка на кириллицу утвердила Москва, объясив это сугубо политическим моментом.

Пятого мая 1939 года Президиум Верховного Совета Татарской АССР практически без обсуждения принял указ «О переводе татарской письменности с латинизированного алфавита на алфавит на основе русской графики». И с начала 1940-го кириллицу ввели в оборот, заодно изымая из библиотек множество татарских книг и брошюр, напечатанных арабской графикой или латинским шрифтом, тем более, многих авторов к тому времени уже не было в живых... Сейчас такую поспешность объясняют приближением войны. Напомним, вторая мировая началась — 1 сентября 1939 года, хотя «второй мировой» её никто ещё не называл...

В 90-е годы вопрос о возвращении латиницы в Татарстане обсуждался горячо. В сентябре 1999-го Госсовет Татарстана принял закон о переходе на латинский алфавит, и Президент республики утвердил такое решение. Переход на латинскую графику должен был начаться с 2001 года и рассчитан был на десять лет. Однако на федеральном уровне такой шаг суверенной республики посчитали неверным, ведущим к сепаратизму.

Никто тогда впрямую России, конечно, не угрожал, однако только что закончилась (ничем) первая чеченская война и уже разгоралась вторая... Комитет Государственной думы РФ по делам национальностей пришёл к такому выводу: «Современный татарский литературный язык успешно развивается при использовании алфавита на кириллической основе. Что касается вхождения в латино-письменный тюркский мир, такая ориентация может привести к изоляции Республики Татарстан от многонационального тюркоязычного населения, проживающего в различных субъектах России, включая этнических татар, использующих кириллическую графику, и в конечном итоге — к возможным межнациональным конфликтам». Таким образом, лингвистическую проблему снова разрешили чисто политическим методом, 15 ноября 2002 года Госдума приняла поправку в действующий закон «О языках народов Российской Федерации», по которой алфавиты государственного языка страны и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов языков республик в составе РФ могут устанавливать только федеральные законы. Закон полностью поддержали КПРФ, «Единая Россия» и ЛДПР, и лишь пятнадцать депутатов выступили против такой поправки. Тем не менее, использование латиницы в татарском языке сегодня допускается, в порядке эксперимента, в научных изысканиях или в неофициальной переписке. Никого за это, кажется, не привлекли к ответственности, как это было в тридцатые годы.

Впрочем, Салах Садреевич Атнагулов пострадал не за латиницу. В августе тридцать шестого его исключили из партии «за связь с троцкистами». А уже 2 сентября арестовали. По иронии судьбы семья их в то время жила на той же улице Дзержинского, где располагались подвалы НКВД, которые казанцы называли «Чёрным озером» (имя старинного городского парка, расположенного рядом, напротив окон самого страшного советского ведомства). Насколько можно верить документам тех лет, в 1936-м следователи НКВД ещё не лютовали, физическое воздействие к «врагам народа» (средневековые по сути пытки) разрешили официально лишь в тридцать седьмом. Возможно, этим объясняется запротоколированный факт: Салах Атнагулов не признал себя виновным ни по одному пункту обвинения. А местные чекисты особо и не старались выбивать признания. Руководителю «заговорщиков» Атнагулову и другим членам «подполья» сочинили обвинения по нескольким пунктам статьи 58-й. Признательных показаний по ней не требовалось. Дело контрреволюционной группы разрасталось, принимало «всероссийский» размах, число арестованных ширилось. Поэтому вскоре пришёл приказ сверху — этапировать членов «раскрытой банды троцкистов» в Москву, на Лубянку.

В число обвиняемых, разумеется, попал Галимжан Гирфанович Ибрагимов, под крылом которого Салах Атнагулов начинал свою революционную, творческую и научную деятельность. Ибрагимов был болен туберкулёзом, поэтому с 1927 года жил в Ялте. Но продолжал работать и как учёный, и как писатель, до самого ареста — 3 августа 1937 года — за участие «в контрреволюционной националистической организации и проведении вредительской работы, направленной на подрыв народного хозяйства республики»! Уж чем больной учёный-языковед мог подорвать народное хозяйство? Увы, сегодня трудно понять логику суровых тридцатых, когда споры об употреблении какого-либо слова или термина могли запросто перерасти в политические обвинения — и в результате стоить жизни...

Не нами подмечено — в имени человека не бывает ничего случайного... Не случайно имя и фамилия татарского писателя, к воспоминаниям которого мы обратились, так зеркально соотносятся с именем и фамилией его учителей — Галимжана Ибрагимова и Салаха Атнагулова! Продолжим цитировать воспоминания Ибрагима Салахова: «Перед арестом Галимжана Ибрагимова я виделся с ним в Ялте, был у него дома. На его письменном столе в трёх объёмистых папках лежала завершённая, отпечатанная на машинке, уже выверенная автором рукопись второй части романа „Наши дни“».

— Наконец-то закончил. Всё боялся — умру, не успею... Слава богу, успел. Теперь осталось только отправить в редакцию,— радовался Галимжан-ага, поглаживая обложки папок худыми, почти прозрачными ладонями. А ящики письменного стола были битком набиты новыми рукописями...

Больного, находящегося в предсмертном состоянии писателя арестовывают и в столыпинском вагоне под конвоем препровождают в Казань. Вместе с личными вещами рукописи были тоже арестованы — конфискованы.

Сейчас не найти не только самих рукописей. Невозможно отыскать даже протокол обыска, даже опись конфискованного имущества.

А те уникальные документы — фотокопии рукописных памятников древней татарской литературы, которые с большим трудом собирал по крупицам Салах-ага Атнагулов и которые тоже были «арестованы» вместе с учёным,— где они теперь? Где теперь эти бесценные свидетельства нашей истории?»

Судьба распорядилась так, что Галимжана Гирфановича Ибрагимова не расстреляли вместе с остальными троцкистами. Он умер в тюремной больнице 21 января 1938 года, не дождавшись суда Военной коллегии, поэтому не попал в число «врагов народа». Его книги успели изъять из библиотек, упоминания о нём запретили во всех изданиях. Но его доброе имя вернулось в печать сразу после XX съезда КПСС, вместе с «хрущёвской» оттепелью, реабилитации ему не потребовалось, и теперь оно увековечено в созданном им академическом институте (языка и литературы имени Г. Г. Ибрагимова Академии наук Татарста на), и в названии проспекта в казанском Заречье...

А Салаху Атнагулову и семерым его казанским «подельникам» Военная коллегия Верховного суда СССР 16 августа 1937 года вынесла смертный приговор. По сведениям сына, приговор привели в исполнение на следующий день. Место захоронения безвинно расстрелянных, как было в те годы заведено, от родных старались скрыть. Более того, о судьбе отца Мустафины много лет вообще ничего не знали. «17 августа отца расстреляли,— вспоминал Виль Мустафин,— а 18 августа вышло постановление Ежова о том, что члены семей изменников Родины лишаются жилплощади. Мне уже было два с половиной года, чтобы квартиру забрать, нужно было от мамы избавиться. И всех жён в одну ночь собрали по Казани. Мама возвращалась из бани, видит — у подъезда стоит машина, её забирать приехала. А за мной прислали какую-то даму. Мои старшие сёстры были у дяди в Бавлах. Они их не дождались, а меня забрали сразу. Маму поместили в кутузку. Она потом рассказывала, что очень много плакала, а когда оглянулась, увидела, что все знакомые — жёны тех, кого забрали раньше или позже моего отца.»

V

Виля и его сестёр спас дед Сулейман Мустафин. Внук его практически не помнил, многое узнал о нём позже, из рассказов тёти Хадичи. Сулейман Мустафин переехал в Казань в 1910 году из Пензенской губернии, где проживает большая татарская диаспора, где расположено самое большое в Европе татарское село Средняя Елюзань с 10-тысячным населением. В Казани у его супруги Фатихи ханым проживали три

брата, которые закончили медресе и стали муллами, а один из них, Абдрахман ага, даже служил товарищем (заместителем) главы Духовного управления мусульман. Братья помогли семье сестры устроиться на новом месте, приобрести дом в Татарской слободе. Сулейман Мустафин открыл свой магазин (обычную лавку, как тогда говорили, или торговую точку, как сейчас говорят) на Сенном базаре — самой оживлённой торговой площади Казани в начале прошлого века. Само название базара говорит о том, что там торговали самым ходовым товаром, аналогом современного бензина — ведь основной тягловой силой экономики была «одна лошадиная сила»!

По признанию младшей дочери (тётушки Виля) и более поздним воспоминаниям внука, Сулейман ненавидел советскую власть. Та всё у них отобрала, лишила достатка и всяких надежд на будущее... В довершение случился в слободе пожар — и дом их сгорел. Тогда дочь Зухра (мама Виля) уже была замужем за Салахом Атнагуловым, идейным коммунистом и активным партийным и общественным деятелем при новой власти. Сулейман с зятем не общался категорически. Дед был правоверным, молился пять раз в день, ходил в мечеть. И даже мыться ходил только в Татарскую слободу, поскольку остальные общественные бани Казани считал «грязными» (в мусульманском смысле, «нечистыми»).

В Казани довоенных лет на бытовом уровне достаточно чётко ощущалась некая демаркационная линия — между русской и татарской частями города. Кулачные бои на льду озера Кабан, что испокон затевали на масленицу русские парни с Суконки с ровесниками расположенной на другом берегу Старо-Татарской слободы, давно канули в небытие, тем не менее, деление на «ваших и наших» продолжало сказываться. Вот почему переезд на улицу Галактионова, в русскую купеческо-чиновничью часть традиционной городской застройки, дался Сулейману Мустафину очень нелегко. Просто погорельцам деться было некуда, пришлось с женой и младшей дочкой переехать к Атнагуловым, в коммуналку на улице Галактионова. Что, в свою очередь, позволило зятю с его растущей семьёй претендовать «на улучшение жилищных условий» (такие были формулировки). И точно, вскоре товарищу Атнагулову, занимавшему не последнее место в советской номенклатуре, предоставили новую, отдельную квартиру в двух кварталах от прежнего жилья, в доме на улице Дзержинского.

Оттуда Салаха Садреевича и уводили чекисты, благо, вести арестованного было недалеко — Татарское управление НКВД, печально известное «Чёрное озеро», как мы уже писали, находилось рядом. Очень символично, что прямо напротив того дома, на одной из аллей Ленинского сада в конце века возвели монумент жертвам репрессий. Атнагулов и его оболганные товарищи могил не заслужили, а потому их поминальным камнем можно считать сей монумент.

После ареста дочери, которую осудили на восемь лет за то, что была женой «врага народа», Сулейман Мустафин начал вызволять её детей. Пойти на это, переломить свой крутой норов, глубоко осознанную ненависть к безбожной советской власти, конечно, для деда было делом не простым. Больше года пришлось ходить по разным учреждениям, в конце концов, обращаться даже в приёмную Климента Ворошилова, который был наркомом обороны СССР и членом Политбюро ВКП (б) и Салаха Атнагулова должен был помнить по совместной работе в так называемом Юго-Восточном бюро ЦК партии в начале двадцатых годов. В итоге детей отдали деду «на поруки» (так об этом рассказывал позже Виль Салахович), впрочем, не по идейным соображениям, а по нужде — к 1938 году детприёмник на улице Красина, где держали маленького Виля, был переполнен, между тем аресты продолжались — и детей «врагов народа» некуда уже было девать... В порядке исключения, по особому распоряжению, родственники могли взять на содержание ребёнка не старше 14 лет, отца которого

расстреляли, а мать отправили в лагерь «для жён врагов народа». Таким же образом сын сотрудницы газеты «Красная Татария» Евгении Гинзбург (Атнагулов был главным редактором её татарской версии — «Кызыл Татарстан», то есть наверняка знал маму будущего писателя) и председателя Казанского горисполкома — маленький Вася Аксёнов был вызволен из детского дома дядей, родным братом матери. Судьба потом сведёт спасённых от смерти мальчишек Васю и Виля в одной казанской школе — имени В. Г. Белинского.

Старших сестёр Виля вывезти из детского дома в Ирбите оказалось сложнее, дедушке пришлось отправиться за ними на Урал. Вскоре он привёз Чечкэ и Гулкей к бабушке. Всем троим внукам дед успел выписать новые «метрики», изменив фамилии — с Атнагуловых на Мустафиных, в расчёте на то, что это убережёт невинных детей от новых волн репрессий. Сулейман ага оказался прав, через десять лет власти заинтересовались судьбами детей «врагов народа», которых удалось вызволить из жерновов «революционного возмездия». Впрочем, послевоенные чистки не отличались прежней суровостью и неотвратимостью.

Сам Сулейман Мустафин до того времени не дожил. Он умер в 1939 году, сразу после того, как оформил документы внукам... Сердце старого человека не выдержало унижений, на какие пришлось пойти, выбивая многочисленные справки.

Бабушка Фатиха, всю жизнь занимавшаяся домашним хозяйством, осталась без средств к существованию. Вся забота о старушке-матери и детях сестры легла на плечи аспирантки Казанской ветеринарной академии Хадичи Сулеймановны Мустафиной. В 29 лет образованной и развитой девушке пришлось поставить крест на своей научной карьере и на личной жизни. Она устроилась в маслотрест, ездила с ветеринарными проверками по всей республике, добираясь до маленьких маслозаводов по ужасным дорогам, на плохих лошадях... Впрочем, такая служба имела выгодное преимущество — к скромному окладу Хадиче перепадали кое-какие продуктовые «подарки» от председателей колхозов или заведующих животноводческих ферм. Особенно это выручало Мустафиных в голодные годы, когда началась война.

Вскоре умерла бабушка — Фатиха ханым... Зимой тяжёлого сорок второго года она собралась в баню, поехала как всегда, в Татарскую слободу. И не вернулась. Тётушка Хадича была в очередной командировке, так что дети о смерти бабушки узнали лишь на третий день. Можно представить, что они за эти дни пережили. Виль Салахович в связи с теми печальными событиями вспоминал такой эпизод. Где-то через неделю после похорон бабушки в дверь постучали. Виль был дома один, незнакомая женщина спросила:

— Ты Мустафин? Можно к вам на минутку?

Оказалось, из бани пришла уборщица, знавшая бабушку ещё с той поры, когда Мустафины имели в слободе свой дом... Когда случилось несчастье, женщина сняла с покойной золотую цепочку и серьги — успела до приезда милиции и врачей. Как она объяснила, иначе ценности сняли бы в морге... Родных Фатихи Мустафиной она нашла не сразу. Мир не без добрых людей — через знакомых удалось узнать адрес. Женщина передала украшения внуку, обещавшему всё передать тётушке, и ушла, так и не назвавшись. Это один из многочисленных примеров, насколько душевными и отзывчивыми, сплочёнными и справедливыми были люди в годы суровых испытаний.

Величайшим примером высокой духовности и самоотречения Виль Мустафин всегда называл тётушку Хадичу! Каково было тридцатилетней женщине остаться на руках с тремя племянниками, всю себя посвятить тому, чтобы их вырастить и прокормить? Где найти столько одежды для постоянно растущих девочек, для непоседы Виля, на котором штаны и рубахи «прямо горели», постоянно цепляясь за гвозди

в заборе? Виль Салахович вспоминал, что тётя была худая, миниатюрная даже, покупая платье старшей Чечкэ, она после сама его донашивала!

О своей тётушке Виль Мустафин рассказывал благоговейно, всегда поражаясь простому житейскому героизму этой доброй, умной и великодушной женщины. Хадича ушла из аспирантуры, так и не создала собственной семьи, поднимая на ноги детей сестры. Живя в самом центре города, решилась завести скотину, чтобы было молоко для детей. Иначе, наверное, они бы не выжили. А умерла Хадича Сулеймановна всего за полторы недели до выхода на пенсию!

Тётушка была строга, заставляла племяшей хорошо учиться в школе, заниматься музыкой и спортом, возлагала на маленьких вполне взрослые домашние обязанности. Но прежде всего, она воспитала их собственным примером. Лучшего способа воспитания человечество до сих пор не придумало — во все времена так было и будет.

А поднимать на ноги троих детей, напомним, молодой одинокой женщине пришлось не в наши (в целом) благополучные времена, а в годы войны — самой страшной в истории человечества. Все продукты были по карточкам, за хлебом приходилось выстаивать очередь с ночи... И часто казалось, что пережить всё это просто не хватит человеческих сил. К сожалению или к счастью, люди удивительно быстро привыкают — как хорошему, так и плохому. У слабых, мягких и ранимых вдруг находится не так мало резервов, чтобы вынести испытания. Разумеется, маленькому Вилю было легче, чем старшим сёстрам, ведь он совсем не помнил прошлой счастливой жизни, и всё происходящее воспринимал как должное и естественное. Не удивительно, что уже в наши дни Виль Салахович вспоминал, каким у него счастливым было детство! Пусть голодное и сиротское... Но так жили все тогда.

С началом войны к ним подселили две семьи эвакуированных, в двух небольших комнатах повернуться было негде, уроки приходилось делать на общей коммунальной кухне. К счастью, подселённые оказались людьми хорошими, они жили трудно, но дружно, поддерживая друг друга.

При этом тётя учила Виля говорить, что его отец на фронте пропал без вести. Детям погибших фронтовиков в младших классах выдавали бесплатно пирожки. Есть их было стыдно... но есть хотелось всегда. Только ближе к окончанию школы Виль догадался, что половина одноклассников также скрывала, что их отцы репрессированы, и так же вынуждены были говорить о «без вести пропавших»... Это не было ложью. Их отцы действительно пропали без вести — ведь о расстреле «врага народа» близким не сообщали. И многие верили, что отец вдруг когда-нибудь придёт. Даже Вилю кто-то рассказал однажды, будто в последние месяцы войны, где-то за границей, на освобождённых от фашистов территориях, якобы видели офицера — ну как две капли воды похожего на Салаха Атнагулова! Возможно, его вовсе не арестовали? А перевели на конспиративное существование, забросили разведчиком на оккупированные территории — так уже было в годы Гражданской войны! Увы, похожие истории о чудесных встречах в годы войны рассказывали чуть ли не про каждого погибшего или пропавшего без вести.

Раз в месяц тётушка заставляла детей писать письма матери. Переписка с заключёнными была строго регламентирована, больше одного письма в месяц в лагере получать не полагалось. Однако и реже писать нельзя — иначе могут заподозрить «опекуна» в ненадлежащем воспитании детей. Сохранилась пара фотографий маленького Виля: на детской лошадке и на трёхколёсном велосипеде, одетого в матроску и аккуратно причёсанного... Увы, и лошадка, и велосипед — были всего лишь реквизитом в фотоателье тех лет, на них малыши позировали для фотографий, которые предназначались для отправки родителям, отбывающим непомерные и незаслуженные сроки в лагерях. Такие «документальные» кадры, видимо, должны были

свидетельствовать, «как хорошо в стране советской жить» детям репрессированных родителей...

Сразу после детприёмника Виля устроили в детсад — соседка там работала заведующей. Через год после начала войны тётя Хадича повела племянника в музыкальную школу, со скрипкой тоже соседи выручили.

И так — во всём. В студенческие годы к Вилю ходили постоянно друзья, так как улица Галактионова выходила прямо к университету. По вечерам на их коммунальной кухне устраивали репетиции джаз-оркестра! По ночам спорили о новой поэзии... А утром соседи, чтобы умыться и согреть чайник, вынуждены были переступать между спящими вповалку приятелями Виля... Соседи относились к этому с юмором. Сегодня даже трудно представить подобное!

ГАЛАКТИКА ДЕТСТВА

Недавно попалась на глаза старая фотография, на ней можно разглядеть в подробностях, как выглядела Казанка, протекавшая под стенами Кремля до затопления устья водами Куйбышевского водохранилища. Современному жителю мегаполиса-миллионника трудно представить, что эта речушка была шириной всего несколько метров! Казанка причудливо петляла по широкой пойме, то приближаясь к высокому кремлёвскому берегу, то убегая в заливные луга напротив... Непривычность пейзажу шестидесятилетней давности придаёт и то, что на другом берегу ещё не высятся небоскрёбы, не сияют стеклом огромные спортивные сооружения, появившиеся накануне Универсиады. Незаселённые дали...

На панорамном аэроснимке, сделанном немецким разведчиком-«рамой», Казанский Кремль как на ладони, правда, без нынешней доминанты Кул Шарифа. На месте мечети мы видим коробки гарнизонных корпусов, а Благовещенский собор стоит без куполов. Сразу за губернаторским дворцом виден мост через узкое русло, но это не Ленинская дамба, а старый деревянный, «горбатый» мосток для пешеходов. Дальше до самого горизонта раскинулись заливные луга, и лишь на самом краю видно что-то вроде поселения, очевидно, старинное село Савиново, которое помнит ещё Емельяна Пугачёва, заночевавшего в нём после неудачной осады Кремля...

Впрочем, не будем забираться так глубоко в историю. Остановимся на том, что наш герой жил совсем в другой Казани, совершенно не такой, к какой мы сегодня привыкли.

Уходит город мой, уходит
уходит прочь и навсегда...
Лишь тень его — как призрак — бродит
ночами по чужим садам.

За ней брожу я, как по следу,
хоть нет от тени и следа,
веду с ней тихую беседу
о том, что к нам пришла беда.

Хочу понять, что происходит,
ответов сам не нахожу:
то ль старость так ко мне приходит,
то ль я из жизни ухожу?..

Но я теряю милый город,
теряю родину свою...
Бывало, песни пели хором,—
теперь лишь соло — плач пою.

Душа болит и тихо стонет,
но боль не умаляет стон.
В рассветной дымке призрак тонет
и тени тают, словно сон...

Уходит город мой, уходит,
уходит прочь и навсегда.
И даже тень его не бродит
по обезлюдевшим садам.

Судьба распутинской Матёры
накрыла город, как беда...
Но там — вода селенье стёрла,
а здесь — матёрая орда...

Аула дикости нещадны,—
ломали город пришлецы,—
под хлыст кнута, под гик площадный
валились деды и отцы...

Я слышу — родина рыдает
как полоняночка — навзрыд,—
ордынец лютый обрекает
её на вечный срам и стыд.

Куда же мне-то подеваться?..
Родился здесь и здесь я рос...
В изгои силы нет податься,—
корнями крепко в землю врос...

Я тихо-молча наблюдаю,
как тает город дорогой.
И со щеки слеза сбегает,
как будто хочет стать рекой...

Я здесь умру — в родной чужбине,—
чужды мне лица и дома...
Под злыми взглядами чужими
не дай, Господь, сойти с ума...

Виль Мустафин писал эти стихи, когда в городе развернулись масштабные работы по подготовке к празднованию 1000-летия. Торжества проходили на самом высоком уровне, в конце августа 2005-го в Казань приезжал Президент Путин и главы многих государств... А за четыре месяца до того, в мае, Виль Салахович отмечал 70-летие — и по такому случаю принёс в «Казанские ведомости», где работал автор этих строк, свою стихотворную подборку. За недостатком места (для стихов всегда не хватает газетных площадей), помнится, мы смогли напечатать только это стихотворение.

I

...Мать вернулась из мест заключения в сорок пятом, в числе немногих, кому в годы войны удалось выжить в лагерной голодухе и на радостной волне Победы не попасть под очередную раздачу сроков. Отмотала свой — от звонка до звонка — и освободилась. Появилась в доме своих родителей тихо, детей не узнала. До полной реабилитации было ещё далеко, поэтому приходилось особо не распространяться «где была, откуда приехала», да и детям своим многого не рассказывала.

Сёстры Виля маму помнили, и ему о ней, конечно, часто рассказывали. Но сын совсем ничего не помнил из той прошлой своей жизни с родителями. В этой жизни мамой он привык называть её младшую сестру — Хадичу Сулеймановну...

Я пытаюсь представить тот мир военных лет, жизнь густонаселённого двора в доме 10 по улице Галактионовской. Представить несложно — ведь в молодости я сам жил в таких же домах и дворах, снимая углы то на Федосеевской улице, то на улице Ульяновых. В середине семидесятых, когда учился в театральном училище, эти старые районы в центре Казани сохраняли жизненный уклад почти что дореволюционный. Те дворы называли трущобами, но так жили тысячи казанцев — и ничего экстремального в том не видели. И был железный аргумент: живём без ванн и тёплых туалетов, зато в центре, ехать никуда не надо!

Виль Мустафин более тридцати лет прожил на сравнительно малом пятачке. От дома на Галактионовской до детсада в Лядском саду, до школы на перекрёстке улиц Горького и Толстого, до университета или консерватории, где он учился, как и до КАИ, где потом преподавал,— в любую сторону было не более десяти минут неспешной ходьбы! Это ни с чем несравнимое ощущение, когда ареал твоего каждодневного обитания находится в шаговой доступности, сегодня для многих практически утрачено, а потому нам недоступно важное качество цельного восприятия окружающего мира. Вскормленные обманчивой близостью виртуальных возможностей интернета, вещный мир мы подменили визуальными образами, не замечая их суррогатной мнимости, обманчивости.

Детские впечатления Виля Мустафина, напротив, были очень живыми, контрастными и яркими. Давайте попробуем представить, что мог видеть маленький мальчик каждый день, держась за руку тёти Хадичи или сестры Чечкэ, по дороге в детский сад.

Идти до центра города, казалось бы, всего два квартала, но для маленького человека это целая история. Выходя со двора через кирпичную арку на улицу Малую Галактионовскую (бывшую Панаевскую на Нечаевом бугре), прямо перед собой они видели величественный дом купца Кекина, со шпилями на маковках, резными

балкончиками и огромными стрельчатыми окнами. В нём всего четыре этажа, но каждый этаж — высотой с их дом! Правда внутри особняк не сохранил былых красот, разбитый и разделённый фанерными перегородками на многочисленные коммуналки... В нижнем этаже расположились большой гастроном и столовая. Безусловно, дом был главной доминантой района, фасадом он выходил на оживлённый перекрёсток сразу трёх улиц, который в просторечьи назывался «штаны» — Малая и Большая Галактионовские улицы огибали величественный кекинский фрегат, действительно, по форме напоминая флотские брюки-клёш, и сливались в одну улицу, а место их слияния пересекала улица Жуковского, тянущаяся от самой Казанки до стадиона «Динамо», бывшего Панаевского сада, где позже выстроят Дом пионеров.

Минуя перекрёсток, маленький Виль доходит с тётей Хадичёй до дома, где давным-давно располагалась пекарня, в ней недолго работал молодой Алёша Пешков, будущий великий пролетарский писатель Максим Горький. Здесь до войны открыли мемориальный музей. Его именем после войны назовут и Большую Галактионовскую. Напротив, если посмотреть через улицу, внимание привлекает старинное здание, в котором расположился Татарский театр, ещё не академический, но уже блистательный. Далее за ним следует Радиокомитет, обосновавшийся в жилом доме того же Кекина, а на другой стороне улицы — угловое здание третьей гимназии, где до революции была знаменитая Казанская художественная школа, а в годы войны будет школа для девочек.

И вот, наконец, Лядской садик, в котором их детсадовская группа гуляет до обеда... (Замечу в скобках: недавно я проходил мимо того одноэтажного особняка, но сегодня от детсада осталась лишь кирпичная стена фасада, тем не менее, даже она способна передать всю основательность и капитальность дореволюционного здания, столько лет дожидающегося реставрации). Осень сменяется долгой снежной зимой, вслед за ней приходит весна с искрящимися на солнце ручейками — и Лядской сад снова расцветает, зеленеет, и сегодня в нём также слышны детские голоса. Но это уже не детсадовские воспитанники, а одинокие индиго в розовых комбинезончиках, прогуливающиеся с мамашами и бабушками. Их выгуливают на детской площадке, но каждый из них теперь сам по себе, без группы. Хорошо это или плохо?

Среди сверстников Виль ощущал себя чужаком. Но сторониться дворовой компании не хотел. В его трудном детстве, как положено, были и дальние походы с друзьями на Казанку, и снежные горки во дворе, и летние вылазки по чужим садам, и прыганье в воду с высокого моста... Однажды, чтобы испытать себя, он даже прыгал с подножки трамвая. В результате сломал мизинец и не смог больше заниматься игрой на скрипке, к неудовольствию тёти Хадичи. И к собственному несказанному удовлетворению.

II

Малая Галактионовская улица в Казани — одна из самых крутых (не только по «престижу», но и в самом прямом смысле — по углу наклона), поскольку расположена на Нечаевом бугре. Здесь Виль и его дворовые друзья любили по весне пускать кораблики, выструганные из обломков коры, оставшейся от сожжённых за зиму дров. Сама улица была вымощена булыжником, который ещё при мне не сумели закатать асфальтом — тяжеленные катки того времени не могли забраться по крутому склону. Даже легковые автомобили не всегда могли его одолеть.

Галактионовские улицы мустафинского детства были их галактикой! Вряд ли Виль знал тогда, как переводится красивое греческое имя Галактион («молочный»),

но с молоком коровы, которую доила во дворе их дома тётушка Хадича, он впитал это вселенское имя финикийского юноши, ставшего великомучеником в III веке. В конце жизни Виль Салахович восторгался подвигом того благочестивого инока... Жития рассказывают: мать Галактиона ещё до рождения сына получила во сне пророчество, что сын станет святым. Родители воспитали мальчика в христианской вере и дали ему хорошее образование. Позже отец подыскал ему богатую невесту Епистимию. Но жених и её обратил в христианство, тайно крестил и уговорил бежать на гору Публион, где скрывались женский и мужской монастыри. Через несколько лет на гору пришли вооружённые язычники, гонители христиан. Монахи предпочли уйти в горы, но Галактион решил остаться в келье своей. А Епистимия, увидев, что его связали и уводят, сочла долгом своим разделить участь мужа. Супругов пытали и четвертовали. Их подвиг любви и верности ничем не уступает веронской легенде о Ромео и Джульетте!

Конечно, в годы советской власти улицу назвали так не в честь святого. До сих пор официально она носит имя героя-революционера Алексея Петровича Галактионова — самарского подкидыша, усыновлённого бузулукским слесарем, который был одним из первых большевиков моей родной Самары и близким другом Валериана Куйбышева (и это имя вписано у меня в паспорте как место рождения). Подпольщик Галактионов стал первым председателем Самарского губкома, затем комиссаром у легендарого Блюхера. После Гражданской войны секретарь ЦК ВКП (б) В. В. Куйбышев двигал самарского друга на первые посты — в Ростове, на Кубани и Ставрополье, а в конце 1921 года отправил в Советскую Татарию, на укрепление руководящих органов молодой автономной республики. Здесь Алексей Галактионов быстро продвинулся с должности заместителя председателя Совнаркома ТАССР до председателя Казанского горисполкома, а в январе двадцать второго его избрали секретарём Татарского обкома партии. Москва посылала его руководить молодой республикой, прежде всего, для ликвидации последствий голода. Галактионов первым ввёл в Казани моду летать на самолёте по дальним районам республики и первым от этого пострадал — погиб в авиакатастрофе под Чистополем в июне 1922 года. Кстати, это была первая в истории Советской России гибель руководителя высокого ранга в результате воздушной аварии! Сталин после этого запретил первым лицам использовать самолёты в качестве служебного транспорта, а местные чекисты провели тщательное расследование на предмет возможной диверсии со стороны классовых врагов.

Гибель героя отметили достойными похоронами, в память о нём назвали улицы в Казани и Самаре. И даже на волне перестройки наши переименовальщики Галактионовскую улицу не тронули, может быть, просто упустили из виду... Ведь действительно она не такая приметная, короткая и горбатая. И зачем её вообще переименовывать? Алексея Петровича Галактионова казанцы давно забыли, о святом великомученике Галактионе забудут вряд ли. Так пусть и остаётся она такой навеки — галактикой детства Виля Мустафина!

III

Иногда старшая сестра Чечкэ брала маленького Виля выгонять в общее стадо их кормилицу-корову. И они спускались вниз по Галактионовской на улицу Пушкина, которая в те годы тянулась до самого Фуксовского бугра (ни оперного театра, ни здания обкома на площади Свободы, конечно, ещё не было), с крутого обрыва открывались дивные дали, пойменные луга тянулись до горизонта. А внизу, под Кремлём, через Казанку был перекинут деревянный пешеходный мост, который так и назывался — Коровий. По нему скотину, которую держали казанцы вплоть до начала 60-х годов, гнали

через реку пастись, а вечером коровы с отяжелевшим выменем медленно возвращались домой. И надо было встретить свою кормилицу, чтобы сопроводить её во двор.

Во дворе же проходили и главные ребячьи игры, первой среди которых была безусловно «войнушка». Лишь в ненастье мальчишки перебирались в подъезд своей двухэтажки, чтобы поиграть в любимую «мохнушку». Теперь трудно представить, какой азарт и увлечение охватывали юную душу Виля Мустафина, когда он дожидался своей очереди набивать ногой непокорную биту! Ныне у детей любых игрушек вдоволь, тем не менее, современные тинейджеры предпочитают виртуальные развлечения.

Что же это за «мохнушка» такая? Признаться, я тоже не застал повального увлечения этой игрой. В нашем мехзаводском дворе играли во многие игры военной и даже довоенной поры, такие как «штандер» или «чижик». Но старшее поколение «мохнушку» наверняка хорошо помнит. Смысл и цель игры, подбрасывая биту внутренней стороной стопы, так называемой футбольной «щёточкой», как можно дольше не давать «мохнушке» упасть. Выигрывает тот, кто выбьет большее число. Встречались мастера, что набивали до тысячи очков!

Мальчишки мастерили «мохнушки» из подручных средств, из остатков старого мехового воротника, обрезков, внутрь закладывали груз, как правило, из растопленного свинца. Ничего сложного, конечно, если не брать в расчёт, что в те тяжёлые военные годы каждый лоскуток был хозяйкой учтён, бытовых вещей, особенно носильных, катастрофически не хватало, достать хотя бы край порванного воротника было для мальцов большой удачей. Поэтому «мохнушка» среди пацанов считалась большой ценностью.

По воспоминаниям сверстников, Виль Мустафин был одним из самых сильных во дворе мастеров «мохнушки». В их подъезде жил его одноклассник Адик Раимов, к ним в гости часто захаживал и Алексей Гаманилов, с которым Виль ходил в одну группу, а потом и в один класс. Впрочем, о школьных годах нашего героя мы расскажем подробнее, а прежде сделаем «музыкальную паузу».

Как ни трудно было тётушке Хадиче с тремя малыми детьми, которых нужно и одеть, и накормить, тем не менее, она думала о будущем. Вот почему ещё в дошкольном возрасте она решила определить Виля в музыкальную школу. Всего год как началась война, Казань перенаселена эвакуированными, продовольствие отпускали по карточкам... А семилетнего Виля нарядили, как могли, и проводили на прослушивание в одну из лучших музыкальных школ. Кстати, та «музыкалка» находилась неподалёку от их детского садика, в бывшей усадьбе Боратынских. Знаменитая казанская музыкальная школа № 1 имени П. И. Чайковского гордится, прежде всего, прославленной ученицей — Софьей Губайдулиной. Она училась по классу фортепиано. Мустафиным в коммуналке было не до пианино, поэтому тётя Хадича записала Виля на скрипку. Вместе с Вилем Мустафиным в одном классе учились многие ребята, кто позже станет известным музыкантом, в частности, Ирина Бочкова станет профессором Московской консерватории, а Марат Ахметов — профессором Казанской. В их класс набрали детей достаточно известных родителей, например, с ними училась Марина Арбузова — дочка и внучка выдающихся казанских химиков, Эмиль Ключарёв — сын известного татарского композитора Александра Ключарёва, художественного руководителя Татгосфилармонии и Ансамбля песни и танца Татарской АССР, а также Эрик Аухадеев — сын одной из первых татарских актрис Галии Кайбицкой и директора Казанского музыкального техникума Ильяса Аухадеева (ныне музыкальное училище-колледж носит его имя). Здесь Виль Мустафин впервые встретился и с Рустемом Кутуем, сыном известного татарского писателя Аделя Кутуя...

Много лет пустовавшая усадьба (музей Е. А. Боратынского тридцать лет ютился во флигеле на углу) в 2015 году была, наконец, отреставрирована в первоначальном виде, в доме появилась белая бальная зала, где в позапрошлом веке Боратынские принимали представителей дворянского собрания... В советские годы её перестроили в концертную площадку с небольшой сценой и зрительным залом. И на той сцене Виль Мустафин со своими однокашниками занимался хоровым пением, что ему гораздо больше нравилось, нежели экзерсисы на скрипочке... Война войной, а у детей должно быть детство!

В сентябре 1943 года Виль Мустафин пошёл в первый класс. Казанская общеобразовательная школа № 19 имени В. Г. Белинского располагалась тогда на перекрёстке Галактионовской с улицей Льва Толстого, в старом деревянном здании, которого давно не существует — сорок лет назад на том месте построили многоэтажную межвузовскую столовую. Заметим, кстати, что именно в сорок третьем в стране ввели раздельное обучение, мальчики и девочки стали учиться в разных школах. И это стало одним из звеньев в последовательном и постепенном возврате к дореволюционным установлениям в разных областях. Так, например, в армии вернули погоны, в образовании вспомнили о гендерных преимуществах раздельного обучения, разрешили справлять религиозные культы. 4 сентября Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин встретился с митрополитами православной церкви и согласился на восстановление патриаршества... Три дня спустя патриархом всея Руси был избран Московский митрополит Сергий. Десятки храмов возвратили церкви, но в первую очередь — не закрыли те приходы, что стихийно открывались на оккупированных территориях, когда после Курской битвы, после коренного перелома в ходе войны, фронт стремительно двинулся на запад.

В стоявшем напротив их школы католическом костёле богослужений, впрочем, не возобновили, поскольку в здании церкви смонтировали аэродинамическую трубу — уникальное научное сооружение много десятилетий играло важную роль не только в деле обучения студентов Казанского авиационного института. Костёлы есть во многих городах, а вот такой трубы нет.

После Победы их школе передали здание, стоявшее напротив того костёла, всё на том же перекрёстке улиц Толстого и Галактионовской. Помимо музыкальной школы Виль стал ходить и в гимнастическую секцию. Спорт тогда был в почёте, фактически все школьники так или иначе были вовлечены в занятия физической культурой. Мустафин оказался одарённым гимнастом, многие упражнения на турнике и других снарядах он выполнял лучше, чем сверстники. И уже через несколько месяцев Виль выступал на районных и городских соревнованиях по спортивной гимнастике. В послевоенные годы этот вид спорта был не просто популярен, но входил в программу обязательных школьных уроков по физкультуре. Помню, в шестидесятые годы у нас отводили целую четверть на изучение «висов», «махов», «солнышек» и прочих турниковых фигур.

Для мальчиков это было особенно актуально, поскольку самоутверждение в подростковой среде не всегда происходит на эмоционально-интеллектуальном уровне. Говоря проще, пацанам порой приходится постоять за себя, пуская в ход кулаки. Тем более, когда в классе половина учащихся — с «низов»...

Подобное расслоение с каждым годом всё заметнее давало о себе знать. Ребята, ходившие в школу с улиц Федосеевской, Подлужной и других «низовых» переулков, расположенных у самой реки Казанки, как правило, были из рабочих семей, в их районе были сильны традиции уличной шпаны, процветала лагерная романтика. Через тридцать лет сам я окажусь в том трущобном районе, почти не изменившемся

с дореволюционных времён, с деревянными домами и удобствами во дворе. И так было вплоть до строительства филиала Музея В. И. Ленина — Национального культурного центра «Казань», сразу прозванного в народе «крематорием». Нас, студентов, снимавших у алкашей углы, местные бандиты почему-то не трогали, видно, понимали, что на нас не больно-то разживёшься.

Как однажды рассказывал Мустафин, в их классе водораздел сохранялся неукоснительно, хотя обе стороны сохраняли относительный нейтралитет. Тем не менее, Вилю пару раз доставалось от забияк с Подлужной. Они знать не знали о его сиротстве, о его безотцовщине. Но в недалёком будущем и на «фраеров» нашлась управа. Виль научился драться, слава о его нокаутах в юности разнеслась по всей округе. Но водораздел развёл одноклассников и после школы — половина класса сразу поступила в университет и другие институты. А другая половина... пошла на «первую ходку», то есть проходила свои «университеты» в местах не столь отдалённых.

А ещё, как вспоминали одноклассники Мустафина, Виль организовал в классе тимуровский отряд. Они ходили по дворам и выкапывали из снега дрова одиноких стариков, которым трудно было самим выйти из дома, носили престарелым воду из уличной колонки. Теория «малых дел» на практике оборачивалась каждодневными рутинными заботами, невозможно было оставить своих подшефных, которые поверили тебе и ждут твоей помощи. Но ведь у каждого из них были свои домашние обязанности, практически неведомые нынешним тинейджерам. Взрослые трудились по десять-двенадцать часов, практически без выходных, поэтому домашние хлопоты, стояние в очередях за хлебом и многое другое ложилось на неокрепшие плечи мальчишек и девчонок военных лет.

IV

Одной из главных особенностей своего характера Виль с детства считал стремление к независимости. Можно было бы сказать, к свободе. Но точнее всего это можно выразить словом «воля».

Не случайно, став постарше, он вовлекал друзей-одноклассников в так называемые «походы». Собственно, вылазки на природу тогда вообще были популярны среди молодёжи, пешие марш-броски или водные прогулки, однодневные маршруты или ночёвки в палатках у костра... Особенно без взрослых! Кто в детстве не бывал в таких «походах», наверное, не поймёт всей прелести «вольной жизни» (я вырос на Волге, детство провёл у Жигулёвских ворот, и до сих пор храню воспоминания тех лет, как самые счастливые!).

С Адиком Раимовым Виль жил в одном доме, ходил в одну детсадовскую группу, а потом и в один класс 19-й школы имени В. Белинского. Раимовы имели моторную лодку, она стояла на другом берегу Волги, где у них была дача (не путать с нынешними дачами-усадьбами в элитных загородных клубах! в те годы многие обходились фанерной хибаркой два на три метра). Однажды, в самом конце лета, Виль подбил Адика и нескольких друзей съездить к ним на дачу. А потом предложил совершить лодочную прогулку. Ребята рыбачили, варили уху на песчаных островах, чувствуя себя робинзонами! По воспоминаниям Абрека Сабитова, им попался огромный лещ с отрубленным хвостом. Вероятно, попал под винт буксира или катера... И они варили себе уху. Было это в районе Кзыл Байрака и Шеланги, двух живописных сёл, где любили отдыхать казанцы, снимая на лето дачи у местных жителей.

Тех островов давно уж нет, они ушли под воду, когда уровень Волги в 1957 году подняли на несколько метров — с запуском Куйбышевского водохранилища заметно изменились очертания волжских берегов. Напротив Шеланги, на другом, более

низком берегу Волги, располагался знаменитый Голубой залив. Там и сегодня располагается летний лагерь Казанского университета, и в пятидесятые годы он был самым желанным местом отдыха казанских студентов. Виль Салахович не раз вспоминал, как он любил там бывать. И даже став преподавателем КАИ, он продолжал посещать студенческий лагерь.

Вряд ли в детстве Виль Мустафин задумывался о проблемах несвободного советского общества. Но, повзрослев, не мог не замечать тотальной несвободы в стране. На подростковом уровне проблема свободы тоже обсуждалась, прежде всего, в связи с угрозой оказаться в местах её лишения. Угроза вполне реальная. Начиная с четырнадцатилетнего возраста любой пацан, наравне со взрослыми, нёс уголовную ответственность за любое противоправное действие, которое мальчишки воспринимали как шалость. Советское правосудие, сколько помню, не шибко любило применять условные наказания. И даже обычная дворовая драка — свершившаяся со всеми нормами «дуэльного кодекса», могла для кого-то обернуться вполне реальным сроком лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии.

Насчёт «кодекса», кстати, я не зря вспомнил. В отличие от нынешнего беспредела, когда отморозки могут напасть на любого случайного прохожего и затоптать его без всякой жалости, в те годы подростковые драки велись всегда с соблюдением неписаных правил. Они потому и назывались неписаными, что почитались куда выше законов писаных, то есть уголовно-процессуальных.

О правилах дворовых баталий написано немало, среди основных, конечно, сразу приходят на память «лежачего не бить», «до первой крови» или «до слёз». Не допускались удары ниже пояса, особенно в промежность, за ходом поединка следили авторитетные рефери, как правило, из старших ребят. И дело тут не в детской жестокости, разумеется, а в вечных принципах иерархии. В послевоенном быту, бедном и трудовом, улица диктовала свои условия общежития, и взаимоотношения строились сугубо по силовому пути. Вообще, кто сильнее — это не жлобский постулат, а суровое правило природы. Как ни странно, такая иерархия не вела к росту насилия, наоборот, сдерживала его рост. Проще говоря, как в дикой природе, чаще всего пацанам не приходилось драться постоянно, чтобы выяснить, кто сильнее. Как молодые волки, сошедшиеся на границе своих ареалов обитания, далеко не всегда выясняют отношения с помощью когтей и клыков, а лишь демонстрируют свои физические кондиции и морально-волевые качества в неком ритуальном ощеривании и рычании... Так и мальчишки безошибочно ориентировались в расстановке внутридворовых сил и точно знали своё место в иерархии, чтобы подтверждать свой статус по мере необходимости — и далеко не всегда в прямом единоборстве.

Виль Мустафин в своём дворе среди сверстников тоже был заводилой, поэтому не меньше других опасался всерьёз угодить в лапы Фемиды. Эту древнюю богиню правосудия, хорошо знакомую казанским пацанам по анфиладам на фасадах старинных зданий, не зря ведь изображали с повязкой на глазах — слепая сила могла легко сломать судьбу любому из них. Не случайно ведь римляне переимновали Фемиду в Юстицию, главенство права перед здравомыслием и милосердием всегда отличало сильные державы. А после войны СССР, безусловно, стал сверхдержавой. И органы юстиции, закалённые в боях, продолжали вести борьбу на всех фронтах «по законам военного времени».

В каждом дворе, в любой дворовой компании, обязательно и непременно, возникали подобные коллизии. Кого «закрыли», кому «срок впаяли», кто с нар «откинулся»... Виль был отличником в учёбе, но в дворовой тематике разбирался легко и свободно.

В подавляющем большинстве случаев несовершеннолетние пацаны попадали за «хулиганку», но порой к ним применяли и вполне взрослые уголовные статьи — за разбой и грабёж. На скамью подсудимых порой попадали дети из вполне благополучных семей, родители которых занимали высокие посты в советской иерархии — суровый закон мёл под одну гребёнку всех без разбора!

Виль с полутора лет (по детприёмнику на улице Красина) знал, что такое неволя. Пусть и не помнил подробностей недолгого младенческого заключения под стражу, зато глубинно, подкожно ощущал всю «прелесть» лишения свободы! И прекрасно сознавал: попади он в лапы советского правосудия, то никто его, сына «врага народа», не пощадит.

Некоторым сверстникам, получившим «по малолетке» первый срок, Виль даже помогал позже поступать в институт — ходил сдавать вступительные экзамены «за того парня». Это были сыновья крупных начальников. У кого же не было отцов с портфелями (а после войны, понятно, большинство оказались сиротами), тем приходилось хуже.

Ирония советской действительности заключалась в том, что места заключения (зоны, лагеря) тогда назывались исправительно-трудовыми колониями, считалось, что оступившийся — благодаря общественно-полезному труду — одумается, встанет на путь исправления и вернётся домой, полностью осознав свою вину и твёрдо решив начать честную трудовую жизнь. На деле всё оборачивалось куда трагичнее. Очень часто первый срок, за мелкую кражу или уличную драку, становился пожизненным клеймом — и навсегда определял путь человека по известной формуле «украл — попался — в тюрьму»... Фактически перед освободившимся сразу вырастал частокол непреодолимых препятствий: его не желали прописывать по прежнему месту проживания, а без прописки не брали на работу, безработных же в советской стране не могло быть по определению — тунеядство было прописано отдельной статьёй в Уголовном кодексе. Получался замкнутый круг, впрочем, часто сам же оступившийся-освободившийся спешил его разорвать. Благо, новый срок получить было ещё легче — за бывшими заключёнными внимательно следили участковые, которые лично были заинтересованы поскорее избавиться от беспокойного персонажа на вверенном им участке... Случалось, на таких вешали «глухарей», а некоторые были рады вернуться к мрачной и беспросветной, но зато понятной и однозначной жизни за колючей проволокой. После третьей судимости на такого бедолагу ещё вешали клеймо «рецидивиста», и уже не надеялись исправить общественно-полезным трудом.

Вот почему старинная пословица «от сумы и от тюрьмы не зарекайся» для Виля и его товарищей в старших классах стала вполне серьёзно ощущаемым дамокловым мечом над головой, что крутится на тонкой шее!

V

Призыва на воинскую службу Виль Мустафин, в отличие от многих своих сверстников, старался избежать также отчаянно, как и тюремного заключения. Более того, принципиальной разницы между ними не видел. Разве что в деталях.

Следует заметить, в те годы, когда эхо войны ещё отдавалось на каждом шагу, служба в армии считалась не просто «почётной обязанностью гражданина», но большинством призывников воспринималась как своего рода посвящение во взрослую жизнь (сравнимое с инициацией в первобытном обществе или конфирмацией у нынешних англикан). Армейская романтика, конечно, отличалась от воровской, но также была характерна для дворовой среды, а «дембель» считался таким же «крутым», как только что «откинувшийся с зоны».

На срочную службу тогда призывали с девятнадцати лет, и продолжалась она три года, на флоте — даже четыре (в наши годы срок службы сократился до двух лет, а служить стали с восемнадцати, но всё равно с нынешними двенадцатью месяцами не сравнить). Для юношей из деревень и рабочих посёлков, то есть для подавляющего большинства, повестка в военкомат становилась «путёвкой в жизнь», ведь отслужившие в армии могли поступать в институты на льготных основаниях. Возможность получить высшее образование — ныне практически поголовная — в те годы была ограничена реальным количеством вузов. А многие стремились поступить в военные училища. И не только потому, что «есть такая профессия — Родину защищать». Офицерские погоны гарантировали полное государственное обеспечение. В послевоенные годы это было актуально и престижно.

Виль Мустафин был не из большинства, видимо, у него в подкорке упрямо засело (с детприёмника на Красина) подсознательное неприятие любого ограничения свободы. Достойным способом избежать повестки он видел поступление сразу после школы в высшее учебное заведение, где есть военная кафедра. Ради этого учиться надо было на «отлично». И с этим у Мустафина как раз проблем не возникало. Вечно занятая на работе тётя Хадича не имела достаточно времени для проверки домашних заданий, но обладала достаточной подготовкой, чтобы коротко и доступно объяснить непонятную теорему или помочь решить задачу. Да и старшая сестрёнка Чечкэ была для Виля хорошим примером. И младший брат переходил из класса в класс с одними пятёрками, каждый год успешно сдавая промежуточные экзамены. Вот только в десятом классе едва не оступился...

Трое однокашников по окончании школы получили золотые медали, Мустафин же довольствовался одной из двух серебряных... Для Виля это считалось не достижением, а скорее наказанием — он тоже шёл на золотую, но в РОНО рассудили, что на один класс столько медалей будет слишком. Зная это, Виль на «золото» и не рассчитывал. Ведь он вообще чуть было не остался без аттестата!

Его судьба оказалась буквально на волоске из-за истории с портретом Сталина. Многим читателям сегодня нужно отдельно объяснять ту давно забытую обыденную обязаловку советской жизни. В каждом классе, в «красном углу», между входной дверью и доской, оформлялся стенд с распорядком дня и различной текущей информацией. Обязательным было наличие портрета вождя и какого-либо призыва типа «Учиться, учиться и учиться, как завещал великий Ленин». Классный уголок каждую четверть обновляли либо староста, либо редколлегия.

Виля Мустафина избирали и старостой класса, и в редколлегию. Классный руководитель поручал ему также зачитывать постановления партии и правительства на часе политинформации, потому что у подростка рано прорезался сильный красивый голос.

Осенью 1952 года, как обычно, пришлось обновить классный уголок. А через день одноклассники обнаружили, что новый стенд кто-то «обновил» грязным следом подошвы. Вряд ли свои на такое способны, поэтому подозрение пало на параллельный класс, занимавшийся в том же кабинете во вторую смену. Их классный уголок располагался в том же углу, на него-то учащиеся 10А и вылили свой «праведный гнев», стали плевать на стенд конкурентов. Один из учеников, рослый и сильный Сорокин, и Виля заставил плевать вместе со всеми.

Разразился скандал. На оплёванном классном уголке красовался отретушированный и вырезаный из журнала портрет самого товарища Сталина. Хулиганская выходка десятиклассников вполне тянула на антисоветскую провокацию. Инцидент обсуждался на уровне комитета комсомола. Вёл комсомольское собрание парторг

школы Виктор Янонис, указывая на осквернённый ватман с наклеенным портретом генсека, он грозно скомандовал:

— Встаньте, кто это сделал?

Виль встал. Никто больше не осмелился. Все понимали, что один человек не смог бы извергнуть из себя столько слюны... Тем не менее, прорабатывать начали одного Мустафина. Это казалось настолько несправедливым и обидным, что Виль встал и вышел из класса.

Он ушёл домой, прекрасно понимая, чем ему это грозит. Если Янонис решит выгнать Мустафина из комсомола, то директор вынужден будет исключить изгоя из школы — в те времена общественно-политические институты были важнее общеобразовательных. Выпускник с волчьим билетом не мог поступить в высшее учебное заведение, что автоматически приводит его на призывной пункт военкомата. Но и там, по накатанной наклонной тогдашних оргвыводов, исключённого из комсомола направят не в элитную воинскую часть, а в стройбат, о котором рассказывали страсти, как о штрафбатах минувшей войны.

О, эти мучительные переживания переходного возраста, юношеские терзания! Язык не повернётся назвать их пустяковыми, не стоящими эмоциональных выплесков... В выпускном классе решается судьба всей дальнейшей жизни. И любой незначительный проступок вдруг может перечеркнуть всё! Виль хорошо это понимал. И даже не мог толком рассердиться на друзей-одноклассников, которые вскоре прибежали к нему. Конечно, извинялись, что смалодушничали, не поднялись вместе с ним. Но он тоже должен их понять... Виль понимал, что школьному начальству выгоднее всё свалить на провокатора-одиночку. Групповое участие повлечёт политические выводы, возможно, уже на другом, более серьёзном уровне.

Заодно друзья сообщили: после его ухода было решено собрание перенести. И провести его через день. Мустафин на него просто не пошёл, поскольку был уверен: всё заранее предрешено в кабинете директора школы. Виль готовился к самому худшему. Однако руководство не стало исключать примерного ученика, отличника, победителя математических олимпиад, ограничились строгим выговором и «двойкой» по поведению за вторую четверть.

Мустафину такое решение давало призрачную отсрочку. Правила игры были строго регламентированы, даже пятиклассник мог бы тогда предсказать, что будет дальше: «двойка» в четверти — это в лучшем случае «уд» за полугодие. И если даже в третьей и четвёртой четвертях ученик примерным поведением заслужит жирные пятёрки, тем не менее, путём простого арифметического сложения, всё равно провинившемуся, но искупившему вину выставят за год лишь «четвёрку». А с четвёркой за поведение аттестаты о среднем образовании в те годы не выдавали, на руки выпускнику полагалась только справка о том, что он окончил общеобразовательный курс. Двери в институты с такой справкой закрыты наглухо, остаётся одна дорога — поступать в техникум, в среднее специальное учебное заведение, откуда на срочную службу забирали всех годных к строевой.

Впрочем, оставался шанс. Крайне рискованный. Не одному Мустафину светила тройка по поведению. Короче, у него появился сообщник. Ибо украсть из учительской дисциплинарный журнал в одиночку непросто, кому-то надо встать «на шухер»... Парочка сумела похитить и сжечь журнал 10-го «а», вместе с которым сгорели все записи о малых и больших прегрешениях целого класса!

Расчёт поджигателей оказался верен — лишившись документально зафиксированных проступков учащихся, учителя не стали никому занижать отметки по поведению, которые тогда имели куда большее значение, чем через десять-пятнадцать

лет (в наши годы на них вообще никто не обращал внимания, практически всем выпускникам пять баллов гарантировались автоматом).

В итоге Виль Мустафин сдавал выпускные экзамены вместе со всеми.

VI

История с портретом Сталина, возможно, имела бы продолжение. Однако пятого марта 1953 года советскому народу объявили о смерти Иосифа Виссарионовича... И началась совсем другая эпоха.

Как обычно, Виль на кухне ночью слушал по радио «Голос Америки», так что о кончине вождя узнал раньше, чем его одноклассники. В школу в тот день Мустафин не пошёл. Знал, что его, как старосту, комсомольца и обладателя громкого голоса заставят выступить от имени и по поручению класса. Кроме того, решил прогулять занятия из банального расчёта, что в такой день вряд ли будут отмечать в журнале отсутствующих и после не потребуют справку о болезни... Больше всего Виль опасался, что на фоне обязательно-показательной демонстрации глубокой скорби он, сын «врага народа», не сможет сдержать на лице «глубокого удовлетворения».

Виль был рад, конечно, что Сталина не стало! Сегодня кто-то может удивиться, дескать, откуда десятиклассник 1953 года понимал то, о чём в обществе открыто заговорят лишь после XX съезда партии, а в печати о сталинских репрессиях публикации широко пойдут лишь с перестройкой в 80-е. Но факт вещь упрямая: в десятом классе Мустафин был уже вполне сформировавшейся личностью, взрослым думающим человеком, который отлично знал, кто такой Сталин, и прекрасно понимал, что он принёс его семье и всему народу. Но быть как все, думать как все — это не про Виля.

В одном из поздних интервью он, в частности, говорил так: «Первоначально мы думаем, что все мы одинаковы. В детстве это нормально. Но ведь некоторые так считают до конца жизни, до них и в преклонном возрасте не доходит „дуновение мудрости“. Зачатки мудрости — врождённые, они проявляются в детстве. Это страшно, когда с детства начинаешь понимать истину. Сначала и сам не знаешь, не догадываешься об этом. Потом начинаешь встречать, сначала как бы ненароком, доказательства истинности своих детских или юношеских „догадок“».

Что имел в виду Мустафин, объяснять излишне, лично мне такие «дуновения» помнятся с детского сада. С годами, с возрастом, уверен, люди отнюдь не становятся умнее и мудрее. Душа наша вообще не стареет, это тело за долгую жизнь успевает несколько раз поменять все свои клетки, десять раз обновить кровяной состав, внешность наша с годами изменяется до неузнаваемости (увы, не в лучшую сторону), умственные способности, к сожалению, тоже не прогрессируют. Одна изначальная мудрость души остаётся неизменной.

Большинство советских граждан весть о смерти Сталина, разумеется, воспринимало как общенародное горе. И это горе сильнее всего было связано со страхом. С именем вождя связывали Победу в самой страшной и кровопролитной войне, в которой погибло людей больше, чем за все предыдущие сражения в истории человечества! Многие опасались, что со смертью генсека грянет ещё более ужасная война... Кстати, не зря опасались: в конце 2015 года американцы рассекретили стратегические карты Пентагона, на которых в качестве целей для ядерной атаки были обозначены десятки городов Советского Союза — это было бы сто хиросим! Казань на тех картах, само собой, тоже была отмечена крестиком. Да и президент Кеннеди со своими ястребами в период карибского кризиса обсуждал даже не саму возможность послать на СССР стратегические бомбардировщики, но вполне конкретную дату атомного

Армагеддона! Его остановила только неизбежность ответного удара. Мы и сегодня имеем дело с противником, который не задумываясь уничтожит всех нас... однако вряд ли решится нажать «красную кнопку», пока теоретически и гипотетически существует вероятность, что при этом могут погибнуть граждане США. И этим даже маленькая, гордая Куба в 1961 году с помощью Советского Союза оказалась способна запугать Америку!

Да, смерть вождя действительно была страшным переживанием для многих. Только Виль Мустафин тогда уже обо всём судил самостоятельно. Он чувствовал, как один камень с души его свалился. Что будет со страной? Неизвестно, что будет завтра. Но хуже, чем было вчера, точно не будет.

Вместо того, чтобы со всеми в школе (как было по всей стране) скорбеть по генсеку, Виль купил в гастрономе, в Доме Кекина, бутылку водки. Уроки в тот день в самом деле отменили, и друзья-одноклассники нагрянули к Мустафину сразу после линейки, чтобы рассказать подробности траурного митинга. Разумеется, все согласились «по-взрослому» отметить событие. В результате мальчишки напились, стали орать, бузить, дошло до того, что сосед по коммуналке стал гоняться за ними с топором! Можно понять взрослого человека, насколько возмутило его подобное кощунство.

САМАЯ КРАСИВАЯ ОШИБКА

Чечкэ, старшая сестра Виля, окончила среднюю школу с золотой медалью. По слова брата, пятёрки сплошь у неё были не только в аттестате, но даже в дневнике — за все годы учёбы! Вторая сестра, красавица и умница Гуля получила медаль серебряную. Виль планировал продолжить традицию, во всяком случае, мама Зара и тётя Хадича об этом мечтали — это было не столько «делом чести», сколько гарантией поступления в университет вне конкурса.

Но тут судьба сыграла с Вилем очередную злую шутку. Выяснилось, что их школа «переусердствовала», давая ученикам хорошие знания, в итоге слишком много выпускников нацелились на заветные медали. Районный отдел народного образования рекомендовал одного из отличников перевести из разряда претендентов на «золото» в ряды серебряных призёров... Выбор пал на Мустафина, и основания на то имелись. В десятом классе Виль реально «накосячил», за что имел выговор по комсомольской линии. Все понимали, победитель городских и республиканских олимпиад по математике достоин «золота», но ничего поделать не могли. Как нарочно, на выпускных экзаменах Мустафин по всем предметам ответил безупречно, на отлично. Поэтому отнять один-единственный бал нужно было именно на экзамене по математике, которую Виль знал лучше всех в классе!

Спорить с судьбой бессмысленно. Пришлось стерпеть незаслуженную четвёрку в аттестате — и в результате довольствоваться лишь серебряной медалью. Удар по юношескому самолюбию, впрочем, не лишал Виля льгот на поступление в любой институт без экзаменов. Мустафин решил поступать в Московский государственный университет — бесспорно, лучший вуз страны.

I

Привычная аббревиатура МГУ ныне вызывает в памяти красавец-небоскрёб на Воробьёвых горах, невиданных размеров университетский кампус, перед которым развернулась грандиозная смотровая площадка, откуда видно всю Москву, как на

ладони... Должен вас разочаровать, в начале пятидесятых, о которых пойдёт речь, ничего этого не было, а сами горы — хоть и назывались Ленинскими — в те годы являли собой заросшую окраину. Университетскую высотку только начинали возводить, поэтому Виль Мустафин обращался в приёмную комиссию МГУ по старому адресу — напротив Московского Кремля.

Медалистов зачисляли без экзаменов, тем не менее, для них тоже было установлено собеседование. А собеседование с математиками проводил Пётр Сергеевич Моденов, издавший в 1950 году «Сборник конкурсных задач по математике с анализом ошибок: Задачи, предложенные на приёмных испытаниях в высшие учебные заведения». Его рекомендовали не только абитуриентам, но также для преподавателей математики в средней школе. К слову, сборник оказался настолько успешным, что на его основе уже в нашем тысячелетии потомки Петра Сергеевича (Пособие для поступающих в вузы академика В. П. Моденова, 2002) продолжают готовить абитуриентов!

Виль не просто мечтал о Москве, как мечтали и до него, и после десятки тысяч молодых провинциалов, он именно хотел встретиться с тем самым Моденовым. Ради этого перерешал все задачки из его сборника, находя в том особое удовольствие. Увы, Мустафина до Моденова не допустили. В приёмной комиссии казанским «сиротам» (а Виль ездил поступать вместе с одним из друзей) сообщили, что собеседования с медалистами закончились, списки абитуриентов сформированы. Так что приезжайте на следующий год...

Дело было вовсе не в московской фанаберии, а в элементарной стеснённости университета — старое здание МГУ даже с достроенными до войны аудиторными корпусами не позволяло вместить всех желающих. Оттого и задумал товарищ Сталин строить новый университетский городок — на 100 тысяч студентов. Отметим, до конца двадцатого столетия главный корпус МГУ на Воробьёвых горах оставался самым высоким зданием столицы. Символично и симптоматично, что ныне самыми высокими небоскрёбами столицы стали торговые башни зловеще сияющего, жутко скособоченного комплекса «Москва-сити». Ничего не попишешь — у всякой эпохи свои приоритеты!

Пришлось Вилю Мустафину вернуться домой, чтобы успеть сдать документы на физико-математический факультет Казанского университета. И забыть о своих московских амбициях надолго... В судьбе любого человека никогда нельзя заранее определить — что сложилось счастливо, а что стало неудачей. Судите сами, если бы Виль поступил тогда в МГУ, то — можете не сомневаться — Мустафин стал бы крупным учёным, может быть, даже светилом отечественной науки... но никогда бы уже не был казанским поэтом. А нерождённые стихи, насколько я понимаю, те же дети, не явившиеся на свет...

В Казани, в приёмной комиссии физмата КГУ абитуриента встретил Владимир Владимирович Морозов. Известный математик-алгебраист, бессменный председатель жюри городских математических олимпиад, он вручал Вилю Мустафину, как победителю, почётные грамоты и памятные награды, приговаривая при этом, мол, «теперь к нам, конечно, придёте поступать». Собеседования с медалистами в Казани тоже завершились, уже назавтра был назначен первый экзамен для основного потока абитуриентов. Но Морозов пошёл навстречу «юному олимпийцу». Владимир Владимирович объяснил руководству факультета, дескать, с Мустафиным и так всё ясно, без собеседований. А Виля тут же включили в список отбывающих в колхоз — такой для медалистов придумали «бонус»! Это было в духе советского времени. Всем поступившим в вуз приходилось отбыть примерно месяц на селе, где «абитуру» использовали в качестве дармовой рабсилы на самых грязных тяжёлых работах. В наше

время сию трудовую повинность называли — «отправить на картошку», и никто не воспринимал это, как трагедию, наоборот, мы видели в том романтику!

II

Университетские годы — безусловно, лучшие в жизни! Потому что это не только лекции и экзамены, а прежде всего — общение со сверстниками и сверстницами, совместные мероприятия и прогулки, вылазки на природу. Круг общения Мустафина заметно расширился, в него входили не только математики. Объединяла молодых, как это часто бывает, современная музыка. В наши годы крутыми считались рок-группы Deep Purple и Uriah Heep, Led Zeppelin и Queen, хотя слушали и «Аквариум», и «Ариэль», и «Машину времени».

Виль Салахович такую музыку не признавал, как музыкант он состоялся в пору джаза. Середина пятидесятых для джаза стала поистине золотой порой, потому что в Казани тогда осели «шанхайцы» во главе с Олегом Лундстремом. В его оркестре играл молодой саксофонист Виктор Деринг, который параллельно подрабатывал по ресторанам (это считалось не зазорно, наоборот, престижно) и участвовал в студенческой самодеятельности, в частности, создал первый джаз-бэнд в Казанском университете.

Виль Мустафин пел ещё в школе. Вот и в университете записался в вокальный кружок при студклубе. С ним занималась чуткий педагог, замечательная Татьяна Михайловна Григорьева, о которой Мустафин и полвека спустя вспоминал с теплотой и благодарностью. Она сразу заметила его красивый бас, с первых занятий прививала Вилю основы правильного звукоизвлечения. Там он познакомился со Светланой Жигановой, дочерью выдающегося татарского композитора и ректора Казанской консерватории. И уже через год вместе с ней побеждал в олимпиадах (тогда ещё не названных «Студенческой весной»), сначала были первые места на факультете, потом победы по университету и, наконец, триумф на городской олимпиаде студенческих талантов. Со слов слышавших тогда его выступления, Мустафин впервые блеснул своим басом на сцене оперного театра, исполнив на бис песнь варяжского гостя из оперы Н. Римского-Корсакова «Садко» на торжественном вечере, посвящённом 150-летию Казанского университета.

Виктор Деринг пригласил Жиганову и Мустафина к себе, университетским джазменам срочно нужны были солисты. Так что в репертуаре Виля наряду с классикой появились и шлягеры тех лет на французском и английском языках. В университете Мустафин стал личностью популярной. И у противоположного пола в том числе.

Конечно, студенческие годы — самые лучшие в жизни! Мы уже упоминали, как любил Виль загородные путешествия с друзьями. И что самым любимым местом отдыха студентов был летний лагерь на Голубом заливе. Там, от Казани вниз по течению, сразу за Боровым Матюшино и Кордоном, расположены базы разных казанских вузов. Места прекрасные, практически незаселённые, даже сейчас вполне дикие, в те годы просто поражали своим первозданным видом.

Именно там началось необыкновенное приключение, которое серьёзно повлияло на последующую судьбу нашего поэта.

III

С февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 года началась кампания по освоению целинных и залежных земель, прежде всего, в казахских степях. Для мустафинского поколения с целиной связана целая эпоха. Начать с того, что к середине пятидесятых СССР испытывал острую нужду в обеспечении населения хлебом

и другими связанными с ним продуктами, животноводство и молочная промышленность тоже напрямую зависят от фуража. Курс партии на ударное повышение урожая зерновых в целом был решён уже в первые годы освоения целины. За три года Советский Союз перешагнул урожайный рубеж в сто миллионов тонн хлеба! И до половины этого каравая давала целина.

Первопроходцами целины были, разумеется, комсомольцы-добровольцы. Во всяком случае, так писали в газетах. Они пахали и сеяли практически в боевых условиях. На уборку урожая сгоняли в том числе и студентов казанских вузов.

В 1956 году Вилю Мустафину тоже нужно было отправляться на целину. Но он до того разомлел на белом песочке Голубого залива, что потерял счёт дням. И выбрался в город на день позже. Приехал домой — а там записка сестры, где сказано, когда выезжает их отряд. Короче, поезд ушёл.

Это грозило строгим взысканием, вплоть до исключения из комсомола, которое, с свою очередь, означало фактически отчисление из университета. Нужно было срочно исправлять ситуацию. К счастью, Мустафин был на хорошем счету. Как победителю городских олимпиад среди вузов, Вилю пошли навстречу. Выписали нужную сумму из кассы комитета ВЛКСМ и отправили в Свердловск самолётом. Так что всё обошлось, и даже обернулось приятным бонусом — первым в жизни воздушным полётом. Состав с целинниками двигался ни шатко, ни валко, на полустанках студенты участвовали в митингах... А Мустафин трое суток проболтался в столице Урала, пока не встретил своих однокашников на Свердловском вокзале. А потраченные деньги вернул с первой получки своему комсоргу, как и обещал.

На целине Виль встретил знакомых, которых никак не ожидал здесь увидеть. Вместе со студентами на уборку урожая бросили «перевоспитывающихся»! Как мы уже говорили, многие сверстники Виля попали в исправительно-трудовые колонии «по малолетке» — за драки, кражи и более тяжкие преступления. Срок осуждённым могли сократить «за примерное поведение», заменив на поселение. В общем, тоже не курортно-санаторный режим, но всё не в колонии, не под конвоем! В Казахстане Мустафину приходилось пересекаться с теми, с кем они раньше играли вместе на Галактионовской улице или ходили на танцы в Ленинский сад... Встречи эти не были обоюдно желанными. Блатные не скрывали неприязненного отношения к студентам. Да и Вилю возобновлять знакомства не особо хотелось. Но после он писал, что целину распахивали не одни энтузиасты и добровольцы, основной тягловой массой стали, как было принято в СССР, люди подневольные. В 60–80-е годы эти поселения заключённые назовут «химией» («вставших на путь исправления» стали направлять в основном на вредное производство). Всесоюзные комсомольские стройки тоже не обходились без людей подневольных. В Татарстане примером тому может служить «Нижнекамскнефтехим». Но вот КАМАЗ в Набережных Челнах решили строить «чистыми руками», без участия зэков. Говорят, что к такому решению был причастен комсомольский, а затем партийный активист, бывший казанский студент Раис Беляев, четырнадцать лет возглавлявший в Набережных Челнах горком КПСС. Он инициировал мысль, что Всесоюзная ударная стройка должна совершаться чистыми руками. Партийные верхи в Казани и Москве поддержали идею.

«Целинный семестр» для студентов физмата стал испытанием на выносливость, прежде всего, в бытовом отношении. Жить приходилось в условиях не самых комфортных (мягких постелей, мягко говоря, не имелось) и кормили не густо, а работать гнали в самое пекло. Да и природа северного Казахстана не располагала к лирическому настроению. Выжженные степи, безлюдье и бездорожье. Лишь одно придавало сил: всё это скоро кончится.

Однажды сообщили, что под Семипалатинском (на достаточном удалении от них, но всё же...) пройдёт испытание ядерной бомбы. Со студентами провели разъяснительную работу, предупредили, что особо распространяться об этом не следует, тем более, упоминать в письмах. В пятидесятые годы атомное оружие, напомним, ещё испытывали в атмосфере, хотя учёные много чего уже знали о лучевой болезни. Правила гражданской обороны только разрабатывались, оповещать население об угрозе радиоактивного заражения не торопились — испытания проводились в обстановке секретности. Так казанским студентам-целинникам на себе довелось испытать ядерный удар.

Об этом у нас долго ничего не писали. Одним из первых в средствах массовой информации рассказал о тех испытаниях первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев, который в интервью главному редактору газеты «Казанские ведомости» Венере Якуповой поделился любопытными воспоминаниями. Как вспоминал Минтимер Шарипович, «припылил „газик“ с военными, вышел офицер и довольно буднично нам объявил: в 14 часов ноль минут произойдёт очередное испытание атомной бомбы. Если случится так, что деваться некуда — не останавливать же уборку, когда поспели хлеба! — то вот имеется предписание, которое следует выполнить по возможности точно... В обозначенный день, в указанное время нужно было отложить все дела и внимательно посмотреть на небо. Сначала появятся самолёты, которые очертят два-три круга, махнут, так сказать, крылом. Это общее оповещение, для нас — сигнал. Дальше нужно было заглушить трактор, покинуть комбайн, лечь на землю животом вниз, а головой в строго определённом офицером направлении — он небрежно махнул рукой, указал... Ну, и лежать себе, отдыхать до тех пор, пока не закончатся испытания очередной атомной бомбы. Правда, когда это произойдёт, уточнять почему-то не стали. Этот радостный момент нам предстояло определять самим — на глазок».

Когда в небе показались самолёты, молодой комбайнёр Шаймиев заглушил мотор, лёг на землю ничком, чтобы зерноуборочная машина прикрыла его от ударной волны с востока. Впрочем, такие меры безопасности не помогли полностью обезопасить себя, и позже у Минтимера Шариповича появились проблемы с поджелудочной (если верить разговорам в редакции тех же «Казанских ведомостей», где я работал), он лечился в Турции, после каждый год проходил курс реабилитации в Карловых Варах. (В прошлом году Шаймиеву исполнилось восемьдесят лет, он до сих пор в строю, работает государственным советником Татарстана и является председателем попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры!)

Примерно такую же картину описал однажды Виль Мустафин, когда речь зашла о целине и Великой степи. Он оказался одним из немногих, кто пренебрёг строгими инструкциями и воочию увидел вспышку ядерного взрыва.

Большинство, конечно, оказалось законопослушным и здравомыслящим, хотя каждый в результате получил свою дозу облучения. Студенты прятались, кто куда. Правда, в голой степи мест для укрытий мало.

Виль боялся только одного: не упустить ни одной детали необычайного события. А зрелище поистине незабываемое. Представьте, в солнечный день в небе вдруг возникло второе солнце, гораздо ярче настоящего. По степи пошла ударная волна — в виде серой пылевой тучи, она двигалась с невиданной скоростью. Вслед за вспышкой на востоке разрастается быстро увеличивающийся в размерах огромный огненный шар, от которого расходятся разноцветные кольца. Сияющая сфера постепенно поднимется и превратится в гигантский клубящийся гриб, отливающий всеми цветами радуги, и не только семью известными, но и невиданными в нашей природе,

несуществующими в реальности цветами, которым и названия не подберёшь... Само небо несколько раз меняло цвета — от лазоревого до ядовито-зелёного. Ничего похожего в земной сакуале, конечно, нам увидеть не дано. Явление такой небывалой красоты, наверное, можно наблюдать лишь где-нибудь в космосе. Грандиозность происходящего навсегда покорило сознание и воображение Виля Мустафина.

Вечером это событие отметили небывалым ужином, на полевой стан из совхоза привезли целую машину арбузов! Сказали, что бахчевые нужно есть как можно больше, чтобы промыть организм. Наверное, в какой-то мере это действительно помогало выводить нуклеиды.

Для Виля Мустафина это семипалатинское событие стало памятным ещё и потому, что именно с ним он связывал проснувшуюся вдруг у него тягу к стихосложению. Поэтому мы воспроизведём его рассказ дословно (по книге «Дневные сны и бдения ночные», 2010, стр. 355): «Потом нас на целину привезли. Там главным было такое событие: проходили испытания ядерного оружия. Уже была пора водородных бомб. Никто ничего, конечно, не знал. Там ездил какой-то капитан-лейтенант и предупреждал, что завтра испытания. Люди к этому уже привыкли.

Совхоз «Казанский» — это всё были выселки из Казани, самая шпана. У них в Ленинском садике была танцплощадка, я их всех в лицо знал. Это никакая ни комсомольская целина была. Это всё выселки, как полулагерь. Они не в тюрьме, но их заставили уехать вместо срока. У них там семьи, дети растут. Я у одного из них спрашиваю, что делать-то. Он говорит: «В прошлый раз приезжал, велел заклеить окна. Как трахнуло — вместе с рамами окна вылетели».

И вот — такая картина: в зените парит солнце, а из-за горизонта встаёт ещё одно солнце. Быстро возникает и растёт в размерах. И мы разомлевшие, с открытыми ртами его наблюдаем. Джерри Камалов, наш комсорг, говорил мне: «Виль, ты напомни мне, чтобы я взял фотоаппарат, сегодня будет взрыв». Но он всё-таки аппарат забыл. Такая красота от начала до конца! А нас на военном деле учили — «ногами к взрыву, ложиться, закрывать лицо». Мы смотрели, открыв пасть. Это чудо! Из искусственных явлений, красивее я не видел: сочетание цветов, фона.

Впоследствии медики обнаружили, что у меня щитовидной железы нет. Опять же у меня в поколениях никто не пил, а я вдруг начал. Это всё после 56-го, после целины я начал потихоньку спиваться. Студентка наша, Степанова умерла от белокровия. Годы проходят, а люди умирают неизвестно от каких болезней. Причины смерти пишут разные, а умирают люди от радиации.»

МУЗЫКА СМЫСЛА

По признанию самого Мустафина, он зарёкся заниматься сочинительством, всегда гнал от себя рифмы, помня, как оборвалась жизнь отца-филолога. Но стихия стихов прорывалась на волю из заточения точных наук. Напрашивалось сравнение поэзии с математикой, которую Виль обожал, в её строгости и стройности усматривая высший смысл и гармонию. Впрочем, и в музыке было много от математики, соразмерность и созвучность позволяли точно «поверить алгеброй гармонию». В поэзии также можно обнаружить особое родство с музыкой и математикой. Мустафин называл поэзию «музыкой смысла». Как любое определение, конечно, и это не безупречно. Но нельзя не признать, что данная формулировка имеет право на существование.

Молодые поэты Казани в конце пятидесятых получили возможность посещать литературное объединение имени В. Луговского при Союзе писателей ТАССР. Первое

время им руководил поэт-фронтовик Геннадий Паушкин. И как считали сами участники лито, он был хорошим руководителем — хотя бы тем, что не вмешивался в читки и обсуждения, споры и дискуссии.

В Доме печати на улице Баумана помимо правления СП и руководства Татарского книжного издательства обитали редакции всех периодических изданий республики, администрация типографии, где печатались книги, газеты и журналы. Как тут не вспомнить в скобках, что тот «Гажур» создавал Салах Атнагулов! Впрочем, Виль старался этого не вспоминать. Хотя был несказанно рад, когда литобъединение переселили в литературно-мемориальный музей А. М. Горького, что на перекрёстке улиц Галактионова и Жуковского, то есть буквально в двух шагах от мустафинского дома!

Снова в их коммунальной квартире, на общей кухне, собирались его друзья, собратья по перу, когда из музея их выгоняли на улицу, а расходиться по домам не было никакой охоты. Чем заканчивались ночные посиделки, нетрудно вообразить. Представим такую картину: рано утром соседи по квартире подымаются на работу, идут готовить завтрак — им приходится перешагивать через поэтов, спящих на полу вповалку. Соседи у Мустафиных были мирные, отношения в коммуналке сложились самые добрые, и к чудачествам Виля все давно привыкли. Было время, когда на кухне переобувались мальчишки из школы, чтобы прямо на коньках махнуть через забор (потом сколотили калитку) и попасть на каток стадиона «Динамо» без билета. Теперь мальчишки выросли — и всю кухню прокурили, до утра кричали и смеялись... Одно слово, поэты!

I

Поток поэзии подхватил в те годы не одного Мустафина. Столько написано-переписано о поэтическом буме конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, равного которому не было никогда — и уже никогда не будет. Помимо вечно поминаемой обоймы прославленных шестидесятников — Беллы Ахмадулиной, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского и Роберта Рождественского, конечно, было много и других ярких имён, кто тогда был на слуху — и Давид Самойлов, и Семён Кирсанов, и Арсений Тарковский.

Но Виля Мустафина больше заинтересовал самиздат. В студенческой среде всегда можно было найти старую книгу довоенного, а то и дореволюционного издания, но чаще машинную перепечатку на папиросной бумаге. Этим объясняется появление на поэтическом горизонте тех лет имён, вычеркнутых сталинской эпохой, прежде всего, поэтов первой волны эмиграции, а также расстрелянного Николая Гумилёва или повесившейся Марины Цветаевой... Да что там, даже Есенина с Маяковским молодые «шестидесятники» открывали для себя заново! Ведь «поэта революции» в школе проходили строго дозировано: стихи о советском паспорте, «здесь будет город-сад» да «светить всегда, светить везде». Даже если зададут прочесть поэму «Хорошо!», то ни словом не заикнутся о поэме «Плохо».

Виль читал запоем, поглощал стихи жадно, особо понравившиеся выписывал своим изящным летящим почерком в тетради с математическими конспектами. И многое запоминал наизусть. В этой любви к чужим строчкам просматривалась серьёзность отношения к поэзии. Мне не раз доводилось быть свидетелем любви настоящих поэтов к творчеству других, порой не известных авторов. Скажем, наш сокурсник по литинституту Анатолий Богатых мог часами декламировать стихи Николая Гумилёва. А Игорь Меламед помнил наизусть чуть ли не всего Бориса Пастернака. Вот и Николай Алешков сегодня может в течение дня — по какому-либо поводу (и без) — привести подходящую к моменту строчку, строфу или целое стихотворение Николая

Рубцова. У прозаиков я не замечал такой любви к рассказам и повестям других авторов. Про драматургов не станем говорить, их и так мало, их пожалеть нужно...

Виль Мустафин всегда говорил, что главным его потрясением в поэзии конца пятидесятых — начала шестидесятых годов стали стихи Марины Цветаевой. И первое знакомство с ними случилось по рукописным альбомам, девичьим дневникам, куда записывали любовную лирику, откуда переписывали понравившиеся стихи. Виль сразу отметил стиль цветаевских произведений, её резкие образы, нервную интонацию... Потрясением стали передаваемые тогда из уст в уста рассказы (писать об этом запрещалось) о том, что Марина Ивановна в самом начале войны эвакуировалась с сыном в Елабугу... Могила Цветаевой затерялась на кладбище, где за годы войны хоронили и елабужан, и эвакуированных, и раненых, и военнопленных японцев. И мало кто помнил опальную поэтессу, сын которой сгинул на фронте...

Виль не раз рассказывал, как в начале шестидесятых поехал в Елабугу, чтобы разыскать могилу Марины Цветаевой. Конечно, не нашёл. Он провёл на кладбище всю ночь... Согласитесь, красноречивая деталь биографии двадцатилетнего человека, математика и певца, начинающего поэта... Далеко не каждый решился бы на такое. Один из наших общих знакомых уточнял, что на кладбище Виль был не один, а с бутылочкой... Но что из того? Общеизвестный штамп «выпить для храбрости» — обычное заблуждение трезвенников. Под воздействием алкоголя чувства только обостряются. Лучше сказать, это было очередное испытание себя, желание ощутить страх и запомнить, что это такое. Именно той ночью начинался его диалог с Мариной Цветаевой, который полвека спустя станет книгой «Беседы на погосте». Это были именно беседы, ведь стихи Цветаевой стали для Виля Мустафина частью души, они отзывались реально в его сердце, он слышал точно интонацию самой Марины Ивановны! Никакой чертовщины и мистики, никакой полемики или позёрства. То, что той ночью испытал Виль на елабужском кладбище, после не раз посещало его по ночам, их беседы продолжались много лет — и конечно, далеко не все вылились в конкретные стихи — ответы Виля Мустафина на вопросы Марины Цветаевой:

Идёшь, на меня похожий,
глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Виль остановился, оглянулся, вслушался в этот призыв оттуда... Его книга «Беседы на погосте» вызывала много споров, можно или нельзя так обращаться с классиками, да и с покойниками. Точка была поставлена на Международных Цветаевских чтениях-2014, когда Мустафина удостоили литературной премии имени М. И. Цветаевой.

В том году премия впервые присуждалась автору посмертно. Отметить книгу Виля Мустафина «Дневные сны и бдения ночные» (2010) первым предложил член жюри Николай Алешков. Но решение организаторам Цветаевских чтений далось не просто. Поначалу директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Гульзада Руденко не соглашалась с мнением членов жюри, возражая, что премия ранее присуждалась только живым поэтам, представившим на конкурс свои новые книги. Выход из положения подсказала известная елабужская поэтесса, член Союза российских писателей, мудрая Наталья Александровна Вердеревская. Она предложила присудить премию 2014 года сразу двум поэтам — так лауреатами стали Евгений Ростиславович Эрастов, доцент Нижегородской

медицинской академии, за сборник стихов «Язык травы» и Виль Салахович Мустафин за сборник «Дневные сны и бдения ночные», изданный после смерти поэта.

Премию получала его вдова Галина Михайловна Килеева. Гульзада Ракиповна, вручая ей диплом, согласилась, что члены жюри оказались правы.

Добавим, что Вердеревская с юности была подругой Чечкэ Мустафиной и знала младшего её брата, когда тот ещё не стал поэтом. Наталья Александровна потом любила общаться с Вилем Салаховичем, высоко ценила его поэтический дар.

II

В литобъединение Мустафина привёл друг детства и юности Рустем Кутуй. Сын классика татарской литературы стал печататься одним из первых в лито, его поэтические и прозаические сборники выходили не только в Казани, но и в Москве. По окончании филфака КГУ Рустема Адельшевича пригласили на работу в художественную редакцию только создававшейся Казанской студии телевидения. В частности, он готовил один из первых телевизионных мостов, что состоялся в прямом эфире — между Горьким и Казанью.

Разумеется, Рустем пригласил для участия в телемосте и своего друга Виля, тогда аспиранта, подающего надежды математика и участника литературного объединения. И конечно, никто не ожидал, что разразится скандал.

Передача шла в прямом эфире, тогда не было технической возможности видеозаписи и монтажа. Поначалу всё шло вполне предсказуемо, в рамках заранее написанного и утверждённого инстанциями сценария. Как и все участники телемоста, Мустафин заранее представил свои стихи в редакцию художественного вещания, где ему предложили прочитать отрывок, то есть даже не всё стихотворение, а отобранный редактором отрывок (от сих до сих). Когда дошёл черёд до Виля, то он поступил вопреки — и не мог иначе. Он прочёл своё стихотворение «За!», ставшее сразу знаменитым, распространявшееся потом самиздатом.

Вы, что хором неистовым: «За!..»,—
затверженно, заученно, заранее — «За!..»,—
обернитесь назад:
за раскатами зала «За!..» –
расстрелов залпы,
за этим «За!..» рёвом –
дети зарёванные
толпами, толпами...

А вы «За!..» были...
Вы забыли,
как вами –
как булавами,
как в живот ногами –
вами били...
Вы — без памяти,—
снова тянете
руки вверх,
как «Руки — вверх!» –
голосуете...

Голосуйте,—
суйте в петли головы,
суйте...

Как мы уже говорили, видеомагнитофонов тогда не было, так что записи того дерзкого выступления нет. И очевидцев телемарафона сейчас трудно найти. Тем не менее, до наших дней дошла легенда, будто Мустафин пытался изящно вывернуться, дескать, эти строки родились под впечатлением решений британского парламента... Специалистов из «конторы глубокого бурения» (как тогда расшифровывали КГБ) на такие сказки не купишь. Вилем Мустафиным занялись серьёзно, хотя с самого начала поняли, что с сыном расстрелянного «врага народа» (Салаха Атнагулова реабилитировали в 1957 году за отсутствием состава преступления) договориться не получится.

В комитет, на «Чёрное озеро» тогда таскали практически всех мустафинских друзей. Да и некоторые университетские сокурсники, как оказалось, работали в КГБ. Через них Виль и узнал о своей участи — публиковаться ему не дадут, ни в каком виде и ни при каких обстоятельствах. Защититься после аспирантуры он сможет, математикой заниматься ему никто не мешает. На поэтической карьере можно ставить крест.

И друзьям по литобъединению Мустафин заявил, что больше писать не будет. Тень отца являлась ему кровавым напоминанием. Виль ушёл из лито (по крайней мере формально) и даже консерваторию бросил, чтобы целиком посвятить себя математике. Так было на поверхности. Что происходило в глубине его души — останется для всех загадкой. Но от поэзии уйти невозможно. Стихи приходят сами.

Поэзия для Виля Мустафина всегда стояла в общем ряду с музыкой и математикой, и во всех трёх ипостасях своих он был необыкновенно одарённым человеком. Музыканты говорят — абсолютный слух. Не знаю, как в математике, но в поэзии точно без «абсолютного слуха» не обойтись.

Виль Мустафин обладал таковым без всякого сомнения. Доказательством тому, хоть я и не математик, считаю выведенную однажды теорему: настоящие поэты, по моему наблюдению, стихи чужие часто любят больше, чем свои собственные сочинения! За примерами ходить не надо — каждый может сам привести их множество. Виль Мустафин восхищался стихами других авторов, порой совсем ему незнакомых, много лет бескорыстно помогал начинающим авторам.

О тех далёких годах их общей молодости в романе «Я» написал Диас Валеев, который познакомился с Вилем Мустафиным как раз в литобъединении при музее Горького. Себя в романе Диас Назихович вывел в образе главного героя Бахметьева, а Виля Мустафина и его друзей представил под их собственными именами. И даже процитировал ряд мустафинских стихотворений той поры, в том числе и легендарное «За!..»

Позже, к 70-летию поэта, Диас Валеев опубликовал в журнале «Казань» большую статью «Путешествие в ночь» о жизни и творчестве Виля Мустафина. Она стала первым подробным и серьёзным исследованием мустафинской поэтики. Конечно, не бесспорным, сугубо валеевским, оно особенно ценно именно тем, что было первым в печати прижизненным признанием поэта. Само название статьи говорит об отношении автора к стихам друга. Чтобы не быть «испорченным телефоном», рискну перейти на прямое цитирование:

«Стихотворные книги Виля Мустафина — крайне интересный опыт катакомбного, совершенно изолированного от контакта с читателем развития поэта. Почти сорок лет этот суперкоммуникабельный человек если не ежедневно, то еженощно писал стихи в полном, если не в абсолютном, отрыве от читателей. Он не публиковался, не печатался ни в газетах, ни в журналах. Не совершал даже ни малейших попыток

к этому. И лишь в последнее десятилетие XX века его стихи стали появляться в печати, а на самом излёте столетия вдруг вышли к читателю роем книг, правда, тиражом почти штучным. Акцентирую внимание на этих сорока годах. Да, сорок лет на моих глазах и на глазах многих шло глубокое, внутреннее, подпольное, катакомбное развитие поэтической мысли. Это вообще большая редкость. Непросто выдержать всё возрастающее напряжение одиночества всех этих лет. Я знаю по себе, что это такое. С восемнадцати лет по тридцать три — пятнадцать лет — меня практически не печатали. Появлялись отдельные публикации, но они были случайными и не делали погоды. Пятнадцать лет в жизни творческого человека это очень много. Я прорвался в литературу в 1971 году, а в девяностых годах опубликовал впервые довольно много текстов, которые были написаны мною в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы. Таким образом, некоторые тексты лежали у меня в столе тоже десятки лет. Я говорю об этом для того, чтобы было понятно, что значили эти сорок лет для поэта, когда он абсолютно не мог проявить вовне своё „Я“. Это ужасно, когда тексты, созданные тобой двадцать-тридцать, сорок лет назад, лежат невостребованными на стеллажах, в ящиках письменного стола, в папках, в коробках. И вдруг через сорок лет — это случилось у Виля Мустафина в 1999–2000 годах — он вышел из камеры, в которой находился. Это подобно разрыву бомбы. Подобно выходу человека из тюремной камеры после долгих лет заключения. В эти минуты возникает необыкновенное ощущение духовного опьянения. Я помню, когда в прошлом году впервые опубликовали в журнале мои рассказы, написанные ещё в 1957 году, я смотрел на эти журнальные публикации как на какое-то совершенно немыслимое чудо. И вот сорок лет поэт в одиночку, без свидетелей (единственным свидетелем была разве только жена) вёл свой бой, своё пожизненное сражение. Моисей сорок лет водил по пустыне свой народ. Поэт Виль Мустафин сорок лет водил по пустыне свою Музу.»

Как видите, у Диаса Валеева собственный угол зрения на поэзию Виля Мустафина. Он даже видит общий диагноз — «репрессированное сознание», свойственное всем, пережившим арест родителей в сталинские годы. Сам Диас Валеев хорошо помнил, как в их квартире проводили обыск, а посему имел право распространять свойства своей памяти на психические особенности своих сверстников. Так катакомбность поэтики Виля Мустафина получает обоснование. Тем не менее, Диас Валеев считал, что яркое выступление Виля Мустафина с резкими социальными стихотворениями в шестидесятых годах на телевидении стало рождением большого поэта... но дальнейшее его «молчание» стало поэтической смертью. Возвращение в конце девяностых годов, по мнению Валеева, оказалось запоздалым и неубедительным. Новой поэтики Виля Мустафина, его религиозной и философской поэтической мысли, Диас не воспринимал. Не принял как писатель, как приятель. И остался в убеждении, что Виль Мустафин напрасно «зарыл в землю свой остросоциальный талант».

III

В декабре 2008 года Виль Салахович согласился быть ведущим презентации моей первой книги «Драма диасизма», посвящённой драматургии Диаса Валеева. Мустафин подробно разбирал моё сочинение, в целом одобрительно о ней отзывался, хотя к творчеству своего товарища по литобъединению относился неоднозначно. Его выступление в Доме актёра было блестящим. Валеев тоже сидел «в президиуме», тоже много и хорошо говорил. Никто не мог предположить, что это их последнее публичное выступление... Диас Назихович тогда редко выходил из дома, часто лежал в больнице. Да и Вилю Салаховичу болезнь вскоре серьёзно даст о себе знать.

Он готовился к операции, когда в его домашнем кабинете мы вдруг заговорили о его предстоящем юбилее (Виль всегда говорил, что не доживёт до своего 75-летия, к сожалению, так и случилось) и моём желании написать о нём книгу — такого же примерно объёма и содержания, что и «Драма диасизма». Мустафин не возражал, первым делом достал с полки распечатку книжного формата — копию статьи Михаила Белгородского. При этом дал понять, что лучше о его творчестве ничего не написано.

Продолжения разговора не последовало, два месяца спустя Виля Салаховича не стало. А Михаил Натанович тогда жил в Америке, на мои письма по интернету не отвечал... Однажды посчастливилось встретиться с ним в Казани, у памятника Державину, в Лядском саду. Это был последний приезд Белгородского на родину. При разговоре с ним я лишний раз убедился, насколько Михаил Натанович любил Виля Мустафина — как друга и как поэта. В то же время, видел, насколько Белгородский погружён целиком в изучение «Розы Мира» Даниила Андреева. Всё остальное казалось ему слишком малым, далёким, второстепенным... С другой стороны, стало понятно, почему он отыскивал в творчестве друга, прежде всего, сближения с экофилософией.

С Михаилом Натановичем Белгородским я познакомились намного раньше, чем с Вилем Мустафиным, ещё в пору моей журналистской молодости, в редакции газеты «Молодёжь Татарстана», где Белгородский делал первые свои публикации о Данииле Андрееве. И даже однажды побывал у него в гостях — но не дома, а на службе, напротив музея Горького тогда была электрическая подстанция, снабжавшая троллейбусные контактные линии, а Белгородский там работал сутки через трое — дежурным диспетчером (возможно, должность как-то иначе называлась, не помню, как и не знаю, сохранилась ли та старая избушка на кирпичных ножках) и был доволен, что служба даёт достаточно свободного времени для занятий творчеством. Белгородский тогда печатался в ряде изданий, готовил различные публикации андеграундных поэтов (в том числе и первую подборку стихов Виля Мустафина).

Вот и с нами, «молодёжкинцами» Михаил Натанович решил сотрудничать, когда мы с Алексеем Красновым предприняли издание нового журнала (со старым названием «Ребусъ»), специально для которого Белгородский написал замечательную статью «О видениях», где приводил документальные факты не только явления Божией Матери в португальской Фатиме (1915–1917), ныне широко известного, но и впервые в СССР (!) рассказал о куда менее знаменитых, но более масштабных и лучше задокументированных многократных явлениях Девы Марии на крыше коптского православного храма в каирском пригороде Зейтун (1968), где Богородицу видели тысячи очевидцев и не только христиан (Египет — страна преимущественно мусульманская), а также десятки журналистов со всего мира. Позже подобные чудесные явления Богородицы отмечались в России и на Украине. Также в статье говорилось о духовном наследии Даниила Андреева. В общем, эта программная статья открывала второй номер за 1991 год (я был редактором того журнала) и стала сенсацией. В том же номере Михаил Натанович представил неизвестные стихи Владимира Высоцкого и сонеты Райнера Марии Рильке в переводе своего друга, казанского поэта и композитора Лоренса Блинова.

В той статье, распечатку которой подарил мне Виль Салахович, а Михаил Натанович любезно разрешил использовать в работе над книгой о Мустафине, даётся совсем другая оценка творчеству поэта. Белгородский сравнивает поэтику Мустафина не только с метафилософией Даниила Андреева, но также с поэзией Владимира Высоцкого. И без труда находит общее у таких, казалось бы, совершенно не похожих авторов, никак не пересекающихся и не совпадающих ни в жизненном пути, ни

в творчестве. Недавно сообщили, что Белгородский умер в Америке, а все его труды, собранные на сайте, посвящённом творчеству Даниила Андреева, теперь заблокированы... Поэтому я сейчас держу в руках отсканированные страницы с 375-й по 381-ю, но не знаю, из какой монографии они вырваны. Вероятно, это сборник научных статей, посвящённых проблемам метафилософии истории, вряд ли кто-то сможет теперь уточнить... А потому я снова прибегну к цитированию, чтобы хотя бы так донести до читателей тексты, возможно, безвозвратно утраченные в руинах интернета.

Статья предваряется замечанием, что данное «эколого-культурологическое исследование предпринято с целью раскрытия роли андреграундных поэтов XX века, на примере творчества Д. Андреева, В. Высоцкого и В. Мустафина, в воспитательном процессе и формировании экоэтического, экоэтнического, экорелигиозного, экобиологического и других видов сознания человека».

Далее автор проводит исследование поэтических вселенных трёх таких разных русских поэтов. Даниил Андреев давно и по праву считается классиком литературы, хотя универсалистская метафилософия «Розы Мира» до сих пор не введена в научный оборот. Стихи Владимира Высоцкого давно на слуху у миллионов русскоговорящих сограждан... Но при этом Белгородский между ними помещает мало кому известного андеграундного поэта, своего друга Виля Мустафина. И находит в их творчестве немало сближений.

Их сравнение кому-то, может быть, покажется нарочитым, притянутым. Не стану вас разубеждать, приведу лишь один пример из той статьи, сохраняя все курсивные и иные выделения шрифтом:

«Андреев — **биоцентрист**, ярый противник антропоцентризма: *„Легенда о ‘венце творения’, это наследие средневековой ограниченности и варварского эгоизма, должна будет вместе с господством покровительствующей ей материалистической философии развеяться как дым“*. За десятилетия до западных экофилософов он провозгласил, что каждое живое существо имеет *„автономную ценность безотносительно к его полезности для человека“*. Духовидец категорически возражал против вивисекции животных в школе и вузе, против охоты и рыбалки, считая, что у нас нет абсолютно никакого права покупать свои удовольствия ценой страданий и смерти живых существ. С ним полностью солидарен Высоцкий, об этом буквально кричат его песни „Охота на волков“, „Охота на кабанов“, „Охота с вертолёта“... Биоцентризм Андреева укоренён в его сакральной экологии: души животных и стихиали царства растений, пройдя свой путь становления в восходящих мирах, в конце концов, вместе со всеми человечествами Шаданакара достигнут высшего трансфизического слоя, доступного богосотворённым монадам — Элиты Шаданакара. Мустафину внятна эта сакральность: когда он очаровывается верблюдами с *„ликами неверблюжьими“*, то, похоже, возносится духом в Эрмастиг — мир душ высших животных. И если Высоцкий воспевал *„заповедные и дремучие Муромские леса“*, то Вилю Салаховичу довелось услышать *„сказ о превращении растений“* и дождаться срока, когда они *„улетают»*.

Я от себя могу добавить в подтверждение мысли Михаила Белгородского, что экоэтическим и экобиологическим проблемам посвящена «Сорочья баллада» (2006), кстати, самое значительное по объёму сочинение Виля Мустафина, который не жаловал большие формы в лирике, и кроме двух венков сонетов (по 210 строк каждый), ничего более длинного не написал.

А поэма о сорочьей семье действительно бесподобна! В ней рассказывается реальная история многолетнего общения Виля с сорочьим семейством, которое свило гнездо на уровне четвёртого этажа, на огромном ветвистом древе — прямо перед окном мустафинского кабинета. И птенец, только вставший на крыло, всё лето приземлялся

на подоконник, умиляя Виля Салаховича доверчивостью и непосредственностью, но раздражая своей нахальностью мустафинского любимца-кота! Так продолжалось несколько лет... Покуда вдруг сороки-сородичи, угнездившиеся на старом тополе, не разобрали добротное жилище — и по веточке не перетаскали в другое место. Мустафин долго не мог понять, с чего соседки-сороки, уже узнававшие Виля, как давнего знакомого, так спешили переселиться? Разгадка оказалась ошеломляющей! Ближе к осени на Казань обрушился знаменитый ураган. И старое дерево обвалилось.

Виль Мустафин с Галей и Артуром

После этого вы по-прежнему готовы утверждать, что человек — венец природы? Что братья наши меньшие ничего не разумеют? Не справедливее ли рассудить, что даже птицы во многом превосходят нас в своих невероятных способностях?

Много позже, издавая избранные стихотворения мужа, Галина Михайловна попросит художника Альберта Галимова, друга своего сына, нарисовать вид из того окна — для обложки сборника. Но обязательно со старым деревом!

У замечательной поэмы имеется очаровательный пост-скриптум.

А потом через годик, затем через два
прилетали сорочки к окну моему,—
оперившись едва, обучившись едва
и летать-то... Что надо им было?.. Уму
не понятно... Быть может, прародина-мать
побуждала малюток сюда прилетать?..

Согласно своей же теории, в «Сорочьей балладе» Виль Мустафин раскрывается сразу весь и целиком, в лёгкой ироничности и философской глубине. В 250 строк уместилась целая жизнь. Не выдуманная, как и сама история о сороках-белобоках. И я ничего не выдумываю, когда пишу эти строки — и вижу, как за моим окном, на старой и корявой соседской яблоне танцует, перепрыгивая с ветки на ветку, точно такая же сорока, какая десять лет назад заставила Виля Мустафина задуматься о тайнах бытия и написать свою великолепную поэму.

IV

В своих экофилософских рассуждениях о творчестве трёх поэтов Белгородский подметил важное родство: «Мустафин, у которого для стихотворчества оставались только ночные часы, замечает обитателей эфирных миров, видит, „какие чудные созданья / вершат ночами свой полёт“... и пусть при этом нет той остроты зрения, как у духовидцев, но, поскольку вообще дар настоящего поэта — от Бога, можно всё-таки прозреть в „невидимые дали бытия, где царствуют красоты неземные“, где живут „прозрачные народы“ и текут „воды, не похожие на воды“. Когда Мустафину открывается

настоящая Родина, что „светится призывом млечным“, читатель легко идентифицирует её со страной просветлённых российских душ (затомисом) — Небесной Россией, о которой, в частности, сказано: „если мы вспомним сиринов и алконостов наших легенд, мы приблизимся к представлению о тех, чьё присутствие украшает жизнь в затомисах Византии и России: к представлению о существах, предопределённых стать потом ‘солнечными архангелами’. Андреев спрашивает: ‘Видишь крылья Гамаюновы, / Чуешь трель свирели,— чью? / Слышишь пенье Алконостово / И смеющиеся клиры / В рощах праведного острова, / У Отца светил, в раю’. И Высоцкий (часто он писал стихи тоже ночью) отвечает: ‘Птица Сирин мне ласково скалится, / Веселит, зазывает из гнёзд, / А напротив тоскует, печалится, / Травит душу чудной Алконост».

Белгородский очень любил стихи Виля Мустафина. И старался не терять с ним связь, когда по болезни жены вынужден был перебраться в США (там жили дети, там вскоре супруга и умерла...) Помнится, на скамеечке в Лядском саду мы очень хорошо с ним говорили. Михаил Натанович подробно рассказывал об американском «рае», сколько пришлось потрудиться, чтобы со временем обеспечить себе мизерное пособие, дабы заняться, наконец, главным делом своей жизни — изучением универсалистского учения Розы Мира, творческого наследия Даниила Андреева, философским осмыслением современного этапа метаистории. Белгородский убеждён, что надежды Даниила Андреева на возрождение России и её всемирной миссии, увы, не оправдались: «В 1993 г. расстрел Белого дома возвестил о кончине Третьего Жругра — демона коммунистической государственности. Его сменило ещё более страшное, неуязвимое демоническое существо, предсказанное Андреевым в „Железной мистерии“ под именем Чудовищного Червя. Мустафин, принадлежащий к следующей генерации странников, выразил это ёмкими строчками: „И бесконечна ночь, / и темень — уж подкожна... / И жить уже — невмочь, / и умереть — безбожно“. Странникам противостоит мощный пласт homo sovetikus, которых Андреев назвал „отбросами народной души“, а Мустафин подаёт в образе „быдла, искренне блажного“. В сталинскую эпоху этих существ окружал, как выразился Андреев, „пропотевший уют человеческих стойл и квартирок“. В эпоху застоя Высоцкий изобразил дом, который „погружён во мрак, всеми окнами обратясь в овраг“, полный „смрада, где косо висят образа“. Его обитатели „скисли душами, / опрыщавели“. В мустафинском цикле стихов „Плач по Россиюшке“ этот пласт демоса, возникший как результат плановой отрицательной селекции, которую проводили большевики, предстаёт уже в виде страшной, можно сказать, босхианской картины,— в какой-то огромной посуде копошатся некие полулюди-полуублюдки, и поэт не может понять, „то ли баня у них, то ль у них водопой»...

Краткий курс истории СССР Виль Мустафин даёт в одной строфе: «Россия сгинула в гражданскую войну... / Ну, а потом уж всё пошло по кругу: / украли власть ублюдки и страну / несчастную пустили на разруху». И дальше — как раз об этой отрицательной селекции в нашем народе, которая была осуществлена впервые в мире: «А ныне воем взвыли раб и смерд, что здесь от вражьей крови народились...» Селекция коснулась не только быдла, необратимые изменения произошли и в поводырях этих слепцов, в человекоорудиях Червя: в них «зло облеклось в чистопородность», и нет такого злодеяния над собственным народом, на которое они не окажутся способными ради своего благополучия. Собственно, это предсказал ещё Венедикт Ерофеев: «я ничего от них не жду, вернее, ... жду от них сказочных зверств и несказанного хамства».

Михаил Натанович и его супруга очень радовались, когда узнали, что Виль решил принять православие. Ранее их самих в храме Ярославских чудотворцев окрестил их общий друг и коллега по ГНИПИ-ВТ, а позже священник Игорь Цветков. Он же крестил Мустафина и его супругу с внучкой. В заключение своей статьи Белгородский

писал: «Виль Салахович принял православие, закономерность этого шага очевидна хотя бы из его глубочайшего стихотворения „Успеть закрыть глаза...“ — о распятии Христа. Но у Мустафина нет никаких иллюзий и в отношении РПЦ. Андреев констатировал, что она „издавна заняла позицию духовной союзницы государства, позднее из союзницы превратилась в помощницу, потом в слугу, а при Третьем Жругре — в рабу“. Вот почему Высоцкий ещё в брежневские времена кричал: „Нет, и в церкви всё не так, всё не так, ребята!“ Мустафин же понимает, что Червь практически завершил демонизацию церкви: „гудят и гундят сатанинские своры, разодетые в ризы церковных икон».

Закончу тоже цитатой: «Не только трансфизика, но и метаистория (наука, провозглашённая Сергеем Булгаковым и практически развёрнутая в „Розе Мира“) раскрывает поэтам свои тайны в часы ночных бдений... Ночь — часто встречающееся слово в поэзии Мустафина, но оно употребляется в одном из двух смыслов, а иногда и в обоих сразу. Такой мустафинский образ, как „ночь протянутая в ночь“, показывает, что кроме ночи ежесуточной Россию обволокла ночь эпохальная, мгла преисподней, выплеснувшаяся в Энроф. Это та ночь, где странствовали андреевские „странники ночи“, одним из коих был сам Д. Андреев. Такая Россия была зоной кормления демона коммунистической государственности — Третьего Жругра; для Мустафина она — „Родина...— которой нет и не было».

«Ночь протянутая в ночь» стала для Мустафина излюбленной темой. Ночь надолго опустилась над Россией, выплеснувшись из мглы преисподней и погрузив страну в «бетон отвердевших времён». Всё это, к сожалению, можно отнести не только к временам СССР.

Кстати, Михаилу Натановичу обязан Виль и первыми своими публикациями в конце 80-х, когда Белгородский на страницах обкомовской газеты «Советская Татария» стал публиковать подборки стихотворений казанского андеграунда. За ними последовали всё новые, а через десять лет собралась и книга — наиболее полный свод написанного за тридцать лет.

«ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!..
В любви друг другу мы не объяснялись,
мы, может быть, смущались иль стеснялись,
чтоб невзначай сорвалось с наших уст:
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!..
Мы слов высоких словно бы боялись,
во глубине души они скрывались –
повязаны уздой мужицких уз:
Друзья мои, прекрасен наш союз!

Друзья мои, прекрасен наш союз!..
Но той порой, когда брала усталость
и жизнь под гнётом тягот подавлялась,
в сознаньи неизменно проявлялось –
нежнейшим гласом высочайших муз:
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!..
И с сердца ниспадает тяжкий груз,
слабеет гуж. И тело распрямлялось,
и тьма во мраке жизни просветлялась,
и сам я — взглядом к небу вознесусь
и повторю, хоть трижды повторюсь:
«Друзья мои, прекрасен наш союз!
Друзья мои, прекрасен наш союз!
Друзья мои, прекрасен наш союз!»

До детского сада Виль говорил только по-татарски. Однако, как и все в его годы, окончил русскую школу, а затем общался с сокурсниками на физмате КГУ, писал и думал не на родном для себя языке. Когда начал писать стихи, ориентировался, прежде всего, на русскую классику и сложился в большого поэта, пропустив через себя весь золотой и серебряный века великой русской поэзии. Советский период при этом он пропускал, разве что Марину Цветаеву и Бориса Пастернака выделял особо — ведь с их творчеством Мустафин познакомился через самиздат, их при советской власти запрещали печатать. Кстати, через самиздат в основном распространялась и мустафинская поэзия — вот почему большим поэтом мы называем его, имея в виду масштаб и мастерство, а не известность среди современников.

С некоторыми крупными представителями татарской литературы Мустафин в те годы был знаком, кому-то даже переводил стихи и прозу. Как позже он вспоминал, такие заказы ему «подкидывал» обычно Рустем Кутуй, когда сам не успевал... С годами у Виля Салаховича сложились дружеские отношения с Гарифом Ахуновым, Аязом Гилязовым и другими аксакалами татарской литературы — ныне классиками, увы, ушедшими... А вот с нынешними как-то судьба не свела, они иного поколения люди. И в Союз писателей Татарстана Мустафин никогда не ходил.

Но в самом конце века, в 2000 году он вдруг вступил в Союз российских писателей. Для многих такой его шаг показался неожиданным. Ведь столько лет он категорически отказывался публиковаться, даже называть себя поэтом не позволял, и всегда подчёркивал, что он против всяких объединений, вступлений во всякие общественные организации. Для Виля слово «воля» всегда значило больше, чем просто свобода и независимость. И вдруг он пересмотрел своё отношение к изданию собственных сборников, согласился и на отдельные публикации в периодике.

I

Николай Алешков об этом рассказывает так... Впрочем, сначала несколько слов о нём самом. Челнинский поэт, участник легендарного камазовского литературного объединения «Орфей», выпускник Литературного института имени А. М. Горького, один из самых известных в республике поэтов, член Союза писателей СССР с 1984 года. В Казани он в те годы бывал редко, из казанских поэтов дружил лишь с тёзкой Беляевым. Но Николай Николаевич в начале девяностых годов решил со своей женой Лорой Чернышевой (заметьте, как рифмуются фамилии супругов!) и двумя малыми детьми перебраться поближе к Москве. Он осел в селе Ворша Владимирской области, на автомобильной трассе М-7, и прожил там довольно долго, называя себя в письмах «воршавянином».

Уезжая, Беляев рекомендовал Алешкова своему другу Мустафину — с тем простым расчётом, чтобы Николаю, наведываясь в столицу республики, было куда забрести

на огонёк, чтобы поговорить о поэзии... Николай Алешков полюбил и оценил творчество и мудрость Мустафина, а Виль Салахович горячо поддержал алешковское начинание — межрегиональную литературную газету «Звезда полей». Финансирование «толстушки» в 24 полосы благородно взял на себя челнинский бизнесмен Ринат Харисович Багдалов. В 1998 году Мустафин приехал на презентацию газеты в Набережные Челны и в своём выступлении сказал, что принял это издание, как родное, целиком, от первой строчки до последней. Виль вошёл в редколлегию «Звезды полей», помогал Алешкову с материалами, и не только своими. Таким же бескорыстным помощником стал известный орловский поэт Николай Михайлович Перовский (1934–2007), с которым у Мустафина было много общего — и по судьбе, и по мировоззрению, ровесники после долго переписывались...

Увы, вышло лишь шесть номеров газеты, ибо случился дефолт. Бизнесмен Багдалов больше не мог помогать изданию. Николай Алешков «Звезду полей» не думал хоронить, он решил дождаться лучших времён (газета станет прообразом литературного журнала «Аргамак. Татарстан», который появится через десять лет), а покуда, вместе с челнинскими товарищами Валерием Новиковым и Владимиром Кирилёвым, также выпускниками Литературного института, задумал другой издательский проект — «На стыке тысячелетий. Энциклопедия деловой элиты Республики Татарстан». На этот коммерческий проект работали до тридцати рекламных агентов, желающих попасть в энциклопедию (оплачивая удовольствие постранично) нашлось немало, солидный фолиант превысил шестьсот страниц! Потом таких проектов появилось немало, до сих пор в Казани выходит журнал «Элита Татарстана». Но тогда челнинцы были первыми и неплохо заработали. Их за смекалку даже отметил первый президент республики Минтимер Шарипович Шаймиев.

Для реализации издания потребовалось учредить некоммерческую организацию, создать юридическое лицо. И 19 сентября 1999 года в Министерстве юстиции РТ было официально зарегистрировано Татарстанское отделение Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей».

Председателем ТО СРП избрали, конечно, Николая Алешкова. В те годы (да и доныне) он был бесспорным лидером литературной жизни Набережных Челнов. Остаётся добавить, что тот издательский проект, помимо коммерческих целей, помог многим поэтам и прозаикам, пишущим на русском языке. На деньги, заработанные на энциклопедии деловых людей Татарстана, были изданы книги известных поэтов, о которых к началу нулевых годов «забывало» государство: Николая Беляева («След ласточки»), Николая Перовского («Звезда упала»), Романа Солнцева („Письмо на родину“), Виля Мустафина («Стихи о стихах», «Сонетные вариации»), а также первая книга убитого в Нижнекамске поэта Владимира Лёушкина («Птицы падают в небо»). Неизвестных и малоизвестных пишущих по-русски Союз писателей Татарстана упорно отвергал. У многих авторов документы на вступление там лежали годами, а то и десятилетиями, у кого-то они вовсе были утеряны... Татарстанское отделение СРП стало для русских писателей и поэтов хорошей альтернативой.

Вскоре и Виль Мустафин прослышал о новом писательском союзе. Он сам позвонил Алешкову, даже с некоторой обидой, сказав, чего, дескать, казанцев в свои ряды не зовёшь? Николай Петрович удивился — давно было известно, что Мустафин против всяких союзов, и одновременно обрадовался, узнав, что на этот раз Виль Салахович решил отступить от своего правила.

И на то были причины. Прежде всего, среди учредителей Союза российских писателей оказался друг его юности Ринат Харисович Суфиев (1939–2007), который из Казани уехал в Красноярск и издавался под псевдонимом Роман Солнцев, вскоре став известным поэтом и прозаиком, сценаристом и драматургом, создателем

и редактором солидного литературного журнала «День и ночь». Суфиев-Солнцев рассказал Мустафину, как новый «демократический» союз писателей создавался в 1991 году такими известными личностями, как Дмитрий Лихачев, Сергей Залыгин, Юрий Нагибин, Анатолий Жигулин, Владимир Соколов, которые решили выйти из Союза писателей СССР. Кстати, казанские поэты Николай Беляев и Борис Вайнер тоже были делегатами первого съезда Союза российских писателей. Вот почему Виль Салахович, всегда презиравший писательские организации, СРП оценил иначе.

Николай Алешков, рекомендовав Мустафина в свой Союз, предложил ему организовать и Казанское представительство. Тот согласился, рекомендовал многих казанских поэтов, которые, как и он сам, многие годы пишут стихи, но не издаются, никуда не вступают, да и вступить, по правде говоря, не могут, поскольку Союз писателей Татарии в лихие девяностые объявил «суверенитет» и формально вышел из Союза писателей России, объявившего себя правопреемником СП СССР.

Со временем десятки писателей разных поколений, воззрений и направлений вступили в ряды Союза российских писателей! Казанцев объединяла, прежде всего, неповторимая по обаянию личность самого Мустафина — глубокого поэта, удивительного собеседника и замечательного наставника. Каждый из членов «общины» считал его своим единомышленником, товарищем, учителем, а потом и остальных воспринимал по принципу «друг моего друга — мой друг». А челнинская «прописка» Татарстанского регионального отделения Союза российских писателей всех устраивала ещё потому, что татарстанский СП долго не воспринимал объединительных усилий Сергея Владимировича Михалкова, создавшего Международное Содружество писательских союзов (МСПС). В Казани появления «второго союза писателей» многие просто не потерпели бы...

На сегодняшний день в Татарстанском отделении Союза российских писателей состоит 65 человек. Это вторая по численности творческая организация писателей Татарстана. В 2019 году ей исполнится 20 лет.

II

В 2004 году Виль Мустафин вместе с Николаем Алешковым стал делегатом очередного съезда Союза российских писателей, проходившего в Смоленске. По приезде Виль Салахович с удовольствием рассказывал, как подружился там с орловским поэтом Дмитрием Порушкевичем, одним из авторов той же «Звезды полей», с которым много говорили и гуляли, посетили многие местные храмы. Тот интересно рассказывал про дружбу с Юрием Казаковым, прозу которого Мустафин и Алешков (не сговариваясь до этого) почитали за продолжение бунинского стиля. Конечно, и общение с первым секретарём СРП Светланой Василенко, с другими сопредседателями Союза российских писателей убедило Виля Мустафина, что он попал в «свою компанию». Отметим, что и компания приняла его. Правда, в правлении Союза российских писателей до сих пор не могут разобраться, почему Татарстанское региональное отделение прописано не в столице республики, а в Набережных Челнах? Во всех других субъектах РФ их штаб-квартиры размещаются в областных центрах! Всё по сути просто. Челнинцы зарегистрировали региональную общественную организацию, и в перерегистрации нет особого смысла, кроме пустой траты времени и сил.

Помнится, однажды я всё же вынудил Виля Салаховича высказаться более откровенно, зачем он создавал филиал СРП в Казани. Дословного ответа привести не смогу, поскольку прямая речь из приватной беседы понятна лишь в общем контексте, да и конспектов никаких я не вёл. Примерный же смысл таков. Любому человеку, даже такому самодостаточному (в своём уютном кабинетном уединении), каким казался в последние

годы Мустафин, необходимо выползать на свет. Кроме семейного круга, которым Виля Салаховича наградила судьба (жена, сестра, сыновья и внучки), он был счастлив и друзьями — были живы ещё однокашник по детскому саду Алексей Гаманилов и Марат Шараф, сидевший с ним с первого класса за одной партой, Александр Машкевич (Сан Саныч) и Юрий Зайцев, с кем вместе пели в университетской самодеятельности, а также многие из сослуживцев по ГНИПИ-ВТ... Конечно, тут уместна фраза про «иных уж нет, а те далече» (кто уехал в США, ФРГ или Израиль). Но поэту как воздух нужен свой круг, словесное общение в общине словесности. Со времён литобъединения имени Н. Луговского при Доме печати Мустафин хранил дружбу с Булатом Галеевым и Диасом Валеевым, Гортензией Никитиной и Рустемом Кутуем. В силу разных обстоятельств поддерживать с ними отношения в последние годы удавалось чаще по телефону.

Для более тесного и живого общения хотелось собрать своих по духу людей. Если не братство, то хотя бы «клуб по интересам». Но важно было решить — под каким флагом и под чьей крышей. Случай вступить под знамёна Союза российских писателей, демократическую платформу которого Мустафин в целом разделял, показался ему счастливым.

Наиболее часто наш председатель встречался с писателями у себя дома — в заваленном книгами кабинете или на уютной кухне, где любил потчевать чаем. Домашние к визитёрам настолько привыкли, что уже не реагировали на новые лица. Любимец-кот настойчиво пытался обратить внимание гостей на собственную персону, но и тот охотно отвлекался, если хозяин давал разодрать очередную картонную коробку.

Башня из слоновой кости в нашем холодном климате — не самое подходящее укрытие. Вот почему, взявшись за дышло, Мустафин не мог не пойти дальше — как и в ряде других региональных отделений Союза, Виль Салахович создал в Казани литературную студию. Вёз свой воз, не особо напрягаясь, но и не сворачивая с пути. И вывез — целый ряд участников его студии со временем были приняты в члены Союза российских писателей. Место и время для занятий студии предоставили в картинной галерее Константина Васильева, где Виль Мустафин был «своим» со дня

В посёлке Васильево с В.С. Мустафиным. Вверху: Н.П. Алешков, сидят Г.М. Килеева, Р.Х Кожевникова, Н.Г. Ахунова, сотрудница музея художника

основания. Там он часто посещал заседания философского клуба, основанного Самуилом Шером, с которым вместе работали в ГНИПИ-ВТ. Директор картинной галереи Геннадий Васильевич Пронин даже пытался пробить для Мустафина какую-нибудь ставку в штатном расписании. Увы, управление культуры оказалось непробиваемым.

Поэтому поэтические посиделки через три года перенесли в литературно-мемориальный музей А. М. Горького, где литобъединением имени М. Зарецкого руководила Алёна Каримова — член Союза российских писателей, она поступила на Высшие литературные курсы при Литературном институте и на два года уехала в Москву, а подменить её попросили Виля Салаховича. Мустафина с тем музеем связывало очень многое, начиная с детства... Тем не менее, первый коллективный сборник своих студийцев, как редактор-составитель, он решил назвать «Галерея», а на обложку поставил репродукцию картины Константина Васильева «Звёздное небо». Ночь и чёрная крона спящего древа, сквозь которую проглядывают силуэты созвездий.

III

Все свои книги Виль Мустафин также выпустил после того, когда вступил в Союз российских писателей. Но первая была самодельной, самим автором составленная, свёрстанная дома на компьютере и распечатанная на принтере — всего в три экземпляра. По меткому выражению друга, Геннадия Пронина, тираж «разошёлся удивительно быстро».

Сборник называется «Живу впервые». Странно, если учесть восточное учение о реинкарнации. Вряд ли для такого одарённого человека, как Виль Мустафин, это воплощение было первым в нашем метаисторическом слое... С другой стороны, коли сам поэт утверждает, что живёт впервые, значит, ему это было известно? Выходит, в Виле воплотилась бессмертная монада, которая до этого проходила длинный путь восхождения в иных пространствах, что описаны в «Розе Мира»? Тогда что заставило её явиться в России грозного XX столетия? Как писал Даниил Андреев, такие воплощения крупных личностей, одарённых многими талантами, обусловлены какой-то определённой миссией. Что это была за миссия и вполне ли осознавал её сам Виль — этот важнейший вопрос, как кажется, и заставил нас самонадеянно взяться за данную книгу...

Но это заключение я пишу вовсе не для того, чтобы подчеркнуть, как мы были близки с Мустафиным или в чём-то схожи. Виль Салахович старше меня на четверть века, мы из разных поколений (они взрослели с джазом Лундстрема, сосланного в Казань, мы же выросли на запретных The Beatles и молодой Пугачёвой, их джаз для нас был уже классикой, архаикой). Он читал, но не шибко почитал Льва Толстого, в отличие от меня, но у Достоевского мы оба превозносили лишь «Братьев Карамазовых». Пожалуй, лишь об одной книге мы сходились во мнении стопроцентно — это «Роза Мира» Даниила Андреева. В том, что это не просто одна из величайших книг XX века, но целый Космос, который мыслящим и читающим на русском языке предстоит осваивать также долго и трудно, как советской науке пришлось покорять околоземное пространство. Мы оба были обладателями первого, «зелёного» издания, десять экземпляров которого привёз в Казань Михаил Натанович Белгородский (о нём речь была выше). Среди моих знакомых мало кто был знаком с метафилософией истории Даниила Андреева, и Мустафин стал первым, кому она была близка и понятна. Мустафин любил говорить о «Розе Мира», но никогда не употреблял в беседах и не использовал в стихах её терминологии для иноматериальных миров, которые прозревал и описывал великий русский духовидец.

Впрочем, не рискнём забираться в заоблачные дали андреевского Шаданакара без сопровождения Михаила Белгородского... Хотя в трансфизические дали, конечно,

повело нас не случайно. В книге «Живу впервые» достаточно стихотворений, написанных в разные годы и намекающих на то, что «ночные бдения» Виля порой завершались тайными путешествиями по иным мирам.

Стихотворения в ней автор расположил не в хронологическом порядке, а собрал по темам в десять разделов: «Среди людей», «Житие», «Стихи о стихах», «Холода», «Разговоры со смертью», «Химеры надежды», «Спаси и сохрани», «Плач по Россиюшке», «Мои посвящения», «Стихотворные новеллы». По моему мнению, получилось не совсем стройно по конструкции, но просторно и глубоко по смыслу. Такая широкая река с чудными живописными берегами, тихими заводями и чёрными омутами. Погружаешься в её прозрачные воды, слепнешь от солнечных бликов, пытаешься нащупать дно под ногами — и не можешь. Страшно, но так не хочется выходить на сушу!

Когда впервые я открыл его самиздатовский сборник «Живу впервые», то обнаружил, что свои ранние стихи поэт поместил в самом конце книги. Чуть ли не в качестве приложения. А на последней странице я прочёл стихотворение — точнее говоря, глаза сами, помимо воли, выхватили последнюю строчку, а если быть совсем точным, то самое последнее слово... Обычное слово, без литературных правок.

Это грубое выражение на букву «г» в наших книгах, тем более, поэтических, писать не принято. В приличном обществе его рекомендуется заменять синонимом «дерьмо». В чиновничьих реляциях оно аналогично «фекалиям», в медицинских анамнезах «каловым массам», а в милицейских рапортах «человечьим экскрементам». От утончённого, углублённого поэта, каковым слыл в Казани Мустафин, таких слов никак не ожидаешь. Сразу захотелось перечитать стихотворение (восемь строк). И снова. От него меня словно током дёрнуло. Действительно, точнее слова к нашей грёбаной жизни, к этой судьбе-суке не подберёшь. Именно то слово. Именно с этого короткого стихотворения открылся для меня поэт Виль Мустафин. Всё, что я читал у него раньше, всё, что прочту потом, благодаря одному стихотворению и даже одному слову в нём, вдруг стало близким и ясным.

Моя судьба лежит в пелёнках.
И некому их подменить.
Лежит и стонет тонко-тонко,
Уж не надеясь подманить

Ни мать свою,
Ни повитуху.
Весь мир оглох давным-давно.
Моя судьба лежит и тухнет,
Давя ручонками говно.

Он сам любил говорить о строке, в которой вдруг раскроется для тебя весь поэт целиком — и уже не надо узнавать специально подробности его бытовой биографии. Даже в одном поэтическом слове может открыться Судьба.

Сам Мустафин в течение жизни выписывал в отдельную тетрадь по одному стихотворению самых разных поэтов — от классиков до никому не известных «провинциалов». Тетрадь Виль надписал «Моя антология». Год назад её издала на собственные средства сестра Чечкэ Салаховна, за что ей отдельный поклон.

«Живу впервые», безусловно, главная книга Мустафина — остальные издания в той или иной степени вышли из её разделов. Так, в 2000 году, перед своим 65-летием, которое Виль Салахович решил отметить первым своим поэтическим вечером (всё

в том же в музее Горького), вышли в свет две его книги — «Дневные сны и бдения ночные» и «Беседы на погосте». На последней странице «бесед» автор обращался к спонсорам: «Подготовлен макет подарочного издания данной книги с иллюстрациями художника Надира Альмеева». Спонсоров, ценителей цветаевского наследия, судя по всему, не нашлось.

А в 2002 году Надир Альмеев оформил последнюю прижизненную книгу друга, которую сам Виль Салахович смакетировал, как книгу-перевёртыш. По сути это две маленьких книжечки «Сонетные вариации» и «Стихи о стихах», соответственно посвящённые «с любовью» жене Галине Килеевой и сестре Чечкэ Мустафиной. Книгу издали Николай Алешков и Валерий Новиков за счёт Татарстанского отделения Союза российских писателей, отпечатав тираж на своём ризографе.

Альмеев и Мустафин

Когда Виль Салахович дарил мне эту книжку, я признался, что люблю листать сборники с конца. Прежде всего, я зачем-то смотрю выходные данные — тираж, объём в печатных листах и прочую дежурную муру. Пролистываю в начало, выхватывая глазами строчки, строфы наугад, а где и целиком стихотворение... «Перевёртыш» — не новый издательский приём. В рекламных журнальчиках часто его используют. Борис Акунин своё никчёмное «продолжение» чеховской «Чайки» тоже издал в виде книги-перевёртыша: с первой страницы обложки смотрит на нас Антон Павлович, а на последней, вверх ногами — наш нынешний беллетрист, который Тригорину, пожалуй, в подмётки не годится.

Приём Мустафина был не в пример удачнее. Стихи о стихах — откуда ни начни, хоть с начала, хоть с конца, которого, если разобраться, вовсе нет! Разразившись своим чудным мефистофельским смехом, Виль Салахович признался, что тоже любит открывать книжки с последней страницы — вот и решил сделать сюрприз для таких, как он сам. В самом деле, хорошую книгу приятно открывать с любого места и читать в любом направлении. Это ведь только любители детективов спешат заклеить последние страницы романа, чтобы не знать — кто кого убил, как и зачем...

«Сонетные вариации» и «Стихи о стихах» сходятся примерно в середине, и выходные данные, которые я так привык читать с конца, оказались посерёдке. Эта книжечка у Мустафина самая маленькая и в ней больше всего можно найти повторов из предыдущих изданий, тем не менее, в ней Виль Салахович беседует с товарищами-стихотворцами, литераторами, ценителями поэзии, сознательно очерчивая круг её возможных читателей теми, с кем можно говорить о тайне стихо-творения, о вдохновениях свыше, о высоком предназначении пишущего. С «широким читателем» об этом не поговоришь, а про «вздохи-закаты» да про «взятки-откаты» мустафинская муза петь никогда не пыталась. Цикл о стихах заканчивается программным стихотворением «Читателю», проходящим через все сборники. В нём поэт извиняется перед «сеньором из быдла» и «вассалом из масс» за то, что никогда не сочинял популярных песенок на потребу.

В самом деле, господа, почему обязательно нужно сгибаться, наклоняться, чтобы «там, внизу» было всем хорошо видно и слышно? А массовый читатель разве не должен тянуть хилую шейку, стараться подняться выше? На этот счёт Виль Салахович, кстати, человек не самого высокого роста, любил приводить в пример баскетболиста, которому приходится ездить в городском транспорте и ночевать в гостиницах на стандартных кроватях — что ему, голову или ноги отрубить, чтоб быть таким, как все?!

Профессор Преображенский в «Собачьем сердце» не скрывал, что не любит пролетариата, и Полиграфу Полиграфовичу Шарикову советовал в присутствии людей с университетским образованием — молчать и слушать. («Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества!») В этом, на мой взгляд, Мустафин весьма походил на московского профессора Покровского — родственника Булгаковых, ставшего прообразом любезнейшего Филиппа Филипповича Преображенского. И не случайно, конечно, они любили оперу (аристократический антипод площадному балагану, созданному «для увеселения толпы»). Кому-то такая позиция может показаться снобизмом. Однако Мустафин отстаивает своё право говорить с читателями...

... лишь равный с равными в миру,—
Я даже смерть свою как шутку
воспринимаю, как игру...

Так что мне ты, читатель милый,
на кой мне мнение твоё:
настиг мой стих тебя иль мимо
проплыли звуки — в забытьё...

Умён ты или хил мозгами,—
меня не стоит поучать:
стихи диктуются богами,
мне остаётся — промычать...

РАМИЛЬ САРЧИН

ФЕШИН НАКАНУНЕ ЭМИГРАЦИИ

Как по-настоящему большое художественное явление, творческое наследие Николая Фешина стало предметом рассмотрения ещё при его жизни: в 1921 году была опубликована первая монография о нём казанского искусствоведа П. М. Дульского, ставшая ведущим исследованием в фешиноведении на многие годы. Свежий взгляд и ценные размышления о жизни и творчестве мастера мировой живописи связаны с работами Г. П. Тулузаковой, Е. П. Ключевской и других учёных, увидевшими свет в 2000-е, отмеченные особым интересом к нему. Однако при обилии публикаций вокруг имени художника по сей день бытует немало легенд и домыслов. Более всего их вокруг истории с эмиграцией Фешина в США. Наша публикация посвящена рассмотрению именно этого периода его жизни — исключительно с опорой на документальные свидетельства.

ГОЛОДАЛ ЛИ ФЕШИН?

О причинах и обстоятельствах эмиграции известного русского художника Николая Фешина в США сказано немало. Так Е. П. Ключевская пишет: «В 1921 году руководитель АРА (Американская администрация помощи, сокращённо от англ. American Relief Administration, 1919–1923; создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне) Герберт Гувер и заместитель Наркома иностранных дел РСФСР М. М. Литвинов подписали договор, по которому начались поставки продовольствия голодающей России. Представитель АРА в Казани Джон Бойд за свою деятельность получил официальную благодарность от ТатЦИКа. По воспоминаниям Родионовой, ученицы Фешина тех лет, в студенческую столовую АРА поставляла завтраки — кружки с какао. Представители АРА в Казани, для которых Фешин написал несколько портретов, помогли ему возобновить связи с Америкой, прервавшиеся с началом Первой мировой войны. При обоюдных усилиях с американской и российской сторон (некоторые из бывших учеников Фешина имели вес в новой власти), продлившихся почти год, документы на выезд были оформлены. 21 июля 1922 года Фешин с семьёй выехал через

Эстонию и Польшу в Лондон. 1 августа 1923 года Фешин увидел Нью-Йорк с борта океанского лайнера» [1].

Фешины выехали из Казани в самый пик голода (1921–1922). Поэтому неудивительно, что среди причин эмиграции одной из главных представляется именно эта проблема. Но голодали ли Фешины?

У сторонников того, что это было так, казалось бы, имеются веские доводы. Голод в Татарской республике был небывалый, поэтому вполне резонно полагать, что этого бедствия в полной мере не удалось избежать и семье художника, жившей близ Казани в Васильево, тем более что в архивах мы находим и прямые тому свидетельства, вроде воспоминания Л. П. Дульской-Берлин, дочери известного казанского искусствоведа П. М. Дульского — автора монографии о художнике: «Последние дни перед отъездом в Америку Н. И. Фешин, дожидаясь визы, провёл в Москве на даче А. Н. Тришевского, куда вместе с папой на проводы была приглашена и я. Николай Иванович всегда был очень мрачен, но на этот раз и расстроен. Он говорил, что его гонит в Америку голод и туберкулёз» [2]. Но, читая эти строки, стоит помнить о том, что Фешин, живший в Москве у Тришевских в мучительном ожидании визы, мог намеренно скрывать (или не договаривать) истинные причины «бегства» за границу — во избежание ненужных слухов, которые могли помешать и без того затянувшемуся на несколько месяцев делу, и проблем с властью, от которой оно напрямую зависело. Да и о *том* ли голоде шла речь?

Голод, накрывший страну в самом начале 1920-х годов был, пожалуй, самым страшным в истории нашей страны. Особенно свирепствовал голод в Поволжье. Страницы периодической печати тех лет полны страшных картин. Фешин постоянно лицезрел их воочию в Казани и даже спустя многие годы содрогался, вспоминая о них: «Мне случилось видеть, как ранним утром от госпиталя напротив школы отъезжали несколько повозок, гружённые голыми, скрюченными телами, небрежно прикрытыми рогожей» [3]. И наверняка Фешин не мог не слышать о случаях каннибализма, когда, бывало, односельчане поедали своих сородичей и даже — родители детей, старшие дети — младших: в народе вести о подобном разносятся быстро, как бы, казалось, привычным в обстоятельствах времени это ни стало и как бы власти это ни хотели скрыть. Мы не будем приводить здесь примеров подобного рода, но их немало и легко найти в документах и художественной литературе тех лет. Упомянем в связи с этим лишь такие наиболее откровенные, на наш взгляд, произведения, как роман-дневник «Голод» (1922) С. Семенова, рассказы «Полая Арапия» (1921) и «Лога» (1922) Вс. Иванова, поэму «Кеше ашаучылар» («Людоеды», 1921) М. Гафури, повести «Адәмнәр» («Люди», 1923) Г. Ибрагимова и многие другие. С точки зрения ужасных картин, отражённых в этих произведениях и в документальных источниках, были ли доведены до такого отчаяния Фешин и его семья, чтобы спасаться от голода заграницей? Едва ли. Этому мы находим ряд подтверждений в их собственных воспоминаниях, в воспоминаниях их знакомых и близких и даже в воспоминаниях, казалось бы, напрямую их не касающихся.

Обратимся к воспоминаниям дочери художника — Ии Николаевны: «Приехали американцы. Их была целая толпа с американской собакой — каким-то чудом они

[1] Ключевская Е. П. Жизнь в творчестве // Ключевская Е. П. Казанская художественная школа. 1895–1917. — СПб: Издательство «Славия», 2009. — С. 122.

[2] Научный архив Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 1. Ед.хр. 2/20–666. Здесь и далее цитирование архивных материалов, связанных с Фешиным, даётся, помимо особо оговорённых случаев, по этому источнику.

[3] Автобиография Н. И. Фешина: «Годы В России» (реконструкция по публикациям в американских изданиях) // Николай Фешин. 1881/1955. Живопись/рисунок. — М.: Изд-во «Скорпион», 2004. — С. 113.

проехали на автомобиле 20 миль по просёлочной дороге из города. Чудо из чудес. Настоящий автомобиль! Эти американцы были настоящими спасителями в нашей местности <...> русские обожали этих благородных людей, которые раздавали сгущённое молоко в банках, великолепно упакованные сигареты, белую муку, сахар — так много всего! Мне говорили, что в России был голод, но я его не видела никогда. Эти иностранцы „спасали" нашу страну. Они „открыли" моего отца и заказывали портреты своих жён. За это мы имели все виды экстра-пищи, какую я никогда не видела раньше»[1].

Коллега Фешина В. К. Тимофеев вспоминал: «Н. И. Фешин жил в Васильеве <...> Имел он корову. Нужно было питать свою дочь, питаться самим <...> Мы все были в таких условиях, годы голода и т. д., но очень плохо никогда не было. В 1918–1919 годах у нас было кое-что, был американский паёк. Николай Иванович тогда преподавал, и мы получали очень хорошие пайки. Например, на месяц нам давали полбарана, был сахар и всё прочее. Затем в художественном институте мы получали академический паёк, но незначительный. Главным образом нас поддерживал паёк штата Зап. Америки» (*из стенограммы вечера памяти Н. И. Фешина 7 декабря 1963 г. в Казани*). В статье Федотовой А. «Продовольственная помощь казанской профессуре в условиях голода 1921–1923 гг.» отмечено, что «для профессорско-преподавательского состава казанских вузов в голодные 1921–1923 гг. нансеновские посылки и академические пайки были просто „даром небес"»[2]. «Даром небес» для небольшой семьи Фешиных была и их жизнь в Васильеве, где их спасала корова Красавка, а также, как думается, и плоды, собранные с приусадебного огорода... Из воспоминаний Фешина: «В это время моя жена так хорошо наладила домашнее хозяйство, что мы ни в чём особо не нуждались»[3]. Подчеркнём: *ни в чём*, не только в хлебе насущном.

Но голод всё-таки был. Хотя применительно к Фешину того периода следует говорить прежде всего о голоде иного порядка — в социально-психологическом, мировоззренческом, наконец, творческом смыслах. Мы убеждены, что именно о таком голоде слова художника, произнесённые им на даче Тришевских в Москве и процитированные выше по воспоминаниям Л. П. Дульской-Берлин. А иначе некоторым из нас и потомкам, действительно, будет тяжело оправдать «бегство» Фешина из голодающей России, даже если бы «продуктовый» голод в его семье имел место: ведь как высоко требовательны и немилосердны мы по отношению к другим. Фешин же в первую очередь был таким к себе, признаваясь многими годами позже: «Нужно сознаться,— писал он брату в Казань,— что все мы бежали, не желая ломать своих буржуазных привычек и сохранить силы для себя лично, в то время как все оставшиеся в России должны были терпеть всевозможные невзгоды и лишения. И мы не вправе рассчитывать на задушевную встречу и радушный приём». Как видим, художник сам свою эмиграцию признавал «бегством». Но это уже из разряда генетического чувства стыда, которое несёт отечественная интеллигенция в числе своих лучших представителей сквозь столетия,— стыда перед страдающим на протяжении всего своего исторического пути народом. Между тем ни в каких оправданиях люди, подобные Фешину, никогда не нуждались. Да и судьбы тоже. Разве что в столь же свойственном цвету нашей интеллигенции самооправдании — своего места среди людей и в мире в целом, своего существования, своих дел и помыслов.

---

[1] Цит. по материалам о жизни и творчестве Фешина в архиве акад. Н. М. Валеева.

[2] Федотова А. Ю. Продовольственная помощь казанской профессуре в условиях голода 1921–1923 гг. // Эхо веков. 2013. № 3–4. С. 54.

[3] Автобиография Н. И. Фешина: «Годы В России».— С. 114.

НЕ ХЛЕБОМ НАСУЩНЫМ

Хотя семья Фешина в полной мере и не испытала на себе всей тяжести голода, от которого страдал народ в начале 1920-х, художник не мог остаться равнодушным к этому страшному бедствию. В 1921 году он работает над эскизом «Голод», с которым в 1922 году принимает участие на 47-й передвижной выставке в Москве и в котором, по выражению одного из критиков того времени, Фешин «дал нужную, неприкрашенную правду», состоящую в выражении бездны ужаса, вызванного голодом, уродующим человека, размывающим его в реальности, практически сводящим на нет всё человеческое в нём. Лишь на лице — с обезумевшими от бессилия и боли глазами, с ноздрями, напряжёнными в безнадёжной попытке уловить хотя бы слабый запах пищи, с высохшими, обнажившими зубы и застывшими в немой мольбе губами — можно угадать его малое подобие... Наверное, в отечественной живописи тех лет трудно найти работу, более откровенную по степени отчаяния и отчуждённости человека от мира. И — по безысходности, казалось бы, отрицающей малейшую возможность преодоления такого состояния.

А ведь речь всего лишь об эскизе. Но если даже в нём Фешину удалось с такой силой передать психологию голодающего, в какую, должно быть, бездну отчаяния в те годы он был погружён сам. В этом смысле близкой «Голоду» нами воспринимается один из образцов натурного рисунка художника — его автопортрет 1921 года Точное наблюдение над ним и характеристика принадлежат Г. П. Тулузаковой: она пишет, что его «можно рассматривать как один из самых ёмких портретных образов. Тяготы и страдания взбаламученной революцией жизни, постоянное перенапряжение сил и существование на грани возможного наложили свою печать на лицо художника. Пространство, его окружающее, обрисовано стремительной штриховкой, резко пересекающейся под разными углами и расходящейся в разные стороны. Беспокойное напряжение усиливается в экспрессивном, ломаном ритме извилистых линий, лепящих лицо. Их мягкая округлость как бы прорывается сквозь наступающую, агрессивную жестокость штрихов фона и волос. Резкий, подчёркнутый контраст чёрного и белого, света и тьмы выводит наружу внутреннюю борьбу страстей, находящую отражение и в измождённом облике человека с запавшими глазницами и выступающими скулами. В этом произведении находит импульсивное выражение трагическая, нервная одухотворённость человека в его предельно напряжённом состоянии»[1]. Резюмируя сказанное авторитетным фешиноведом, отметим, что на данном автопортрете в лице человека будто проступает само Время. Как следует подчеркнуть и то, что эта работа выполнена художником не столько для стороннего зрителя, сколько для самого себя — в особенно обострившейся в год её написания потребности разобраться в самом себе, в своих мучительных раздумьях о перепутье жизни — далеко не однозначных, как того бы хотелось. Однозначно одно: Фешин переживал глубочайшее размирье со Временем и действительностью, небывалый доселе разлад с ней и в связи с этим — что самое главное! — разлад с самим собой. В корнях этого нужно разбираться особо.

А они прежде всего в реальности — той новой послереволюционной реальности, окружавшей художника и в которую он честно пытался вписаться вот уже на протяжении нескольких лет. Она же несла разруху, обездоленность, голод, смерть. Со свидетельством этого «страшного мира» (А. Блок), исходящим от самого Фешина, мы уже встречались выше (его воспоминание о телегах с голыми трупами, прикрытыми рогожей). Ещё одно — об общей неустроенности жизни: «Зимние поездки между

[1] Тулузакова Г.П. Николай Фешин. Натурный рисунок. – Казань: Информа, 2009. – С. 11.

Казанью и нашим деревенским домом (в Васильево — Р. С.) были по-настоящему опасны. Железнодорожный транспорт был наполовину разрушен, пассажирские вагоны исчезли и оставались только лошадиные повозки или разрушенные третьеклассные вагоны. Иногда в дороге кончалось топливо, и пассажиры были вынуждены собирать в лесу хворост. Часто приходилось проводить всю ночь в поезде в исключительном холоде, поскольку в вагонах не было дверей и окон»[1]. Такое Фешину приходилось переживать не менее двух раз на неделе, поскольку после переезда семьи с началом гражданской войны в Васильево он продолжал жить и преподавать в Казани, возвращаясь по выходным к семье — тому «единственному месту, где я мог отдохнуть и восстановить силы»[2]. Так общая неустроенность усугублялась личной и наоборот. Жизнь между Казанью и Васильевом у Фешина длилась с 1918 года, что не могло за несколько лет не осточертеть и не сыграть своей роли в принятии решения об эмиграции.

К слову сказать, Николай Иванович, проживая в рабочие будни один в Казани, вполне мог испытывать муки и физического голода. И связаны они не только с периодом «общего» голода в стране в начале 1920-х. Известно, какой безудержностью отличался творческий процесс и педагогическая деятельность Фешина, когда он отдавался работе целиком, совершенно не замечая времени. Мог ли он в таком ритме заботиться о пище насущной, готовя сам себе завтраки, обеды, ужины? А больше — и некому: не мог же он содержать на свои пайки личного повара. Как, скорее всего, не мог себе позволить питаться на свои скудные средства и в «общепитах», точки которых тогда едва ли были доступны (если вообще функционировали) в погрязшем в разрухе и голоде городе.

Ежедневно наблюдавшего за происходящим, лицезревшего на улицах сотни голодных, в том числе и детей, особенно наводнивших Казань в начале 1920-х, Фешина не могли более всего не заботить тревожные переживания за будущее семьи, особенно малолетней дочери Ии, родившейся в 1914 году: что будет с ними? каково её будущее? А когда поступило предложение уехать, не вызвало ли оно противоречивых мыслей, вроде: правильно ли я сделаю, если приму решение уехать из родных мест? не лишу ли я этим свою кровиночку самого важного в жизни?

Но жена настаивала. Хотя, казалось бы, жила семья, даже в годы повального голода, не хуже всех. В том числе во многом благодаря и Александре Николаевне, умело поставившей быт и домашнее хозяйство в Васильево. И всё это — без прислуги и без каких-либо барских привычек, которых теперь не стало, но к которым с детских лет она была приучена, будучи хотя и одним из многих, но старших и самых любимых (и, безусловно, избалованных) детей Н. Н. Бельковича — организатора Казанской художественной школы, настоящего аристократа по рождению, прививившего аристократически-барские наклонности и своей драгоценной дочери, посему деревенская жизнь в Васильево давалась ей очень и очень нелегко, тем более в годы гражданской войны Васильево одно время даже находилось рядом с линией фронта.

Жена ностальгировала по прошлому. А Фешин разве нет? Сравнение по количеству, порой и по качеству написанного в период с 1918 года по дате уезда из страны с дореволюционным и эмиграционным этапами творчества Фешина даёт понять, что определённая стагнация в творчестве художника всё-таки была и связана она, по нашему глубокому убеждению, с очень тяжело дававшимися художнику поисками идеала, без которого его творчество просто не могло существовать — по своему духовному содержанию и устремлённости. Фешин всеми своими силами пытается найти новый

[1] Автобиография Н.И. Фешина: «Годы В России». — С. 113.

[2] Там же.

идеал: этим обусловлено появление, при всём их «заказном» характере, картин вроде портретов Маркса, Ленина, Луначарского, поэтому для Фешина это был вполне органичный по своему характеру процесс. Но понимание того, что это оказывается для него невозможным, усиливало тоску по идеалам, сложившимся в «прошлой» жизни,— тому высокому, возвышенному, чему места в настоящем оставалось все меньше и меньше: красоте, женственности, любви, человечности. Тяжело переживая происходящее, Фешин давал ему чёткую оценку: «Люди, вдохновлённые идеалами, взялись перестраивать страну, торопясь разрушить старое, не имея ни физических сил, ни необходимых знаний для изменений старого ради незнаемого нового...» [1].

Последней ниточкой, связывавшей художника с прошлым и с понятием родины, были, по-видимому, его родители. А их вскоре не стало: отца он потерял в 1919 году. Через несколько месяцев умирает и мать. Фешин же, при всей своей именитости, среди голода и разразившейся тифозной эпидемии ничем не смог помочь родителям: каково было ему осознавать это и жить с этим! После такого рода потерь возможно только одно спасение — в самом дорогом: в семье, в работе и в творчестве. О семье сказано — обратимся к делам профессиональным.

Все годы после революции вплоть до эмиграции Фешин продолжал работать в КХШ (Казанской художественной школе), претерпевшей в эти годы ряд реорганизаций: в 1918 году она была преобразована в Казанские свободные художественные мастерские, в 1920 — в Казанские высшие художественно-технические мастерские, в 1921 — в Казанский художественный институт, в 1922 — в Казанский архитектурно-технический институт. По-видимому, как и большинство всякого рода реорганизаций, когда-либо проводимых в нашей стране, порядка в функционировании учреждения эти изменения вряд ли привнесли. В атмосфере общей разрухи и хаоса — тем более.

Условия работы стали невыносимыми. Художник спустя годы так вспоминал об этом: «Во время самого первого года революции новое здание КХШ было лишено центрального отопления. Толстые каменные стены промерзали насквозь, а холод внутри был непереносимым... Мы рисовали и писали в пальто, варежках и валенках...» [2].

Было и такое: по воспоминаниям Д. И. Рязанской, одной из учениц КХШ в те годы, «натурщиков ставили около железной печки („буржуйки“). Натура с одной стороны от раскалённой печи делалась красной, а с другого бока замерзала <...> Красок не было, учащиеся тёрли себе краски из сухих красителей и набивали их в самодельные тюбики из промасленной бумаги. Существовала специально краскотёрочная мастерская по главе с Пузанковым. Назначались туда дежурные, они тёрли краски для общего пользования».

«Постепенно рисунок на вечерних занятиях совсем заглох...» — это уже из воспоминаний другой ученицы КХШ — В. А. Смиренской. Как она свидетельствует, «реквизит в подвале мастерских был затоплен, в связи с лопнувшими от мороза трубами, и богатейший склад красивых тканей, сосудов, оружия, мебели частью погиб от сырости, сгнил, частью совсем исчез из стен школы... Студенты стали приносить из дома кто что мог для постановки натуры. Собирали деньги на покупку ковров в комиссионных магазинах... Особенно тяжёлыми были годы 1920–1923-е. Многих не стало из учащихся...».

А Фешин, несмотря на «холодище в классах, нехватку натуры, поредение в составе преподавателей и учеников», «неизменно оставался на своём преподавательском посту», «требовал, чтобы занятия посещались аккуратно, а кроме того, давал ещё

[1] Автобиография Н. И. Фешина: «Годы В России». — С. 113.

[2] Автобиография Н. И. Фешина: «Годы В России». — С. 113.

и домашние задания. Его последние слова к нам были о том, что художник должен работать ежедневно, систематически всем, что есть под руками, углём, карандашом, кистью, что это необходимо для упражнения руки и глаза так же, как музыканту необходимо ежедневное упражнение слуха и рук на избранном инструменте» (Смиренская В. А.). Эти слова дают ясно понять, что Фешин никак не хотел приспосабливаться к новой жизни, прогибаясь под обстоятельствами времени. Его жизненные и творческие принципы, требования к себе и к окружающим, взгляды на мир и его оценка были неизменны. В условиях нового порядка вещей и отношений мировоззрение художника не могло не претерпевать болезненного разлада с действительностью, противоречий с протекающей на глазах жизнью. Больнее же всего ему было, когда они касались творчества.

Выступая на вечере памяти Н. И. Фешина в Казани 7 декабря 1963 году, Г. А. Могильникова отметила: «В те годы в искусство и в мастерские проникло влияние формалистических течений и вызвало ожесточённую борьбу различных группировок. Мастерская Фешина подверглась нападкам со стороны противников реализма» (из стенограммы вечера памяти Н. И. Фешина 7 декабря 1963 году в Казани). Речь здесь идёт о так называемых «левых». О конфронтации Фешина с ними сказал на том же вечере памяти и художник Н. П. Христенко: «Я отлично помню, как неистовствовали в то время „левые“, формалиствующие так называемые „художники“ в связи с предоставлением особых условий художнику Н. И. Фешину для исполнения портрета Карла Маркса. Сплетались небылицы, интриговали, осмеивали и злорадствовали» (там же). Трудно поверить, что дело со стороны «левых» доходило даже до тех грязных вещей, о которых упоминает Христенко, тем более что среди преподавателей (впоследствии видных и уважаемых художников, таких как П. А. Мансуров, К. К. Чеботарёв, А. Г. Платунова) были и пришедшие работать в школу именно по рекомендации и содействию Фешина, а некоторые из них (Чеботарёв) спустя годы оставили о нём добрые воспоминания. Тем не менее, не единичны и свидетельства о том, что по отношению к Фешину «велась какая-то травля» (Ошустович Е. Ф.), что он «жаловался на трудности борьбы с футуристами, которые завладели влиянием в школе и повели её по формалистическому направлению» (Модоров Ф. А.). И вот что любопытно: даже по истечении многих лет, когда, кажется, и страстям бы пора остыть, вдруг всплывает совсем неожиданное. Так, А. М. Родченко, учившийся у Фешина в 1911–1914 годах, безо всякого зазрения совести оставил о своём учителе довольно злорадные слова: «Профессорами нашими были Радимовы, Скорняковы, Денисовы; говорить об их талантах не приходится. „Свет во тьме“ — Н. Фешин, безусловно способный человек, но он был занят Америкой. Этот хитрый, самолюбивый, расчётливый профессор далеко рассчитал своё бегство в Америку и не интересовался не только школой, но и Россией. „Русский художник“, окончивший Академию художеств, надежда реалистов, получивший золотую медаль за русскую картину „Капустница“, преподавая в школе, писал учениц школы то с цветами, то с книжкой, то с кошечкой... Беспрерывно экспортировал их в Америку, называя по-американски „Мисс Анта“, „Мисс Кэт“, „Мисс Мэри“ и т. д. Когда же эти „миссы“ достаточно „намиссили“ долларов, русского художника только и видели»[1].

К творческим разногласиям с коллегами добавлялись проблемы сугубо технического свойства. Смиренская вспоминает, как «Николай Иванович среди молчания, вдруг, вскидывал голову и блаженно произносил нараспев: „Лефранк, Мёвис... как это заманчиво! Кисти хорошие, мазок как по маслу“». То есть у художника для написания картин элементарно не было в те дни нужных для этого, качественных красок.

[1] Казань. – 2000. – № 11. – С. 111.

А писать хотелось неудержимо, согласно характерной для Фешина особенности — ежедневно. Не писать он просто не мог. Именно этим можно объяснить и появление тогда «заказных» вещей, вроде вождей революции. Но изначальная пропагандисткая установка, требуемые скорые темпы работы над ними, отметающие возможность их добросовестного исполнения, плюс отсутствие хороших материалов, от чего картины «стремительно портились»,— всё это убивало художника, предъявляющего максимальные требования к творчеству. Прежде всего этим объясняется его психологическое состояние уже за годы до отъезда за границу, которое лучше всего определил он сам, говоря о том, что нервы полностью истощились, «работа потеряла всякий здравый смысл, и многие впадали в невыносимую меланхолию» [1].

Фешин переживал настоящий творческий голод. Ещё и не об этом ли его эскиз «Голод»? Поэтому не более как хлебные крошки могли им восприниматься те миниатюры, что он исполнял по заказу Селькредпромсоюза, разрисовывая многочисленные шкатулки, пудреницы, табакерки. По свидетельству С. М. Ляхова, они продавались «в магазине кустарных изделий, который находился где-то на одной из улиц между Кремлём и вокзалом. Насколько помню, каждая из них была живописно оригинальна. Они не повторяли друг друга...». Как видим, и здесь талант Фешина не позволил ему скатиться в обыкновенное ремесленничество. Талант и то, что на предметах этих неизменно изображались излюбленные им, одухотворённые его творческой мыслью, вознесённые до идеала образы жены, дочери. Так что и здесь он сказал своё слово, позволяющее специалистам оценивать его миниатюрные портреты, динамичные, полные экспрессии, творческой свободы, как одну из особых страниц в истории отечественной миниатюры. Видимо, многого стоили они для самого Фешина — как же иначе могут восприниматься голодающим даже хлебные крохи!

Не всё, но писалось Фешиным в последние годы его жизни на родине не только «по заказу», а так сказать, и «для души». В этом смысле символичным и уместным будет воспоминание Смиренской о двух его работах, название и местонахождение которых, к сожалению, неизвестны: «Вскоре Николай Иванович стал собираться за границу. Так как ему часто приходилось бывать в городе с хлопотами о получении визы и об устройстве своих картин, а также о вывозе за границу части своих работ, ему часто приходилось ночевать у сторожа института Петра Онуфриева. Пётр показывал нам натюрморт, подаренный ему Фешиным в благодарность за ночлег. Это был небольшой холст, приблизительно 40х50 см, изображена была на нём яичница. Обращала внимание виртуозность фешинской техники...»; «Однажды, в эти последние дни пребывания в Казани, Фешин сказал нам, что пишет портрет очень интересной дамы. Мы сразу же стали допытываться, где и кого он пишет. И вот, под видом того, что мы продаём редкую турецкую шаль, мы явились в дом Соловьёвой на 1-й горе, где писался портрет. Мы его увидели, этот последний фешинский портрет, писанный в Казани. Он действительно был очень хорош! Размер не более 22х30 см...». Так, между хлебом насущным и высоким идеалом, заботой об одном и тоской по другому, с одинаково непреодолимой силой жаждуемых в те дни, шёл Фешин к своей эмиграции.

БЕГСТВО ИЗ КАЗАНИ

Жизнь в Казани после революции, видимо, была невыносима Фешину. Сразу после неё, ещё за годы до эмиграции, он не раз хотел покинуть родной город — тому в воспоминаниях знавших его людей мы находим ряд подтверждений.

[1] Автобиография Н. И. Фешина: «Годы В России». — С. 113.

Астраханский художник Г. С. Портнов, например, вспоминал:

«Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в 1918–1919 годах, я был в Астрахани. Здесь пребывал художник П. И. Котов. Он собрал всех имеющихся в городе художников и создал „Общину художников". Вслед за этим он открыл Высшие художественные мастерские, где под его руководством работали все местные художники, обучались живописи и повышали свою квалификацию.

В то время не хватало у нас преподавателей живописи. И вот решили откомандировать одного из наших художников в г. Казань пригласить Н. И. Фешина в Астрахань, обещая ему обеспечить его питанием и жильём. Он так было обрадовался этому случаю — рассказывал нам уполномоченный — что охотно согласился выехать к нам в Астрахань.

И вдруг, он задумался о чём-то, вспомнил что-то и спросил:

— Есть заболевания малярией в Астрахани?

Наш уполномоченный не хотел скрывать от Фешина истину и дал утвердительный ответ. Фешин вежливо извинился, но выехать в Астрахань отказался, боясь заболевания малярией...».

Обратим внимание на то, как обрадовался было художник открывшейся возможности уехать из Казани, и лишь боязнь заражения малярией малолетней дочери, жены и себя остановила его.

Но попыток Фешин не оставлял, надеясь, в частности, обустроиться в Москве. Об этом читаем в воспоминаниях художника М. М. Радонежского, работавшего в 1918–1921 годах декоратором и руководителем художественных студий в частях Красной армии, дислоцировавшихся в Казани: «В 1919 году (*автор цитаты несколько ошибается — Р. С.*), после окончания мною Пензенского художественного училища, я был мобилизован в ряды Красной армии и был направлен в г. Казань, где опять встретился с Николаем Ивановичем, который состоял среди 29 художников в клубно-художественном отделе политотдела штаба запасной армии республики. Он был рад нашей встрече, но вскоре уехал по делам в Москву, и более я его не видел. От своего товарища — художника Григорьева Александра Владимировича я узнал, что Москва ему предлагала работу при Кремле, где он должен был заниматься портретами...».

Эти слова о возможной работе Фешина в Москве поддержаны и П. Е. Корниловым, историком искусства, известным коллекционером рисунков, акварелей русских художников конца 19-го — начала 20-го веков, ученика П. М. Дульского: «Вспоминается разговор с Александром Владимировичем Григорьевым, бывшим учеником Фешина по Казанской художественной школе и видным деятелем Ассоциации художников революционной России. Он передавал мне, что имел беседу с тов. М. И. Калининым о судьбе Н. И. Фешина. Был решён вопрос о предоставлении Фешину мастерской, о заявках и о переезде его в Москву. Но Н. И. Фешин вскоре заболел тифом (болезнь типичная для тех лет), а А. В. Григорьеву пришлось выехать в командировку. Когда он вернулся, то узнал, что, видимо, под влиянием жены Фешина был безоговорочно решён вопрос об отъезде Николая Ивановича в Америку...». Так что, если бы не болезнь художника и не командировка Григорьева, бывшего ученика Фешина, имевшего вес в новой власти и принимавшего самое деятельное участие в решении вопроса о его работе в Москве, возможно, никакой бы эмиграции в США и не случилось бы...

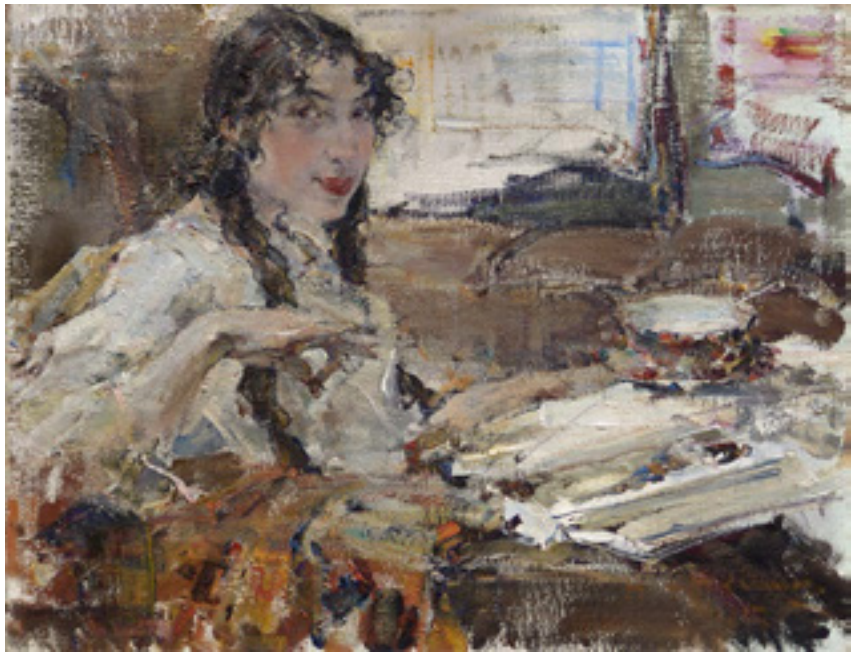
С Москвой не получилось, и вот 18 октября 1921 года Фешин пишет письмо в Петроград И. И. Бродскому — своему однокашнику, учившемуся с ним в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств, художнику, особенно востребованному новой властью благодаря эксплуатируемым им революционной и ленинской темам, чему он посвятил немало своих картин:

Портрет Сапожниковой (на фоне рояля)

Портрет Вари Адоратской

Портрет отца

Портрет художника Г.А. Медведева

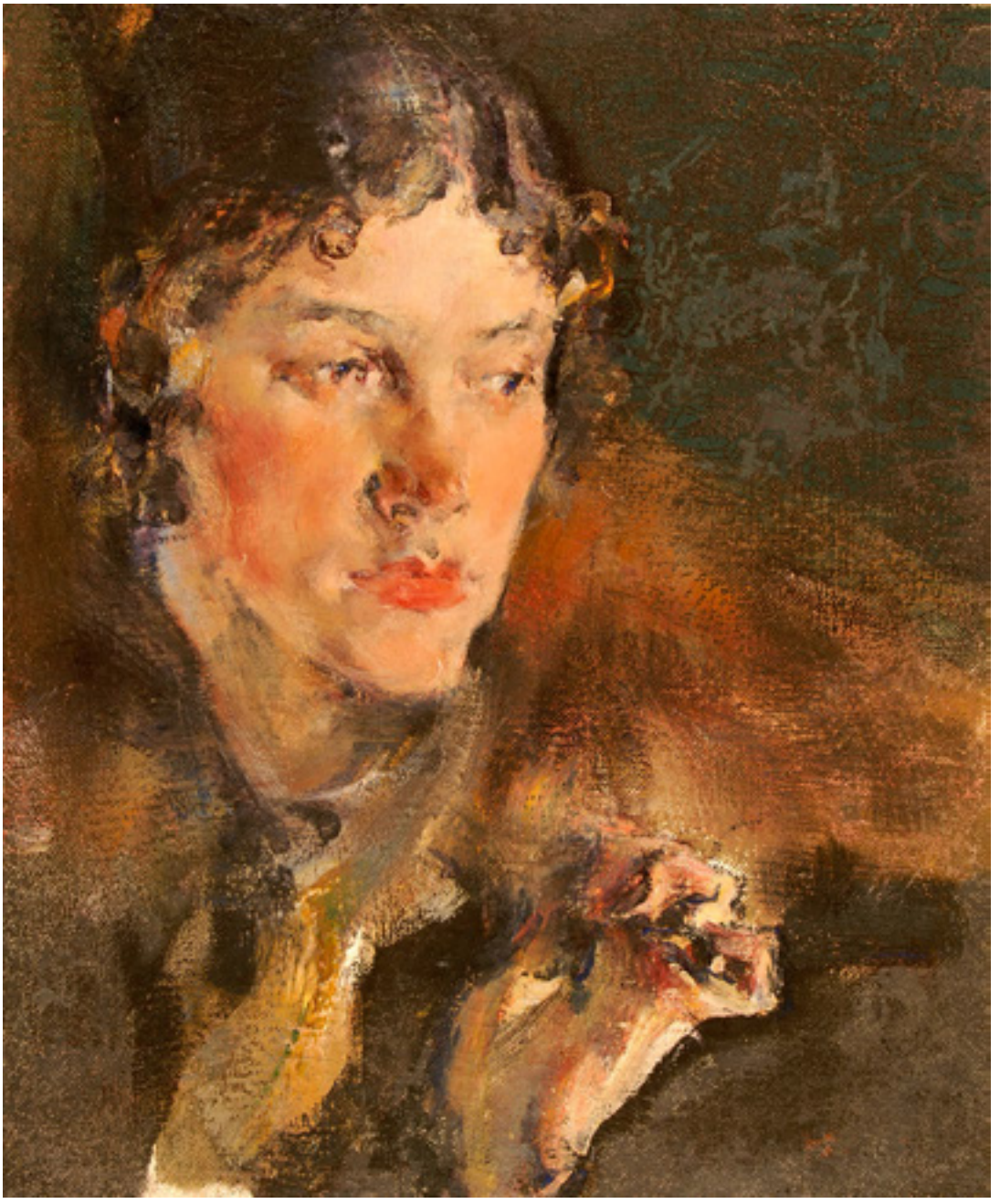


Портрет Поповой Т.А.

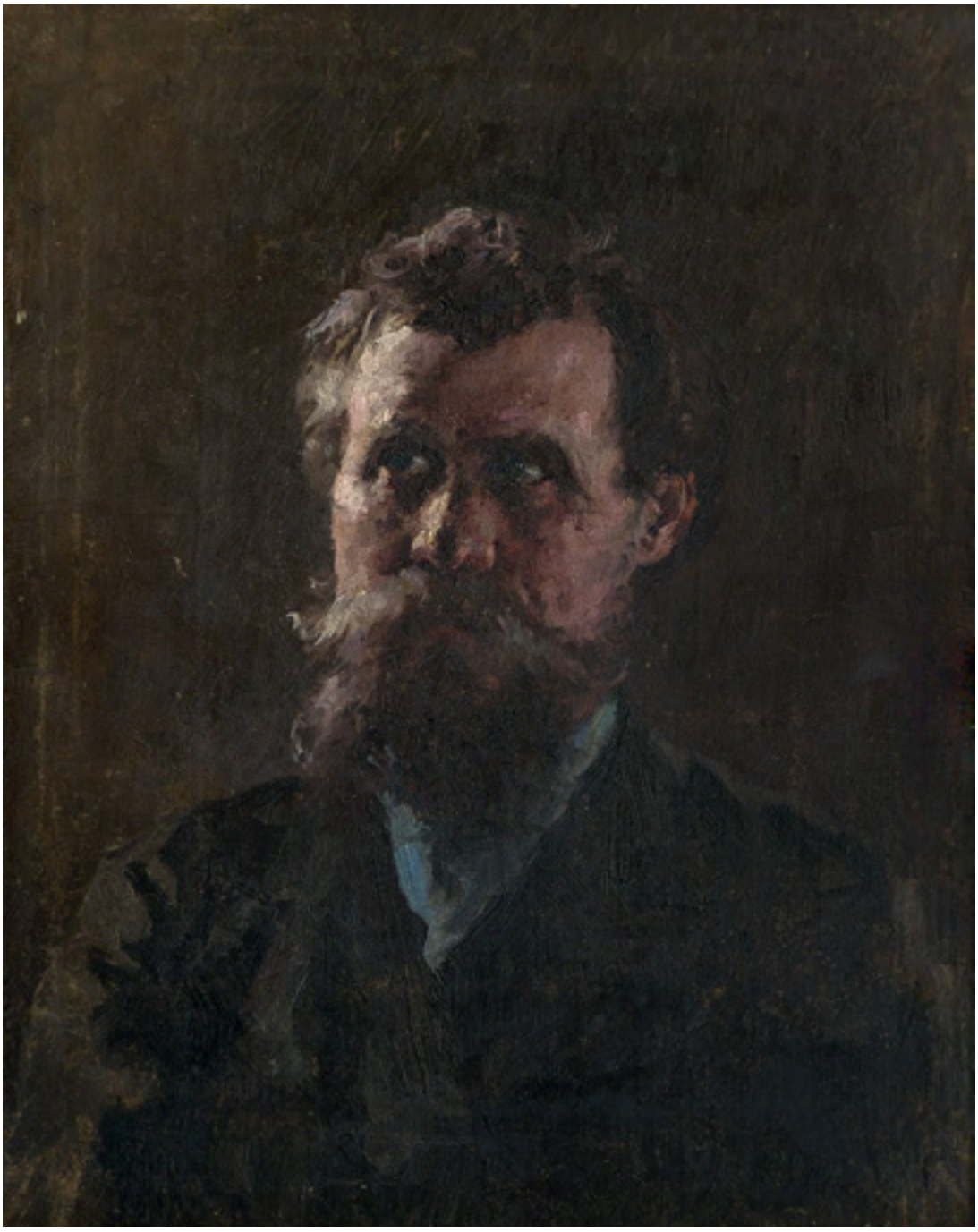
Портрет дочери (миниатюра)

Портрет жены

Портрет Миши Бардукова



Портрет жены



Портрет отца

Портрет Сапожниковой Н.М. Этюд

«Дорогой Исаак.

Очень много время[1] прошло, как я не имею никаких сведений из Питера. До революции я ещё мог чувствовать себя здесь более или менее сносно, но теперь, когда я потерял всякую связь с внешним миром,— становится невмоготу.

Я буду очень обязан тебе, если ты не поленишься написать мне, насколько сносно можно будет устроиться в Питере.

Переселение моё из Казани принципиально решено, и мне важно знать, все ли забыли меня и найду ль я хоть на первое время поддержку от своих старых приятелей.

С большим трудом я возобновил переписку с заграницей, куда меня по-старому приглашают и куда я намерен поехать при первой возможности.

Теперь только сознаю, какая непростительная глупость была моё сидение в казанском болоте.

Итак, Исаак, я надеюсь, что ты мне поможешь сделать этот переезд более сносным, а я в свою очередь постараюсь быть тебе полезным. Боюсь, что в силу обстоятельств мне придётся зазимовать здесь, т. к. строить новую жизнь придётся с весны.

Буду ждать, чем ты меня порадуешь.

Твой Н.»[2].

Это письмо написано во второй половине октября 1921 года, когда уже были возможны первые встречи Фешина с американцами из АРА, как известно, прибывшими в Казань в первых числах сентября этого года[3] (почему нет, если ещё до революции у художника были с ним тесные контакты?). Могло уже быть с их стороны и предложение покинуть страну. Тогда не является ли это письмо свидетельством того, как это предложение могло пугать Фешина и как ему не хотелось покидать Россию. Ведь как он мучился, не находя опоры для принятия окончательного решения в себе и среди окружающих, которые порой лишь укрепляли его в сомнениях: «Николай Иванович был долго в нерешительности, колебался перед отъездом. Даже сидя среди нас, своих учениц, в квартире Зои Кудряшовой (там иногда ночевал Николай Иванович), он задумывался надолго, как бы не замечая окружающих, и, вдруг, неожиданно обращался к кому-либо из нас с вопросом: „А как вы думаете, ехать мне или не ехать?“ Мы молчали, потому, что знали: он упрям и самостоятелен в своих решениях. И всё же я робко сказала ему однажды: „Не надо ехать, время тяжёлое, но будет легче обязательно!“» (Смиренская В. А.).

В письме к Бродскому Фешин негативно отозвался о своей жизни в Казани: «сидение в казанском болоте». Неужели он так не любил город, в котором родился, где прошли его детство, отрочество, где он учился в художественной школе, давшей ему направление для учёбы в Санкт-Петербурге, куда он вернулся работать, где создал семью и где родилась его дочь? Едва ли, хотя, признаться, что он здесь видел с момента своего рождения: ежедневные заботы родителей, а потом его самого о добывании средств для более-менее сносного существования, голодные и холодные годы учёбы в КХШ... Но даже при этом, скорее всего, подобное высказывание художника можно объяснить тем состоянием безнадёжности, в которой он находился в послереволюционные годы в силу причин и обстоятельств жизненного, мировоззренческого и творческого характера.

К тому же нужно памятовать о словах, прозвучавших как-то родным братом Фешина — Павлом Ивановичем: «Он не любил жить в городах. Вот и в Казани он не

[1] Особенности языка письма сохранены.

[2] Национальный архив РТ. Ф.2020. Оп. 1. Ед. хр. 290.

[3] Подробнее об этом в статье: Аншакова Ю. Ю. Гуманитарная миссия АРА в Казани во время голода 1921–1922 гг. // Известия Самарского научного центра Института российской истории РАН.— 2007.— № 2.— Т. 9.— С. 382–390.

жил, а жил в Васильево, а в город наезжал только иногда»[1]. Откуда это — у человека, рождённого и большую часть жизни прожившего в городе? Не из детства ли, когда Фешин, по его собственным воспоминаниям, по летам имел возможность «уезжать с мастеровыми в деревни исполнять отцовские заказы или жить с любимой бабушкой Фёклой» (из письма В. П. Лобойкову от 16 февраля 1916 года).

В автобиографии, написанной в США, мы находим слова, которые говорят о том, что Фешин не просто не любил город, а вообще «боялся» его, мотивируя это тем, что «красота в моем детстве была связана с деревней, а все безобразное с городом»[2].

Детство по каким-то архетипическим законам памяти всю жизнь сохраняется в нас как самая светлая пора, даже вроде «райского места», попыткой обретения которого, видимо, наряду с другими доводами и нужно воспринимать тот факт, что Фешины перебрались жить в Васильево.

Ныне Васильево — посёлок городского типа. Тогда оно являлось деревней в пойме Волги, в паре десятков километров от центра Казани. Ещё в конце 19 века её облюбовали купцы, и земля здесь была раскуплена под дачи (сейчас на их месте располагается санаторий «Васильевский»). В общем, благодатный для души и тела край. Семь лет Фешины прожили здесь, сначала используя купленный ими дом под дачу, а после революции, в годы разрухи и голода,— как место постоянного жительства.

Сохранились воспоминания близко знавших Фешина людей, свидетельствующих, что и до переезда в Васильево он любил выезжать из Казани и порой месяцами жить, работать — иногда за сотни километров от неё. Так, сын его коллеги, художника Г. А. Медведева, писал: «Однажды мои родители сговорились с ним поехать вместе на лето в Рязанскую губернию, поселиться там на хуторе, верстах в 40–60-ти от Рязани. Так и сделали. Здесь Николай Иванович написал портрет дочери Григория Антоновича Маруси. Затем написал портрет Григория Антоновича». А как-то даже купил велосипед, чтобы выезжать в окрестности: «...кажется, в 1911 или 1912 году Николай Иванович купил велосипед, видимо, для езды на этюды. Велосипед в то время был редкостью и диковинкой» (Мелентьев Г. А.). Ещё одно воспоминание — о времени, когда у Фешина самого уже была дача: «В 1916 году на летних каникулах, которые проходили в занятии этюдами, я совершенно случайно встретился с Николаем Ивановичем Фешиным в г. Васильсурске, он отдыхал в доме Полуэктовых со всей семьёй: отцом Иваном Александровичем, матерью, женой и дочкой. Знакомство наше произошло на Волге, где Николай Иванович ловил рыбу <...> С этих пор мы бывали на охоте за р. Сурой и писали этюды вместе <...> Васильсурск ему нравился...» (Радонежский М. М.). Потому и нравился, что в кругу близких, атмосфере ничем не стеснённого творчества он испытывал настоящий душевный комфорт.

Картину жизни Фешиных в Васильево можно отчасти составить по небольшой книжке мемуаров жены Фешина «Пути прошлого». Остались некоторые воспоминания и других его знакомых. Модоров Ф. А.: «По окончании школы я уехал в Академию, и мне пришлось снова встретиться с Фешиным в 1919 году. Я был в Казани, и Фешин пригласил меня на дачу в Васильево. Провели вместе два дня, много говорили. Он тогда говорил, что ему сейчас очень трудно, что молодёжь не такая, какая была в период нашего обучения, много нахальства и мало знаний, подготовки никакой. А для мастера это обидно, потому что ему хочется сразу дать больше знаний» (из стенограммы вечера памяти Н. И. Фешина 7 декабря 1963 года в Казани). Коллега по КХШ — художник В. К. Тимофеев: «Время было тогда трудное. Имел он корову. Нужно было питать свою дочь, питаться самим. Нужно было запасти сена на зиму.

[1] Цит. по материалам о жизни и творчестве Фешина в архиве акад. Н.М. Валеева.

[2] Автобиография Н.И. Фешина: «Годы в России».— С. 113.

Приехал я к нему в Васильево недели на две, из отведённого лесного участка накосил травы и заготовлял на всю зиму сена для коровы. Он говорит — спасибо, что мне помог...» (там же). Наконец, сестра жены — П. Н. Белькович, которая на момент описываемых событий была совсем ещё девочкой: «После смерти родителей Н. И. Фешин взял меня к себе. Я у него прожила один год в Васильево <...> Зима 1920 года — жизнь тяжёлая... А доброта и нежность Николая Ивановича до сих пор у меня в памяти. Он рисовал с меня портрет маслом. Помню, как долго он искал композицию, как заставлял сидеть на ручке кресла, где была раскинута его меховая шуба <...> Позировала я ему утром рано. В 5 часов утра он уже нежно будил меня и уводил в мастерскую к себе, закрывался. На полотно наносил сильные, резкие мазки, часто отходил на расстояние, глаза прищуривал. Мучил меня подолгу, а потом кормил чем-нибудь (был голод, и кусок хлеба казался сладким) <...> Помню, как я заболела у них (Фешиных) малярией. Николай Иванович ночью подходил ко мне, давал пить воду. Добрый, светлый образ оставил он в моей памяти о себе». Последнее воспоминание многого стоит — в представлении о человеческих качествах художника.

Итак, из всех возможных «бегств» для Фешина пока было открыто только «бегство» в Васильево — да и то относительное: относительно места и времени его жизни в России.

ЕСЛИ БЫ ФЕШИН НЕ ЭМИГРИРОВАЛ...

Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но давайте предположим, что могло бы случиться, если бы Фешины не эмигрировали.

Итак, спустя годы после Первой мировой и гражданской войн, лишивших Фешина возможности выставлять и продвигать свои картины за рубежом — благодаря прежде всего американцам, в своё время высоко оценившим его творчество, у художника появилась возможность встретиться с некоторыми представителями АРА, а через них — со своим покровителем (ещё с дореволюционной поры) в Питтсбурге У. С. Стиммелем. Они сделали всё возможное, чтобы Фешины покинули Россию.

Говоря о роли АРА в истории с фешинской эмиграцией, нужно знать, какова была её деятельность в Советской России (в том числе и в Казани). Об этом имеется своя литература, в которой на основе изучения документальных источников учёные пытаются дать оценку этой деятельности, подчёркивая, что «окончательная точка в этом может быть поставлена лишь после объективного изучения всей совокупности архивных материалов, находящихся не только в России, но и в США» — такой умный и своевременный вывод сделали авторы статьи «Новые данные деятельности американской администрации помощи (АРА) в России» В. Г. Макаров и В. С. Христофоров[1]. Исходя из анализа архивных материалов, им удалось дать наиболее полную и непредвзятую картину работы этой организации в нашей стране. Приведём наиболее актуальную информацию из этой статьи, важную с точки зрения интересующей нас темы.

Голод, охвативший в начале 1920-х около 40 губерний молодого советского государства, стал настоящим бедствием, одолеть которое своими силами не представлялось возможным. Правительство надеялось на помощь западных стран. 10–20 августа 1921 года в Риге состоялись переговоры между директором АРА в Европе В. Брауном и замнаркома иностранных дел РСФСР М. М. Литвиновым, которые завершились подписанием соглашения об оказании помощи Советской России.

[1] Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 230–243.

В документе говорилось: «Принимая во внимание, что в некоторых частях России существует состояние голода, Максим Горький с ведома Российской Социалистической Федеративной Советской Республики обратился через посредничество г. Гувера к Американскому Народу за помощью для голодающих и больных, в особенности же для детей в охваченных голодом округах России. Гувер и Американский народ с глубокой симпатией ознакомились с этим воззванием о помощи со стороны русского народа, находящегося в несчастии и воодушевлённые желанием исключительно из человеколюбивых соображений придти к нему на помощь. Мистер Гувер в своём ответе г. Горькому сообщил, что через Американскую Администрацию помощи будет оказана помощь приблизительно одному миллиону детей в России»[1]. В Советской России представители АРА работали с 28 сентября 1921 года по 1 июня 1923 года. Только за три месяца своей работы в 1921 года она получила из Америки 17 263 тыс. тонн продовольствия и других грузов для голодающих. К 10 декабря продовольствие АРА получали в Самарской губернии 185625 детей, в Казанской — 157196, в Саратовской — 82100, в Симбирской — 6075, в Оренбургской — 7514, в Царицынской — 11000, в Московской — 22000, всего же — 565112 детей[2]. Наряду с бесплатным питанием, АРА выдавало нуждающимся мануфактуру, обувь и пр. Миллиону больных была оказана медицинская помощь. В сельских местностях АРА снабжала население сельскохозяйственным инвентарём и сортовыми семенами.

В организациях АРА было задействовано 300 сотрудников, приехавших из Америки, и около 10 тысяч советских граждан, набиравшихся американцами по их усмотрению. «Кем были на самом деле сотрудники из АРА? Бескорыстными посланниками богатой Америки, помогавшими голодавшим жителям Поволжья, или иностранными разведчиками, собиравшими информацию о стране пребывания, военными специалистами, явившимися для поддержки возможной военной интервенции?» — такими вопросами вполне резонно задаются Макаров и Христофоров. Архивные документы Центрального архива ФСБ России, которые были ими изучены, свидетельствуют о том, что представители АРА занимались в равной мере и тем, и другим. Органы безопасности Советской России в начале 1920-х годов считали, что одним из центров иностранного и белогвардейского шпионажа на территории РСФСР, в числе других зарубежных организаций, являлась и АРА, большинство сотрудников которой составляли бывшие американские офицеры и полицейские чиновники. Поэтому с первых дней своего нахождения на территории Советской России сотрудники АРА оказались под пристальным наблюдением ВЧК-ГПУ.

В записке начальника Осведомительного отдела ИНО ВЧК Я. Залина от 26 января 1922 года указывалось, что «результаты систематического наблюдения за деятельностью „АРА“ заставляют в срочном порядке принять меры, которые, не мешая делу борьбы с голодом, могли бы устранить всё угрожающее в этой организации интересам РСФСР. Американский персонал подобран большей частью из военных и разведчиков, из коих многие знают русский язык и были в России, либо в дореволюционное время, либо в белогвардейских армиях Колчака, Деникина, Юденича и в Польской (Гавард и Фокс — у Колчака, Торнер — у Юденича, Грегг и Финк — в Польской и т. д.). Американцы не скрывают своей ненависти к Соввласти (антисоветская агитация в беседах с крестьянами — доктором Гольдером, уничтожение портретов Ленина и Троцкого в столовой — Томпсоном, тосты за восстановление прошлого — Гофстр, разговоры о близком конце большевиков и т. д.). Для работы

[1] Центральный архив ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2389. Л. 18.

[2] Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М., 2006. — С. 301.

в своих органах АРА приглашает бывших белых офицеров, буржуазного и аристократического происхождения, подданных окраинных государств и, таким образом, сплачивает и концентрирует вокруг себя враждебные Соввласти элементы (в Самарском отделении — офицеров, принимавших участие в чехословацком восстании; Петроградском — Юденичские; в Казани — Колчаковские; в Москве — княгиня Мансурова, княгиня Нарышкина, княгиня Куракина, графиня Толстая, баронесса Шефлер, Протопопова и др.). Сотрудники АРА как американцы, так и набранные здесь, пользуясь предоставленными им привилегиями, первым по договору, вторым по нашей нерешительности, безнаказанно занимаются бешеной спекуляцией, вывозом в крупных размерах ценностей из РСФСР. Занимаясь шпионажем, организуя и раскидывая широкую сеть по всей России, АРА проявляет тенденцию к большему и большему распространению, стараясь охватить всю территорию РСФСР сплошным кольцом по окраинам и границам (Петроград, Витебск, Минск, Гомель, Житомир, Киев, Одесса, Новороссийск, Харьков, Оренбург, Уфа и т. д.). Из всего вышеуказанного можно сделать лишь тот вывод, что вне зависимости от субъективных желаний, АРА объективно создаёт на случай внутреннего восстания опорные пункты для контрреволюции как в идейном, так и в материальном отношении» [1].

Получаемая органами госбезопасности информация свидетельствовала, что помимо разведывательной работы, представители АРА в России стремились использовать ситуацию и для личного обогащения: проводили незаконные валютные операции, скупали драгоценности, золото, предметы церковной утвари, произведения искусства и антиквариат. Например, 1 декабря 1922 года на московской таможне в присутствии официальных представителей АРА была вскрыта дипломатическая почта этой организации, адресованная в Ригу, Лондон и Нью-Йорк. В посылке оказался в том числе и ящик от районного представителя АРА в Казани, в котором находилась «одна черепаховая коробочка с эмалью (пейзаж); одна золотая, овальной формы, коробочка с эмалью и драгоценными камнями; один перламутровый футляр с инкрустацией; одна фигурка из цветного уральского камня; одна круглая серебряная коробочка филигранной работы с эмалью и бриллиант; одна такая же коробочка овальной формы с драгоценными камнями; одна крупная фасонная золотая табакерка с эмалью и гравировкой; одна золотая зажигалка с бриллиантами и монограммой „М“» [2].

Результаты контрразведывательной работы были отражены в докладе ГПУ 1923 года, посвящённом деятельности иностранных организаций, оказывавших помощь в борьбе с голодом. В результате полуторагодичного наблюдения за работой АРА было установлено, что эта организация, наравне с помощью голодающим, вела политическую работу, направленную против советской власти. Это проявилось, в частности, после того, как АРА перешла от массового снабжения голодающих к индивидуальному снабжению посылками нуждающихся лиц. Говоря о политической работе АРА, направленной против советской власти, особое внимание обращалось на состав этой организации. Сотрудники АРА условно делились на две категории: на сотрудников, приехавших из Америки, и на сотрудников, принятых на службу в России. Через российских сотрудников АРА американцы собирали необходимые сведения о России и различных аспектах её жизни, поддерживали связи с контрреволюционными и белогвардейскими кругами. 29 марта 1923 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление о ликвидации деятельности АРА на советской территории.

Такие страсти кипели в 1920-е годы вокруг АРА. Не мог ли и Фешин оказаться в поле зрения наших спецслужб, хотя и не был сотрудником АРА, однако имел

[1] Центральный архив ФСБ Росси. Ф. 1. Оп. 6. Д. 248. Лл. 1–2.

[2] Центральный архив ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 161.

очень плотные контакты с её американскими представителями в Казани? Если так, то не это ли именно подтолкнуло его к скорой эмиграции? Несмотря на то, какие нравственные мучения он испытывал, общаясь с американцами в то время, проведя после их предложения об эмиграции множество ночей без сна в мучительных раздумьях о настоящем и будущем, что нашло отражение в его последующих воспоминаниях: «В их стране мир и свобода, можно работать, писать то, что хочется. Нет ни трагедий, ни безнадёжного хаоса, раздирающего нервы. Мои корни здесь, но я потерял энергию работать, желание жить — и надежды ушли...»[1]. Очень важные слова, на многое проливающие свет! Несомненно, одно: если сотрудники наших спецслужб уже тогда и не были «на хвосте» у Фешина (но почему в таком случае ему пришлось ждать визу в Москве на протяжении двух месяцев, несмотря на помощь влиятельных людей в решении этой проблемы?), то он, безусловно, был бы арестован в 1930-е — в годы массовых репрессий в стране, когда буквально «на ровном месте», даже будучи безграмотным крестьянином, никогда в жизни не казавшим нос за пределы своей деревни, можно было схлопотать обвинение в контрреволюционной деятельности и в шпионаже в пользу западных держав и быть приговорённым к расстрелу, в лучшем случае — к многолетним тюрьмам и лагерям, из которых мало кому посчастливилось возвратиться.

В такой мысли укрепляет не только знание тех страшных фактов, с которыми мы столкнулись в своё время при написании сначала книги, затем докторской диссертации о жизни и творчестве безвинно обвинённого и сосланного в Коми-лагеря татарского поэта Фатиха Карима и связанного с этим изучения его следственного дела в архивах ФСБ, большого объёма литературы о сталинских репрессиях, но и, например, судьба человека, непосредственно оказавшего Фешину помощь в получении визы на выезд из России,— речь о его бывшем ученике Александре Владимировиче Григорьеве.

Один из первых марийских художников, основатель художественно-исторического музея в Козьмодемьянске, в 1922 году работал инструктором ЦК РКП(б), являясь параллельно одним из организаторов и товарищем (заместителем) председателя Ассоциации художников революционной России — крупного объединения советских художников, графиков и скульпторов, которое, благодаря поддержке государства, было самой многочисленной, мощной и влиятельной из творческих групп 1920-х годов. Занимая высокие посты и симпатизируя Фешину, он не мог не откликнуться на его просьбу о содействии. Более того, семья Фешина некоторое время прожила в его московской квартире, о чём вспоминал Д. П. Мощевитин, правда, ошибившись на год во времени, когда это случилось: не в 1923, а в 1922 году.

Через 15 лет после этих событий, в ночь на 7 ноября 1937 года, Григорьев был арестован и решением особого совещания НКВД осуждён на 8 лет заключения (интересно было бы изучить его следственное дело: на предмет того, не фигурирует ли там каким-либо образом имя Фешина). Наказание отбывал в одном из совхозов НКВД близ Караганды. Тяжёлые годы лагерей и клеймо «враг народа» круто изменили его жизнь. Он освободился в 1946 году, но получил запрет на жительство в Москве, несмотря на то, что там жила его семья. Григорьев уехал в Калужскую область, в Тарусу, где целое десятилетие прожил забытый фактически всеми, кроме нескольких своих друзей-художников, старавшихся помочь, потому что художник бедствовал, зарабатывая тем, что писал вывески для закусочных и кафе.

В случае с Григорьевым судьба, в конечном счёте, оказалась милостивой: его реабилитировали, назначили пенсию общесоюзного значения, присвоили звание

[1] Цит. по материалам архива акад. Н.М. Валеева.

заслуженного деятеля искусств МАССР. А вот по отношению к Фешину какой бы была она — большой вопрос! Обстоятельства жизни художника в те годы, как и судьба многих наших соотечественников в последующие заставляют думать о худшем варианте. И самое главное: Фешин всё прекрасно понимал. Этим объясняется и желание скрыть им истинную причину эмиграции. Это не голод и не туберкулёз, о чём он говорил в Москве у Тришевских (из воспоминаний Л. П. Дульской-Берлин). Как мы видели, Фешины не голодали даже в годы повального голода начала 1920-х. А вот что с болезнью. Как вспоминал брат художника П. И. Фешин, «он проживал в Нью-Йорке, климат плохой — это сквозная труба, а лёгкие у Н. И. Фешина были слабые. Вот тут-то он и получил туберкулёз» (из стенограммы вечера памяти Н. И. Фешина 7 декабря 1963 года в Казани). Да, лёгкие у Фешина были слабые, но болел ли он на момент уезда из России? В воспоминании Д. П. Мощевитина читаем, что, живя с семьёй в первые дни пребывания в Москве у Григорьева, Фешин «держался по-прежнему прямо, мужественно, с гордо поднятой головой». Мог бы так держаться по-настоящему больной человек, и с чего бы это в кругу близких? А если кого из этого круга боялся, не удобнее ли было бы казаться больным?..

Среди провожавших Фешина из Москвы был Ф. А. Модоров, приводивший в своих воспоминаниях слова художника о том, что он «уезжает на пять лет». Думается, говоря это, Фешин прекрасно понимал, что в *му* Россию, из которой он «бежал», ему уже не вернуться никогда. Надежды быть понятым здесь тогда не было никакой.

Между тем ещё при жизни Николай Иванович Фешин был признан блистательным художником, непревзойдённым мастером угольного рисунка, великолепным резчиком по дереву, скульптором, работы которого стали в один ряд с признанными классиками изобразительного искусства (И. Репин, В. Серов, Ф. Малявин и др.). В то же время в хаосе социальных и художественных революций Николай Фешин никогда не терял своего собственного лица. В фундаментальные принципы академического и реалистического искусства художник привносил импульсы разнообразных стилевых направлений — от импрессионизма и модерна до экспрессионизма. Ещё при жизни художника его творчество особенно высоко ценили в Соединённых Штатах Америки, ставя в контекст искусства Юго-Запада, связывая в первую очередь с Таосской художественной колонией.

Произведения Фешина хранятся во многих известных музеях и частных коллекциях ценителей живописи в России, на Западе и в США. Однако жители нашей республики могут гордиться тем, что самая большая коллекция картин Николая Ивановича Фешина хранится в Национальной художественной галерее «Хазине», что в Казанском Кремле. Здесь можно увидеть и большеформатные многофигурные жанровые композиции художника, и портреты, и скульптуры, свидетельствующие о его мастерстве, передающие эффектность его техники.

РАМИЛЬ САРЧИН

СОЗВЕЗДИЯ ЦВЕТУТ ИЗ ТЕМНОТЫ

Рамиль Шавкетович Сарчин родился в сельской глубинке Ульяновской области, где началась и его литературная биография, продолжившаяся затем в Татарстане. В 2007 году вместе с женой и двумя детьми он переехал в Казань, рискуя насиженным в «губернском Симбирске» местом ради близости к родному языку, к культуре Татарстана, оставаясь при этом татарином, пишущим по-русски. Именно тогда мы с ним и познакомились. Вскоре Рамиль как-то очень естественно влился в состав редколлегии журнала «Аргамак. Татарстан», где были опубликованы первая подборка его собственных стихов и несколько аналитических статей о творчестве татарских поэтов, вошедших потом в книгу «Лики казанской поэзии». Для редакции русского журнала, издающегося в нашей республике, всё это оказалось более чем кстати.

Десять лет для литературы — не ахти какой срок, но я вправе предположить, что именно в Казани биография поэта, критика, учёного Рамиля Сарчина стала перерастать в судьбу, в которой взаимодействие, сотворчество Русского мира и Татарского мира оказалось определяющим и благотворным. Если сказать об этом с улыбкой, то «наш пострел многое успел». Судите сами: в свои сорок два года Рамиль Шавкетович выпустил шесть монографий, два сборника критических статей и четыре поэтических книги, стал одним из составителей энциклопедии «Литературный Чистополь». Два года назад он успешно защитил учёную степень доктора филологических наук. Одним словом — РАБОТНИК, а не только одарённый свыше счастливец. Вот и в этом номере «Аргамака» вы только что прочли размышления учёного Сарчина о судьбе художника Николая Фешина, эмигрировавшего в 20-е годы прошлого столетия из Казани в Америку.

О его стихах надо говорить особо. Каждый стихотворец, участвующий в современном литературном процессе, волен выбирать не только стиль изложения, но и стиль творческого поведения. Меня радует, что Рамиль не отрывается от родной почвы, от волжских берегов, не бежит, «задрав штаны», за безбашенным нынешним «комсомолом», который устремлён только к самовыражению и самоутверждению, чего в Казани тоже хватает. Лирическая лодка Рамиля Сарчина уверенно держит курс в русле классической отечественной традиции, отличаясь при этом собственной выделкой. Стихи Сарчина лаконичны, оригинальны, удивительно просты, в то же время объёмны и многозначны:

Дом на краю села.
В нём не погашен свет.

Бабушка умерла.
Бабушки больше нет.
Бабушка умерла.
Вот уже сорок дней…
Знаешь, она была
Родиною моей.

В восьми бесхитростных строчках сказано не только о доме, бабушке, её кончине, непогашенном свете, сороковинах, но и о себе, о своём понимании жизни и смерти, когда «род переходит в род». Для меня это и есть высший пилотаж, сравнимый с теми или иными восьмистишиями Лермонтова, Блока, Фета или Бунина. «Ясность — удовольствие ума»,— сказал кто-то из великих. Ясность — свойство души, как бы добавляет своим стихотворением Рамиль Сарчин.

В другом восьмистишии (также привожу его целиком) каждая деталь зрима, ощутима, слышна, и в то же время метафизически загадочна. Это и петух на деревенском дворе, и молчаливый гул (!) раннего утра, и «маковая» речка, и шуршащие под ногами «песок и голыш» — целое созвездие образов. А заканчивается стихотворение мыслью, неожиданной, как прозрение.

Когда и петух не поёт во дворе
И всё молчаливо и гулко,
Люблю совершать на весенней заре
У маковой речки прогулки.
Шуршат под ногами песок и голыш,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь, как будто бы длишь
Себя на какое-то время…

Следующее стихотворение не случайно называется «Благая весть». Тоже привожу его целиком:

Когда от грусти никуда не деться,
Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем
Не унимаясь, тянется во двор.
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Чем отличается поэт от каждого из прочих «жителей земли»? Он слышит «музыку сфер», гул ритмически пульсирующей Вселенной, предсказанный раньше учёных предшественниками-поэтами, гениально запечатлённый Александром Блоком в статье «О назначении поэта». Вот и Рамилю Сарчину дано ощутить, как его личное время впадает в вечность («вроде бы длишь себя на какое-то время»), а пространство «вишнёвого переулка» впадает в бесконечность Млечного Пути.

Поэзия — не профессия. Это призвание. Это и Дар, и Крест.

Николай АЛЕШКОВ

БЕРЁЗА

Когда умру, тоскуя по весне,
Прошу вас: не горюйте обо мне,
И ни к чему высокие слова —
Когда берёз отговорит листва…

Ах, как берёза пахнет стариною!
А в пору зимних и тревожных дней
Она всегда белеет надо мною
Как светлый образ родины моей.

Берёзы стали символом отчизны
Не потому, что много их у нас,
А потому, что светлый облик жизни
На их коре молочной не погас.

И пусть всегда по осени ледащей
Перегорает палая листва!..
Мы все, как листья, тоже уходящи,
Но и без нас берёза не мертва.

* * *

В нереализованной любви
Кроется причина всех недугов.
И зови её ты, не зови —
Не придёт к тебе твоя подруга.

Ни подруга, ни далёкий друг
Не одарят сердца добрым взглядом.
А без них — оглянешься вокруг:
Ничего-то в жизни и не надо.

* * *

… Когда-нибудь позвони ты мне,
Скажи, что опять со мной.
Останься такой же истинной,
Такою же неземной,

Такой же, как в небе солнышко,
Какой и была всегда!
И сердце моё наполнишь ты,
Как речку весной вода…

* * *

…И ничего безнадёжнее —
Пытаться войти в дверь,
Нарисованную тобою же
На глухой стене…

* * *

Казалось мне: ну что за дело,
Что ты так телом хороша?
Но верилось: в красивом теле
Живёт высокая душа.

Казалось, что с такой красивой,
Богине разве что под стать,
Меня не только мрачным силам,
Но и нечистой не достать!

…Но и достали, и срубили,
И вовсе извели на нет.
А рядом женщины любимой –
В помине нет.

И только вздохи соучастья
По исковерканной судьбе…
Не дай-то Бог такого «счастья»,
Моя красивая, тебе!

* * *

Всё закончится так: никому-то
никто не обязан –
Потому что нельзя, потому что
так нужно Ему,
Потому что по горло
руками-ногами повязан,
Только кем и когда —
никогда я уже не пойму.

Всё закончится так: будет ночь,
будут жаркие звёзды,
И одна, как нарочно,
всё будет манить и манить…
И ты знаешь, родная,
окажется так несерьёзно
В эту позднюю осень
кого-то за что-то винить.

* * *

Всё мгновенно пройдёт, как в кино:
Дни, недели прокрутятся, месяцы —
И во Времени всё перемесится
И уляжется тихо на дно…

Время лечит? Калечит оно!
Потому-то и больно, и жутко,
Что недолгий земной промежуток
Мне прожить без тебя суждено.

* * *

Си-ля-соль-фа-ми-ре-до –
Целый день такая мука!
Птицы метят за кордон –
То же сочетанье звуков.

Будто задана навек
Эта звуковая гамма:
Си — родился человек,
До — пришёл к могиле прямо.

Мы хотим наоборот:
До-ре-ми-фа-соль и выше.
Но земля своё берёт —
Слышишь?

* * *

Ограды — не такие, как в деревне,
Деревья — не такие, как в лесу.
Не балует в просветах меж деревьев
Разбойный ветер, а гудит вовсю.

Когда кого-то опускают в недра
И люди — на тропе среди оград,
Прокуренные мужиками ветры
Сырой земле о многом говорят:

О том, что каждый медленно стареет,
И наступают времена утрат,
И что ограды — видимость оград,
Да и деревья — видимость деревьев…

* * *

Ходить по птичьим рынкам
Так трудно без стыда:
Аквариумных рыбок
Мне было жаль всегда.

Они носами трутся
О стёкла день-деньской.
И им, наверно, грустно:
Ведь где-то царь морской!

Не жалуются, если
Забыли покормить:
Они же бессловесны —
Совсем не то, что мы.

Они — не мы…
Но, может,
Мне потому и жаль,
Что человечья всё же
В глазах у них печаль

РОДИНЕ

…И дорогам-то нет числа:
Вся-то родина, что просторы…
И глядишься, как в зеркала,
В голубые свои озёра.

Ты, родимая, спору нет,
Всех прекраснее и милее!
Потому и грустит поэт,
Городскою бродя аллеей.

Вон — Есенин, а вон — Рубцов…
Мало, что ли, хороших было?
Не печалься,
В конце концов,
Ты сама же их и сгубила.

Упокоила сыновей.
Кто там следующий паломник?..
Мы с тобою одних кровей.
Отчего же так тяжело мне?..

ВЕЧЕРНЕЕ

Уже дневная кончена работа,
И с минарета вечер возвещён —
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины,
Но как печально светятся они!..

Ещё корова во дворе у дома
Хозяйкой не привечена пока?
Но вот уже торопятся с бидоном —
И зазвенели струны молока…

Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

УТРЕННЕЕ

Может быть, я завтра и не встану,
Но пока мой голос в серебре,
Как люблю я рано по туману
Пробуждаться летом на заре,

И послушать утреннюю птицу,
И залюбоваться на ручей –
Он уже успел позолотиться
От охапок солнечных лучей.

Поглядеть украдкой на дорогу –
Как она похожа на судьбу!
И, от ветра утреннего вздрогнув,
Воротиться в тёплую избу.

И хотя не скоро до морозов,
Но уже сегодня поутру
Листья сердцевидные берёзы
Бились и страдали на ветру.

* * *

За изгородью вяза
Без суетных хлопот
Кузнечик долговязый
Мелодии прядёт.

На холмике покатом
Волнуется трава —
Паук, старик пузатый,
Сплетает кружева.

И пусть себе сплетает,
И всё ветвится вяз,
И песни сочиняет
Кузнечик-долговяз!

ШУТКА

Любимая, невеста,
С косичками двумя,
А ты могла бы тесто,
Как мать моя, намять?

А в час после обеда,
Заваривая чай
И о беде разведав,
Заговорить печаль?

А вечером — оладьи,
Как мамины — точь-в-точь…
Всё это ты могла бы,
Не бабушкина дочь?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Село моё — окраина и скука...
И на проулки, бедные людьми,
Горит мечети озарённый купол
И голубями сизыми дымит.

И голуби садятся на дорогу,
Когда с машин просыплется зерно.
И светит чьей-то матери убогой
На целый мир косящее окно.

И в том окне, дарёная невесткой
И по старинке шитая крестом,
Узорная белеет занавеска
И чем-то светлым наполняет дом.

В селе моём, пустом наполовину,
На родине, оставленной давно,
Горит окно с кривою крестовиной,
Со светлым косоглазием окно...

ЛУИЗЕ

Это мне когда-то
С высоты далось:
Чёрная —
В закатах –
Ночь твоих волос.

Зелень взгляда
Точно
Изумруд озёр —
И колдует ночью
Этот влажный взор.

Губы пахнут зноем —
Даже в дни обид.
Ты —
Моё земное,
Мой вседневный быт.

Впрочем, быт, как знаешь,
Отблеск бытия.
Значит, ты —
Земная
Высота моя.

* * *

...И птицы прилетели,
И небо высоко,
И всё короче тени —
И так легко, легко!..

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

ПРИГОРШНЯ БЕЛОГО ОГНЯ

РУССКАЯ

Я от самой земли и до кончика волоса
Урождённая русская. Вологодских крестьян
Плоть и кровь.
Я несу от повадки до голоса
Все достоинства их, как и каждый изъян.

И от Жукова Ваньки до маршала Жукова –
Не споткнётся душа и у этих ворот –
Ей от горюшка детского, горюшка жуткого
До величья стратега один поворот…

Эта русскость кому-то полна удивления.
Но пускай даже знаю, что жизнь прожита,
В ипостасях души остаюсь без сомнения
От скита в глухомани до храма Христа.

А до славы нескромной, отчаяния страшного
Мою русскую душу ты не доводи:
Чай, не дрогнет она,
чтоб пойти в рукопашную —
До рубахи, рванутой на русской груди…

Я от дедова корня с такой вот натурою –
От деревни его до космических трасс…
Хоть не знаем покуда мы тьму эту хмурую,
Но ужо соберёмся — слетаем на Марс.

В ГРАЧИНОМ АПРЕЛЕ

В смокингах чёрных грачи по-хозяйски
По пашням шагают князьями из вотчин,
Уверенно зная, что утречком майским
Пласт почвы не будет так сильно подмочен.

Грачихи у гнёзд суетятся по-бабьи.
Прутки понадёжней — крадут друг у друга,
Чтоб важные князи в их гнёздах не зябли,
И чтоб на сезон заарканить супруга.

Чтоб было грачатам потом попросторней.
Ох, бабий прицел — очень точно рассчитан!
Им опыт подскажет немало историй
О том, что гнездо — это дом и защита.

Грачиный апрель достаёт свою дудку –
Напевы простые звучат спозаранок.
Пернатым трудягам играет побудку,
Подарит грачихе букетик саранок.

Всё просто и мудро на пашне Борея:
Мужей беспокоят лишь бабьи повадки,
Им хочется, чтобы как можно скорее
Подруги — грачихи уселись на кладки.

И что им за дело, что где-то стреляют,
Что мальчик — солдат появился в прицеле…
Здесь жизнь, как эфир,
без конца и без края, —
В грачином апреле, в грачином апреле…

ВЕЧЕР

От восторга ль, с перепугу,
Перепутав, может, лейку,
Вечер вылил на округу
Краски розовой бадейку.

Стали розовыми лица
И дома, и перелески…
Да кому же усидится
В этой пляске света дерзкой!

Гимном розового свиста
Вечер в нас взыграл подкожно:
Даже мрачным пессимистам
Аж в любовь поверить можно.

Окна — настежь! Прочь из дома,
Чтобы розовых феерий
Поднебесного альбома
Тогой царскою примерить.

Ты же строго поднял очи:
— Ну, и что? Закат играет.
Черноту грядущей ночи
Простодушным подслащает.

Но не верю. Есть мгновенья –
Их навечно память примет,
И Жар-птицы оперенья
С наших душ уже не снимет…

ВОЛШЕБНОЕ УТРО

…Или что-то волнует душу,
Или так же не спят небеса:
Чуть рассвет — начинаю слушать
Чьи-то тихие голоса.

Может, ветер, присев с устатку
В палисаднике возле роз,
Вести добрые к ним на грядку
С параллели дальней принёс?

Старой яблоне, ночь не спавшей,
В тяжесть даже росы горох.
Не её ли, рожать уставшей,
Слышен тихий протяжный вздох?

Может, в церкви звучала треба,
Или птаха кого корит.
Может, мама спустилась с неба
И тихонько со мной говорит.

Дескать, дочка, прикрой окошко,
От прохлады накинь-ка шаль.
Коротка ль между нами стёжка?
Удлиняется ли… едва ль…

Словно в древней индийской сутре
Задрожжала тонкая нить…
И в такое волшебное утро
Даже вслух грешно говорить…

АЛЬБАТРОС

Стихия неба, воздуха, эфира
Его взрастила и несёт над бездной
Волной упругой тёплого Зефира
Как мать в любви качая безвозмездной.

Волна надёжна, альбатрос уверен,
И лишь крыла — до полного размаха!
В лучах сияя белооперенье
Парит гордец без устали и страха.

А ты похожа на него, Россия!
В планирующем быть тебе полёте –
И та же красота, и та же сила,
И голос слышен на высокой ноте…

И солнца луч спешит к тебе с рассвета.
Но помнишь ли, внизу — стихия моря:
Глубин бездонных без тепла и света,
Исчадье страха, чёрных тайн и горя.

И если силы вдруг тебе не хватит,
Рванётся ль кто тогда тебе навстречу?
Никто тебя, Россия, не подхватит,
Тебе по-братски не подставит плечи…

Но ты крепка. Из этих птиц — колоссов,
Царями признанных над бездной моря,
Парящих плавно белых альбатросов,
Что с силами стихий упрямо спорят…

ГОЛУБИКА-ГОНОБОЛЬ

Возле топи завёлся́ хулиган.
То — багульник:
что ни день — глянут — пьян.

На краю болота — переполох.
Всем казалось, был парнишка не плох.

Но сороки разнесли там и тут:
Мол, не зря его «пьянишник» зовут…

И однажды он увидел во сне
Голубику-голубель по весне.

Терпким запахом овеял красу,
И решил: теперь домой отнесу.

Ох, клянёт голубика житьё:
«Пьяной ягодой» прозвали её.

Как бывалоча, корзину набрал –
От угару путь домой потерял…

Ваня с Машей шли сбирать гоноболь,
Ах, шальная их окутала боль…

Лес услышал только шёпот да вздох.
Где присели, там постель — тёплый мох.

Аль у ягоды волшебный манок?
Народился у Машутки сынок.

И не минешь ты «пьяни́цу» обочь –
Народилась у Машутки и дочь.

Так и ходят за детками в лес.
Полон двор женихов да невест.

Синеглазы, светлорусы, стройны,
И других достоинств полны.

Голубика-голубель… два ведра…
Оказалась ты на счастье щедра.

МАРИНА

О тебе, не сдержусь, поплачу.
И за слёзы сполна плачу,
Медяками считая сдачу,
Чтобы кинуть горсть палачу.

Бабе русской, известно, плаха…
Перемен бесконечных гнёт,
И с герба двуглавая птаха
Больно в темечко долбанёт.

Русской бабе да быть Поэтом…
Сколь могла, ты её несла –
Эту ношу, коль Божьим светом
Два мерцали твои крыла.

Вспоминала «курчавого мага»,
Рассказать хотела ему
На крутой спине Аю-Дага
Что любила и почему.

И вчера в предрассветной рани,
Как утих листопадный шквал,
У твоей ограды в тумане
Долго-долго Пушкин стоял…

ПРИГОРШНЯ БЕЛОГО ОГНЯ

Душа моя не станет прахом,
Зачем ей где-то гнить и гнить.
Она, счарованная Бахом,
Не перережет эту нить.

Она пойдёт гулять по свету
Пригоршней белого огня.
И где ни искорки уж нету
Мигнёт в ночи остатком дня.

Ей хорошо в лампадке тихой
С другими вместе помолчать.
Киот старинный многоликий
По мере силы освещать.

В избу влетит почти вприпрыжку.
Как всё знакомо ей в избе!
Дошает здесь сосновой шишкой
У самоварища в трубе.

Лежанку топят до обеда.
Сюда ей тоже невтерпёжь!
И уголёчком-непоседой
Кто выстрелил — и не поймёшь…

И вновь вперёд, и ей не спится:
Где молодость — её сестра,
Она танцует и кружится
В огне туристского костра.

Не стану прахом из упрямства.
Душа да не предаст меня!
Вам осветит чуть-чуть пространства
Пригоршня белого огня.

В РЕСТОРАНЕ

Звон бокалов — хрустальный трепет,
Яств роскошество на столах,
Взгляды томные, дамский лепет
Знак обслуге — лишь брови взмах.

К нам спешит от столика дальнего.
Я бесцельно меню верчу…
— Бланманже принести миндального?
— Я ржаного хлеба хочу!

Чтоб горбушка от каравая
Огроменного, с решето
С ароматом родного края,
Поле солнцем где залито!

Сник парнишка: — Еда …другая
Здесь у нас,— сказал покраснев
Но я, кажется, знаю… Знаю!
Кто печёт чёрный хлеб. Мой шеф!

Сельский, что ли… с душой не мелкой,
Нёс его, как живую плоть.
На красивейшей на тарелке
Плыл над всеми чёрный ломоть.

Да, такой… Ноздреватый даже.
Раз-два-три и съели уже.
— Шефу кланяюсь! Так уважил!
А теперь… давай бланманже!

ТАНГО

Как на лезвие бритвы,
Как в стихию огня
В преисподнюю ритма
Ты швыряешь меня.

Внепространственность полная –
И качается пол.
Поворот — будто молния,
Будто шпаги укол.

Платяных декораций
И каскадами па –

Трёхминутного танца
Обжигает напалм.

Филигранно рисуем мы
За зигзагом зигзаг,
И вослед неминуемо
Строгих судей глаза.

Осциллографа иглами
По спине, по плечам
Пары глаз не наигранно
Колют хлеще меча.

Бьёт в висках, словно падаю,
Словно вот-вот умру…
Под оваций загаданных
Непростую игру.

ОКАЯННАЯ

Где такое место на карте?
Но не мучил меня вопрос –
Эти ландыши, майские, в марте!
Где ты взял их, откуда принёс?

Ты любил. Как бы между прочим
Рядом был, и тут спорь-не спорь,
У постели моей дни и ночи,
Если вдруг одолеет хворь.

Между нами была откровенность,
Я была с тобою дружна,
Но твоя лебединая верность
Оказалась мне не нужна…

Мама плакала: счастье, доча,
Ты теряешь этой весной.
И отец серчал: глупо очень
Обходить судьбу стороной.

…Чем бы я тебя одарила
За твою большую любовь?
Вот и дочку сама взрастила.
Жаль, тебе — не родная кровь…

И твои уж читают книжки,
И футбольные смотрят «бои».
На тебя похожи мальчишки –
К сожалению, не мои.

Я жива ли… в тисках окаянства?
Ты звонишь — мне слов не найти.
Только вздрогнет рядом пространство…
Ты прости…

СТАНСЫ

Как цвела та сирень!
Как играли под солнцем
Кисти нежных цветов, фиолетом дразня,
Перемигиваясь первородным червонцем,
Если в город ворвётся весёлый сквозняк.

Как цвела та сирень!
Аж ломать было жалко.
Словно чья-то любовь,
что была не из книг,
Как невеста выпрастывалась
из полушалка
Показаться гостям. Замирая на миг…

Как цвела та сирень!
Словно белого вальса
Дожидалась она, и подол подхватив,
Стать спешила строфой незнакомого станса,
Уловив его дивный любовный мотив…

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

АФРИКАНСКАЯ ТЕТРАДЬ

СТИХИ НА ФОНЕ ПИРАМИД

В миражах раскалённого Нила,
Где от зноя вскипают пески,
В поднебесье взлетает могила,
Всем законам земным вопреки.

Золотое звенит оперенье
На гранёной калёной скале,
С высоты источая презренье
Истлевающим жалко в земле.

Я сомкну на мгновение очи,
За спиною века промелькнут,
И по лезвию света и ночи
В Гелиополь введёт меня Нут[1].

Как случается с каждым поэтом,
Не успею вкусить я побед, —
Рассечённый завистливым Сетом[2],
Раскачусь по частям на весь свет.

Но в ответ запоёт пирамида,
И, Осириса напрочь забыв,
Соберёт меня вместе Исида,
Поцелуем своим воскресив.

Я поводья сожму колесницы
Кони вскинутся, словно зверьё,
И по воле прекрасной царицы
Распахнётся виденье моё.

Золотые протянутся нити
Из далёких волшебных времён,
Мне улыбку пошлёт Нефертити,
И ударит в плечо Эхнатон.

Замурлыкав негромко спросонок,
Позабыв про века и бои,
Сфинкс потянется, словно котёнок,
И потрётся о ноги мои.

Поклонюсь я божественным теням,
К пирамиде на миг припаду
И по каменным гулким ступеням
К Ориону[3] навечно взойду.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

«Каннибалы, звери, малярия!..»
«Раскалённый африканский ад!..»
Голосила вслед ему Россия,
Призывая поскорей назад.

Но даря поэту только милость,
Африка, черна и весела,
Так в него отчаянно влюбилась,
Что от сотен зол уберегла.

Были беды Африки — не беды
Против тех, что ждали за окном:
Главные на свете людоеды
Обрелись в отечестве родном.

---

[1] Нут — богиня неба.

[2] Сет — воплощение зла, бог пустыни и бури, убийца Осириса

[3] Орион — место обитания царственных душ до их нового воплощения.

Горькая Россия не узнала,
Где зарыли ночью тайный гроб.
Но во тьме его поцеловала
Африка в пробитый пулей лоб.

ДАГОМЕЯ

Скалит зубы дворец старинный –
Самый чёрный оплот любви:
Нету в мире надёжней глины,
Чем замешена на крови.

Чтобы камни срослись навечно,
Власть вождя оградив стеной,
Гнали воины каждый вечер
Верноподданных на забой.

Те не бились и не рыдали,
Шли под сабли, смирив сердца,
И безропотно умирали,
Чтоб частицею стать дворца.

Чтоб летела по свету слава,
Чтобы гордость бросала в дрожь,
Чтоб цвела на крови держава,
И от жира лоснился вождь…

Я застыл у стены, немея,
Вспыхнул алым кровавый круг,
И зловещая Дагомея
Мне напомнила что-то вдруг.

Это небо в тяжёлой сини,
Эта жертвенность ради стен –
Не судьба ли моей России,
Угодившей в имперский плен?

В алых башнях такая сила –
Не возьмёт ни снаряд, ни стих!
Сколько ты ради них сгубила
Самых верных сынов своих?!.

Эх, Россиюшка ты, Рассея,
Путь твой горек и осиян,—
Златоглавая Дагомея
На солёной крови славян.

АБИССИНИЯ

Над Россиею небо в инее,
Катит стужа девятый вал,
Только снится мне Абиссиния
В ожерельях багровых скал.

Закружу в ночном
Чернотропе я
И опять оборвётся след:
На планете есть Эфиопия,
Абиссинии больше нет.

А ведь не было ни красивее,
Ни таинственнее земли:
Абиссиния, Абиссиния,
Как тебя потерять могли?!

Потому и стезёю млечною,
В этом царстве песков и львов
Тихо тенью блуждает вечною
Неприкаянный Гумилёв.

С чернокожею берегинею
Буду вслед я за ним шагать
И пропавшую Абиссинию
В миражах и стихах искать.

И однажды холодно-синее
Небо в полночь вдруг запоёт,
И откроется Абиссиния,
И меня к себе призовёт.

И когда дойду, обессилив я,
До её сокровенных мест,
Мне пожалует Абиссиния
За усердие Южный Крест.

АФРИКАНСКАЯ СЮИТА

Прожигая переливы
аметистового фронта,
Над саванной расцветает
незнакомая звезда,
И апострофы жирафов
над строкою горизонта
Отмечают ударенья,
чтоб запомнил навсегда.

Фиолетовые кроны —
вдоль мерцающей дороги.
На груди Килиманджаро
дремлет дикая гроза.
Мы спускаемся в долину,
как с небес спускались боги,
И дорогу лепестками выстилают небеса.

Одинокие деревья,
чтоб запомнил я навечно,
Отмечают восклицанья
этой сказочной земли,
И летит над ними грифом
за своей добычей вечер
И под ним рокочет эхом
песня львиная вдали.

Пусть в реке рычащей Ма-р-р-а
истекают вечной злостью
Саблезубые торпеды —
крокодилы между струй.
Но вздыхает слон влюблённо
и спешит к слонихе в гости,
И жирафиха жирафу дарит долгий поцелуй.

Затерявшись в этом мире,
где смешались быль и небыль,
Вместе с ними я сегодня
леопардом в ночь уйду.
Где-то там, пониже рая,
Южный крест прочертит небо
И заменит на неделю мне Полярную звезду.

А потом мне будут сниться битвы,
схватки и набеги,
Но среди звериных хроник
вдруг обнимет светлый сон:
Отцветающих акаций фиолетовые снеги
Тихо падают на плечи
тёмно-бронзовых мадонн...

ОКОШКО БОГА

Туч разметая своры,
Алый разинув зев,
Солнце метнулось в горы,
Как на добычу лев.

Это тебе не Лена –
Долгих закатов дрожь –
В Африке ночь мгновенна,
Как гильотины нож.

Мамбой[1] свилась дорога,
Кольца крутя из тьмы,
Только к Окошку Бога[2],
Всё же успели мы.

Древней террасы блюдо
Вынесло к бездне круч,
Чтоб осиял нам чудо
Самый последний луч.

Вспыхнула бесконечность
Скалами эполет,
И распахнулась вечность
На миллионы лет.

Глядя в Его окошко,
Ангелов слыша клик,
Богом я стал немножко
В этот великий миг.

НАВАЖДЕНИЕ

В небеса душа стрелой взлетела,
Покачнулся мир средь бела дня,
А всего-то только — поглядела
Королева буша на меня.

Поглядела с вызовом, без правил,
Обжигая страстью горячо.
Ожерелье на груди поправив,
Шоколадным повела плечом,

Не слабо, мол, в Африке остаться,
Бородатый фотозверобой?..
Не умея взглядами сражаться,
Проиграю я неравный бой.

На одно плечо закину шкуру,
На другое положу копьё,
И красотку жгучую самбуру
Во владенье уведу своё.

[1] Мамба — одна из самых ядовитых африканских змей.

[2] Окошко Бога — природный феномен Южной Африки, площадка на краю Драконовых гор, над гигантским каньоном реки Блэйд около тысячи метров. В хорошую погоду видимость здесь достигает 120 километров.

Из колючек для неё построю
Неприступный замок королев –
Не возьмут его масаи боем,
Не запрыгнет самый ловкий лев.

Буду я во всём примерным мужем –
Бить в тамтам и целовать в ушко,
А под вечер с нею пить на ужин
Смешенное с кровью молоко.

Буду я любить свою подругу
Все двенадцать месяцев подряд,
И у нас забегают по кругу
Восемь или десять самбурят.

Стану я стихи слагать рассветам,
Обжигая строчки над огнём.
Буду я охотником, поэтом,
Воином, вождём и королём!

Но…приду в себя на месте лобном,
Томный взор красотка отведёт…
Зарычит походный джип утробно
И в железных челюстях сожмёт.

И помчит меня, предав обману,
Наизнанку вывернув нутро,
В хмурую московскую саванну
С каменными норами метро.

НА МЫСЕ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Разорвав пелену тумана,
От норд-веста поёт скала,
В синь пьянящую океана
Мыс вонзается, как игла.

Над волною гуляют стоны –
Позабывшие гарпуны,
Продувают киты кингстоны,
Поднимаясь из глубины

Нету места сегодня тризне,
Полдень плещется голубой,
И салютом кипящей жизни
В поднебесье летит прибой.

Но в приливе людского шума,
В разноцветье одежд и стран
Серой тенью бредёт угрюмо
Еле видимый капитан.

За спиной его кара свищет,
Тянут с лестницы вниз года.
Но упрямо он взглядом ищет
Ту, что ныне ответит «да».

Как вонзает он вожделенно
В эти груди горящий взор,
И клубится седая пена
Из его почерневших пор.

Как отчаянно сердце бьётся,
Уплывающим юбкам вслед,
Ведь попытка ему даётся
Лишь единожды в десять лет!

Нет, не сбросят они одежды
И глаза не опустят вниз…
Вновь разрушит его надежды
Этот Добрый Надежды мыс.

И не снимут опять проклятье
Ни молитва, ни дикий крик…
Только в полночь сожмёт в объятьях
Ван дер Декена[1] вечный бриг.

* * *

Будут звёзды, словно апельсины,
Падать в зелень африканских гор.
Распахнут неспешные вершины
Для меня мерцающий шатёр.

Зарычит в саванне поздний вечер,
Но с винтовкой под руку своей
Забредёт на дружескую встречу
Воскрешённый мной Хемингуэй.

Пусть утробно воют василиски
И хохочут полчища гиен,—
Мы накатим по стакану виски
За прекрасный африканский плен.

[1] Ван дер Декен — капитан «Летучего голландца». В XVII веке, после совершённого капитаном преступления, его корабль не смог обогнуть мыс Доброй Надежды и превратился в морской призрак. Многовековое проклятие с Ван дер Декена падёт только тогда, когда одна из женщин на этом мысу согласится стать его женой.

Вспомним все отмеренные мили
И, чуть-чуть для красоты загнув,
Посудачим всласть на суахили,
Симбу с мамбой[1] всуе помянув.

Будет пламя тихо грызть поленья
Бесконечный слушая рассказ,
И на лапы лягут в отдаленье
Жёлтые огни смиренных глаз.

Лишь луны надтреснутая фара
Будет биться у ветвей в сети,
Да мерцать снега Килиманджаро
Где-то возле Млечного пути.

Помолчав о самом сокровенном,
Хэм пообещает у огня,
Что в небесном буше непременно
На сафари пригласит меня.

И уйдёт — седой и бородатый,
Раздвигая травы и года,
Как ушёл из Африки когда-то,
Чтобы в ней остаться навсегда.

* * *

Мы случайно встретились глазами,
Обронив случайные слова,
И седьмое чувство между нами
Зазвенело, словно тетива.

Вспыхнули её ладошки синью,
Две луны вспорхнули из-под век:
«Увези меня с собой в Россию,
Я хочу потрогать русский снег!»

Рассмеялась дерзко и опасно,
Теребя стеклярусную нить:
«Есть жена?.. Да это же прекрасно,—
Я могу второй и третьей быть!»

Я вздыхаю, мол, увы, жениться
На тебе, красотка, не смогу...

Лучше обещай почаще сниться,
Прилетай сама в мою тайгу.

Прыгай в полночь русскую с разбега,
Африканским полыхнув огнём...
В снах моих всегда по пояс снега –
Вдоволь накупаешься ты в нём.

БЕЛЫЙ ЛЕВ

Между явью и зимними снами,
В приоткрытом небесном окне
Белый лев с голубыми глазами
Чёрной ночью привидится мне.

Не забывший копьё фараона,
Оградивший бушменов от бед,
Он сойдёт, словно бог, с небосклона,
Но растает, как зыбкий завет.

На далёком краю Ойкумены,
У пределов завьюженных стран,
Обессиленный скалами Лены,
Рёв его обратится в туман.

Я пройду Колыму и Ботсвану,
Поверяя по звёздам пути,
Распахну я снега и саванну,
Чтобы след его белый найти.

Но моей безнадёжной победе,
Вскинув иней своих эполет,
Только белые будут медведи
Усмехаться злорадно вослед.

Только пращуров белые тени
Будут тихо вздыхать у огня,
Да мерцать миражами олени,
Закружив белой ночью меня.

Но когда я сольюсь с небесами,
Оборвав безуспешный полёт,
Белый лев с голубыми глазами
В лоб меня, непременно, лизнёт.

[1] Симбу с мамбой — льва с крокодилом (суахили).

БОРИС ОРЛОВ

В НЕБЕСА ПОДНИМАЮТСЯ ПЕСНИ

БИТВА

Иеромонаху Александру (Фауту)

1.

Казалось, всё… Нет больше сил.
Спустился с неба ангел.
— Здесь русские? — меня спросил
И встал на правом фланге.

И по земле и по воде
Лежит путь к русской славе.
Я знаю: никогда в беде
Спаситель не оставит.

2.

Плачет иволга. Мышь пищит.
Меч лежит на груди крестом.
Не кладите меня на щит.
Встану сам со щитом.

Озарились и храм, и скит.
Сила духа — небесный свет.
Битва кончена. Враг разбит.
Торжествует Новый Завет.

* * *

Игривым громом тёплый день озвучен,
Благоухают рощи и поля.
Мерцает дождь под сумеречной тучей,
Как люстра из цветного хрусталя.

То там, то здесь мелькает яркий лучик,
И вспыхивают радуги окрест.
Мерцает дождь под сумеречной тучей,
И вечность улыбается с небес.

* * *

Душа юна и дух не дряхл.
Жизнь учим наизусть.
Мы в храмах, как на кораблях,
Плывём в Святую Русь.

То бьёт волной, то бьёт молвой
Дыханье гиблых мест.
И словно флаг — над головой
Наш православный крест.

ПРАЗДНИК

Винегрет. И селёдка в укропе.
Огурцы. Самогонка под шпик.
«Не вчера ли я молодость пропил…» —
Запевает отец-фронтовик.

А друзья его, важны и строги,
Руки — в звёздах, лучах, якорях,
Опьянев, заведут: «Эх, дороги…»,
Вспоминая погибших в боях.

Верят: светлые души воскреснут
В круговерти холодной войны.

В небеса поднимаются песни
Сыновей победившей страны.

* * *

Потяжелел октябрьский день –
Завалы на пути.
Я так устал, что даже тень
Мне тяжело нести.

Над лесом крики воронья.
Нелёгок путь земной.
Хотя устал, но тень моя
Пока ещё со мной.

* * *

Когда путём страстей ведёт кривая,
Не учат нас трагедии веков.
К телам, как к гнёздам, души привыкают,
Хотя тела — хранилища грехов.

И всё равно — мордвин или татарин,
И всё равно — эвенк или еврей.
Когда есть тело, мир не идеален –
Он манит бестелестностью своей.

* * *

И комиссары в пыльных шлемах
Б. Окуджава

В трагедии перерастали драмы.
Красавицы, но жизнь на волоске.
Их отличали от Прекрасной Дамы
Кожаночка и маузер в руке.

Кровь праведников в христианском мире
Струилась в небеса сквозь облака.
Валькириями Красные Эсфири
Носились над застенками ЧеКа.

* * *

Хазары затопчут межу,
Отыщут бесславный конец.
Я поле сохою пашу,
На поясе — меч-кладенец.

Иду не слепой, не глухой…
Крест храма парит за плечом.
Пашу деревянной сохой,
Сражаюсь мечом-кладенцом.

* * *

То повесим замок, то построим забор –
Всё друг другу мы делаем наперекор.

А мечтали?! Почти ничего не сбылось.
И поехало все мимо нас вкривь и вкось.

И тебя не сберёг, и себя не сберёг,
Потому что дороги легли поперёк.

Но нельзя тормозить, и не надо спешить,
Друг без друга на свете уже не прожить.

* * *

Памяти Валентина Кочеткова

Когда-нибудь о летних песнях вспомнят
И верная жена, и верный друг.
Ещё цветёт на берегу шиповник,
Но стаи птиц уже летят на юг.

Ещё в залив ныряют чайки ловко,
Но много грустных мыслей в голове.
И запоздало клевера головки
Краснеют угольками на траве.

Шепчу осенним птицам: «До свиданья»…
Хотя «Прощай!» торопит на покой.
И горизонт непостижимой гранью
Сияет между жизнью и мечтой.

* * *

Мы побеждали, если были вместе.
Нам предки намолили небеса.
Спасали нас от гибельных нашествий
Просторы, бездорожье и леса.

У Бога справедливости просили –
Под солнцем справедлив лишь Божий суд.
Духовные оазисы России –
Монастыри во время войн и смут.

* * *

— Тебе гусей дразнить не надоест? –
Вопросы задают. — Ждёшь катастрофу?
Я Божий дар несу, как будто крест,
Сквозь клевету смиренно на Голгофу.

Пишу стихи. В них сам себе не лгу
И ясно сердцем голос предков слышу.
А Божий дар я бросить не могу –
Он на меня возложен свыше.

* * *

От революций съёжилась страна.
Жизнь коротка, да и устои шатки.
Мне не нужны чужие времена –
Без революций жизнь течёт в достатке.

От грязных смут по швам трещит страна.
Из революций вырастают войны.
Мне не нужны чужие времена:
Они — уроки, но без них спокойней!

* * *

Нас не учите — знаем что почём!
Наш дух не растворился в поколеньях.
Уж лучше умереть в бою с мечом,
Чем пленными на согнутых коленях.

Войною отвечая на войну,
Не потеряли ни лицо, ни лица.
А пленные..? Они всегда в плену
И у страстей, и у своих амбиций.

* * *

Все смешал: фашизм, иприт и твист,
Пропаганду низменных страстей –
Век двадцатый — садо-мазахист,
Люто ненавидевший людей.

Смешивал народы разных рас,
Сталкивал людей различных вер.
В нем правами человека нас
Одарил не Бог, а Люцифер.

* * *

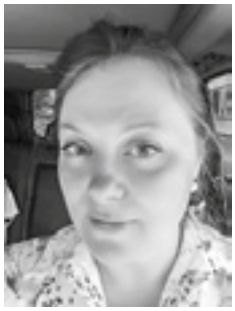
Он, совесть отравив, невинных судит,
Его растлил круговорот страстей
Он из народа вышел прямо в люди,
А после вышел — в звери из людей.

Из сердца исчезает Божья милость,
Когда ворвётся дьявольская прыть.
Но что бы в этой жизни ни случилось,
Не надо из народа выходить!

* * *

Не вини вождя и брата –
Падает звезда!
Прежде, чем идти куда-то,
Надо знать куда.

Много чувств, а мыслей мало…
Затерялся след.
Там, куда звезда упала,
Вечной жизни нет.



ИННА ВОРОНОВА (ВОСКОБОЙНИКОВА)

ВЯТСКИЙ ЖАВОРОНОК

«Великая радость — быть собеседником Владимира Николаевича Крупина, очевидцем его писательских буден и праздников, тревог и радостей, заслушиваться, наслаждаться его образным языком»,— говорит Инна Воронова (Воскобойникова), биограф известного писателя. Сейчас она работает над книгой о Владимире Крупине «Вятский жаворонок». В эту книгу войдёт и эта, уже вторая по счету, беседа-интервью с замечательным русским писателем, первым лауреатом Патриаршей литературной премии (2011 год) Владимиром Крупиным.

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ — ШКОЛА ПРОСТОТЫ

— Владимир Николаевич, если бы была чудесная возможность вернуться на время назад, в какой уголок своего прошлого вы бы заглянули? Какой бы эпизод повторили?

— О, я бы ещё у этой «машины времени» вертолёт попросил и за десять минут пролетел бы и над своим селом, и от него слетал бы во все стороны света, где все дороги и тропинки исходил: к реке детства, на наши заречные луга, в леса, куда ходили за ягодами-грибами, увидел бы знакомые деревни, поля — о, если бы! Озарилось бы в памяти души счастье сенокоса, костры и купания, песни и танцы наших вечеров.

Но это счастье могло бы повториться только в случае, если я полечу и *в том времени, и над теми* деревнями. А если сейчас, то лучше не надо: это одно горе — смотреть сейчас на мою родину: умирают деревни, а то их вовсе нет, обмелели речки, высохли пруды, задичали поля, вырублены леса...

Но такая «машина времени» есть — она во мне, и не на десять минут, а даже и на часы воспоминаний. Она сама по себе включается, когда мне тяжело, и время моего детства приходит ко мне, как спасательный круг к тонущему.

— «Настоящее богатство, которым ты действительно сможешь обезпечить жизнь своего ребёнка,— это богатство простоты. Истинное сокровище — это простота: простая душа, простые мысли, простая жизнь, простое поведение. Пусть твой ребёнок научится у тебя жить спокойно и мирно»,— эти слова принадлежат архимандриту Андрею (Конаносу).

Вы педагог, тонко чувствуете деток, может, подскажете, Владимир Николаевич, как в век компьютерных технологий научить деток этой простоте, чтобы они от малого были счастливы?

— Меня бы кто научил! Сапожник без сапог — вот кто я. Других детей учу, своих не получается. Уже и не пытаюсь, только молюсь, полагаюсь на милость Божию. Но меня-то кто учил? Великое из великих счастье, что я родился именно у своих мамы и папы. Но ведь и мои дети тоже от мамы и папы. Да, так, но мои-то мама и папа — люди от земли. От леса и реки, от поля и огорода. Из православных семей. Счастье, что телевизор увидел я только в девятнадцать лет в армии. Что знал уже к тому времени, как достаётся хлеб, как зарабатывается каждая копейка, испытал бедность. Научился дорожить семьёй, друзьями. Такого наследникам моим не досталось. Мы с женой растили их на московском асфальте. Ни дачи, никакого даже крохотного участка земли, кроме цветков на подоконнике. Ни собачки во дворе, ни самого двора, ни русской печи. Ни коровки в хлеву, ни пения петухов. Ни радостей сенокоса, ни рыбной ловли. Ни купания в реке, воду которой пили мы в любом месте, и вода эта была целебная. Замков не помню. Зимние снега, метели, бураны, летние ливни и грозы — разве это может быть в Москве? То есть моё ощущение родины, трудов на земле не могло привиться моим детям и внукам. На пальцах понятие родины не объяснишь. Оно в примере жизни. А в Москве какой пример я мог подать? Книги вслух читал? О жизни русской? А жизнью жил не русской, оторванной от земли. Они хорошие, мои дети и внуки, умные, красивые, но они опылялись жизнью во многом искусственной, обезпеченной. Вот папа-мама, вот магазин. И всё есть, и всё доступно. Вот папы-мамины карманы, вот покупки. А это самая питательная среда для выращивания эгоистов.

Так что же, что я могу подсказать? Горожане, заводите обязательно хотя бы маленькие дачки, если уж нет возможности совсем переехать в сельскую местность, так скорее защитите детей от соблазнов мира сего. Жизнь на земле — вот школа простоты. Да, и ещё. Чем больше детей в семье, тем легче их растить. И тем дешевле даже. И — главное — Православная Церковь!

«Я УЧИЛСЯ У СВОИХ СТУДЕНТОВ...»

— Вы преподавали в Московской Духовной Академии. Я встречала ваших выпускников, они уже давно служат на приходах, есть среди них даже Архипастыри. И воспоминания о ваших лекциях у них самые светлые! А какие воспоминания остались у вас?

— Да, преподавал. И самому не верится. Только что был в Лавре, а в Академию зайти постеснялся. Будто эти годы преподавания были не со мною, но ведь были же! И не просто многое дали мне, а осветили и освятили мою жизнь. Не я студентов учил, а сам у них учился. Одна лекция в неделю (чаще среда), а начинал к ней готовиться уже с четверга. Великая для меня школа. Робел, входя в аудиторию. Вставали. Дежурный читал «Царю Небесный», докладывал об отсутствующих. А однажды они — а это человек 30–40 — эту молитву грянули всем хором. После лекции пришёл в профессорскую, спросил преподавателей, почему так. Всегда читали, а тут запели. «Это вы им понравились». Так или не так, но эти годы очень меня вырастили и в умственном, и в духовном смысле. Я преподавал курс Православной педагогики, но ассистировал и на предметах «История Церкви», «Христианство и литература». Незабываемая библиотека Академии, её ангелицы Лидия Ивановна и Вера Николаевна, тишина её залов, накопленные веками книжные духовные богатства. Меня даже допускали в фонды...

В полшестого утра открывается метро, бежишь на первый поезд до станции Комсомольской, до Ярославского вокзала, на электричку до Сергиева Посада. В дороге

Владимир Николаевич Крупин с супругой Надеждой Леонидовной

утреннее молитвенное правило, акафист Преподобному Сергию. От платформы через Блинную горку — в Лавру, к раке с мощами Преподобного Сергия. Потом в Академию на завтрак. Ходил на лекции и к Алексею Ильичу Осипову, и к Владимиру Александровичу Юдину, и к Михаилу Михайловичу Дунаеву. Учился у них. Но всё равно плохо научился, читал свои лекции торопливо. Правда, когда чувствовал, что не дошло до студентов, то возвращался к началу и повторял. Но уже по-новому.

Студентов всегда любил и жалел. На экзамене по истории Церкви пытался вытянуть «тонущего» студента и задал ему простейший (для Академии) вопрос: «Какие главные вопросы обсуждал Стоглавый собор?» Преподаватель Владимир Александрович, которого студенты боялись до трепета, но и уважали, сказал мне при них: «Владимир Николаевич, не портите мне студентов иллюзией лёгкости получения образования. У нас не Оксфорд: верховой езде и гольфу не учим».

Студенты мои преподавали в воскресных школах, ходил и с ними. И видел, как мало нужной литературы было тогда для детей. Оттуда начались мои книги о святых местах Православия (я уже летал на Ближний Восток), о святых, о путях воцерковления...

Конечно, каждую неделю причащался. И незабываемая Среда Акафиста в Покровском храме Академии. Три хора: справа, слева, вверху. Но рассказать не получится, надо хотя бы раз на этой Среде побывать.

В семинарию ходил за хлебом. Дома всегда его ждали. Брал два хлеба. Один привозил целиком, другой мог и не привезти — раздавал нищим. Тогдашние нищие были хлебу рады, теперешним деньги давай. Хотя просят «на хлеб». Не осуждаю. Да, Академия, Академия, Лавра!

«ЖИВУ В ПРОСТРАНСТВЕ СВОИХ НЕНАПИСАННЫХ КНИГ...»

— **Чего же больше в вашей профессии писателя: радостей или огорчений?**

— Конечно, огорчений. И даже полное разочарование в профессии. А ничего другого делать уже не могу. И как, и кто уловил меня мечтой о писательстве? Казалось тогда: вот осчастливлю мир. Писал: «Отец, я сделаю то, что ты не успел свершить». Оказалось обещание болтовнёй — не только не свершил, а при моей жизни мир стал только хуже. И от сына не жду, что он запряжётся в те же оглобли, что и мы с отцом и дедом, нет, другие поколения идут за нами. Ничего им наше святое не свято. Понятия родины, подвига, родной земли у них размыты. Вот с таким горем в душе как доживать?

— **Думаю, вы преувеличиваете.**

— Хорошо бы. Другие понятия ворвались в умы и сердца. И я, говоря о совести, к кому взываю? К одному из десяти? Из ста! Много раз, выступая, ловил на себе

недоверчивые, иногда просто враждебные взгляды... «Мы вам верим,— сказала недавно одна мама,— но сейчас всё другое, и так, как вы раньше жили, никто уже не живёт. И не делайте наших детей несчастными».

Родители писателя Владимира Крупина Варвара Семеновна и Николай Яковлевич в год свадьбы.

— А я помню совсем другие встречи читателей с вами...

— И я помню, и благодарен за них. Но это почти всегда были деточки до класса четвёртого-пятого. А дальше им головы запудрит зубоскальство интернета. И развлекуха телевизора. И нерусские ритмы песен и мелодий по радио. Уходит из России и наша музыка. Музыка, слово — ведь это фундамент нации. Его из-под нас вырывают. Мы шатаемся и, не приведи Бог, рухнем.

— Ни за что!

— Да ведь и я не хочу верить в плохой исход. Нет! Но лучше преувеличить опасность, нежели недооценить её. Будем верить в лучшее. Ничего другого не остаётся. С нами Крестная сила!

— Но как же всё-таки взращивать в молодёжи любовь к родной культуре?

— Знаете, иногда бывает наоборот: мнения иностранцев о нашей культуре, о нашей истории влияют сильнее, чем все наши самые правильные слова. Например, у женской половины великий авторитет Коко Шанель, все её знают — это знаменитая диктаторша моды в одежде и запахах. И вот нашёл у неё высказывания. Цитирую: «Русские очаровали меня... Русские подобны природе, они никогда не бывают вульгарны».

А вот её слова об Америке: «Америка пропащая страна, там ценят только комфорт». Или о Франции: «В Париже каждый пробивается с помощью локтей». А вот это выражение самое восхитительное: «Если человек любит деньги, значит, он болен».

Замечал, что на женщин эти высказывания действуют. А Айседора Дункан? Как она клеймила американцев. Легко найти. Так что «гран мерси» этим дамам.

— Как у вас появляется замысел новой книги?

— Не знаю, как у других, а у меня во многом из чувства протеста, из желания противостать оскорблению нравственного чувства.

Повесть «И вот приходит мне повестка» стал писать после того, как увидел журналистов одного телеканала, которые вместе с юристами учили молодёжь, как «закосить» от армии. Всё во мне возмутилось: я вспомнил, как мы рвались в армию, каким святым для нас было звание защитника Отечества!

Повесть «Люби меня, как я тебя» создавалась как протест против оскорбления понятия любви, превращения её в партнёрство, в средство для достижения материальных выгод. «А вы изменяли мужу? — допрашивает ведущая участницу шоу,— нет? Ну что вы такая отсталая? Изменяйте непременно, это очень освежает жизнь». Сразу сел писать свой ответ на это растление...

Но раньше ещё были повести «В Дымковской слободе» и «Большая жизнь маленького Ванечки». Они против «поттеризации» и «покемонства» детства, они защищают семью, в которой любовь и согласие традиционно русские, православные.

Повести мне ещё дороги и потому, что я писал их после тяжёлых операций, и они лечили меня лучше всяких лекарств.

...Как же безжалостно обокрали все эти «гаджеты» нынешних детей! Куцые электронные игры, развращающие компьютерные сайты, примеры из книг и фильмов, где нечистая сила машет хвостом на каждой странице, страх перед улицей, постоянное несчастье от невозможности быть с родителями не десять минут в день, отсутствие в детстве реки, леса, домашних животных, возможности приучиться к ремёслам, замена всего этого синтетической жвачкой голубого экрана... как только ещё они держатся, дети, вырастают всё-таки порядочными людьми?

У меня было счастливейшее детство — я вырастал без компьютера и телевизора, но было всё то главное, что входит в понятие Родины.

...А вообще-то я постоянно живу внутри пространства своих ещё не написанных произведений. О, какой я великий писатель моих ненаписанных рассказов и повестей, о!.. Никому так не написать, как они слагаются в моих душе и сердце. Но часто там же и остаются... Может быть, только ими и жив. Потому что понимаю, что начни я их записывать, они умрут на бумаге, и я вместе с ними.

— **Можете представить, что ваши книги никто не читает?**

— Представить можно, пережить нельзя.

— **Гоголь прекрасно шил, Даль, Чехов и Булгаков лечили людей, Пришвин был землеустроителем... А у вас есть вторая профессия?**

— Нет, похвалиться нечем. Сельский мальчишка, я просто обязан был уметь и умел строгать, пилить, косить, знать технику. Конечно, старший брат всё делал лучше меня, но не успел я чему-то от него научиться, как подпёр всё умеющий младший брат. Но скворечник, полку мог сделать. На токарном станке работал, на фрезерном. На тракторе, на комбайне. Всё потом в армии пригодилось. И БМП, и БТР, и танк водил.

Но более техники прилегало к сердцу крестьянство: кони, сенокос, осенние работы в колхозах. Всегда какие-то радостные: уборка картошки, теребление льна, труды на зерносушилке, много всего. И как-то особо не хотелось вникать в то, как подшить валенки, прибить подмётку, потому что всегда это делали братья. Но и лодырем не был, дрова всю зиму пилить-колоть, воду носить — всего доставалось. Но это и была жизнь, и ничего в ней не было «крепостного». Либералы в 1990-х пищали, что в советское время детей эксплуатировали. Так дети и вырастали от такой «эксплуатации» закалёнными к жизненным невзгодам. Не на Болотную площадь бежали митинговать, а к трудам во славу Отечества.

И не надо о писательских трудах думать как о чём-то необыкновенном, таком, что даже оторваться от них и сходить за картошкой неприлично. Работа и работа. Ну да, специфика, ну да, не такой, как все. Да ведь и все не такие, как все.

«МНЕ СИЛЫ ДАЁТ СВЯТОЕ ПРИЧАСТИЕ...»

— **Вы всё время в дороге — или по московским улочкам, или по дорогам России... И ритм ваш таким остаётся уже на протяжении многих лет...**

— И сам, признаюсь, не могу понять, как же я позволил жизни так вот лихо закрутить меня, что приходится с годами не снижать, а только усиливать скорости жизни. Оно и хорошо: вроде и не стареешь, да оно же и плохо: совсем почти не работаешь. То есть если принимать за работу выступления, какие-то предисловия к чужим книгам, статьи — отклики на современность, то да, работаешь, и много. И это, получается, тоже дано мне Господом Богом, и это могу, и это нужно, но главное-то для меня,

несомненно, это писательство. Это и самое трудное, но это и самое любимое. Столько во мне задумок, столько на бумаге почеркушек, набросков (их друг мой художник называл заброскими, «они же все забрасываются в будущую работу»), а где их воплощение в страницы и книги? Замыслы, заброски уже еле живы, они живые, но всё живое имеет сроки жизни — умирают, как рыбки, выброшенные на берег.

— **А когда отдыхаете?**

— Да никогда. К старости я стал быстрее бегать, чем в юности. И сразу предвижу вопрос: откуда беру силы? И сразу отвечаю: только с Божией помощью. Только! Никаких спецпитаний, упражнений. Вспомните монахов — по сто лет жили, питание: хлеб и овощи. Они физзарядку не делали. Смешно представить схимника, который, помолясь, начинает махать руками-ногами, приседать, отжиматься, вращать туловищем. Не представляете? И я не представляю.

Великую силу даёт Святое Причастие. Вот и молюсь вслед за святыми отцами: «Даруй ми, Господи, чистою совестию даже до последнего моего издыхания достойно причащатися святынь Твоих, во оставление грехов и в жизнь вечную».

Из молитвы понятно, что источник силы и святости подаётся тому, кто приходит к нему с чистою совестью и причащается достойно. О себе сказать ничего не могу, ибо грешен, и весьма грешен. Но надеюсь на несказанную милость Божию.

— **Ваше любимое время года? Любимое время суток, кроме утра, конечно. Ведь то, что вы «вятский жаворонок», это уже выяснили... Как относитесь к своему возрасту? Поделитесь...**

— Весна — мокро. Зима — холодно, а тёплая зима — ещё хуже. Осень — чудо чудное, диво дивное, но всё убивают «отдалённые седой зимы угрозы». То есть, вы поняли: пока отвечал на вопрос, пришёл к мнению — да, это лето!

Любимый возраст? Давным-давно, год 1974-й, написал: «И Кирпиков понял, что наступило самое радостное время в его жизни — старость».

Любимое время суток? Тут только то, в которое работаешь и не ленишься молиться. В основном в любое время суток занимаюсь не тем, чем должен. «Не то делаю, что хочу, а чего не хочу, то делаю».

— **Быть гурманом в пище — это грех?**

— Я это слово и знать не знал. И к еде я клинически безразличен. Конечно, есть какие-то блюда, которые нравятся, это естественно. Но если их нет, не стенать же. Вот ответ батюшки на мой вопрос о посте. Спрашиваю: «Я в дороге буду, можно пост нарушить?» Он: «А что, разве там хлеба и воды не будет?»

У нас взвинчен интерес к материальной стороне жизни, в которой основное — еда. Это и для вытягивания денег из бедных и богатых, и для их отвлечения от духовной жизни. Дух Святой как же в нас войдёт, если мы переполнили себя пищей и питием? Честно говоря, переедание и у меня бывает. Вот уха понравилась, отчего бы и вторую тарелку не попросить? Но уха бывает так редко, что не грешно и покушать. Тем более с годами стал равнодушен к мясным продуктам. Рыба, творог — дело другое. *Организм наш нас и умнее, но и коварнее. Умнее — диктует тягу к чему-то нужному для жизни, а коварнее — не знает меры в том, что ему понравится. Уже понимаешь, что наелся, а рука ещё тянется. Вот бы научиться себя обрывать в этом порыве к сытости.* Идёт пост, употребляю постные блюда, но и ими можно не только *на*-сыщаться, но *пре*-сыщаться. Так что я грешу в пище, но хотя бы не гурманствую. Гурманство всё-таки не чревоугодие, ни тем более не гортанобесие, то есть всё же не обжорство. А сколько чудных страниц классики посвящено еде. Гаргантюа, Пантагрюэль, Пётр Петрович Петух, два щедринских генерала... и рядом герои Шаламова, Солженицына, Белова, Астафьева, Распутина... «Мамка, ись хочется». Незабываемый рассказ из

«Последнего поклона» «Уха на Боганиде», всё о еде. Но еде как средстве продления жизни и только. Едим, чтобы жить, а не живём, чтобы есть.

«Я ПОМНЮ ДЕНЬ ПОБЕДЫ!..»

— Вы говорили, что любимый ваш праздник 9 Мая. Какие чувства, воспоминания, думы у вас в святой день Победы?

— Вы знаете, это очень серьёзно. Серьёзно в том смысле, что мы видим: Россия стоит поперёк горла Западу, Америке. Ещё бы — мы не принимаем их навязываемого нам образа жизни. Какой это они несут мировой порядок, когда извращают установленный от Бога порядок жизни?

Девятое Мая — это символ Победы! А нам нужно ощущение Победы. И марш Бессмертного полка — это не пропагандистская акция, а единый порыв — отдать поклон тем, кто свершил подвиг спасения России.

Немного, конечно, но всё же я помню 9 мая 1945 года. Мне было четыре года. Но общее ощущение осталось. Слёзы радости, причитания и песни — всё слилось тогда в этот день. Выносили из домов столы, добывали из подполий у кого что было, какая еда, все остатки, несли на общее застолье.

И главное помню — это уверенность, что, победив фашизм, мы навсегда убили войну, что наступил мир во всём мире. Что люди наконец-то что-то поняли... Но нет. Многое спасла война нашей пролитой кровью — вернулась Церковь, ожила патриотическая литература... Но многим надеждам того времени сбыться не было суждено...

А потому что не научились по-настоящему благодарить Бога. Ведь и Победа — от Него. Хотя вот это всенародное счастье единения сердец, которое мы испытываем в День Победы, оно очень утешает и не даёт унывать.

«БУДЬ САМ ХОРОШ, ВСЕ ХОРОШИМИ БУДУТ»

— Какой самый памятный подарок вы получили в жизни?

— Как-то меня не коснулось увлечение оригинальничаньем: в одежде, подарках. Меня окружали нормальные люди, дарившие вещи, для жизни необходимые. Дорогих подарков не было (по денежному эквиваленту), но дорогих по сердечности (шарф, редкая книга, пачка писчей бумаги...) было много. Очень помнятся подарки по тому, *кто* их дарил. Писатель Василий Белов всегда привозил в подарок чай, храню до сих пор его нарядные жестяные шкатулки для чая, писатель Валентин Распутин дарил авторучки, даже рубашки со своего плеча. Последняя от него рубашка совершенно новёхонькая, она предназначалась для него, её везли ему из Омска ко дню рождения, за несколько минут до которого он ушёл из земной жизни. И мне её отдали. А ещё от него нефритовый нож. Подарил на берегу Байкала у памятника на месте гибели друга своей писательской юности драматурга Александра Вампилова.

Главные подарки, конечно, от жены. Уж кто-кто, жена знает, что мне идёт, что не идёт, что мне надо, что не надо.

...Отвечаю на вопрос, поднял глаза: да вот же они, главные самые подарки — это иконы и картины.

— А кто вам дал самый ценный совет?

— Не совет даже, советы. Как поступать в жизненных ситуациях. Это мама. «Смеются над тобой? А ты ещё громче смейся», «С дураками не связывайся, плюнь да отойди». И ещё. О лести: «В глаза хвалят дураков, а кто ругает тебя, тому поклонись».

О милостыне: «Лучше всего потайно помогай, Бог увидит». И ещё: «Ноги береги, с ног простывают», «В постели не залёживайся, не растягивайся. Проснулся — сразу вставай». И вообще материнский голос всегда во мне звучит. Вот её совет на преодоление всех обид и несправедливостей, обращённый к обидчикам: «Дай Бог вам здоровья, а нам терпения». «Будь сам хорош, все хорошими будут».

И отец, и мама настолько со мною всю жизнь, что я даже и не задумывался, чему они меня научили. Это великая милость Божья ко мне, что они такие: красивые, добрые, любящие, никогда ни за что не наказывающие. Меня после первых книг и публикаций хвалили за язык. А я всё думал, какой такой язык? Но это было великое сокровище, которым владели православные рабы Божии Николай и Варвара. Живу и говорю, как они. И пишу, как говорю.

Отец... А ведь, по сути, я полное его продолжение. Он не охотник, не рыбак, и я ни к чему такому вот сугубо мужскому не пристал. Он научил главному — жизненному поведению. Я уходил в армию, он сказал на прощание два завета, оба очень жизненные. «От службы не бегай, на службу не напрашивайся». И: «Вперёд не суйся, сзади не оставайся». Так и живу. Он никогда не гнался за деньгами, был до изумления неприхотлив. Честен до последней копейки. В одежде был скромен. Очень радовался, когда мы, его сыновья, дарили ему свои рубашки. Много, своим единственным глазом, читал. Знал наизусть русскую поэтическую классику. За всех нас переживал, хотя иногда не знал, кто в какой класс перешёл. Очень ответственно подписывал дневники за неделю. И за мои трояки и пары никогда не ругал. «Это, Владимир, надо подтянуть», — только и всего.

Уже я и членом Союза писателей стал, а всё был для него ребёнком. Сижу за пишущей машинкой, он переживает: «Владимир, не перетруждайся». Письма писал всегда бодрые, весёлые. Всегда читал газеты, всегда переживал за события в стране и в мире. О любви к нему написал я рассказ «Отец, я ещё здесь».

— **Какой у вас был в жизни самый необдуманный, дерзкий поступок?**

— Думаю, это самовольная отлучка из нашей воинской части Московского округа. Я дружил с девушкой, у нас была пылкая юношеская влюблённость. Она — студентка в Иваново. Переписка у нас была ежедневная, письма летели к ней и от неё ласточками. И вдруг всё оборвалось. Пишу — молчание в ответ. Весь извёлся. И вот — а это было на грани уже безумия — рванул к ней в самоволку. Как меня не засекли патрули, как я сел в поезд, приехал в другой город, пробыл день, уехал обратно, вернулся в часть, как?..

— **На что вам так и не хватило смелости?**

— Бросить всё и уйти в монастырь.

ВЛАДИМИР КРУПИН

С УТРА ПОРАНЬШЕ

записки разных дней

Встанешь пораньше — подальше шагнёшь. Кто рано встаёт, тому Бог подаёт. И других таких пословиц о пользе раннего вставания много. А моя эта привычка вставать рано в самом прямом смысле спасала всю мою московскую жизнь.

Москва. Московская интеллигенция оживляется к вечеру и звонит друг другу до самой поздней ночи. А потом кто спит, кто дрыхнет, кто и звонить продолжает.

И я никак не мог войти в такой ритм жизни. Не от чего либо, от того, что уже часам к десяти-одиннадцати вечера ничего не соображал. То есть соображал, но не настолько, чтоб вести умные обсуждения имеющих быть на это время событий. Так честно и говорил: «Простите, но я сейчас ничего не соображаю. (Некоторые могли думать, что я выпивши). Позвоните утром».— «А когда утром?» — «Часов в шесть-семь». Так вот, сообщаю: никто и никогда мне утром часов в шесть-семь не позвонил. И получается, что московская интеллигенция — этот сплошь ночные совы, а я — залетевший в столицу вятский жаворонок.

И в природе (ранняя роса к вёдру, ранняя весна — много воды, ранняя птичка носик чистит, то есть уже покушала, а поздняя глазки продирает, утренники побили ранники, то есть весенние заморозки сгубили всходы ранних овощей, рано пташечка запела, как бы кошечка не съела...) и в жизни (раннего гостя не бойся, он до обеда; на работу рано, а в кабак самая пора; работать поздно, спать рано, а в кабак самое время; молодому жениться рано, а старому поздно; богатые раньше нашего встали, да всё и расхватали; не то беда, что рано родила, а та беда, что поздно обвенчалась; всем т а м быть, кому раньше, кому позже; такая рань — и петухи не пели...) всё в защиту рани-ранней.

Когда в детстве я или кто из братьев долго спали, мама шутила: «Проспали всё Царствие небесное», а отец выражался проще и доходчивей: «Девки-то уж все ворота обмочили».

Интересно, что тот, кто просыпался позднее, вставал и продирал глаза гораздо дольше, чем тот, кто вскакивал раньше. То есть, говоря опять же вслед за мамой, не растягивался. Хотя потянуться до хруста в суставах было очень полезно. Маленьких деточек-ползунков будили, поглаживая по спинке и животику: потянунюшки-поростунюшки. Незалежливых Бог любит.

Может, в слове радость напоминание о славянском божестве солнца, боге Ра. В данном случае и его можно вспомнить.

НЕ УХОДИ ОТ МИРА, он сам от тебя уйдёт. Вот такие слова произнеслись во мне вдруг, когда стоял на прощании с хорошим человеком. Может, надежды на уединение могут сбыться и в обычной жизни? Можно же идти в толпе и быть одиноким. Можно же и не бежать с другими за раздачей благ. Конечно, этому помогает радостное

чувство возраста. Да, обещают хороший заработок, но надо же и заработать его, то есть угробить часть из оставшейся невеликой жизни. И зачем? Машину не покупать, на Мальдивы не ехать. То есть старый уже. И к сединам соблазны пристают, но уже легко с ними бороться, когда вооружён Крестом и молитвой. Душа и здоровье охраняются Причастием. Вот ещё бы так и у родных и близких.

Живёшь, живёшь и однажды чувствуешь, что мира, в обычном смысле окружающей жизни, нет. Звуки и виды его есть, люди из него приходят и телефоны трещат, но это как-то помимо. И люди уходят, и звонки заканчиваются, а ты опять один. И переставляешь ноги, идёшь к окну. Солнце какое сегодня. Или: дождь, снег. Ветер качает ветки. Вчера были они голые, а сегодня уже в новеньких бледных листочках.

А недавно сутки был вне зоны связи. Вне зоны. Это звучит.

ШТАБ ДЬЯВОЛА. Сам дьявол редко вмешивается в события обычной человеческой жизни. Он занят главным — готовит путь антихристу. Всю бесовщину в мир внедряет его дьявольский штаб. Работу ведёт и по странам и континентам, и, главное, по умам, душам, сердцам. Ссорит людей, убивает любовь, спаивает, развращает, прельщает деньгами, удовольствиями. От падения нравов производные: пошлость культуры, недоумки образования, продажность дипломатов и политиков.

На этот штаб работают и вроде бы сильно русские патриоты. Телепузикам велено и русским слово давать. Пусть пищат, визжат, хрипят, что Россия гибнет, это же музыка для дьявольских ушей.

Почему же мы терпим поражения? Мы, русские? Потому что дьявольские штабисты занимаются не глобальными проблемами, а каждым отдельным человеком. Человек рушится — остальное само собой.

У дьяволят и отпуска бывают, их хозяин об их здоровьи заботится. Отпуск у них у моря, среди педерастов.

ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА капитала — это демократия. Любишь не любишь, ругать не смей. Эта корова давно топчется в России и по России. Вытоптала медицину, топчет школу, пыталась топтать оборону. А уж как культуру-то топчет. Пасётся на русских землях, превращая их в пустыри, затаптывает целые поселения. Когда всё вытопчет, уйдёт, оставив на память о себе нашлёпанные вонючие лепёшки. Тогда и ругать её разрешат.

Чем же страшна? Она всё меряет на деньги, на недвижимость. Она создаёт такие миражи: ты будешь жить в достатке, если употребишь свои знания для карьерного роста и своего благополучия. И что конкуренция это не сживание конкурентов со свету, а прогресс. А если они слабее, значит, мешают прогрессу. И должны осознавать.

Уйдёт корова капитала, новое животное придёт. Новый троянский конь. Введётся в Россию в дымовой завесе критики демократии. Она была не та, не так понята, а сейчас будет всё тип-топ.

То есть всегда болтовня о какой-то якобы заботе о народе, о счастьи на земле. То есть постоянное забвение Бога. Разве Он не говорил, что земная жизнь это прохождение долины скорби? Что войти в Царство небесное можно только узкими вратами? Что нищий Лазарь всегда будет счастливее богатого благополучного богача?

И это дано понять всем. Но не все хотят это понять. Кто-то не может, а кто-то и не хочет. А не хотят, так что же и убеждать, время тратить?

«ТРЕЛЁБУС». ТАК говорил отец. Не троллейбус, а трелёбус. Уверен, что он говорил так для внуков, которые хохотали и поправляли его. Но они понимали, что дедушка шутит.

И вот, ушёл отец мой, мой дорогой, мой единственный, не дожил до позора августа 1991 года, а я, как ни еду на троллейбусе, всё улыбнусь: трелёбус. Еду мимо масонского английского клуба, музея Революции, теперь просто музея и мне смешно: какие же демократы самохвалы, в зримых образах хотели воспеть свои «подвиги». А что зримого показать? Нечего показать. Так нет же, нашли чего. Притащили от Белого дома (им очень хотелось, чтобы у нас было как в Америке, чтоб и Белый дом, и спикеры, и инвесторы, и ипотеки: демократы — они задолизы капитала), притащили во двор музея троллейбус в доказательство своей победы. Написали «часть баррикады». Смешно. Карикатура. Но ведь года три-четыре торчал этот трелёбус около бывшего масонского клуба. Около ленинского броневичка, якобы с него он и выступал. Ельцын Ленина переплюнул, вскарабкался, вернее, его втащили, на БТР и, хрипя с похмелья, сообщил восторженным дуракам, что демократия облапошила-таки Россию. Захомутала, задушила. Мужиковатая Новодворская и певец своих песен Окуджава в восторге. Жулики ожили, журналисты заплясали.

Победили демократы не коммунистов, они и без них бы пали, временно победили русскость. Пошли собачьи клички: префект, электорат, мэр, мониторинг, омбудсмен, модератор и особенно мерзкое полицейское слово поселение (У Гребнева: «Не народ, а население, не село, а поселение. И уходит население в небеса на поселение»).

А и как было не засЫпать нас мусором этой словесной пыли, если многие господа интеллигенты с восторгом принимали любую кличку названий предметов и должностей, лишь бы не по-русски. Хотя русские слова точнее и внятнее. Это как хохлы, лишь бы не по-москальски.

Так что и у них свои «трелёбусы».

ЭНЕРГИЯ — ДАР БОЖИЙ. Народный академик Фатей Яковлевич Шипунов много и, к величайшему сожалению, безполезно доказывал в Академии наук и, как говорилось, в вышестоящих инстанциях необходимость замены источников энергии на природные. Затопление земель при строительстве гидростанций никогда не окупится энергией. Это поля и леса, пастбища, рыбная ловля. Что говорить о тепловых станциях — сжигание нефти, угля, дров. И уж тем более расщепление ядра — атомные станции.

— А чем же это всё можно заменить?

— Ветер,— отвечал он.— Наша страна обладает самыми большими запасами ветра. «Ветер, ветер, ты могуч», ты не только можешь гонять стаи туч, но и приводить в действие ветродвигатели.

Фатей неоспоримо доказывал великую, спасающую, ценность ветроэнергетики.

— Как бы мы ни ругали большевиков, но в смысле хозяйствования они были поумнее коммунистов. Восемнадцатый съезд ВКП(б) принял решение о массовом производстве ветроэлектростанций.

Так прямо и говорил коммунистам. Рассказывал, что в 30-е годы был создан и работал институт ветроэнергетики. И выпускались ветроагрегаты, «ветряки», начиная со стокиловаттных.

Кстати, тут и моё свидетельство. Наша ремонтно-техническая станция монтировала для села такие ветряки. Бригада три человека. Собирали ветряк дня за три-четыре. Тянул ветряк и фермы для коров и свиней и давал свет в деревню. Работали ветряки прекрасно. Да и просто красивы были: ажурные фермы, серебряные лопасти. Ухода требовали мало. Они же не просили ни нефти, ни газа, ни угля, ни дров, сами — из ничего! — давали энергию.

Думаю, что горло ветроэнергии пережала опять же жадность и злоба. Жадность нефтяных и угольных королей (как же так, обойдутся без них), и злоба к России (как

же так — прекратится уничтожение сёл и деревень, да и городов, как же так — не удастся прерывать течение рек плотинами, создавать хранилища с мёртвой водой), как же это позволить России самой заботиться о себе?

Вывод один: всё время второй половины 20-го века никто и никогда не думал о народе.

И, тем более, сейчас. Народ просто мешает правительству. Ему нужна только серая скотинка для обслуживания шахт, нефтяных вышек. У этой скотинки желудок, переваривающий любую химию, и егэ-голова. И два глаза для смотрения на диктующий условия жизни телеэкран, и два уха для выслушивания брехни политиков и для лапши.

Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушителен. Ураганы и смерчи — это же не природные явления, это гнев Божий.

Что ж, давайте дожидаться его справедливого прихода.

Пушкин пишет в «Капитанской дочке»: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым». А так оно и есть — ветер одушевлённый. «Не хотели по-хорошему использовать мои силы, так получайте по-плохому за грехи ваши. Сила у меня скопилась, девать некуда».

ПУТИ ВОСПИТАНИЯ начинались не по велению государства. При своих небольших знаниях не припомню примера симфонии государства и человека. Государство и общество, государство и партия, куда ни шло. Но человек для государства помеха, которую приходится терпеть. Особенно это видно в теперешние егэ-времена.

Пути воспитания шли так: Семья. Семья и церковь. Семья, церковь и государство. Церковь, семья и государство. Государство и остальное прикладное для него.

Ребёнка обучала семья, потом семья и церковь. А государству было выгодно оттянуть детей и от храма и от семьи на свои нужды. Когда ему было воспитывать человека, который «держит сердце высоко, а голову низко»? Легче же быть у власти, когда у подчинённых пустая голова и сытый желудок (вспомним средневековый Китай), когда человека можно дёргать за ниточки материальной привязанности к земным заботам. А вот когда церковь выращивала человека безразличного к земным благам, такой человек был земным властям страшен. Сейчас властям нужен человек всеядный в духовной ориентации.

Воспитанием решается участь человека. К чему он приклонится, что будет считать плохим, что хорошим, до какой степени будет управляем или будет мыслящим, легко ли его будет купить, перепродать, кем он будет по характеру: рабом, наёмником или сыном по отношению к своим обязанностям? Всё это решало воспитание.

Мудрость Божия видна во всём. Вот скворчики: скворец воспитывает справедливость — отталкивает прожорливого птенца и суёт червячка слабому. Видел, как кошка не пускала к блюдечку шустрого своего сыночка, пока его пушистая сестричка медленно лакала молоко крохотным розовым язычком. Или: из детства. Приехал к дедушке, помогал плотничать. Садимся обедать. Много братенников, то есть двоюродных братьев. На столе общее блюдо. Я взял ложку и тут же полез ею зачерпнуть. Братенники переглянулись, дедушка кашлянул. Я проглотил ложку и снова полез в блюдо. Дедушка вздохнул, и как ни любил меня, хлопнул своей деревянной ложкой по моему лбу. Не больно, но чувствительно. Урок на всю жизнь — не считай себя лучше других, другие тоже есть хотят, тоже едят заработанное, ты других не лучше.

Русь держалась семейными традициями. Сравним со Спартой, где государство определяло судьбу ребёнка. И что было? Культ силы, дух соперничества, порождающий в одних превосходство, в других зависть. В русских семьях старшие заботились

о младших. Равенство обеспечивалось равными наделами на пашню, рыбные ловли, сенокосные угодья. Посягательство на собственность каралось.

Христианство на Руси не унизило роль семьи, а возвысило. Семейно-кровные отношения сменились религиозно-нравственными. Христианство возвысило женщину, оставив власть мужчине. Любовь внутрисемейная осветилась и укрепилась любовью во Христе.

Образование пришло от священников. Авторитет их был недосягаемо высок. Стоило преподобному Феодосию упрекнуть князя Святослава за весёлый пир, как всегда потом при приближении старца застолье стихало.

А князь Изяслав говорил: «Иду к старцам, колени подгибаются».

Книги были только духовными. Они же были и учебными. Евангелие, Часослов, Апостол, Послания. Конечно, обучение грамоте, чтению, письму двигалось медленно, но недостаток ли это? Чтение Псалтири — это и грамотность, и наука жизни, и постижение Божественных начал. «Летопись» Нестора, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона можно назвать мостиком от книг духовных к светским. Но ведь и светские пронизаны христианскими истинами. «Пчела», «Измарагд», «Луг духовный», «Домострой».

Потом, со временем, как-то всё заторопилось, засуетилось. Языки надо учить, манеры. Где эти вундеркинды, которые в три-четыре года читали, писали, сочиняли? Сломаны их жизни, эти поддержки раннего чириканья просто повредили. И детям и обществу.

Лучшая педагогика («Поучение Владимира Мономаха») — пример личной жизни. Как иконы в красном углу дома, так и пример поведения в красном углу воспитания. Вставать раньше солнышка, молиться, заботиться о нищих, уповать на Господа. Младшие безусловно подчинялись старшим, но не слепо, сознательно, любовь питалась своей главной энергией — заботой друг о друге. Разве могло быть такое, чтобы не оставили еды для тех, кто не успел к столу?

Всегда было противоречие меж исполнением побуждений совести и страстями жизни. Совесть — духовный голос Божий в человеке — забивалась тягой к материальным благам мира.

Мнение Льва Гумилёва о благотворности татаро-монгольского ига для Руси в корне неверно. Какая благотворность, когда ордынцы — хитрейшие восточные люди ссорили русских князей. В одном княжестве звонят колокола, в соседнем запрещены. В «Слове о погибели Земли Русской» говорится о «красно украшенной» храмами Руси. То есть обилие храмов, а, значит, икон, книг. Где это? И много ли домонгольских храмов? Спас на Нередице, Покрова на Нерли, Софии, Новгородская и Киевская, Успенский собор во Владимире...

И матерщина у нас от того времени. Стояли тогдашние монголы у церквей, надсмехались над православными: «Идите к своей Матери!»

Да, во все века злоба к России, к русским, как к стране и людям, стоящим у престола Божия. Это самое верное объяснение всех нашествий, ордынских, польско-литовских, наполеоновских, гитлеровских, теперешних.

Знакомый старик, боевой моряк, сказал о новых нападках на нас: «Давно по морде не получали».

То есть, начав разговор о воспитании, закончу этим грубоватым, но точным замечанием моряка. Да ведь и оно от русского воспитания, от любви к родине и от сознания своей силы. Осознание это подкреплено верой в Божие заступничество за православную Россию.

Ещё бы молиться нам покрепче да почаще.

Приятно вспомнить министра просвещения графа Уварова: «Ни одна заграничная тварь меня не учила». А скопищем швыдких-фурсенко-ливановых только такие твари и командуют. Опять же надо сохранить для истории два факта из церемонии открытия Общества русской словесности. Первый: министр просвещения всячески выхвалялся достижениями. Зал терпел. Но вот он посмел лягнуть русско-советскую систему образования. Тут зал был единодушен в своём возмущении и согнал министра с трибуны. Неужели это не доложили президенту?

И второй факт. Один из предсидящих стал угодливо и медово славить Патриарха за встречу с папой римским. Святейший, немного потерпев, вежливо перебил, заметив: «Но всё-таки моя фотография с пингвином имела гораздо больший успех, нежели фото с папой римским». (Аплодисменты).

Неужели это не доложили папе?

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, зыбки, укачивание готовили будущих моряков. Как? Закаляли вестибулярный аппарат. Неслучайно в моряки посылали призывников из вологодских, вятских краёв. Где зыбки были в детстве любого ребёнка. Потом пошли коляски. Но это не зыбки, это каталки, в них не убаюкивают, а утряхивают. И что споёшь над коляской? Какую баюкалку?

Да что говорить — русская печь становится дивом даже для сельских детишек. Уже и отопление с батареями, и выпечка в газовой или микроволновой печи. Да разве ж будет тут чудо плюшек, ватрушек или пирожков. Или большущего рыбника? Нет. Это можно было б доказать в момент снятия с пирога верхней корки, когда пар поднимается и охватывает ликованием плоти. То есть, проще говоря, ожиданием поедания.

Всё уходит. А как иначе? Мы первые предали и печки, и сельские труды.

И Сивку-бурку, вещую каурку. Желание комфортности жизни повело к её опреснению. И к безполезности жизни. Вот сейчас старятся дети перестройки. Было им в 85-м, допустим, десять лет. Сейчас сорок и за сорок. Цели нет, пустой ум. И, воспитанная либералами, ненависть к «совкам». Сын родной в лицо мне: «Вы жили во лжи». — «А ты в чём? Ватники мы? Так ватник стократно лучше любой синтетики».

«**НЕ НА НЕБЕ, НА ЗЕМЛЕ** жил старик в одном селе». Без «Конька-горбунка» не представить детство русского ребёнка.

У меня, может, ещё найдётся, была курсовая по «Коньку-горбунку». Так как у потерянного кинжала всегда золотая ручка, то кажется, что я там что-то такое нечто выражал. Помню, что сказку часто перечитывал. Это и у старших братьев было. Астафьев знал сказку наизусть, восхищался строчками: «как к числу других затей спас он тридцать кораблей». — «К числу других затей, а? »

И вот, жена моя, бабушка моих внуков, не утерпела, купила прекрасное издание сказки. И я её перечитал. Конечно, чудо словесное. Но и очень православное. Думаю, в курсовой не обращал внимание на такие места, как: «...не пришли ли с кораблями немцы в город за холстами и нейдёт ли царь Салтан басурманить христиан... Вот иконам помолились, у отца благословились...». А вот как враг Ивана собирается на него «пулю слить»: «Донесу я думе царской, что конюший государской — басурманин, ворожей, чернокнижник и злодей; что он с бесом хлеб-соль водит, в церковь Божию не ходит, католицкий держит крест и постами мясо ест».

Постоянно встречаются выражения: «Миряне, православны христиане... Буди с нами Крестна сила... Не печалься, Бог с тобой... Я, помилуй Бог, сердит, — царь Ивану говорит... Обещаюсь смирно жить, православных не мутить... Он за то несёт мученья,

что без Божия веленья проглотил среди морей три десятка кораблей. Если даст он им свободу, снимет Бог с него невзгоду... Я с земли пришёл Землянской, из страны ведь христианской... Ну, прощай же, Бог с тобою... А на тереме из звезд Православный русский крест... Царь царицу тут берёт, в церковь Божию ведёт...» И так точно далее. Это же всё читалось, училось, рассказывалось, усваивалось впитывлось в память, влияло на образ мышления. Было это «по нашему хотенью, по Божию веленью».

И если жуткую сказку Пушкина про попа и Балду («От третьго щелчка вышибло ум у старика») внедряли, то «Конёк-Горбунок» сам к нам прискакал. Он и весело и ненавязчиво занимал свободное пространство детских умов, оставляя о себе благотворную память.

Когда спрашивают, что читать детям, надо спросить, читали ли они «Конька-горбунка». Читали? Очень хорошо. А перечитывали? Прекрасно! А наизусть выучили?

ОСЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО. Я на телевидении, редактор Дискуссионого клуба. Всегда идём в прямой эфир. Приглашаю Кожинова, чем-то ему нравлюсь, он приглашает после передачи посидеть с ним, «тут недалеко», в ресторан «Космос» После «посидения» зовёт поехать «в один дом у Курского вокзала». Там вино-чаепитие. Кожинову все рады. Хозяйка вида цыганистого, весёлая. У неё большущая кошка Маркиза. Очень наглая, всё ей разрешается. Хотя хозяйка кричит: «Цыц, Маркиза, не прыгай на живот, ещё рожать буду!» Вадим Валерьянович весел тоже, берёт гитару.

— Самая режимная песня: «На просторах родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили радостную песню о великом друге и вожде». Так? Вставляем одно только слово, поём.— Играет и поёт: — «На просторах родины, родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили, В ОБЩЕМ, радостную песню о великом друге и вожде. Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт. С песнями борясь и, В ОБЩЕМ, побеждая, наш народ за Сталиным идёт...». Да, друзья мои, был бы Сталин русским, нам бы ...— Не договаривает. Потом, как бы с кем-то доспаривая: — Исаковский — сталинист? Да его стихи к юбилею вождя самые народные. Вдумайтесь: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». Это же величайший народный глас: и горечь в нём и упрёк, и упование на судьбу. А евтушенки успевают и прославить и обгадить. Нет, если бы не Рубцов, упала бы поэзия до ширпотреба. Представьте: Рубцов воспевает Братскую ГЭС, считает шаги к мавзолею, возмущается профилем Ленина на деньгах, как? Ездит по миру, хвастает знакомствами со знаменитостями, а?

Тогда я впервые услышал и имя Рубцова и песни «Я уеду из этой деревни», «Меж болотных стволов красовался закат огнеликий», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «В горнице моей светло»... да, та ночь была подарена мне ангелом-хранителем.

А жить Рубцову оставалось два года.

СИЛЬНО ПЕРЕУЧИВШИЙСЯ вятский студент-лингвист писал диплом о народной поэзии (Обряды, заговоры, причитания...). Когда шли примеры, то я всё прекрасно понимал, когда же студент делал какие-то к ним подводки, не понимал ничего. «Ритмизированный русский язык цикличной обрядовости сезонных трудовых и религиозных праздников в вятском диалектизированном говоре отличается от аналогичных в говорах и языках романо-германской и кельтской культур и несопоставим с конструкцией наших апофегм и морфем...». Каково?

Студент, тебе в детстве приносили подарочек с ярмарки, или презент из супермаркета?

Еду в автобусе по вятской дороге. Сзади говорят о девушке, которая собирается замуж.

— Да ещё она всё чего-то кочевряжится, будто женихов выше головы, будто в них, как в сору, роется.

— А сколько ей натикало?

— Да уж не пределе.

— А если на пределе, будь добра и за перестарка. Ещё чего-то разбирается.

— Эдак, эдак, некуда тянуть, надо выскакивать.

— Как не надо, надо. С мужиком-то наплачешься, а без него навоешься...

И какие тут морфемы, какие фонемы? Или ты, студент, в автобусе не ездил? Или ты и твои друзья «хочут» образованность показать?

ПЛЕВОК НА ПАРКЕТЕ. Какой же молодец Победоносцев, и как неумён по отношению к нему Александр Блок («Победоносцев над Россией простёр совиных два крыла...»). Такое ощущение, что выражение «плюнь и разотри», обозначающее небрежение к какой-то неприятности, произошло вначале от Петра, потом закреплено Победоносцевым. Он выступил с каким-то заявлением, которое было жестковато для либералов, и они закудахтали: «Ах, ах, Константин Петрович, а как же общественное мнение?» Он остановился, молча плюнул на паркет, растёр плевок ногой и пошёл дальше.

Вот что такое общественное мнение. Какой молодец! Оно и до сих пор такое же. Организуемое и внедряемое. И общество такое же, выжидающее, к кому примкнуть, кто перетягивает.

НИ В ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ нет того, что в русской. Это от своеобразия русской жизни. У нас всё одушевлено, нет неживой природы, всё живо.

У Гоголя рассуждают два кума, сколько груза может поместиться на возу. И один гениально говорит: «Я думаю (!) достаточное количество». И всё. И всё понятно.

У Тургенева в «Записках охотника». Едут, ось треснула, колесо вот-вот слетит, как-то очень странно вихляется. И когда оно (колесо) уже почти совсем отламывается, Ермолай злобно кричит на него (кричит на колесо!) и оно выравнивается.

У Бунина мужик бежит, останавливается, глядит в небо, плачет: «Журавли улетели, барин!»

Кстати, о Тургеневе. Это совершенно жутко, что он пошёл смотреть на казнь. Да ещё и описал. А в «Записках охотника», лучшего из им написанного, автор очень много подслушивает.

Хотя для переводов русского книжного богатства сделал много.

ВЕСЕННИЕ РУЧЕЙКИ у нашего дома взрослели вместе со мной. Они начинались от тающего снега и от капели с крыши на крыльцом. Я бросал в них щепочку и провожал её до уличного ручья, а на будущий год шёл за своим корабликом, плывущим по уличному ручью, до ручья за околицей. Он увеличивался и от моего и от других ручейков, все они дружно текли в речку, а речка в реку. Однажды в детстве меня поразило, что мой ручеёк притечёт в Вятку и Каму, и Волгу. Щепочка начинает плыть по ручейку, и сколько же она проплывёт до моря? Считал, и со счёту сбивался. А как считал? Шагал рядом с плывущей щепочкой, считал время, то есть соображал её скорость, за сколько, примерно она проплывёт до Красной горы. Очень долго, может быть часа три-четыре. А за Красной горой там такие дали, такие горизонты. Может быть, думал я, год будет плыть. К зиме или примёрзнет или подо льдом поплывёт.

Когда, через огромное количество лет, узнал я от Вернадского, что вода — это минерал, что у неё есть память, я сразу поверил. Да-да, я это знал. Я же помню эту холодную

снежную воду, и как я полоскал в ней покрасневшие руки, как с ладоней падали в ручей капли и убегали от меня, и уносили жёлтую сосновую щепочку. И помнила меня эта утекающая вода. И помнила себя в виде узоров на оконном стекле. И в виде снежинок, которые взблескивали в лунную ночь и, умирая, вскрикивали под ногами.

ПРАВОСЛАВИЕ НИКОГДА не ставило задачи сделать жизнь людей легче. Для православия главное, чтоб человек стал лучше. А станет лучше, то и любая жизнь ему будет хороша.

— **ЧЕГО ГОВОРИТЬ** — вся жизнь в России с петель слетела, а мы ещё на какую-то справедливость надеемся.

— Не могла не слететь. Идеология — это псевдорелигия. У идеологии нет родины. Без корней, её и сорвало. Не люди партий (то есть частей общества), а люди целого нужны.

— И где их взять?

— Ну, нас уже двое.

— **НЕ РАДУЙСЯ — НАШЁЛ**, не тужи — потерял. Это мама всегда говорила. Это вспомнилось, когда я пережил попытку электронного ограбления. Я — образца 1941 года — дитя войны. И правительство решило нас порадовать, прибавить немножко к пенсиям. Спасибо, есть за что. За голод и холод, за верность Отечеству. Несмотря на засилие марксизма-ленинизма, терпеть которое тоже было противно. Но притерпелись, знали, что четвёрку по истории партии всегда поставят.

Так вот, звонят мне: «Вы в программе «Дети войны», вам полагается приплата к пенсии полторы тысячи рублей». Спасибо. Для Москвы это, конечно, копейки, но и то хлеб. «А для этого продиктуйте номер вашей сбербанковской карты». И я, как последний вахлак, всё продиктовал. И кодовые цифры, всё. Спасибо жене, как раз вернулась и ахнула: муженёк все секреты разглашает. Погнала в сбербанк снять деньги. А и было-то их чуть-чуть. Да ведь и их жалко.

Но что думаю: доверчив я? Да. Но доверчивость — чувство православное. А ещё бы хотелось видеть эту женщину, которая так ворковала, так радовалась за меня, за дитя войны, что мне немножко будет полегче. Из неё получилась бы эсэсовка. Грабишь стариков? Что ж ты не идёшь Чубайса грабить? То-то.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ и совесть, это в человеке — голос Божий. Именно Господь и именно в этом месте Вселенной вывел на свет Божий именно этого человека. Чтобы человек берёг это место. И если в этом месте теперь земля разграблена, вода отравлена, воздух загажен, то с кого спрос? С рождённого здесь. А где он? А его нет. Ему в другом месте лучше. Ну да, в армии служил, ну да, учился, женился, но не может же быть, что не болит твоё сердце о родном. И эта боль хоть как-то оправдывает тебя.

ВИДНО, НЕЧЕГО БЫЛО делать Толстому — двенадцать раз «Войну и мир» переписал. Нет, чтобы Софье Андреевне по хозяйству помочь. Вообще меня умиляют эти разговоры и труды о «работе над словом». Всегда преподносится, что это главный смысл писательства — слово. Что эти зачеркивания, вписывания, дописывания — основа познания тайны писательства. Глупость всё это. И преувеличивание писателями своей профессии. У «Серапионовых братьев», кажется, было даже такое полумасонское приветствие: «Здравствуй, брат, писать трудно». Это какое-то кокетство. Трудно, так и не пиши. Тракторист трактористу: «Здравствуй, брат, пахать трудно». Землекоп землекопу: «А копать-то, брат, трудно».

Вот он дюжину раз переписал, а несколько сотен ошибок в описание войны вляпал. Ему на них тогда ещё живые ветераны Бородинской битвы указывали. Но что до того графу. Он же творец. «Я так вижу». Да и некогда ему, ему уже «пахать подано».

В доработке есть тот момент, когда она не улучшает, а начинает портить вещь. И то можно, и то нужно сказать, а вещь разбухает. И всё вроде важно.

По объёму охваченных событий «Капитанская дочка» больше, чем «Война и мир», а по тексту меньше раз в десять-пятнадцать. А ведь как можно было расписать детство, отрочество Петруши, Пугачёва в Европе, Швабрина, вояк Оренбурга, царский двор, детство Маши Мироновой. Уж она-то бы не вляпывалась в лайф-стори, а Безухов что под ногами мешается на Бородино?

Великого рецепта жены коменданта Василисы Егоровны нет во всём Толстом. Вот он, этот рецепт спокойной жизни и совести: «Сидели бы дома, да Богу бы молились». Но и её великий пример верности мужу и Отечеству.

С АНТИЧНОСТИ стоимость письменного, произнесённого слова была очень высока. Платон («О государстве») музыку, хоровое пение, театр считал наиглавнейшим. Потом падало и падало. То есть далеко не сразу. Огромный интерес к «Словам (о полку, о законе и благодати...)», былины, жития, сказания, легенды — всё лилось на мельницу любви к Отечеству. У них античность во многом развратная (убивает детей, чтоб не мешали блудить), у нас величие сказок, мудрость пословиц, загадок.

Думаю, в общем-то все правители российские уважали литературу. Но уже (с Ивана 3-го) вторгалась и западная. Тут и русский «всепьянейший собор» Петра, заигрывания Екатерины с безбожием энциклопедистов (нет бы ей у немцев учиться, если церковно-славянскому не разумеет. Но ведь переписала же Житие преподобного Сергия), тут и «жадная толпа» у трона, обучение по европейским меркам (мерки эти сделали Европу родиной педерастов), так вот, литература из двигателя истории стала её описательницей. Что, нас «Война и мир» многому научила, что, после «Тихого Дона» кровь не полилась?

Большевики, как и цари ценили литературу. Конечно, выгибая её служение в свою пользу. Выгибать было легко, ибо «творцы» сгибались сами. Ленин-сталин-бухарин-троцкий читали и цитировали и пример подавали. Ещё даже и Хрущёв изображал усердие, рвался для реноме в Вёшенскую, а уж вот вояка Брежнев на писателей решил не надеяться, сам взялся за перо. Андропову, Черненко писать было некогда, о приготовишках в культуре Горбачёве и Ельцыне умолчим.

Читает ли Путин — сие есть тайна великая. Но поощряет пишущих. Они от восторга занимаются любимым делом — склоками, дрязгами, судами. Если сюда ещё добавить обычные их качества зависти, гордыни, то букет нынешней литературы зело ароматен.

— **БЫЛ ВЕЛИКИЙ** поэт Ермил Костров. Не зря же именно с ним, а не с графом Хвостовым Суворов дружил.

«Да здравствует Екатерина, торжеств и радостей причина! ...Слеза вдовиц, сирот вздыханье, гонимых вопль, несчастных стон, в суде обидимых стенанье, возвысятся. Предвечный трон за них Творцу и всей природе, законам, разуме, свободе обязан тот воздать ответ, кому и суд и силу властну ко благу всех, ко благу частну вручил Божественный совет...».

Это Кострова Ермила. Наш современник продолжил: «Для нас ничтожна тяжесть санкций, и зрю я близость той поры, когда америк, англий, франций правители, закончив танцы, провалятся в тар-тарары»

Эстафета в поэзии подхвачена. Дело за правителями.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ГЛАВНОЙ ВОЙНЫ

События истории не могут происходить в разных вариантах, они всегда единственны. Но вот бывает, что они, по какой-либо причине, искажаются. Но рано или поздно правда о событии торжествует. Вот одна из самых значительных в истории Великой Отечественной войны неправда. Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом? Привыкли считать: это бойцы Егоров и Кантария. Нет, не они. То есть и они тоже. Но гораздо позднее первого знаменосца Победы Григория Булатова.

Он вятский уроженец из города Слободского. Его отец погиб в первые дни войны. И Гриша сразу помчался в райвоенкомат. «Хочу отомстить фашистам за отца»! По молодости не брали. Семнадцать лет. Но он был настойчив. Послали от военкомата на курсы шоферов. Потом зачислили в войска охраны военных складов и сопровождение эшелонов с военными грузами и, наконец, в 1943-м году Булатов с эшелоном лошадей прибыл на фронт, на самый кровопролитный, Северо-Западный, в Великие Луки. Где и принял боевое крещение. Напомним, что именно там свершил свой исключительный по самоотверженности подвиг рядовой Александр Матросов. После шестидневных боёв от роты, в составе которой воевал Булатов, осталось 12 человек. Гриша был замечен как исключительно смелый, ловкий и сообразительный боец, и был взят в роту разведки. Воевал так успешно и храбро, что ратным трудом заслужил солдатский орден Славы и две медали «За отвагу». Его очень любили сослуживцы. Всегда весёлый, сноровистый, быстрый на решения, отважный до безрассудства. Именно ему, в будущей Берлинской операции, друзья единодушно доверили нести Знамя.

Командиром разведчиков был москвич Семён Сорокин, лейтенант. Отличный токарь высшего, шестого разряда, он имел бронь, вдобавок и работал на оборонном предприятии, но так же, как Булатов, рвался в действующую армию. Забегая вперёд, скажем, что москвичи из района Щукино, где он жил, свято хранят его память.Так же, как и в Московском авиационном институте (МАИ), в котором он выполнял сложнейшие токарные работы и до и после войны..

Память об этих разведчиках не может быть занесена пылью забвения, ибо слишком велик их вклад в Победу. Но всё дело в том, что их подвиг никак не вписывался в привычные схемы того времени, когда в нашей стране всем и вся руководила коммунистическая партия, а разведчики самостоятельно решили пойти на вершину рейхстага. Но такое не прощается: компартия не могла, чтобы такое великое событие было свершено без её указаний и без её участия.

Надо сказать, что в музее Вооруженных сил хранится подлинное Знамя Победы. Именно оно было сшито руками разведчиков Семёна Сорокина из алой материи. А на память они отрезали от неё полоску и разделили на восемь кусочков. И потом легко доказали подлинность Знамени. Это превосходно знал маршал Жуков.

В приснопамятный день 30 апреля 1945 года разведчики ворвались в рейхстаг. Свинцовая смертоносная метель бушевала непрерывно снаружи и внутри здания. И только Господь сохранил их живыми. Другого объяснения нет.

Выскочили на чердак, оттуда вылезли в окно и побежали по крыше рейхстага. От грохота выстрелов не слышно было как гремело под ногами кровельное железо. Григорий увидел высшую точку на крыше — скульптурную группу и кинулся к ней. На ходу разматывал красную ткань знамени. Пули бились в железо и бетон. Со свистом летели осколки.

«Вятские — парни хватские»,— подбадривал себя Григорий, уже почти оглохший от взрывов бомб, разрывов снарядов, пулеметных очередей. Страх был, но его подавила охватившая сердце отвага и уверенность, вспыхнувшая в сердце, что вознесётся над Берлином Знамя Победы.

Присел за трубой, привязал к древку полотнище. Оно сразу радостно заплескалось в берлинском, пропахшем кровью и порохом воздухе. А когда развернулось, тут уж Григорий совсем ничего не опасаясь — дело сделано — открыто выпрямился, раскинул руки наподобие креста и крикнул вниз, на площадь перед рейхстагом: «Всем видно? Знамя всем видно?»

И его увидели! И бойцы, и маршал Жуков увидел. В стереотрубу. Именно он сам вскоре распорядился отправить великую святыню на вечное хранение в Москву. Именно он при встрече сказал Григорию о том, что его представляют к званию Героя Советского Союза.

В наградном листе рядового Григория Петровича Булатова написано: «29. 04 1945 года полк вёл ожесточённые бои на подступах к рейхстагу, вышел на реку Шпрее. Тов. Булатов был из тех, кому было приказано на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробиться к зданию Рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 г. ворвались в здание рейхстага. С ходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона Рейхстага. Пробившись на верхний этаж тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над Рейхстагом Красное Знамя. Достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Маршал Жуков ехал в Москву и взял с собой знаменосцев из разведроты: лейтенанта Семёна Сорокина, рядовых Григория Булатова и Виктора Правоторова на приём в Кремль по личному приглашению генералиссимуса Сталина.

А там... а там «вождь всех времён и народов» налил Григорию фужер коньяку и сказал: «От тебя требуется ещё один подвиг: двадцать лет молчать о том, что ты установил Знамя над Рейхстагом. Такова сейчас международная обстановка». Вот так. То есть по мнению вождя для международной обстановки было лучше, что знамя вознесут грузин и русский, а не один русский. Тогда, видимо, возникла в голове Сталина формула ответа на вопрос, кто он по национальности. «Я русский грузинского происхождения». Ещё к разведчикам присоединили потом лейтенанта казаха Кошкарбаева.

У Мелитона Кантария не было таких боевых наград, как у Булатова, но было достоинство, которым Булатов не обладал, Кантария был грузин. И они с Егоровым несли Знамя и укрепляли его у ног германской скульптуры через девять часов после Булатова. В ночь на первое мая. Не под пулями несли. Смело шагали по крыше поверженной фашистской цитадели. Одетые в штатное воинское обмундирование, они, конечно, не были похожи на бойцов-разведчиков в телогрейках, чей командир лейтенант Сорокин вообще был в неуставной трофейной кожанке.

Нашей пропаганде была нужна победная установка Знамени над рейхстагом. Такую и отсняли и представили наши исполнительные служаки. Такие кадры всегда видели мы и справедливо полнились наши сердца гордостью за нашу армию.

Пора, давно поклониться могиле первого знаменосца Победы Григория Булатова. К чести его вятских земляков, на его родине, это свершено. Установлен ему памятник, отчеканена памятная медаль, снят хороший фильм «Солдат и маршал» Марины Дохматской и Бориса Свистунова. Но повсеместной, широкой, общероссийской правдивой известности о нём пока нет. И общемировая известность нужна. Не стометровку бежал, шёл фактически на верную смерть.

А далее всё в его жизни после подвига и уже до самой кончины было горько и тяжело. Из Кремля его повезли на дачу. Он потом говорил, что это была дача Берии. Такой тогда у Григория был невероятный день: встреча с маршалом Жуковым, с вождём, Кремль, ожидание Звезды Героя и тут же неожиданная просьба молчать двадцать лет,— всё смешалось в его голове. А коридорная в белом кружевном фартучке была так любезна, прямо сама льнула к солдатику, говорила, как счастлива ухаживать за ним. Да он её и не коснулся, рук не протянул. Он и парнем-то был нецелованным, стеснялся девушек.

А эта девица повалилась вдруг на пол, задрала юбку, оголилась и завизжала: «На помощь!».

Через секунду, значит, стояли у дверей — ворвались офицеры, избили Григория, скрутили, утащили в «чёрный воронок», а девица под их диктовку написала «показания», как рядовой Булатов хотел её изнасиловать.

И дали герою войны 15 лет за «попытку изнасилования». И такой метод, кто не знает, пусть узнает, наши эмвэдэшники и кагэбэшники использовали во многих случаях. Старшее поколение должно помнить, как так же посадили футболиста Эдуарда Стрельцова, знаменитого «Стрельца». Повезли после матча за город, на дачу, так же подкатили девицы, вот и всё.

Но это футболист всё-таки. А здесь человек, поставивший точку в Великой Отечественной войне. Он не просто герой, он русский человек в чистом виде. Который берёт на себя самое трудное. Но он не вписывался в каноны партии и правительства. Всё же должно было свершаться по их указаниям.

К штурму рейхстага было подготовлено девять знаменных групп. У каждой Знамя, у каждой задание — установить его на крыше. На одну группу не надеялись — убьют, другие дойдут. Расчёт суровый, но это война.

А тут незапланированная разведрота из армии Шатилова. Разведчики, которым позволено действовать самостоятельно. Они и загорелись. Они видывали такие виды, бывали в таких переплётах, а уж что говорить об общем любимце Грише Булатове. Самый молодой! И на всех снимках он стоит на первом плане, совсем парнишка, полный радости. И снимки обошли многие центральные газеты. А делали снимки фотокоры и «Правды», и «Красной Звезды», и «Комсомольской правды». Ясно, что не так просто ставили на первое место Григория.

Но потом уже снимков этих не появлялось нигде вплоть до 70-х годов.

А как же двадцать сталинских лет? Да никак. О них Григорий помнил. И о нём маршал Жуков и генерал Шатилов помнили. К ним из заключения писал Булатов. Его, по их ходатайству, освободили в 47-м. Он ещё два года шоферил в Группе Советских войск в Германии, потом вернулся в Слободской. И жил и молчал. А маршал Жуков впал в немилость.

Давайте представим жизнь Григория. Он держал слово, данное вождю. Работал водителем, мотористом на речном катере, слесарем на фанерном комбинате «Красный якорь».Но когда прошло 20 лет, сказал друзьям. Высмеяли. Да и какие уже там были друзья, друзья — собутыльники. И попробуйте не выпить, когда тебя считают лгуном,

самозванцем. Какой ты герой, когда во всех учебниках значатся другие знаменосцы. Да ещё надо сказать, что, несомненно, Григория вели незримые цепкие руки спецслужб. И подпаивали и втравливали в драки. Нашли в доме банку краски — протокол: ворованная. Вторая судимость тут же. Кто там будет разбираться, за что была первая. Вскоре схватил и третью. Поцапался по пьянке. Другому бы простили, его за решётку. Ну, какой же он герой после этого? Героев в школу приглашают перед ребятами выступать, а тут дядька, которого дети и у пивной видели, какой же это пример для подражания.

Да что говорить — когда сам маршал Победы в немилости и у Сталина и у Хрущёва, кто там будет заниматься рядовым солдатом.

За два дня до его ухода с земли в Слободском появились двое крепких мужчин в штатском. В день кончины Григория Петровича (ещё никто не знал о трагедии — свидетельство дочери и зятя) они заявились к нему домой, изъяли его записи, письма к нему маршала Жукова и генерала Шатилова. Эти письма были, в частности жена вспоминала строчки Жукова: «Гриша, ты топтал сапогами рейхстаг, растопчи ими проклятую бутылку». Зять вспоминал, что Григорий Петрович оставил много записей о войне и конце войны.

Бог мне простит, уверен, что смерть Григория Булатова не была самоубийством. Он мешал легенде о Знамени Победы. Сейчас это всё исследовано досконально. Свидетель снятия тела из петли указывает на высокую трубу под потолком. Как невысокий ростом человек мог привязать за неё верёвку. И как без какой-либо подставки влез в петлю. Прямо с пола? Нет, его, скорее всего, повесили. Повесили и закрыли дело. Ни следствия, никаких выводов.

Это очень напоминает гибель Сергея Есенина. Тоже труба под потолком, тоже непонятно как привязанная к ней верёвка.

Свидетель и участник подвига однополчанин Виктор Правоторов, призванный из Макеевки, который помогал Григорию нести Знамя, оставил на рейхстаге гордую надпись (есть фотография): «Мы из Донбасса! Знай наших!». И его судьба трагична. Он не ждал 20 лет и рассказал о штурме. И вскоре погиб, якобы от того, что взялся руками за оголённые провода под напряжением. И это фронтовой разведчик. Кто поверит?

Вот хроника водружения Знамени: первая — бегут разведчики Семёна Сорокина. Следующий кадр: Булатов укрепляет древко. Рядом Сорокин, за ними Правоторов. Вторая съёмка, отредактированная: разведчики бегут, но кадр уже со спины. Прикручивает знамя уже не Булатов в пилотке, а воин в шлеме танкиста.

И в воспоминаниях маршала Жукова время установки знамени 29 апреля в 14–25 по московскому времени. Да, ещё шли бои, но уже Знамя Победы, вдохновляя, реяло над поврежденным исчадием ада.

Совсем не поздно нам, живым, требовать подробного исследования жизни и кончины героя войны Григория Петровича Булатова. Каково ему было жить с кличкой «Гришка-рейхстаг». С обиды и боли он даже эти слова вытатуировал на своём теле. Осуждаете? А вы примерьте его судьбу на себя.

Нельзя, чтобы ложь, даже красивая, продолжала жить в истории. Думаю, это и грузинам и казахам не надо. Фактически был затравлен, доведён до самоубийства или, скорее всего, убит национальный герой русского народа. И от этого очень тяжело.

ОТЕЦ И СЫН — ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

АЛЕКСАНДР ЛИСНЯК

ЗВЕЗДА НАД ОТЧИМ ДОМОМ

ПРО БАНАЛЬНОСТЬ

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
Павел Коган

Уж как сложилось с давних пор –
В природе,
Богом сотворённой,
Люблю лишь красный помидор,
А огурец люблю зелёный.

Мир естества —
Души оплот.
И гордецам науки в пику,
Пусть пахнет дыней жёлтый плод,
А земляника —
Земляникой.

Кому нужны почёт и лесть,
Тот может пыжиться и дуться.
На грушу за укропом лезть –
О землю можно звездануться.

Пока до страшного суда
Не перевёрнута страница,
Как ни банальна красота,
А сердце только к ней стремится.

Шиповник ал,
Закат багров,
Любовник ждёт в ночи подругу…
И сколько не рисуй углов,
А звёзды движутся по кругу.

ПРИОБРЕТЕНИЕ МИРА

Как много, уходя, оставим здесь!
В окошке свет.
Звезду над отчим домом.
Плетень в саду, повитый хмелем весь.
Родной напев, что в горле горьким комом…
Когда к себе небесный Царь зовёт,
Нас держит на земле любая малость:
И поцелуй,
Что в памяти живёт.
И женщина,
Что лишь в мечтах являлась…
Как много мы имеем на земле!
Не цепью мы прикованы к отчизне.
И потому тот не товарищ мне,
Кого потери не пугают в жизни.
Кому всё это грабить, разрушать
Дозволено величием кумира.
Но, если в мире нечего терять,
Возможно ли приобретенье мира?..

МЫ

Сколько подарено истин!
Милости сколько!
Не впрок…
Сыплются дождики, листья –
Плачут природа и Бог.

Дал Он и сушу, и воды,
Всё и в земле, и над ней…
Что за талант у народа –
Нет нас на свете бедней?!

Грезилась жизнь?
Или снилась
Русская сказка века?
Въяве лишь Божия милость
Нас сохраняет пока.

Как же мы с нею беспечны –
В мыслях и чувствах покой…
Были б умней и сердечней,
Сдохли б от жизни такой.

ПРО СВОБОДУ

(из апокалипсиса)

Блудница, стерва, шлюха, проститутка
Явилась в мир, как видел Иоанн.
И мир лишился в похоти рассудка,
Её взалкали сразу много стран.

В залог снесли ей молодость и души,
И город славы на семи холмах.
Зато теперь, что скажут — вянут уши,
Что сотворят — так это жуткий страх.

А ей уже, где статуя, где стела!
Ей посвятили мысли и дела:
И на́ воды
В Америке присела,
И чашу
Над Россией пролила.

А под её несметные кредиты –
Всем можно всё –
Живи, бамбук кури.
Героями объявлены бандиты!
Вождями утвердились упыри!

При их законах,
Да при этих нравах
Напрасно не кляни своей судьбы:
Рабы свободы
Среди всех лукавых,
Подлейшие,
Пожалуй что,
Рабы…

ЖАВОРОНОК

То Ерёма, то Матрёна —
Ваньку скорые валять.
Даль да ширь — земля ядрёна,
Да ещё ядрёна мать…

А над всем, до беспредела
Песня,
Как родник чиста,
Выше слова, выше дела
И соборного креста.

Солнца катится яичко
В лето, в радость и в зенит.
Точкой птичка-невеличка
В солнце впилась и звенит.

Чтобы счастье не дремало.
Чтобы снова бес в ребро.
Как и нам, ей горя мало –
Льёт по свету серебро.

Эх, Матрёна, ах, Ерёма
И сама ядрёна мать –
С высоты не видно стрёма.
Сверху — только благодать.

Кружит полудня побудка,
Песней грусть-печаль круша:
То ль бубенчик,
То ли дудка,
То ли русская душа.

НА ДОНБАССЕ

Кубок дружбы мною выпит
С этой дивной стороной.
Для меня она Египет,
Только очень уж родной.

В пирамидах терриконов
К солнцу льнёт копёр-жираф.
Но не встретишь фараонов –
У шахтёров резкий нрав.

Грубоваты по походке,
В душах голубь гнёзда свил,
Очи в угольной обводке,
Брови порох опалил.

— С автоматом парень бравый,
Попозируй на коллаж…
— Я горнячил не для славы,
Не для славы взял «калаш».

— Что в глазах не блещет счастье,
Что, шахтёрочки, смурны?
— Мы всю жизнь и ежечасно
Ждём мужчин своих с войны…

Задымились пирамиды,
Пали мёртвыми копры…
Ах, египетские виды
Пробандеровской поры!

Будь хотя б с Суэца родом
Но, попав в шахтёрский край,
Между смертью и исходом
Нынче смело выбирай.

Ах, египетские дали,
Непокой и неуют:
Их на западе предали,
На востоке предают.

Пацанам в войну играть бы,
Да война играет в них…
А ещё играют свадьбы,
Только был бы жив жених.

Да жива была бы мила.
Ах, Донбасс, надёжный друг!
Пусть твоя земная сила,
Сохранит нам русский дух.

ТИХИЕ МОРОЗЫ

Деревеньки в начале зимы
Погружаются тихо в морозы,
Выпуская на волю дымы,
Кислый запах кормов и навоза.

Улизнувшим в комфорт городов
Хорошо в своей тёплой квартире
Посудить о деревне
И дров
Наломать в скороспешной сатире.
Ну, а здесь и не знают о том,
Что их судят,
На тракторы лезут,
На колбасный спешат со скотом,
Хоть самим нужен скот до зарезу.
А обратно привозят мазут
Для машин,
Как мозольную смазку.
Хлеб и булки в гостинец везут.
Пофартит, то везут и колбаску.
Нелегко, но деньжата копят,
Есть серьёзный для этого повод:
Чтоб девчонок своих и ребят
Было легче устраивать в город…

ДРУЗЬЯМ

Ничтожно наше бытиё!
И ты один лишь знаешь, Боже,
За что так взъелись на неё –
Но Землю люди уничтожат.

А нам дождаться не дано
О тех событиях известий.
Мои друзья уже давно
Бродяжат тропами созвездий.

Там смыслы сущего лучат
Любая капля и пылинка.
Там рядом с ангелом звучат
То юный Лермонтов, то Глинка.

И я недаром посетил
Мир, где реальность не приветна:
Погаснут тысячи светил
И лишь гармония бессмертна!

Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет Александра Алексеевича с семидесятилетием. Желаем юбиляру здоровья и творческих успехов!

АЛЕКСЕЙ ЛИСНЯК

КОЛЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ЗУЕВО

Коля из деревни Зуево — это настоящий богатырь. Плотный — кровь с молоком, и кулачищи — во! Плечи широченные, а душа ещё шире. Коля добрый, как медведь из детской сказки: чеши его против шерсти, тяни его за уши, хоть запряги его — всё стерпит. Но зато, если унюхает кому несправедливость, или ещё хуже — кощунство, тут уж лучше сразу улепётывай.

Вот, когда ещё Коля ходил в парнях, деревенские повадились на дискотеку в район. На чужом пиру, известно, пришлым иногда не везёт — прилетает. Ребятки и брали с собой Колю «на счастье». Он войдёт с ними, станет в уголке, топчется. Местные видят с кем Коля и деревенских не задирают. А Коля ждёт, пока парни надрыгаются с девками под «Руки вверх», охраняет. Потом вместе возвращаются шумной кривоватой компанией.

Вот идут они как-то раз подогретые, весёлые. Перед их деревней на дороге ржавый знак «Зуево». Обладая остроумием, никак этот знак не миновать. Остряк в компании есть — это Эдик. И как он раньше-то всегда мимо проходил?! А тут... «Зуево»... Замазал Эдик первую букву грязью, и пальцем по грязи вывел изящный икс. Ржали все, дружно. И Коля тоже сначала ржал. А когда сообразил, что это над его родной деревней совершилась такая несправедливость, кощунство... Ох... Эдик не успел испугаться, не вякнул, летел с насыпи в канаву — кусты трещали. Пацаны на Колю вылупились, мол, ты чего? А он в землю уставился, мол,— ничего: «А чего он!..» Эдика из канавы достали, и Коля сам же помогал ему выдирать репьи из кудрей, и грязь снимать со знака.

Время идёт, Коля взрослеет. Отслужил срочную, вернулся к отцу с матерью. Тут колхоз развалился... Стал Коля наниматься общественным пастухом и привык к этой должности, как будто для неё родился. А чего ему: на лошадёнку всем миром скинулись, он и рад.

Собирает Коля на зорьке коров со всех улиц на своей клячонке — кажется вот-вот надорвётся под ним бедная лошадь, сдохнет. Пригонит стадо на луг, кляча отдышаться не может, язык высунула, а он дремлет в теньке под вязом. Чем не жизнь! Лежит Коля радуется, кулак под голову, гоняет в зубах травинку. Всё лето — праздник! Всю зиму отпуск.

Годы потихоньку идут...

Пора бы Коле жениться, а он стеснительный. Да и нет в Зуево, нормальных невест. Нормальные разъехались.

Но зато пришёл час, дождалась Зуевская заброшенная церквушка себе настоятеля. Прислали батюшку старенького, лысого, совсем постного. Однако весьма бодрого. Батюшка сразу деревню обошёл, со всеми перезнакомился. Коля ему очень

понравился. И как так получилось, что Коля к батюшке тоже сразу привязался. Душа запросила, что ли? Сроду ведь он до своих тридцати трёх попов не видал. А батюшка и рад — помощник ему, кадило подавать. И стал Коля алтарником. Пошили Коле стихарь-дирижабль...

Вот, идут они на малый вход: бабульки чуть слышно попискивают с клироса, алтарник со свечой боком еле-еле просовывается во вратницу — того гляди, дверной проём лопнет — ступает, половицы под ним гнутся, а следом маленькой бесплотной тенью отец-настоятель. И голосок его такой:

— Прему-удрость, про-ости! — искушение, прости Господи! Ну как тут молиться?

Вскоре затеял батюшка в храме ремонт, и началась у Коли хлопотливая пора. Успевает и со стадом, и в церкви. Что-то грузит, что-то месит, что-то пилит всё лето. А ближе к осени послал где-то Бог настоятелю средства и тот заказал комплект колоколов.

Вот, привозит машина заказ, манипулятором всё сгружает. Собрались возле церкви люди, глядят: пять колокольчиков, так и сияют, новые. Главный, наверное, под центнер, остальные поменьше. Солнце на них поигрывает. Зуевские о таком и не мечтали, радуются. Батюшка к народу повернулся: надо, мол, кран нанимать, поднимать их на колокольню. А тут Коля: зачем кран, я сам подниму, и сам повешу. Никто не удивился. Немного, конечно, посомневались для порядка, но на том и порешили. Назначили дату, пригласили благочинного, фотографа из районки, начальство...

В назначенный день собралось всё село, все три сотни. Благочинный в шёлковой рясе, сельсоветский глава на УАЗике, участковый. Коля — при своей вечной телогрейке. Отслужили молебен, погундели речи и началось. Четверо мужиков подняли большой колокол, Коля под него головой подлез, принял на плечи. Благочинный раскрыл рот:

— Вот это ж бывает такой медведь!

Фотограф забегал вокруг, щёлкает.

Коля качнулся и двинулся к трапу — колоколенка невысокая, трап положили от пожарной машины, длинный, не шибко крутой. Мужики засуетились вокруг медведя, под ногами путаются, как будто помогают. Вот Коля шагнул на трап, тут помощники отстали, пошло легче. Трап прогнулся, заскрипел. Народ примолк, батюшка крестится. Коля шагнёт — приставит ногу, ещё шагнёт — постоит. Видно и такому богатырю тоже не всё просто. А на полпути, сам потом говорил, даже испугался. Духу, говорит, вовсе не осталось, назад нельзя, вперёд не могу. Не бросать же. Стал про себя молиться и как-то, сам не заметил, добрался до верха. Тут сразу и мужики за ним по трапу бросились колокол принимать, крепить. Следом и фотограф. Коля на цыпочки привстал, поднял колокол к хомутам, мужики сунулись было вставлять клинья — глядь, а клиньев-то и нет. Заорали вниз в народ, чтоб там на земле поискали. Слава Богу, быстро нашли их, возле молебного столика валялись. А Коля всё держит. Клинья принесли, опять Коля на носки приподымается, мужики давай клиньями в ушки целить, а тут фотограф: «Дай-ка с этого боку щёлкну. Да погоди, вот теперь отсюда зайду». Коля на него даже заругался. Потом спохватился, что Божье дело совершает, и позволил щёлкать этому ироду, сколько влезет. Ну, с Божьей помощью всё прошло хорошо. Колю потом долго в народе хвалили. После и газета пришла, фотографию разглядывали: впереди благочинный — шёлк переливается, с ним — глава, сбоку участковый цветёт, где-то вдалеке батюшкина бородка отсвечивает. А позади всех, почти не видно — мужик с колоколом вместо башки...

С новой звонницей Зуево будто ожило. Вроде всё по-прежнему: ни работы, ни дорог, ни фельдшера, ни газа, а только слышишь, как утром колоколенка поёт и на душе

праздник — самое что ни есть Светлое Воскресение. Местные ребятишки намостырились хорошо звонить. Батюшка сам с ними лазил, обучал...

Как-то на зорьке Коля гнал своё стадо, посвистывал. Вдалеке, в пойме — видно — туман. И зябко пастуху туда глядеть и радостно. Давит свою клячонку, улыбается. Стало стадо дорогу переваливать и немного замешкалось — взросло что-то вкусное по неезженым обочинам. Коровки пасутся, Коля на кляче, как Санчо Панса на ишаке, сидит. И сроду в это время никого по дороге не носило, а тут сразу целый Лексус. Розовый и номера столичные, гудит:

— Эй, деревня, коров убери!

Коля стал просить, чтоб не гудели, коровы пугаются. А те светом моргают и ещё шибче. Коля — извиняться, мол, мы сейчас, мы скоро. Ну, замешкались чуток, это же животина, глупая. А те опять на Колю, мол, это ты животина: козёл ты, и коровы твои — козлы. Коля давай их упрашивать, мол, если уж совсем спешите, так на вашем джипе можно ведь и сторонкой вот тут вот запросто объехать. А Лексус ни в какую, дай ему дорогу и всё. Тут, как на грех, в деревне колоколенка запела. Коля картуз долой, как был на лошади, так и давай креститься на деревню. А эти в машине увидали и совсем разозлились:

— Козёл,— говорят,— ты. Но не простой козёл, а правосла-авный! И церковь твоя...

Ну... Зря они так. Ох... Коля покосился на них, перекрестился последний разок, картуз натянул. Поравнялся с розовой машиной, к самому окошку подъехал, откуда лаялись. Немного на лошади склонился, будто хотел в окошко заглянуть...

Хорошо, что водитель отстранился. Медвежий кулачище летел полукругом, снизу. Если б челюсть поддел или ухо зацепил, то грех был бы великий. А так изнутри шарахнул в крышу, как раз над водителевой тюбетейкой, и ладно. Тогда уж джип гудеть перестал и объехать согласился, как Коля и просил в самом начале. И всё благополучно, миром и добром.

Наверное, до сих пор торкается где-нибудь в столичных пробках красивый розовый джип с огромной шишкой на темечке...

Лето — самая пастушья страда. Это только со стороны так, будто ему — пастуху — не бей лежачего. А кто пробовал сам, тот знает, каково оно: ты их для начала попробуй собери в кучу, попробуй перегони куда-нибудь, если конечно, получится собрать. Тогда уж и рассуждай. А если пастух со слабинкой, они это чуют. Шалят, как всё равно сговорились. Лезут, глупые, во все стороны. А Колю коровки слушаются, как

своего. Он только подумает, поднимется им сказать, а они уже угадали и идут, куда полагается. И народ доволен, что не надо больше всем по очереди пасти.

В церкви совсем сделалось уютно. Всё оштукатурено, побелено, печку к зиме переложили, дров запасли.

Но вот совсем гладко-то всё не бывает...

Как-то смотрел Колин отец перед сном новости. Коля мимо проходил и тоже уставился в ящик. А там... Ох... Увидал Коля, где-то батюшку обижают. Одного обижают, а другого убивают. Задышал Коля как-то не хорошо, глядит. Отец на Колю косится, уже что-то чует. А в телевизоре теперь школу бомбят. Коля не моргнёт, уставился, а там стали церковь обстреливать. Ох... Зря они так. Поиграл Коля желваками, пошёл к соседу, постучал. Сказал ему, чтоб он стадо принимал, отвёл ему свою клячу. Вернулся в хату, собрал рюкзачок, сунул в штаны паспорт с военником. Мать забеспокоилась, мол, ты куда? Коля на телевизор кивнул: «Туда». И на заре уехал.

Плохо стало без Коли, пусто. Коровы с утра мычали, ни в какую не слушались нового пастуха. Тот даже матерился.

Да и не одним только коровкам худо: как-то батюшка сам уголь в кадило сыпал, неуклюже сыпал, отвык, подрясник прожёг. Всё что-то из рук валится.

А ещё потом было, один зуевский мужик поехал как-то в район картошки продать, вернулся без картошки и без денег, и в глаз получил. Говорил: «Был бы здесь Коля, шиш бы они мне».

И так-то всё кругом провисло, ослабло...

Но зато потом Колю увидели! Увидели в новостях. Со спины, правда. Подхватил медведь одной ручищей раненого, бежит, свободной лапой пятерых зелёных раскидал. Пули свистят — его не берут! Мины воют, земля дыбится, страшно. Увидал на бегу — ещё один свой сковырнулся, и того подобрал. Живёт силушка, других из-под смерти уносит!

Ну? И кто же это ещё, как не Коля?

Батюшка среди недели затеял по этому случаю обедню о здравии, Колю поминать. Колокольня разливалась! Обрадовались все, что Коля нашёлся, только об этом потом и разговаривали.

Больше всех, конечно, этой новости радовался пастух: совсем ведь пастуха ни одна скотина не слушает, измучился. Говорил: «Раз Коля там объявился, значит всё у них теперь наладится. Будем ждать».

И то правда, скорее бы уже наладилось, скорее бы уже возвращался Коля — скорее бы Зуевским коровкам облегчение...

СЛОН ЗАБРАЛСЯ В ОГОРОД

Когда Володя Капустин овдовел, ему показалось, что жизнь окончена: сорок семь лет, дети разъехались, с работы сократили, ибо в век инноваций зоотехники никому не нужны — одно к одному. Но хозяйственные хлопоты, как известно, врачуют всё. Было дело, раньше хлопоты врачевали покойную супругу, теперь же они принялись за его — Володино — исцеление. Он и сам не заметил, как «рана на душе» зарубцевалась, а слёзы высохли: в хлеву у Капустина мычит, в курятнике кудахчет, в закуте хрюкает — всё требует рук. И в огороде тоже — не горюй, успевай-поворачивайся.

На полустанке, где сидят с домашним товаром сельские торговки, Володя занял место своей покойницы. Когда из электрички вытекал на платформу охочий до «экологии» дачный народ, Капустин громче соседок провозглашал своё: «Молоко, молоко домашнее! Картошечка, тёпленькая картошечка! Маслице!» Со своей тележкой вдовец проворно суетился и нерасторопные старухи, оказавшиеся вдруг при этаком соседстве в финансовой яме, сильно его невзлюбили. Ходили слухи, что бабка Галя, которая торгует прогорклыми семечками, посетила как-то местную шепталку, чтобы та извела конкурента проклятого. Но знахарка, видать, накануне не выспалась и вместо того, чтобы околеть, Капустин смастерил себе тележку больше прежней и расширил ассортимент.

Дом энергичного вдовца приятели теперь обходили. Вечерами одинокий уставший Володя усаживался в кресло, гладил пухлого рыжего кота и смотрел дремотными очами программу «Время». Однажды сосед привстал на цыпочки, с надеждой заглянул в Капустинское окно, и скис: «Даже и не выпьет! Чё просто так сидеть-то? Сбрендил», — и философски заключил: — «Всё. Нет былого огня в Вовиной крови».

Но огонь в Вовиной крови бушевал! Правда бушевал, в основном, по ночам, поскольку днём не до огней. После крестьянского дня Владимир зевал, выключал телевизор и вырубался. И снилась ему одинокая дачница Елена Сергеевна, которая проживала в доме с запущенным садом на краю села. Снились её длинные волнистые волосы, её не по возрасту хрупкий стан, её свободное длинное платье и не только. В полночном пруду плавала луна, седина лезла в Володину бороду, зудело ребро. Сны витали над его изголовьем, как в далёкой допризывной юности.

Однажды на улице дачница подмигнула Капустину, Капустин пришёл домой и произнёс: «Женюсь». Кот, дремавший в кресле, приподнял рыжую голову и услышал от хозяина следующее: «Пойми, урюк, человеку одному на земле противопоказано. По хозяйству одному уже никак. И дети... Дочке отправить надо? Надо. Двум пэтэушникам в общагу надо? Надо. И пирогов домашних хочется. Да и вообще. Сегодня и посватаюсь». Кот зевнул, помотал головой. В его зелёных глазах читалось: «Давай, приводи ещё рот на нашу сметану. Самим мало».

— Приведу, — пообещал Володя.

Актёр Тихонов в известном фильме как-то сообщал, что от людей на деревне не спрятаться, и был прав. Среди торговок на полустанке про Елену Сергеевну поговаривали, что будто бы на заре она купается нагишом, мяса не потребляет, а вечерами из её окон гундит странная песня, в которой поминаются такие предметы: харя, крыша, снова харя и почему-то рама. Какая такая рама, торговки не знали. А ещё у неё временами гостюют лысые друзья. Капустин смекал, в чём дело: сам когда-то, живя в общаге сельхозинститута, дружил с бритым наголо лоботрясом Костей. Костя плясал на левой ноге, звенел колокольчиками для донки и горланил «Харе Кришна». За прогулы Костю отчислили, а Капустин и без Кости потом ещё долго слушал Гребенщикова и временами Рериха полистывал. И хотя по всему выходило, что Елена Сергеевна «из этих», но ещё одна пара рук в хозяйстве не была лишней, а ночью и вовсе нет разницы из тех она, из этих, или ещё из каких.

Вечером Капустин побрился и начистил туфли. Долго думал, что взять в качестве гостинца. Сало и окорока, по понятным причинам отпадают, вина-коньяки — тоже. Остаются цветы, вон их сколько в палисаднике, но с ними за двор — никак, старухи заклюют. Капустин решил задачу так: взял сметаны, банку мёда, головку домашнего сыра и, оглядываясь, огородами двинул на край села, где в запущенном осеннем саду стоял домик яркой цветастой дачницы.

К подворью дачницы вела заросшая бурьяном тропа. Володя обстрекался крапивой и нацеплял на штаны репьёв. У калитки отряхнулся, оправился. Во дворе

некошеный бурьян стоял лесом. «Мужика нет,— убедился Капустин,— а то б скосил». Он толкнулся в калитку, калитка упала. «Починим»,— решил Володя и воззвал:

— Хозяйка! Гостей принимай!

Дверь тягуче заскрипела, будто это и не дверь вовсе, а сам дом норовит стать к лесу задом, а к гостю передом. На крыльце показалась хозяйка, одетая, будто давняя студенческая подруга недоучки Кости, что скакала тогда под его рыбацкий колокольчик. Хозяйка поклонилась, её седеющие волосы вблизи не показались Владимиру такими уж привлекательными. Гнилые ступеньки крыльца зловеще скрипели, когда гость поднимался, а одна и вовсе провалилась.

В комнате назойливым комаром монотонно звенит и постукивает незримимый гаджет. В скрипе-постукивании слышна нудная песня про ту самую «харю», о какой судачили на полустанке. С потолка свисают пыльные бумажные гирлянды, с картины пялится страшное синюшное существо. Другая картина а-ля Рерих изображает горы. После срочной службы на Кавказе Капустин горы ненавидел. Он считал, что равнина, особенно русская, это самое живописное явление. Что может быть живописнее майского заливного луга? Или реки? Или луга у реки? В юности Вова искренне недоумевал, почему Рериху всегда требовалось рисовать именно горы, и подозревал у художника расстройство ума.

Владимир подмигнул хозяйке, выложил на стол свои домашние гостинцы и тут же у его ног засуетились две тощие кошки. «Кошки-то совсем ча́бошные,— отметил Володя,— ничего, откормим». Оглядел хозяйку: — «И её откормим». Сладко-горький дымок струится под закопчённым потолком, тускло мерцают свечки, комариным роем звенит нудная песня. Хозяйка жестом Зиты (или Гиты) указала гостю на старомодное кресло, гость сел.

— Знаю, что привело тебя в мой дом,— пропела хозяйка голосом, похожим на голос артистки Касаткиной, что озвучивала чёрную, как гудрон, наставницу индуса Маугли.— Ты ищешь свет, ты ищешь истину.

— Видите ли, Елена Сер...

— Молчи,— перебила Елена Сергеевна и приложила палец к губам,— тиш-ше. Тебя привёл он,— она указала на стену, где синеет существо с дудкой.— Сейчас мы будем пить чай, и ты попробуешь торт. Ты любишь торт? Молчи. Ты ещё не знаешь, какой изумительный торт мне привезли.

«Эге!» — подумал Капустин,— «Эта тебе — не вахлачок Костя из общаги. Эта сразу — за рога да в стойло!» А хозяйка продолжила:

— После чаепития тебя коснётся он,— и указала на синерожее существо.

Володю передёрнуло, он не хотел, чтобы его касалась эта потусторонняя личность.

Хозяйка удалилась. Спустя минуту она внесла залапанные чашки и крохотный тортик. Володя решил, что после чая он и расскажет хозяйке, что пришёл не за какой-то там истиной, а за ней, за Еленой Сергеевной, расскажет, как они с ней заживут. Ведь у него и корова, и прочее, и дом — полная чаша. Всё есть, а хозяйки нет. Володя принялся жевать торт отдающий резиной. Первый кусок никак не хотел проглатываться. С трудом Владимир одолел его и тот — шлёп! — упал в утробу. А следующий кусок шлёпнулся почему-то в голову. В черепе пошёл эхом гулять звон. Потом горы на картине задрожали и комната завертелась в трёх направлениях. «Э, да она же ведьма!» — подумал Капустин, и его замутило. Захотелось переловить невидимых нудных комаров, захотелось, чтоб заткнулись голодные кошки. Синий портрет с дудкой зловеще выпучил свои добрейшие глаза, раздул ноздри. Хозяйка что-то шептала, прикасалась ко вдовцу одинокими горячими руками, которых было ровно пять. И сквозь огоньки, скрипы, жесты, дудки, сквозь горы и шёпот далёким ветром доносило до слуха Капустина хрюканье голодного Капустинского борова и мычание недоенной

Капустинской коровы — самой обыкновенной коровы, не священной, а потому глупой и вряд ли одобряющей священную кулинарную наркоманию.

За окнами порозовело вечернее небо. Володя собрал остатки воли, поднялся, прицелился в двоящуюся дверь и выскочил на воздух. Раздосадованное синее существо выдохнуло в свою дудку, гора на репродукции уронила камень. Елена Сергеевна ничего не заметила — она пребывала уже не здесь, она спускалась к Великой реке, созерцала круги на воде, оставляла следы на песке и ощущала синее просветление. Мир не трогал её обрахмапутренного слуха.

Утром у Владимира Капустина трещала голова и ломило суставы. Что поделаешь... Сердобольная вдовая соседка Валя кружилась по Капустинскому хозяйству. Управилась с Капустинской Зорькой и теперь хлопотала на кухне, гремела посудой. В доме пахло мятой и чабрецом. Поцокивали ходики, потягивался и зевал рыжий кот. Володя лежал с мокрым полотенцем на голове, которое гасило вчерашнее эхо, без интереса щёлкал пультом, переключал каналы. Крышу мыл сентябрьский дождь и радости на свете не было. Володя листал каналы, с отвращением вспоминал вчерашнее и думал о своей нынешней помощнице-соседке. Сколько раз она выручала. И с поминками... тогда... когда это... Сам много ли успел бы? И когда к детям в город отлучиться, она за его скотиной приглядит. И вот сейчас. А оно ей надо?.. Пусть она и не яркая, как та, пусть не умеет нарядиться. Ну и что? Сам тоже ведь давно уже не тово-этово. А она и пироги умеет, и возится тут с ним, хворым...

Володя снова щёлкнул пультом и влип в экран, и даже привстал на постели: показывали Индию! Леся и Бедняков рассказывали о просветлённых индусах. В телевизоре трясли перед камерой своей голой непосредственностью голодные рахитные ребятишки, в грязной лохани грязная женщина полоскала грязное бельё. Мухи облепили нечто прямо посреди тротуара. Потом показывали столичный вокзал. Там граждане бомжеватого вида штурмовали побитую электричку и топтали друг друга босыми ногами. Капустин позвал соседку и ткнул в экран — гляди! На городском бульваре что-то подбирал из-под грязных прохожих ног и совал в свой беззубый рот косматый старик. Поодаль макаки вычёсывали блох и переругивались на своём макакачьем наречии. А над всем этим житьём-бытьём, с фасада единственного приличного здания английской постройки, застенчивый синий Кришна благословлял дудкой, одобрял своих верных просветлённых подданных.

— Гляди ты,— вздохнула соседка,— а посмотришь ихние фильмы, так сплошной праздник с танцами. А у самих вон, вон, гляди — слон забрался в огород!

— Это не огород,— сказал Капустин,— нет у них огорода, просветлённые они. Это он так просто шастает, улицу удобряет.

— Ох, смотри до чего народ-то чабошный, то-ощий! Да в их климате можно было б три раза в год картошку копать! А они...

Рядом с людьми пялился в телевизор рыжий кот. Может быть ему нравился слон, может мартышки. Никто в мире не знает, что творится в маленькой кошачьей голове при виде слона и мартышек...

Включилась реклама.

Володя сорвал с головы повязку: «Просветлённые, туды их!»

...А потом в телевизоре сказали, что в следующей серии Леся и Бедняков отправятся теперь к другим просветлённым гражданам, в соседнее королевство Непал, прямо в его столицу, в Катманду. Это слово Капустина согрело:

— Точно! В Катманду! Туда вам и дорога,— имея в виду свою вчерашнюю неудавшуюся невесту и всех её коллег по просветлению и кулинарии, сказал Володя Капустин. И повторил: — В Катманду.

По-прежнему шумел по крыше дождь, сидела рядом потрясённая слонами соседка Валя. Где-то у дальнего пруда мок под дождём пастух, и жевали печальную осеннюю траву Вовина и Валина коровы.

Головная боль помаленьку отпускала.

НАД БЕЛО-РОЗОВЫМ МОРЕМ

Дед спозаранку взобрался на крышу сарая. Высоко сидит, выше цветущих яблонь. Он стар и лыс. В кармане его штормовки обойные гвозди с большими шляпками. Он достаёт их по пять, держит поджатыми губами. Сидит на развёрнутом листе рубероида и снизу смахивает на римского патриция — волосы на висках всклокочены, торчат лавровым венком над покатой лысиной. Один такой, похожий, в венке, висит в кабинете истории. Патриций мычит себе под нос песенку «На Волге широкой, на стрелке далёкой...», берёт двумя пальцами гвоздик, прижимает рубероид к крыше. В другой руке молоток. Тюк-тюк-тюк — и гвоздь по шляпку входит в кровлю. Дед разворачивает чёрный рулон, перемещается за ним по крутому скату. Тюк-тюк-тюк — и переползает дальше. Ловко у него получается! Внук завороженно любуется снизу.

— Что, Борька, в школу? — с гвоздями в губах у деда получается «Фто, Бойка, ф фкоу?»

— Ага...

— Неофота?

— Неохота.

В школу и правда неохота. Но Борька знает, что осталось учиться три несчастных недельки и терпит. Да, всего-то три недельки и к соседке — бабке Скоковой — привезут на лето Олежека, а к Мануччихе — Андрюху. Олежек придурошный и умеет курить, а Андрюха делает из велосипедных спиц пугачи и ловит банкой карасей. Компания что надо. И у обоих раскладные велики.

— Дед!

— Фто?

— А можно мне тоже на крышу, помогать?

— Я ефё не законфю к твоеу пыиходу. Пыидёф и заазь.

...Нет, «неохота» это не то слово. Такого слова, каким в мае неохота в школу, в четвёртом классе ещё не знают. Борька плетётся с портфелем, а по садам бушует бело-розовое яблоневое море. Шкрябает кедами засохшую колдобинами землю, а по деревне орут петухи. В палисаднике напротив магазина бело-розово — клубится черешня, и под ней завелись юные тюльпаны. Где-то блеет козёл, гуси пробуют молоденький спорыш, трясут клювами, довольны.

На крыше магазина — коты... а в кармане у Борьки рогатка. Борька озирается и целит в кота. В громкого, рыжего, который на серого орёт. Долго целит, не дышит, чтоб руки не ходили. Ещё мгновение и правосудие припечёт агрессора под самый хвост. Но внезапно Борьку сцапали за́ ухо. Он взвизгнул и промахнулся.

— Ах ты паразит! — новый школьный военрук, старый майор, ухватил цепко, не вырваться,— Вот, кто в магазине стёкла бьёт! Ну всё, попался, брат,— военрук вырвал у Борьки оружие и отправил в карман своих брюк с лампасами.

Борька захлюпал:

— Я не стёкла, я кота хотел...

— Кота? Чем тебе бедный кот насолил?

— Он не насолил... он злой, он обижает... орёт на серого...

Седой майор смягчился, немного попустил свою крабовую хватку:

— Так ты что же... получается, заступался за слабого?

— Угу.

— Ну...— военрук будто немного растерялся,— Ну, не знаю. Хорошо б тебя, защитник, отвести к родителям, чтоб высекли...

— У меня одна мамка, она в городе живёт.

— А ты?

— А я у дедушки с бабушкой. Они меня не секут.

Старый майор озадачился. Как быть? Надо бы озорника поучить, но как судить защитника...

Военрук усомнился:

— А ты точно, не по окнам? — глупый вопрос,— Гм. Ладно, а кто твой дед?

Борька назвал дедову фамилию.

— А, это... рядом с Манучихой-то? Ну...— майор выпустил благородное ухо, оправил свой китель. Велел передать деду привет и легонько подтолкнул пацана в сторону школы.

Всю учёбу Борька отходил героем! Как же: перенёс пытку — алое ухо так и светит. Враг коварно подкрался, вырвал оружие, но боевого духа не сломил: геройские руки в карманах, нос выше макушки, пионерский галстук вылез на пиджак — и ладно! Главное ведь всё равно не это. Главное — впереди! И оно — главное — скоро зазвенит жаворонками, затеребит на реке поплавки, загрохочет Андрюхиными пугачами и сведёт скулы земляничной оскоминой. А ещё будет покос — возможно, позволят править конными граблями. Возможно, дед подарит наконец свой ржавый мопед — он давно обещает. И будут надеты на сучок и зажарены на костре пескари, и плечи обгорят, а потом облезут. И над всем этим будет густо плавать нестерпимый донник...

Весна... Великое беспокойство процветает под небесами, ширится, растёт...

...Борька возвращается домой, суетливо идёт, с подскоком. На изумрудной лужайке выткнули свои мордочки жёлтые одуванчики. Пробивается у свалки горлупа. Солнце играет, звенит... Всё звучит, всё вокруг — сплошная мелодия! Даже своя калитка и та поёт по-весеннему.

Дед, как и обещал, по сию пору светит лысиной с высокой крыши сарая. Оттуда, слышно, напевает сквозь зажатые губами гвозди: «...гудка-ами коо-то вовёт фароход...» Борька переоделся, и к нему на подмогу. Ухватил с грядки молодого щавеля, набил рот, скривился. Карабкается по лестнице, жуёт, морщится.

Рубероид под солнцем размяк. Борька прорвал дыру на самом верху ската, и дед заставил его самостоятельно заделать прореху. И так и этак вертит Борька молоток, и так ухватит гвоздь и этак — всё ерунда получается. Дед посмеивается:

— Что, мастер, помочь?

— Угу,— Борька проводит под носом чёрным от рубероида пальцем и превращается в гусара.

Дед переползает по скату к нему. Тюк-тюк-тюк — готово. Борька смущённо ковыряет ногтем гвоздь. Дед ухватывает гусара за нос:

— Мастер-колесник... старой бабушке ровесник. Эх ты...

Борька шмыгает носом. Хочется поскорее забыть свою неловкость, и он заговаривает о другом:

— Дед, тебе военрук привет передаёт.

— Ну... и ты ему передавай.

— Он что, твой друг?

— Да как тебе сказать... Бежали вместе.

Борька уставился на деда:

— Бежали? Куда?

Дед вдруг ослаб, сел на коньке, сложил облизанные гвозди обратно в карман, уставился поверх цветущего сада:

— Куда бежали-то? Домой бежали. А куда ещё бегут,— песня про широкую Волгу вмиг потухла, поплыла вдаль туманцем.— Дело-то было под Курском. Мы тогда отступали, не оглядывались. Я лейтенанта в штаб отвёз, возвращаюсь один. Из леса выехал, а они уже на опушке, штук десять. Главное, туда ехал, здесь ещё наши стояли, а обратно, вот... «Рус, здавайс!» Не помню, как с мотоцикла слез. Помню только, что куда-то вели, в спину всё время толкали... Помню, рожи у них довольные, сытые...

Дед поперхнулся.

Лицо патриция, то дрогнет застенчивой полуулыбкой, то по нему пробегут еле заметные судороги. Кажется, будто он к чему-то прислушивается и не может расслышать, губы поигрывают то досадой, то недоумением...

— Дед, а бежали-то...

— А? А, бежали... Бежали-то уже после, в сорок пятом, в марте. Я под Веной, в деревне, на хозяина батрачил. Нас таких много было, у каждого в деревне прислуга и работники из наших, пленных. Когда наши к Австрии подошли, *эти* нас всех собрали со всего округа, свезли на полянку. Помню, шофёр, что нас вёз, гражданский. А какой расстреливал, тот уже в полевой форме, правда без погон. Однорукий, старый. Выстроил нас: «Руссиш швайн! Тринкин шнапс унд шпилен балалайка!» ... Как он одной рукой затвор передёргивал, я не заметил. Главное, тогда ещё подумал: «Как же этот хрен будет одной рукой взводить?» Думал ведь про это, а не заметил. Как сейчас вижу, держит этот однорукий автомат, упёр в рёбра, целит по нашей шеренге на уровне сердца и медленно-медленно ведёт. Я выстрелов не слышу, только вижу, как автомат подпрыгивает, гильзы отлетают и с правого края наши тощие начинают валиться. Вот до меня ещё семь человек, вот — шесть, вот уже четыре... Готовлюсь, скоро моя очередь. Вот уже сосед мой дёрнулся, упал. А я думаю, как так, выстрелов не слышно, а они валятся... Тут меня в руку толкануло, дёрнуло повыше локтя, развернуло, я и скопытился...

Дед снова поперхнулся.

...Лёгкий южный ветерок прилетел, погнал волну по розоватому яблоневому морю. Волна покатилась, покатилась, добежала до сарая и разбилась об угол, пониже кровли.

— Дед, а бежали-то?

— А, это уж после. Я тогда упал, думал что помер. Которые рядом, те — кто сразу затих, кто хрипит, кто корчится. Немец прошёлся вдоль нас и к шофёру в кабину — прыг, даже борт не закрыли — я-то щурюсь, вижу — и укатили. А я себе думаю: «Если борт не закрыли, значит ещё за кем-то поехали». И точно. Время прошло: которые рядом — коченеют. Тут эти двое, привозят ещё полный кузов таких же тощих. Так же выстроили и так же бесшумно... Один мне на голову свалился, придавил. Кровь из него глаз мне залила, а другим-то в щёлочку я вижу: фрицы борт защёлкнули. Значит на сегодня у них всё. Укатили. Который меня придавил... слышу, сердце сверху мою голову в песок вколачивает: тук-тук, тук-тук. Когда стемнело, я его с себя спихнул, он застонал, глаза приоткрыл. Я его растормошил и поползли к лесу. Ему лёгкое прострелило. Нам с ним всего по одной пуле досталось. Дня два ползли, за лесом нас австрияки подобрали, спрятали в сарае. Мы у них с неделю отлежались и...

Борька раньше видел у деда шрам, повыше локтя. Думал, это от прививки... А это, оказывается, вон от какой прививки. Если прикинуть, до сердца сантиметра четыре не дотянул, промазал однорукий.

— Вот. Бежали... Ползли больше. Ну, а когда до своих доползли, нас опять в сарай, под замок. С неделю продержали. Его, этого, раз на допрос вызывали. А меня и не допрашивали... Он потом, после войны в Вене дослуживал, в армии остался, а я за Пермью. Недолго, правда, три годка дали... дослуживал... Теперь вот он в отставке, хату у нас в деревне купил, приветы передаёт. Ну, коли так, и ты ему от меня привет снеси. Скажи, дед, мол, в гости зовёт... Чего уж теперь-то...

Дед замолчал. Его лицо успокоилось. Взгляд начал понемногу возвращаться, приближаться к пахнущей гудроном крыше.

— Н-да... Что-то мы с тобой, брат... это, отвлеклись. А? — дед достал пяток гвоздей:

— Ступай в хату, скажи бабушке, пусть обед собирает, пора вроде.

Борька спустился до половины лестницы и спрыгнул. Когда приземлился, что-то твёрдое вдруг подкатило к горлу изнутри, начало душить. Борька понял, что он вот-вот разревётся и в хату не пошёл — встал под стрехой переждать. Это твёрдое походило на обиду, но не обида — это точно. Обиду-то кто не знает? А это не обида, нет. Нечто гадкое, которое требуется непременно раздавить, растоптать. И неможется. ...Ведь если б однорукий фриц тогда постарался, то ни деда, ни Борьки теперь бы не было! И каникулы теперь никому б уже не светили. Но это — ладно, ерунда. Ведь главное, что сперва-то, выходит, мамку Борькину... уби-ил бы-ы!..

— Га-адина! — грудь парнишки разрывается, сердце стучит в мозги, кулаки сами сжимаются...

Борька закусил губу, но понял, что так рёв не удержать и залепил рот обеими ладонями, шумно задышал носом...

...А сад кругом гудит пчёлами. Густо-густо, липко гудит и приторно благоухает. Чернеет за штакетником перепаханный огород — пора картошку сажать, все уж посадили. Борька давится, дышит носом, сопит. Пережидает.

А с крыши опять мирно сыплется «тюк-тюк-тюк» и катится, беспечно катится, тихонько, задумчиво над бело-розовым морем:

На Во-олге широкой, на стре-елке далёкой
Гудка-ами кого-то зовёт пароход
Под го-ородом Горьким, где я-асные зорьки
В рабо-очем посёлке подруга живёт...

В рабочем посёлке подруга живёт...

ПРОЗА

ТАТЬЯНА ОКОМЕНЮК

СНЕГУРКА

В цветном разноголосом хороводе,
В мелькании различий и примет
Есть люди, от которых свет исходит,
И люди, поглощающие свет.
Игорь Губерман

Канун Рождества. Центральный железнодорожный вокзал города Энска. На улице — минус двадцать, порывистый ветер и мокрый снег. Несмотря на непогоду, жизнь транспортной гавани не замирает ни на минуту. Шум, суматоха, звуки сочных поцелуев, приставания зазывал-таксистов, нетрезвые выкрики грузчиков-носильщиков.

Зелёные гусеницы электричек выплёвывают из своего чрева вновь прибывших. Уносятся вдаль междугородние экспрессы, всосав в себя суетливый поток отъезжающих. Несмотря на наличие нескольких терминалов, народ по старинке толпится у окошек билетных касс. Услышав объявление о приближении очередного поезда, пассажиры торопятся на заснеженный перрон. Они жаждут новых впечатлений, предвкушая рождественское застолье с соскучившимися по ним родственниками, отдых на горнолыжном курорте или долгожданную встречу с любимым человеком...

Именно такая встреча и стала причиной появления на вокзале хорошенькой синеглазой девушки в белой пушистой шубке и высоких белых сапожках. Ни дать ни взять — Снегурочка с картины Васнецова. Отряхнув от снега капюшон и толстую светло-русую косу, она вошла в здание вокзала и устремила свой взгляд на электронное табло с информацией о прибывающих поездах. Судя по отсутствию багажа, барышня кого-то встречала.

«Граждане пассажиры,— раздался по громкой связи голос дежурного диспетчера,— скорый поезд „Москва — Энск“ задерживается на двадцать минут». Красавица улыбнулась своим мыслям, и на её раскрасневшихся от мороза щеках появились трогательные ямочки.

Потоптавшись у газетного киоска, она поискала глазами свободное место. В зале ожидания яблоку негде было упасть. Молодёжь ковырялась в своих смартфонах, среднее поколение шелестело газетами и разгадывало сканворды, пенсионеры дремали и читали книжки. «И куда все едут в такой колотун? — подумала обладательница шикарной косы.— Сидели бы дома, стряпали яства к Святому вечеру».

Девушка посмотрела в окно и невольно поёжилась от холода. «Заболеть мне сейчас никак нельзя,— пронеслось у неё в голове.— Второй триместр — самый опасный период беременности». Она покрутила головой по сторонам и в дальнем углу

помещения обнаружила кафешку со странным названием «Горячка». Рядом с ней расположились два скромных столика с тремя стульями у каждого. «Самое то! — обрадовалась будущая мама — И присяду, и согреюсь».

Пирожки оказались гадкими и пережаренными, а чай — бурдой со вкусом эссенции. Можно было взять кофе, но в женской консультации её решительно предостерегли от потребления этого напитка. Оставалось только греть руки о чашку и наблюдать за отъезжающими и провожающими.

Девушке нравилось рассматривать окружающих людей. Ей было интересно, как они одеты, как себя ведут. Она придумывала им биографии, сочиняла истории с их участием. Пыталась угадать, кто где работает, куда и зачем направляется, кого встречает.

Из закутка, занятого «Горячкой», хорошо обозревался весь зал. Блондинка попыталась выбрать персонаж, наиболее подходящий для её фантазий. Но сделать это оказалось непросто. Вокруг были обычные, ничем не примечательные люди: мужчины с подмороженными цветами в руках, атлетически сложенные юноши в одинаковых спортивных куртках и шапочках. Полицейский патруль, со скучающим видом слоняющийся по вокзалу. Таджики-гастарбайтеры в оранжевых жилетах, прервавшие на пару минут расчистку снега на привокзальной площади. Целый класс детей, которые носились вокруг высокой, украшенной серебряными шарами ёлки. Рядом с ребятами — две учительницы: совсем молоденькая и пожилая. В руках у последней — пачка билетов на пригородный поезд, вложенная в театральную программку спектакля «Щелкунчик». Стало быть, культпоход. Детишки из районного центра приезжали на рождественское представление в областной ТЮЗ...

Вокруг — ни одного чудика, ни одного фрика. Хотя... В поле зрения девушки попала странная особа, направляющаяся в сторону «Горячки». Одета она была во всё чёрное и совсем не по погоде: широкий плащ-разлетайка на рыбьем меху, высокие мужские ботинки, бейсболка с козырьком, закрывающим пол-лица. При ней не было ни чемодана, ни дамской сумочки. Руки в карманах. Походка сомнамбулическая, будто к каждой ноге привязана пудовая гиря. Иссиня-чёрные безжизненные волосы. На шее — татуировка в виде какого-то иероглифа. Не иначе, неформалка из племени готов.

Когда незнакомка подошла ближе, девушка обратила внимание на её выпирающий живот. «Месяц седьмой, не меньше,— отметила она про себя.— И выглядит не совсем здоровой».

Женщина, и в самом деле, покашливала, тяжело дышала и нервно озиралась по сторонам. Взяв в киоске две порции двойного эспрессо без сахара, брюнетка села за свободный столик и шумно отхлебнула из чашки.

В васильковых глазах её соседки вспыхнули огоньки удивления.

— Кофе беременным противопоказан,— негромко заметила она.— Кофеин сужает плацентарные сосуды, из-за чего малыш испытывает кислородное голодание и недополучает необходимые ему питательные вещества.

От неожиданности брюнетка вздрогнула. По её щеке скользнула судорога, рука потянулась к животу. Убедившись, что все пуговицы на плаще застёгнуты, она откинулась на спинку стула и какое-то время задумчиво помешивала ложечкой напиток, в котором не было сахара. Потом вдруг выдала запоздалую реакцию:

— А тебе не по сараю? За собой следи!

Блондинка сдвинула плечи, но следить за соседкой не перестала. Та вызывала у неё двойственное чувство любопытства и жалости.

«Неформалку» вряд ли можно было назвать привлекательной. Её бледное, не тронутое косметикой лицо, выглядело, как заготовка для матрёшки перед нанесением

краски. Только матрёшка имеет здоровый вид, а эта... смахивает на узницу Бухенвальда. Острые черты лица, тёмные провалы под глазами, выступающий вперёд нос делали женщину похожей на ворону.

«Наверное, беднягу бросил бойфренд, узнав о её беременности, и от горя она повредилась рассудком или подсела на наркотики,— предположила блондинка.— Скорее всего, второе: взгляд затуманен, реакции заторможены, в глазах — отрешённость. Сидит, как чучело, немигающим взглядом уставившись в циферблат своих огромных мужских часов».

И тут в кармане у брюнетки зазвонил телефон. Она бросила взгляд на табло и хриплым надтреснутым голосом произнесла: «Не парься!». Диалог с собеседником был предельно коротким: «На месте... Опаздывает... Прощай». При этом её била крупная дрожь, голос вибрировал, на шее пульсировала жилка.

Закончив разговор, женщина сняла бейсболку, приподняла чёлку парика и рукавом вытерла со лба зернистую испарину.

«Да это ж Каринка Рябцева! — узнала блондинка свою бывшую школьную подружку.— Нашлась пропажа!».

Они жили на одной лестничной площадке, сидели за одной партой, вместе чудили и бедокурили. А летом, после восьмого класса, Рябцевы неожиданно исчезли. Почти за бесценок продали квартиру и переехали неведомо куда. Карина ей даже прощального письма не оставила и ни разу не позвонила.

— Привет, Ринка! — подсела девушка за столик Рябцевой.— Сколько лет, сколько зим!

На лице «неформалки» застыло выражение полной растерянности. Поспешно натянув головной убор, она забарабанила пальцами по столу, соображая, что ответить. Повисшая пауза неприлично затягивалась.

— Это же я — Светка! Ясенева!

Плотно стиснутые губы, наконец, разомкнулись.

— И чё? — бесцветным голосом произнесла Карина, скользнув по Светлане отсутствующим взглядом.

Блондинка не обиделась. Она видела, что бывшая подруга сейчас — в неадеквате.

— Рин, куда ты тогда пропала? Я тебя везде искала: знакомых опрашивала, мониторила социальные сети, даже в «Жди меня» писала...

Рябцева молчала, нервно покручивая в руках чашку с недопитым кофе.

— А помнишь,— взяла её за руку Светлана,— как мы с тобой занимались телефонным хулиганством, а твой отец нас за этим застукал?.. А как мы пошли на дальние дачи искать твоего Барсика и заблудились?.. А как ты в столовке Вовке Агееву на башку вылила стакан киселя за то, что он назвал тебя Рябой?.. А как нас покусали бродячие собаки, и мы получили по шесть уколов от бешенства?

Рябцева задумалась, по её лицу пробежала тень улыбки. Мутные глаза на миг приобрели осмысленное выражение.

— Было дело... под Полтавой,— тихо произнесла она, не спуская насторожённого взгляда с прогуливающегося вдоль билетных касс полицейского патруля.

— Так куда ты пропала, подружка дней моих суровых?

Предаваться воспоминаниям Карине не хотелось и, в отличие от Светланы, эта встреча её совсем не радовала.

— Серый в блудняк вписался, родаков на бабло выставил,— произнесла она после долгого молчания.— Пришлось хату продать и слиться к деду в райцентр. Звонить и писать мне запретили, нельзя было светиться — Серёгу «дружки» искали. Как мы ни гасились, его таки выпасли... отбили весь ливер... инвалид сейчас... Бухает, люто бычит, тянет из стариков бабосы. Деда он ещё три года назад ушатал — такие исполнялки ему устраивал, что тот не выдержал и зажмурился...

На глаза Светланы навернулись слезы, ей было жаль, что из-за брата жизнь подруги так круто изменилась. Она вплотную придвинулась к Рябцевой, обняла её за плечо.

— Сама-то ты как? Работаешь, учишься? Замужем? Когда рожаешь?

Из списка заданных ей вопросов Карина выбрала второй.

— Да негрила пару лет на одного оленя... Шаурмой торговала в его точке... Сначала было терпимо, потом начались говнотёрки... Совсем, ушлёпок, очешуел. Хотел, чтоб я за одну зарплату и работала, и сексуальные услуги ему оказывала. А, чтоб была сговорчивей, посадил меня на крепкий минус. Пришлось делать ноги. Родаки, ясен веник, взвились на дыбы. Стали упрекать куском хлеба. Их, видишь ли, не втыкает мой образ жизни. Серёгин, значит, втыкает, а мой — нет... Короче, не общаюсь я с ними больше.

— А живёшь где?

— Дамир квартиру снимает в трёх кварталах отсюда. С ним и живу. Мы по интернету познакомились.

— Здорово! А фото его у тебя есть?

Рябцева потянулась к мобильнику, но тут же одёрнула руку.

— Нет! Вчера я все фотки стёрла.

— Поссорились? Он ребёночка не хочет?

Карина заёрзала на стуле. У неё побелели губы, мелко затряслись руки.

— У тебя что, ломка? — забеспокоилась Светлана.

Та закусила губу.

— Нныннет... Знобит просто. По ходу, вирус какой-то цапанула.

Ахнув, Ясенева спешно отодвинула свой стул подальше от собеседницы.

— Нам, будущим мамочкам, категорически нельзя болеть,— погладила она себя по животику.

— Надо ж, а по тебе и не скажешь! — прошелестела Рябцева осипшим голосом.— А чё это ты вся в белом, как Снегурка? Хоть бери и ставь тебя под ёлку.

Пухлые губы Светланы растянулись в улыбке, обнажив восхитительные белые зубы.

— Так невеста я! На днях замуж выхожу. Жениха вот встречаю. Олег любит, когда я в белом и с косой. Он у меня офицер. В Москве учится, в Военной академии Генерального штаба. А я заканчиваю педагогический, буду учительницей младших классов.

— Ты всегда была повёрнута на мелких спиногрызах,— поморщилась Карина, перехватив умилительный взгляд Светланы в сторону бегающих по залу детей.

Ясенева, и впрямь, не отрывала от ребятишек глаз. Особенно от близнецов — братика и сестрички, курносых, рыжих, щекастых, одетых в одинаковые пуховички и похожие шапочки. Последние отличалась лишь наличием огромного белого помпона на головном уборе девочки.

Близнецы с хохотом гонялись друг за дружкой. Спустя минуту они оказались возле «Горячки». Увидев Светлану, остановились, как вкопанные.

— Смотри, Женька, Снегурка сидит,— кивнула девочка в сторону Ясеневой.

— Да ну тебя, Жанка,— фыркнул мальчишка,— она не настоящая. Настоящие Снегурки дарят детям подарки.

— А вот и настоящая. Подарки она оставила в камере хранения. Мы их получим, когда будем отсюда уходить.

— А давай подойдём к ней и спросим, настоящая она или нет.

Взявшись за руки, близнецы приблизились к столику, за которым сидели бывшие подруги, но заговорить никак не решались. Стояли и, молча, сопели. Светлана подмигнула ребятам, собираясь с ними пообщаться, но Карина её опередила:

— А ну, горох, сыпь отсюда, а то ща по ботве настучу!

— Ведьма! — испуганно прошептала девочка.— Погнали отсюда, пока она нас не поймала,— и дети помчались к ёлке.

«Граждане пассажиры,— прожурчал по громкоговорителю уже знакомый женский голос,— объявляется посадка на пригородный поезд „Энск-Богдашевск“. Поезд находится на третьем пути первой платформы. Отъезжающих просим занять места в вагонах». И тут же, без паузы: «На первый путь прибывает скорый поезд „Москва — Энск“. Будьте осторожны!».

В зале ожидания началось броуновское движение. Одни пассажиры мчались на платформу, другие спешили занять согретые ими места. С печатью особой миссии на челе к выходу неторопливо прошествовали контролёры-ревизоры в новых зимних куртках с красным фирменным логотипом. За окнами задребезжали багажные тележки. На полную громкость включился гимн города, которым вокзал традиционно встречал фирменные поезда.

Девушки одновременно вскочили на ноги. Но быстро выбраться на перрон им не удалось — у выхода образовалась пробка. Карина отошла в сторонку, опёрлась спиной о колонну. Из опасения навредить в толчее будущему ребёнку, Светлана повторила её манёвр.

Мимо них проплыл ручеёк построенных парами детей во главе с молодой учительницей. Пожилая замыкала процессию, пересчитывая своих подопечных по головам.

Движение вдруг приостановилось. Школьники в нетерпении загомонили, пытаясь понять причину пробуксовки. Педагог им что-то сказала, но из-за гимна города, эхом отдающегося под сводами зала, те ничего не расслышали.

Рябцеву снова залихорадило. Её бледное лицо покрылось красными пятнами. Руки задрожали. Глаза забегали, как у сломанной куклы. Казалось, ещё мгновение, и она потеряет сознание.

— Ринка, ты что?! Не нервничай так — ребёночка напугаешь,— бросилась к ней Ясенева.— На курсах будущих мамочек нам рассказывали, что при панической атаке нужно нежно поглаживать пузик, вот так...

Светлана засунула руку под плащ Карины, и её глаза расширились от ужаса. Там был широкий матерчатый пояс с выпирающими из него металлическими цилиндрами.

Сердце девушки трепыхнулось и провалилось в живот. Пульс забарабанил в висках. В голове воцарилась абсолютная тишина. Ясенева повернула голову к людям и встретилась взглядом с близняшкой Жанкой, не теряющей надежды получить от Снегурки подарок. Она закричала девочке: «Бегите!», но из мгновенно пересохшего горла не вырвалось ни звука.

Рябцева, тем временем, спешно засовывала руки в карманы. В голове у Светланы будто тумблер щёлкнул. Ухватив Карину за отвороты плаща, она швырнула её на землю. Да так сильно, что у той с головы слетели и бейсболка, и парик.

Свидетели происшествия застыли в изумлении, наблюдая, как очаровательная девушка в белом, катает по земле «беременную женщину средних лет». После короткой борьбы последней удалось-таки засунуть руки в карманы. Тогда «белая» напрыгнула сверху на «чёрную», прижав её своим телом к холодному бетонному полу.

Секундной стрелке на мужских часах смертницы оставалось сделать один короткий прыжок...

ЛЮБОВЬ МАНЬЯКА ПЕТРОВИЧА

Прекрасна жизнь,
Но слишком коротка,
Как поздно нас порой любовь находит.
Андрей Дементьев

У жильцов третьего подъезда типовой пятиэтажки провинциального города N появилась новая соседка — Виолетта Максимилиановна Китайгородцева, бывшая питерская пианистка, ныне пенсионерка, подрабатывающая частными уроками игры на фортепиано. По слухам, женщина оказалась в «ссылке», благодаря своему экс-супругу, получившему «тычок в ребро» от пресловутого беса. Их совместное жилище на Невском проспекте приглянулось длинноногой двадцатилетней свиристелке, окрутившей пожилого бизнесмена, как пацана.

Несмотря на развод, Китайгородцев к Виолетте Максимилиановне проявил «великодушие», обеспечив ту двухкомнатной квартирой. Да, в тьмутаракани. Да, в спальном районе. Да, в хрущёвке. Зато с балконом и просторной гостиной, где поместились и инструмент, и стеллажи с нотными альбомами, и мальтийская болонка Сюита с попугаем Аккордом.

Новая «жиличка» старожилам не понравилась. На чай не зовёт, сама «за солью» ни к кому не ходит. С бабками у подъезда не околачивается. При встрече лишь кивнёт головой и — шасть в парадное, чтоб через минуту огласить окрестности очередной рапсодией. Долбит по клавишам, как свихнувшийся дятел, нарушая привычный ход жизни обитателей дома. Ладно бы, играла шансон или попсу, это ещё можно перетерпеть, но через открытое окно её гостиной на головы соседей обрушивались творения Баха, Шопена и Брамса, а это уже — форменный террор.

Надо отметить, что вышеупомянутая хрущёвка уже давно превратилась в обиталище пенсионеров, чьи дети и внуки разъехались по большим городам в поисках лучшей доли. Рожать совершенно некому — на шесть подъездов всего два ребёнка. Зато участились сборы денег на венок по случаю очередных похорон. Как только старшая по дому Евдокия Марковна по кличке Группенфюрер Дуся появлялась на пороге квартиры с блокнотом в руках, все тут же тянулись за кошельком, произнеся всего одно слово: «Кто?».

И вот этот самый «дом ветеранов», где послеобеденный сон — святое, «осчастливила» своим присутствием Мамзель, как за глаза называли новенькую соседи. Почему Мамзель? Потому что имя у неё чудно*е*, а у её болонки — ещё чуднее. Потому что чурается простого народа. Потому что у Китайгородцевой ВСЕГДА — взбитая вверх причёска с букольками, как у графини «времён Очаковских и покоренья Крыма». И одевается она странно: дома (!) ходит не в махровом халате, не в ситцевом сарафане, не в спортивном трико, а в строгих тёмных юбках-карандаш и нарядных шёлковых блузах с рюшами. На шее, как правило, бархотка, медальон или брошь-камея, на ногах — туфли-лодочки. Собачку Мамзель выгуливает и мусор выносит тоже на высоких каблуках. Для полноты образа недостаёт лишь шляпки с вуалью да кружевного зонтика. На фоне соседок в выцветших халатах и пёстрых косынках Виолетта Максимилиановна выглядела, как павлин в курятнике. Ну как такую любить?

«Малохольная! — вынес вердикт „женсовет“, щёлкающий семечки у подъезда.— И перед кем только выпендривается? Мужиков подходящего ей возраста в подъезде всё равно нет». Их там и впрямь не было, если не считать алкаша Пахомыча да деда Замойского с пятого этажа. Так этих за мужиков никто и не считал.

Жил ещё на четвёртом этаже бывший морской офицер Виктор Петрович Бирюков, но после смерти жены он уже лет пять на люди не появлялся. Спустится вниз, купит в гастрономе пачку пельменей да бутылку кефира, и — обратно, на диван, упиваться своим одиночеством.

Однажды, выйдя на балкон, он увидел гуляющую по двору даму с собачкой и вмиг забыл о своей традиционной сиесте. Незнакомка была похожа на его покойную супругу, но несколько выше и изящнее. Двигалась она удивительно грациозно, завораживая Виктора Петровича каждым своим жестом. Облегающая юбка цвета мокрого асфальта и полупрозрачная кремовая блуза сидели на ней очень ладно. Пуговички на последней были расстёгнуты довольно глубоко, и из декольте призывно поблёскивала завязанная узлом нитка белого жемчуга. Тёплый ветерок шевелил светлые кудряшки женщины и время от времени вздымал вверх кружевные рюшечки на её плечах.

— Кто это? — поинтересовался Бирюков у Группенфюрера Дуси, развешивающей на соседнем балконе выстиранное бельё.

— Новенькая из двадцатой... Питерская «интэлихэнцыя»,— скривилась та, как от зубной боли.— Это от ЕЁ пианинки скоро весь двор получит рак ушей, а от заморских духов — катар дыхательных путей.

С этого момента Виктор Петрович потерял покой и сон. Он купил новый спортивный костюм и стал делать пробежки в часы, когда Китайгородцева выгуливала Сюиту — никакой реакции. Тогда он стал проветривать свой китель с наградными планками и погонами капитана второго ранга, аккурат напротив окон пианистки — всё тот же ноль внимания.

Невзирая на неудачу, рук Бирюков не опустил, продолжая удивлять соседей своей креативностью. Мужчина оборудовал во дворе спортивную площадку, лично вкопав там турник и установив тренажёр для подъёма самодельной штанги. Стоит ли говорить, что площадка эта «по чистой случайности» расположилась там же, где ранее проветривался его китель.

Теперь ежевечерне под аккомпанемент Виолетты Максимилиановны, обнажённый по пояс отставник демонстрировал дворовым бабкам свои бицепсы с полувыцветшими татуировками в виде якоря и морского штурвала. Те ахали и цокали языками, подсчитывая, сколько раз он может сделать «жим лёжа», а сколько «жим стоя».

Как вдовец ни старался, привлечь внимание новой соседки ему не удалось. Зато удалось сломать ключицу, в очередной раз, выполняя «жим лёжа». Теперь он ходил с повязкой Дезо. Куда? А всё туда же — на спортивную площадку. Садился там на пенёк и делал вид, что читает газеты. На самом же деле, Бирюков ждал выхода Китайгородцевой на балкон, а ещё лучше — на прогулку с одетой в кружевное платьице болонкой.

Когда это происходило, лицо мужчины краснело, руки дрожали, лоб покрывался

испариной. А он... и дальше сидел на пеньке, провожая предмет своей страсти полным отчаянья взглядом.

Вскоре дворовые сплетницы притерпелись к «инопланетянке» и переключились на другие объекты, бесившие их ничуть не меньше. Взять хотя бы подозрительную парочку, квартирующую у старухи Булкиной. Соседки прозвали ребят масонами. Что девка, что парень — ни с кем не здороваются, глаза прячут, в гастроном за продуктами не ходят, еду не готовят. Каждый день посыльный приносит им горячую пиццу, коробки от которой они выставляют прямо на лестничную клетку. Ну не свинство ли?

Или, к примеру, два брата-погодка со странной фамилией Котик-Бэр, снявшие квартиру у наследников покойницы Ветродуевой. В вечернее и ночное время за их дверью стоит какой-то странный гул. Вот что они там делают? Вполне возможно, что печатают вредоносные листовки или химичат какие-то запрещённые вещества. А, может быть, они — агенты чёрных риелторов, решивших свести с ума стариков подъезда? Отправят потом всех в психушку и завладеют их квадратными метрами. «Беспредел, однако, жить в спальном районе и не высыпаться,— решила сходка.— Наблюдаем за Котиками ещё пару дней и сигнализируем в компетентные органы».

Но главным «ньюсмейкером» месяца стал внук подслеповатого деда Замойского, едва не убивший алкаша Пахомыча. Дело было так: сорокалетний Виталя приехал к деду в гости. В подарок привёз огромный, во всю стену, плазменный телевизор. В момент, когда мужчина подключил новый аппарат, к себе домой «на кочерге» приполз Пахомыч. Его благоверная, баба Катя, в квартиру мужа не пустила, послав туда, «где назюзюкался». Тот уснул на травке под своим балконом, как не раз уже поступал в ожидании амнистии.

Тем временем, в Вит*а*лину голову пришла «мудрая» мысль: «Зачем с пятого этажа переть по ступенькам старый телевизор, если его можно сбросить с балкона?». Недолго думая, мужчина осуществил свой замысел. Шестидесятикилограммовый ламповый «Электрон-711» приземлился в полутора метрах от головы забулдыги и взорвался. Пахомыч, хоть и стал после взрыва заикой, но с жизнью не распрощался. Не зря говорят: «Бог хранит дураков и пьяниц». С этой минуты старик не берёт в рот ни капли и регулярно ходит в церковь.

Казалось, уже никто из обитателей дома не сможет переплюнуть младшего Замойского в топе дворовых новостей, но Виктору Петровичу это удалось.

Одним прекрасным июльским вечером Группенфюрер Дуся согнала жильцов на собрание, где сообщила, что их сосед Бирюков, спрыгнул с мозгов и превратился в опасного насильника. «Сегодня в пять утра, бегая по двору в совершенно голом виде,— негодовала женщина,— он предпринял попытку изнасиловать нашу дворничиху Фатиму. И довёл бы свой замысел до конца, если б на помощь бедняге не подоспел её муж Шухрат, отбивший у маньяка жену поливочным шлангом».

— Не может быть! — загомонили соседи.— Какой из Петровича маньяк? Нормальный же мужик! А где Фатима? Она заявление ментам написала?

— Фатима в больнице, у неё нервный срыв,— с металлом в голосе отчеканила Евдокия Марковна,— а Шухрат... он...

— ...твая мая не пан-нимай,— продолжил непривычно трезвый Пахомыч, которому в холодное время года узбеки не раз предоставляли убежище в дворницкой.

— А где сам Виктор Петрович? — раздался высокий мелодичный голос Китайгородцевой.

Группенфюрер Дуся смерила Виолетту Максимилиановну уничижительным взглядом.

— Известно где — в кутузке!

— Ни хрена не в кутузке,— нервно возразила баба Катя, не желающая опаздывать к началу сто шестой серии бразильской мелодрамы «Порочная страсть».— Когда

правохрЕнители приехали, я вышла на балкон и собственными глазами видела, как на него, голого, накинули какой-то стрёмный плащ и погрузили в скорую. Фатиме же дали понюхать ватку и вместе с Шухратом посадили в мусоровоз. Неизвестно ещё, кто кого снасильничал. Там крутились и эти... братаны с плоскими телефончиками... эээээээ... Котята! Они блюстителей и вызвали.

— С какой целью мы здесь собрались? — посмотрела Мамзель на свои изящные золотые часики.— На нашем судилище нет ни истицы, ни ответчика, ни очевидцев происшествия. Где вызвавшие полицию Котики? Где хоть какая-то официальная бумага?

— А что я, по-вашему, должна писать, если завтра из органов поступит директива дать характеристику нашему маньяку? — закатила глаза Евдокия Марковна.— Я обязана знать мнение коллектива о личности обвиняемого!

— Не обвиняемого, а подозреваемого. Это суть разные вещи,— парировала пианистка.— И, если всё-таки бумага придёт, напиш*и*те правду: «Бывший морской офицер. Не пьёт, не курит, не дебоширит. Всегда приветлив и доброжелателен, активно занимается спортом, лично благоустроил дворовую спортплощадку. За время проживания в доме никогда не был замечен в компрометирующих его поступках и неблаговидном поведении».

«Вот что значит культурная столица! — зашелестели соседи.— Надо Мамзельку двигать на старшую по дому. Дуська только орать умеет да деньги сшибать на благоустройство территории. А где оно, это благоустройство?».

На следующий день Китайгородцева разыскала Петровича в кардиологическом отделении местной больницы, куда он поступил с гипертоническим кризом, возникшим из-за сильного стресса. В палату интенсивной терапии её не пустили, и Виолетта Максимилиановна отправилась в отделение полиции. Инцидент с изнасилованием там назвали недоразумением, показав «представителю общественности» показания фигурантов. Просматривая эти юмористические миниатюры, женщина едва не задохнулась от хохота:

Фатима: «...хватал меня мокрый лапа... патом бил морда... хател апазорить...»;

Шухрат: «...дед вылез на Фатима, бил его силна... моя не давал...»;

Бирюков: «...и тут как из-под земли вырос разъярённый мужчина подозрительной наружности. Обозвал шайтаном и стал махать перед моим носом резиновым шлангом. Наверное, сошёл с ума»;

Дмитрий Котик-Бэр: «...увидел на земле мёртвую тётку и то, как какой-то моджахед с криком „ишак-башка!“ со всей дури мочит шлангом голого деда из нашего дома... сказал брату, чтобы он вызвал полицию»;

Виктор Котик-Бэр: «Я — жилец новый. Обслуживающий персонал в лицо не знаю. С балкона видел, как пожилой нудист ведром отбивается от нападающего на него азиата...».

Из фрагментов прочитанного Виолетта Максимилиановна сложила пазл, способный украсить собой очередной сезон сериала «А у нас во дворе...». Итак...

Бирюкову стало невмоготу делать ежедневные пробежки, и он решил заменить кросс водными процедурами. Из телепередачи о здоровье мужчина узнал, что принятие душа ничего не даёт — нужно обливаться из ведра, стоя босыми ногами на снегу или на траве. В старом длинном плаще на голое тело, в комнатных тапочках, с полотенцем через плечо и ведром холодной воды в руке он вышел во двор. Видок у Петровича был ещё тот, но кто его увидит в сумерках в половине пятого? Нормальные люди в это время ещё спят.

Отставник направился к старому раскидистому ореху. Повесил на сучок плащ с полотенцем, разулся, походил по траве босиком. Затем закрыл глаза и, следуя заветам Порфирия Иванова, пожелал себе крепкого здоровья.

В это время из подъезда вышла дворничиха Фатима. Подойдя к ореху, она обнаружила забытые кем-то шлёпанцы. Пока соображала, как поступить с находкой, из-за дерева раздался громогласный вопль: «Уух ты ж йопт! Ядрёна балалайка!». Это Бирюков окатил себя холодной водой.

Ничего не подозревая, мужчина стал ощупывать дерево в поисках сучка с полотенцем и, неожиданно для себя, облапил прилипшую к стволу Фатиму.

Ощутив на своей спине мокрые мужские руки, она тут же брякнулась в обморок. Виктор Петрович бросился к растянувшейся на траве женщине. Приводя пострадавшую в чувство, стал энергично бить её по щекам. Фатима открыла глаза. Увидев над собой голого мужика, снова потеряла сознание.

В момент повторной «реанимации» во дворе появился Шухрат. Он тянул из подвала шланг, который использовал вместо метлы, напором воды смывая мусор на соседние участки.

Дворник узрел «избиваемую маньяком» супругу и бросился ей на помощь, многократно приложив Бирюкова своим орудием труда.

Услышав возню под окнами, на балкон вышел один из Котиков. Понаблюдав секунд десять за потасовкой, парень зевнул и пошёл досыпать.

— Чё там за кипиш? — поинтересовался у него брат.

— Да после вчерашнего белка в голову бьёт, — выдохнул тот. — Правильно ты говорил: «Не смешивай между собой эти две хрени — будут глюки». И вот — пожалуйста: на траве мёртвые тётки валяются, а рядом с трупами — лютый м*а*хач. Басмачи местных раздели догола и лупят их чем ни попадя. Здравствуй, паранойя!

Испугавшись за рассудок брата, Котик № 2 подорвался с тахты и помчался на балкон. «Лютый м*а*хач» был в самом разгаре. «Голый дед» мастерски отбивался пустым ведром от «басмача со шлангом», а рядом, и впрямь, неподвижно лежала женщина.

«Слава богу, не галлюцинации, у Димона просто двоится в глазах», — произнёс вслух молодой человек и вызвал полицейских.

Те прибыли почти мгновенно, видать, патрулировали неподалёку. Перед их глазами предстала фантасмагорическая картина: пожилой дядечка в чём мать родила мечется над телами лежащих на земле мужчины и женщины... Увидев стражей порядка, дед ухватился рукой за сердце и медленно осел на траву.

Утреннюю тишину двора разрезала сирена скорой помощи. На её звук из подъезда выскочила Группенфюрер Дуся. Женщина подбежала к патрулю и потребовала «доложить обстановку». Те и ухом не повели. Зато пришедший в себя Шухрат немного прояснил ситуацию.

— Этат — маняк! — махнул он рукой в сторону Бирюкова, которому медики как раз измеряли давление. — Фатима насилнавал. Моя бил ведром по башка...

С тех пор Бирюкова во дворе все стали называть Маньяком Петровичем. Мужчина на соседей не обижался. Не держал сердце и на бестолковых дворников, ибо эта трагикомическая история и стала началом их с Виолеттой совместной жизни.

А что же Китайгородцева? Рядом с Маньяком Петровичем женщина чувствует себя абсолютно счастливой. Вот и пойми после этого интеллигентных мамзелек с мелкими собачками.

АЛСУ НАЗМИ

КАЗАН

Человеческие жизни устроены по-разному: либо они светят, как яркие звезды, либо гаснут, как бездушные заблудшие искорки. Это зависит от самого человека.

С такими размышлениями сидела я на Казанском автовокзале.

Рядом со мной присели старик со старушкой. Их лица напомнили мне лунное сияние. Их сузившиеся от жизни глаза горели, как огонь. Они заметили мой взгляд и, смутившись, посмотрели друг на друга.

Годы настолько объединяют людей, живущих вместе, что они без слов понимают друг-друга. Их взгляды снова скользнули по мне. Я не выдержала и поздоровалась с ними. Они удовлетворённо кивком головы ответили на моё приветствие.

На старике чёрный кожаный головной убор. Такие носили поэты и учёные тюркских племён 19 века. А муллы такие шапки не признавали. Они предпочитали чалму. Этот головной убор настолько украшал старика, что они вместе со старушкой в белом платке сидели, как вестники рая.

Густые брови симпатичного старика покрыла седина. А глаза говорили о том, что он прожил долгую и счастливую жизнь.

Скромная старушка терпеливо, со спокойным взглядом, наблюдала за всеми: кто есть кто...

Я прониклась близостью к этим старикам. Я почувствовала, что они мне родные. Старик, будто чувствовал это, заговорил:

— Дочка, ждать ещё долго. Если тебя не затруднит, расскажи, откуда ты и куда путь держишь?

Я смутилась, но не отвечать было нельзя.

— Я Алиса. Дочь Махмуда. Из Аксубаевского района, из деревни Такталы. В школе детям родной язык и литературу преподаю. Но в свободное время изучаю родной край, его культуру, историю. Люблю ходить по полям, лесам, горам родной стороны. Хочу больше узнать о своей нации. В тайны её жизни вникнуть хочется.

— Очень хорошо,— сказал дед, задумчиво кивая головой.

— Я ещё людей слушать люблю, к их жизненному опыту приобщаться, и пишу об этом. Свои рассказы и стихотворения в национальных журналах публикую.

— Спасибо, спасибо, дочь моя. Святые дела делаешь.

— Дедушка! А не сможете ли Вы мне рассказать о своём жизненном пути? У Вас, наверное, в жизни были незабываемые события, оставившие свой отпечаток?

— Конечно, есть. На длинном жизненном пути много событий произошло. Но я о них сейчас рассказывать не буду. А то пропадёт твой интерес и ты не приедешь к нам в гости.

— Приезжай, доченька, приезжай! Мы будем ждать тебя, путешественница! — заговорила вдруг бабушка, молчавшая всё это время.

Кивая головой, ей вторил дед:

— Мы, дочка, на прекрасной земле живём. Там, где обнимаясь, текут две божественные реки Сюнь и Ик. У нас есть и горы, и хвойные леса, и сочные лекарственные травы. Наш край — это прекрасный Актаныш.

— Дедушка, а почему река называется Ик, а не Ак (Белая)?

— Это с древних времён повелось. Ик — для лесных людей, а для нас Ак. Светлая чистая река. Вслушайся в звучание моих слов: Ак-та-ныш — место новых знакомств, открытий. А-ги-дель — божественная река. Принесёт тебе радость. Поняла, где мы живём? Непременно приезжай к нам в гости. Всю красоту увидишь своими глазами.

— Дедушка, можно ещё задам вопрос? А для чего Вы везёте с собой старый казан? — я показала рукой на аккуратно упакованный, всем знакомый котёл для приготовления пищи.

— Тайну этого казана я расскажу тебе, дочь моя, когда приедешь к нам в гости.

За душевным разговором быстро пролетело время. Началась посадка. Поблагодарив за разговор и попрощавшись, я села в автобус.

По дороге мысли то и дело возвращали меня к только что состоявшемуся знакомству. Я чувствовала, что оставила частицу своей души двум старикам, а от них взяла живое вдохновенье. И мир вокруг меня стал светлее.

Потом наступило лето. Я не забыла о своём обещании. Отодвинув в сторону бытовые проблемы, мелкие дела и, взяв свою шестилетнюю дочь, я отправилась к деду Рашиду и бабушке Алие. Дорога была далёкая и таинственная. Первые пять километров до трассы пришлось идти пешком.

Ветер ласково гладил мои волосы. Дочка безостановочно бежала, ловя бабочек, рассматривая под ногами разбегавшихся насекомых, разговаривая с ними. Казалось, мы с природой едины. Будто я лечу над белыми облаками, с высокого неба смотрю на землю. Блаженство, лёгкость... Сама-то ведь уже учительница, проработавшая пятнадцать лет в школе, а мысли все ещё детские. От жизни жду чуда. Я невольно улыбаюсь. А девочка моя, широко раскрыв глаза, спрашивает:

— Мамочка! Почему смеёшься? — говорит.

Обнимая её худенькие плечи и целуя её глазки, говорю:

— Я очень тебя люблю. Радуюсь, что ты всегда рядом со мной.

— Я тоже, мамочка, тебя люблю. Ты самая добрая, самая красивая мама.

В это время около нас остановилась легковая машина. Водитель предложил довезти нас до Набережных Челнов.

Дорогой он напевал песни и попросил мою дочь петь вместе с ним. Илюзе затея понравилась. Так и ехали с песней. Я чувствовала доброту, которая исходит от водителя. Около одной деревни он, остановив машину, сходил в магазин, купил там фрукты, соки и предложил их Илюзе.

— Это тебе от дяди Салима. Не стесняйся, ешь на здоровье. И маму угости.

Поблагодарив, я взяла одно яблоко.У него в руке была груша.

— Так будет веселее. Вместе поедим.

Через некоторое время я спросила, кто он и откуда. Он сказал, что живёт недалеко от Челнов, а работает в городе следователем. Рассказал, что ему 28 лет. Отец Закир, а мать Айгуль. А сейчас он, оказывается, возвращается с учёбы. Опытные специалисты делились с ним тонкостями профессии

— Вы такой молодой, а уже следователь,— сказала я.

— Я придерживаюсь правил шариата. Не курю, не пью. Держу в чистоте душу и тело. Всё это и помогает мне,— сказал он.

— А с преступниками как общаетесь?

— Просто. Сначала выясняем, почему они совершили то или иное преступление. Стараемся повернуть их к правильной жизни.

— А если невозможно?

— Тогда, надо «лечить» по законам Конституции.

— Как легко...

— Нет, апа. Это долгая и кропотливая работа.

— Не смогли бы Вы вспомнить какой-нибудь эпизод из вашей работы?

— Почему бы — нет? Ночью принимаем звонок. Девочка, рыдая, объясняет, что убила человека. Приезжаем на место вызова. На полу лежит мужчина. Голова в крови. А около него стоят и плачут две девочки: 12-ти и 15-ти лет. По-русски говорят плохо, на ломаном русском рассказывают, что этот человек зашёл домой с чулком на голове и закричал: «Отдайте деньги и золото!». Испугавшись, младшая начала плакать. А когда грабитель приблизился к плачущей девочке, старшая чугунной сковородкой ударила его. Мужчина упал. А она позвонила в милицию. Мы вызвали врача, сняли чулок и смыли кровь с лица. Парень 20–22-ух лет пришёл в себя. Мы успокоили детей, и повели показать им живого преступника на предмет опознания. И что вы думаете? Перед ними оказался их родной дядя. Брат матери.

— Камал абый! Это вы! Как же так?

— У вас голова не болит? Как же это так случилось?

Дядя от боли тихим голосом:

— Я хотел, чтобы вам было весело. А вот как получилось!..

Мы уже проезжали Набережные Челны. Город восхитил меня своей красотой. А дочка заснула в машине. Едем дальше. Сзади остаются поля, леса, деревни. Они остаются, а я ощущаю полёт. По небу плывут темноватые тучи. Солнце, теряя розовые лучи, медленно садится за горизонт. Дует прохладный ветер.

Долгая дорога и меня немного утомила. Разбудил голос спутника:

— Апа! А сами вы не рассказали о том, куда и зачем едете. Всё меня расспрашивали.

Пришлось и мне разговориться. Выслушав мой рассказ, он сказал, что гордится мною. Даже назвал меня просветителем.

Я попросила Салима высадить нас около гостиницы.

— Нет уж, апа,— ответил он.— Это не по-мусульмански. Я вас в гости приглашаю. Жена, наверное, истопила баню. Отдохнёте. Переночуете у нас. А утром продолжите своё путешествие.

Я поняла, что отказ обидит Салима. Мы доехали до ухоженной деревни, остановились у большого дома из белого камня.

Навстречу отцу выбежали два мальчика и бросились обнимать его.

Отец поцеловал их, похлопал по плечам, обрадовал гостинцами. Вскоре появилась женщина в платье с разноцветными узорами. Когда мальчики успокоились, хозяин улыбнулся жене:

— Ну, хозяюшка, как дела? Всё ли в порядке?

— Всё хорошо,— отвечала она, кивая головой.

Салим познакомил меня с ними. Объяснил, почему мы здесь оказались.

— Я очень рада,— ответила жена.— Сейчас приготовлю чай. А вы в это время сходите в баню.

Я прониклась глубоким уважением к мужчине, который встретился на дороге и пригласил нас в свой дом, к его жене, которая нас так радушно приняла. «Вот такой и должна быть татарская семья!»,— подумала я. Друг к другу — уважение и вера.

После бани нас ждал в гостиной богато накрытый стол. Не спеша поели, попили. Потом, сидя в кресле, отдыхали. Рядом с креслом на столе несколько пачек журналов.

Среди них «Мирас», «Идел», «Сөембикә». То, что наш народ любит читать. Я заметила на книжной полке много произведений классики и спросила у Марьям, где она работает. Оказалось домохозяйка. В свободное время шьёт на заказ мусульманские платья.

— Возможно, скоро откроем магазин. На наши платья есть заказы даже из-за рубежа,— сказала женщина с гордым блеском в глазах.

Подумалось, что хорошим делом занято молодое поколение не забитое национальной рознью. Мы можем и должны поднять свою жизнь до уровня развитых стран. При добрых намерениях политиков мировая информация и открытость границ может изменить человечество к лучшему. Путешествия, совершённые мною в разные страны, доказывают, что и мой народ — равный среди равных. А народ, живущий в разных уголках страны, удивляет своим гостеприимством.

За разговором мы с Марьям настолько сблизились, что на следующий день она не отпустила меня. Я с дочерью, Марьям с сыновьями пошли за ягодами в лес, расположенный неподалёку от деревни. Наши дети подружились. Со старшим моя дочь оказалась ровесницей. Дети шли, шутили, смеялись. Маленький, ревнуя своего брата, немного плакал.

Был не очень ягодный год. Но для варенья лукошко набрали. Вернулись, замесили тесто, испекли пироги и пили чай с лесной земляникой.

На следующий день Салим отправил нас в Мензелинск со своим другом. Марьям дала гостинцы.

Друг Салима вёз нас по просёлочной дороге. Ласковый ветер дул в окошко.

Меня осенило. Может быть, и на этой земле остались следы моих родных, и здесь живёт их дух. Я попросила водителя остановить машину. И за короткое время, наклонившись под деревьями, положила на землю руки и начала читать молитвы, которым научила меня бабушка. Я попросила у Аллаха спокойствия душам предков, а здоровым — доброты и милосердия...

Вот и Мензелинск. Я здесь впервые. Город, расположенный на берегу реки отличался зелёными улицами. В отличие от больших городов здесь нет лишнего шума. А река Минзеля, как невеста, своим ласковым ликом, даёт природе влагу.

Мы доехали до автовокзала. Я протянула деньги водителю. На что он сказал: «Друзья моих друзей — и мои друзья. Я с них денег не беру». Поблагодарив, мы вышли из машины, купили билеты. Народу немного. Кто-то заходит, кто-то выходит. Вот и автобус. Мы сели и тихонько тронулись в путь. Повернувшись к нам, водитель, улыбаясь, пошутил:

— Все приготовились?! Сейчас полетим!

Он включил музыку. Под народные мелодии мы действительно летели мимо полей...

Река Сюнь. Её усталое лицо. Мы переехали через мост. Эта беспокойная река объединяет южных и северных татар Урала, которые близки друг другу и религией, и языком. Татары разделены на несколько ветвей. Несмотря на это, у них одно имя, один дух. Они едины.

Люди, как птицы. Ищут себе место жительства. Не везде бывает удобно. Есть места, где невозможно жить. В холодных степях Гоби, например, и в обжигающих песках Аравии. Но люди живут и там. Даже на высоких скалах. Где хотят, там и вьют гнёзда. Этому нет объяснения. Здесь какое-то внутреннее чувство управляет.

От тихо льющейся музыки и качания автобуса мы уснули. Есть ли большее наслаждение, чем чувствовать дышащее тело своего ребёнка, спящего, как ангел, у тебя на коленях? Иногда, вспылив, мы обижаем их. Потом бывает за это стыдно. Стыд и честь — родственники. Они же берегут человека от падения.

Мои мысли были прерваны плачем ребёнка. Все посмотрели в ту сторону. Может, помощь нужна? Понимая усталость пассажиров, догадливый водитель остановил машину. Сказал, что отдыхаем 5–10 минут. Все вышли из салона.

С горной стороны дул влажный сочный ветер. Блестела зелёная трава. Солнце ещё не успело её пригреть после утренней росы. Лето! Природа украшена цветами. Какие только цветы не растут около леса. И все они разные. Есть ранимые, есть терпеливые, есть слабые, есть и сильные. Некоторые спят ночью. Некоторые днём. Они ждут любви от людей.

Человек себя в жизни чувствует настоящим хозяином. Хочет — строит. Хочет — разрушает. За свои совершённые поступки не всегда отвечает. Но если он это поймёт, наступит ГАРМОНИЯ. Как просто! Но к сожалению, человек очень долго созревает. А созрев, не успевает передать свой опыт, переходит в мир иной.

И снова дорога...

Вот и автовокзал... Я звоню по номеру, который дал мне дед Рашид. Он сказал, что скоро дочь заберёт нас.

Через несколько минут к нам подошла высокого роста женщина с длинными волосами, молодым лицом.

— Здравствуйте. Не вы ли являетесь Алисой? Я Михри, дочь деда Рашида. Приехала за вами, пойдёмте...

В этих местах я впервые. Не отрываясь, слежу за местностью. Равнины сменяют не очень высокие горы. В лицо дует тёплый сухой ветер. Облака на небе. Всё живёт.

Люди здесь загорелые, плотного телосложения. Ходят прямо, с приподнятой головой. Женщины подвижные и деловитые. Как и Мензелинск — Актаныш небольшой. Но зелени и цветов много. Приехав в район, где витает татарский дух, звучит татарская речь — душа поёт.

Видя, что мы молчим, Михри первая начала разговор. Она рассказала о том, что в городской школе работает учителем. А ещё, оказывается, в аспирантуре углублённо изучает биологию. Детство у неё прошло в деревне. Недалеко от Нурлат, где, сливаясь, текут две небольшие реки Сульча и Черемшан. У родителей их было четверо. У неё три брата, которые живут в разных местах.

— Почему же разъехались? — спросила я.

— Папа так решил. Он в нас воспитал любовь к родному языку. Хотел, чтобы мы поднимали нацию в разных местах, охраняя тысячелетнюю культуру. Главное, он говорит, не забывайте язык! Если вы не будете на одном языке разговаривать, превратитесь в шакалов! «Унижающий себя человек — плохой, а себя не уважающий человек — потерянный»,— есть такая арабская пословица.

Вечереет. Мы уже приближаемся к деревне Рашид бабая. Интересным для меня оказалось то, что на всех подоконниках цвели фуксии. Фуксии народ любит. Но здесь они совершенно другие. Горят огнём с искрящими большими цветками. Окна — глаза дома. По ним видно, кто где живёт. В деревне все люди заняты делами. Мне вдруг показалось нелепым собственное безделье...

У ворот нас встретили дед Рашид и бабушка Алия. Взяв за руку мою дочку, дед произнёс:

— В нашем доме ангелом стало больше,— и пошёл во двор. Мы шагали за ним. Бабушка Алия спрашивала, как у меня дела. Дорога длинная. Не устали ли? Михри оказалась похожа на мать. А голос отцовский, выходит откуда-то из глубины.

Из сада к нам прибежал мальчик лет десяти. Это был их внук. На летние каникулы приехал из Казани. Дед похвалил внука. Нет ему равных, оказывается, в выращивании фруктов и овощей. Особенно мальчик любит выращивать виноград. Хорошо говорит по-татарски. Ещё разговаривает на арабском и английском.

— Папа говорит, что языки надо учить до 15 лет. А потом, оказывается, трудно.

Дед поддержал разговор.

— Дочь, скажи, пожалуйста, ты ведь учительница, какие языки изучать легче, а какие труднее?

— В каждом языке — свои трудности и лёгкости. Для изучения всех нужно старание.

Через некоторое время мы легли спать. На свежем деревенском воздухе мы быстро заснули.

Цель моего визита — казан. Он мне и приснился. Как будто дед своим казаном всё дальше отдаляется от меня. Утром хотела начать разговор о казане, да дед перебил:

— Не время ещё. Ты должна привыкнуть к нашему краю. Чтобы услышать этот рассказ, ты немного должна пожить в нашей местности, понять и полюбить её. Когда придёт время, я тебе всё расскажу. А пока отдыхай, — сказал он.

Мы разговаривали, слушая тихо льющиеся татарские мелодии.

Мне было очень хорошо. Эти люди стали для меня как родственники, нет, как духовно родные люди. В их доме я себя ощущала счастливым человеком. Действительно, мы принадлежим к одному корню, корню тюркских народов. А самое главное, у нас есть мелодичный родной татарский язык, единство мыслей, свобода души. Мой народ независим. В нём — вера в светлое будущее. Ему дорога́ своя земля. Другой и не надо. Аллах уже дал её. Он с этим согласен. Свет солнца невозможно закрыть тучами. Свободолюбивый народ невозможно заковать в цепи...

Проснувшись от шума детей, я вышла в сад. Что только здесь не растёт! Виноград, обвивающий заборы, вишни, сливы, яблони, груши. Сад большой и старый. Наверное, ровесник деду.

Вокруг дома — клумбы цветов. Кругом порядок. Сорняков нет. Смотреть приятно. За садом — старый пруд. Там тихо плещут рыбы. Я возвращаюсь в дом.

— Какой хороший у вас пруд!

— А рыбы в нём — для гостей. На зорьке я уже наловил. Сейчас бабушка Алия нажарит. Вкус сама оценишь. Мы родом с Востока. А там каждая семья выращивает рыбу. Это очень полезная пища. Рыбные блюда укрепляют кости, сон.

— А тыкву выращиваете для животных? — спросила я, потому что сама её недолюбливаю.

— Ты что, дочка? Как же? Тыква — это полезная пища. Пища Богов. Тыква лечит желудочно-кишечные заболевания.

К нашей беседе присоединилась и бабушка Алия:

— Во время войны тыква многих спасла от голода. Мы ей очень благодарны.

— Может, нам в большом городе попросить талантливых архитекторов построить памятник в честь тыквы? — говорю я с улыбкой.

— Вы что, дети? Смеётесь надо мной? — чуть обижаясь, сказала бабушка Алия.

— Нет, мама. Как мы можем? Ты у нас мудрая и умная. Мы гордимся тобой.

Услышав эти слова, дед Рашид тоже взял слово:

— Правильно, дети. Чтобы найти дорогу к сердцу нашей матери, мне тоже пришлось постараться. Даже свой характер пришлось поменять. Добродушным она меня сделала. Своей мудростью и добротой покорила моё сердце.

— А я-то верила, что пленили тебя мои чёрные глаза и кудрявые волосы.

— Да меня покорило в тебе всё. Я и сейчас ещё в этом плену.

Беседа людей, которые вместе прошли долгий путь жизни, была сердечной. Они не потеряли к друг другу уважение и любовь. Поэтому в этой семье так хорошо и спокойно...

Вот и прошли два дня среди лесов, холмов и озёр. На закате Михри предупредила нас, что завтра выходим в путешествие. Утром мы уже начали собираться в путь.

Я, Михри, Сулейман (их внук), Илюза. Мы собрали все принадлежности. Михри взяла с собой и казан, хранивший для меня тайну.

В соседней деревне у знакомых Михри оставила машину. К нам присоединился их пятнадцатилетний сын, который взял с собой отцовское охотничье ружьё, большой нож и удочку. Мы его назвали нашим телохранителем и проводником, попросили показать нам местность. Юношу звали Ахмет. В его глазах была орлиная смелость и бесстрашие.

Наша похвала удвоила эту смелость. Мы поднялись к правому берегу Сюнь. С нашим проводником в этот день мы побывали во многих местах. Видели горы, леса, озёра. Купались в чистой воде. В казане сварили уху из рыбы, наловленной мальчиками. Я делилась впечатлениями от увиденного.

В ту ночь мы решили заночевать в лесу в палатках. Природа — как мать, надо чувствовать её близко. Мы часть её. А созрели ли мы как вид? Вид, который не боится ничего и не пугает никого. Можем ли мы жить, не пачкая слово, честь и не мешая другим. Если вдруг человечество исчезнет, то оно само в этом будет виновато. Обман, лень, алчность губит людей. А вот в природе всё по-другому. Здесь нет обмана. Здесь всё совершенно.

В этом совершенстве мы жили три дня. Нашим путешествием управляла Михри. А главарь Ахмет для нас ловил рыбу. Варили уху. Пили чай с лесными ягодами. Даже напекли лепёшек на костре. Я такие вкусные ела впервые.

Сулейман и Ахмет оказались отличными поварами. Будто всю жизнь варили в казане! Еда каждый день была разная. Здесь никто никого не учил и не приказывал. Каждый знал своё дело. Каждый по мере своих возможностей хотел принести пользу. По неписаным законам природы каждому было хорошо.

Ночью в свете костра грызли семена тыквы. А Михри рассказывала нам о природе, о растениях, о том, какую они приносят пользу. Она действительно, с рождения талантливый человек.

— Такие учёные, как Ньютон и Энштейн рождаются редко,— рассказывала она.— Современная наука тоже совершает открытия, изменяющие мир. Мир, мне кажется, изменится к лучшему, если соединить математику, физику, биологию, химию, поэзию и музыку.

Ахмет внимательно слушал эти слова:

— Я тоже хочу много знать. Но то, что учителя объясняют, до меня не доходит. Иногда забываю то, что уже понял.

— Ты по-татарски хорошо разговариваешь? Может, учишься не на своём языке?

— Да,— ответил Ахмет.

Я продолжила разговор:

— Человек все лучше усваивает на родном языке. Человек должен думать и говорить на родном языке. Он лучше понимает информацию на своём языке. И запоминает лучше. Родители, не обучающие детей родному языку, многое теряют. Они думают, что дети не смогут поступить учиться в высшие учебные заведения. А почему тогда многие руководители — татары? Именно татары, закончившие татарскую школу. Значит, получение знаний на своём языке их сделало умными, грамотными людьми. Я вижу, ты парень умный. И мыслишь правильно. У арабов живут такие слова: «Человека уважают не за то, что кто-то его уважает, за то, что он сам себя уважает». Однако в моей голове витали мысли о казане. Михри отреагировала так:

— Я не могу тебе об этом говорить — папе не понравится. Скоро вернёмся, и он сам всё расскажет. Этот казан — его гордость. В нём — смысл всей его жизни.

Все легли спать. А я эту ночь была дежурной около костра. Чтобы не уснуть, следила за парадом звёзд. Какое великолепие! В небе звёзды, а я на земле живу! Ловлю мерцание звёзд в ночи. Это, наверное, блестящие слёзы Великого Разума. Мы тоже,

как звёзды. Есть и вечно будем. Когда была маленькая и думала о смерти, что-то во мне всегда обрывалось, что-то знобило, что-то пугало. Но в течении жизни вдруг поняла, что бояться смерти — это безумие. Ещё когда не было никаких приборов, люди знали, что всё состоит из хаотично движущихся атомов. И что они переходят из одного состояния в другое. Мы тоже, как они, можем из огня превратиться в тень, и наоборот. Затух костёр. Я уснула с мыслями о вечном.

Проснувшись утром, мы начали собираться в дорогу. Наше путешествие подходило к концу. Я побывала там, где никогда не была. Не понимаю тех людей, которые каждый год в одно и то же место отправляются. Надо каждый раз ездить в разные места. С такими мыслями, соскучившись по бабушке с дедушкой, мы поехали к ним.

Усталость, собранная за целый год, прошла за несколько дней, плохое настроение растворилось. В душе — теплота и радость. Мысли облегчились и осветились. Во мне загорелся огонь жизни, который звал куда-то далеко, ввысь. Вот Михри: она так любит свою работу, свой предмет.

— Мой предмет — начало всех начал,— говорит.— Сюда входит и природа, и человек. Мы плохо охраняем природу. Несмотря на это, она старается жить, цвести, расти. Старается изо всех сил. А в человеке одновременно живёт и ангел, и бес. Кто победит, с тем и пойдёт наш мир...

Наш железный конь уже приближался к дому дедушки и бабушки. Там меня ждала тайна казана...

На улицах Бомбея в Индии жили две знаменитые семьи турков и индусов. Они были смешанные. Одна семья тысячелетиями занималась торговлей. Торговала произведениями искусств на Востоке, дойдя и до Булгар — города на Волге. По торговым путям этого рода можно было составить карты северного и южного полушария. Семьи были грамотными, начитанными, образованными. Знали несколько языков, приглашая учителей из других стран. Торговцы знания тоже считали товаром. Это была торговля души и вдохновения. Без просвещения и вдохновения ни один тороговец не мог представить свою жизнь. А поставленная перед ними цель — уважение к себе и к другим народам. Семья торговцев переехала в наши края во время царствования Хорезмского шахиншаха Махмуда.

Правители, властелины, князья хотели показать себя умными и добродушными, хотели улучшить жизнь народа. Показать себя учёными и просветителями, писателями, поэтами, скульпторами, музыкантами, историками, мыслителями. Когда завоёвывали города, страны, то пленников брали к себе во дворец в слуги.

Торговцы связывали правителей с другими мирами. Через них они получали информацию о других странах.

Семьи торговцев жили на одной улице с мастерами по возделыванию меди. Руководители страны, которые понимали толк в деле, уважали этих мастеров и хорошо оплачивали их труд. Но мастерами не могли быть все. Мастеру нужен талант от Бога. Таких людей, действительно, бывает мало. Они являются ведущими силами человечества.

В конце 19 века из Казани в Бомбей приезжает поэт и общественный деятель Атлаши. Его цель — изучение жизни и культуры в зарубежных странах. Сюда он попадает через своих друзей в французском посольстве, и берёт с собой сына, будущего учёного-языковеда Абуши. И временно они поселяются к торговцу, который торговал с Хорезмом и Булгарами. Когда-то эти две страны были едины. Их соединяли даже родственные отношения. Замуж брали девушек из этих мест. Они помогали друг другу в труде, в горе и в беде. Абуши влюбляется в дочь торговца.

Через несколько лет эти две семьи сыграют свадьбу. И мастера по обработке меди, подарят им этот казан. Казан не был пустым. В нём лежали горсть золотых монет

и индийские украшения. Сын поэта не смог возвратиться на Родину. Но своему сыну, как наследие, передал казан. И отправил его жить на землю предков, завещая передавать казан из поколения в поколение. Тех, кому достаётся этот казан, ждут успех и удача. Их жизнь проходит в богатстве, достатке и счастье.

Род деда вышел от корня Атлаши. И казан, по завещанию этих предков переходил к представителям этого рода — рода татар. Со временем он перешёл в руки деда Рашида.

Не зря столица Татарстана названа этим именем. Это знак богатства и удачи.

Прадедушка деда Рашида жил на берегу реки Камы. Кама с турецкого переводится камаляк — радуга. По словам деда, если смотреть с вершины Уральских гор, то над Камой лучи солнца, луны и звёзд в утренние часы, переливаясь, выводят цвета радуги.

Дед Рашид рассказывал эту историю с особой гордостью. А я, забыв обо всём, слушала его.

А сейчас казан — талисман. Талисман богатства и удачи. В этом я убедилась, когда три сына и дочь приехали поздравить своего отца с днём рождения. Вот в чём настоящее богатство!

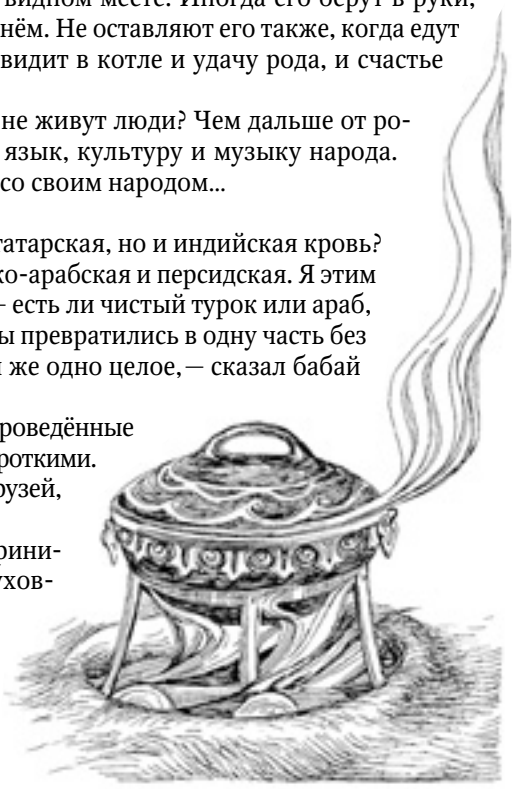
Котёл хранится в гостиной на самом видном месте. Иногда его берут в руки, вытирают пыль, и по праздникам варят в нём. Не оставляют его также, когда едут путешествовать или в гости. Дед Рашид видит в котле и удачу рода, и счастье народа.

Ночью я не могла уснуть. Где только не живут люди? Чем дальше от родины, тем сильнее они хотят сохранить язык, культуру и музыку народа. Через этот казан Атлаши воссоединился со своим народом...

На второй день я спросила:

— Дед, значит, в вас течёт не только татарская, но и индийская кровь?

— Не только. Во мне течёт кровь тюрко-арабская и персидская. Я этим горжусь. Ты, доченька, можешь сказать — есть ли чистый турок или араб, или персиянин? Нет, дочь! Если так, мы бы превратились в одну часть без души и тела. Мы же тюркская кровь. Мы же одно целое,— сказал бабай Рашид, поднимая кулак вверх...



Вот мы с дочкой снова в пути. Дни, проведённые у деда Рашида, показались и длинными и короткими. Сколько новых переживаний и встреч, друзей, мыслей и ощущений дала мне эта поездка!

Куда бы я не приезжала, всюду меня принимают, как родную. Людей объединяет духовная близость. Мне эта духовная близость даётся через родной язык, через обычаи, традиции моего народа. Я живу в Татарстане. Разговариваю на татарском языке. Знаю своих предков до 14 поколения. Душой и кровью Я — ТАТАРКА!!!

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ДВА РОМАНА

Роман Д. Бегичева «Семейство Холмских»
как один из возможных источников замысла «Анны Карениной»

В одном из своих писем начала 90-х годов Л. Н. Толстой составил список книг, которые произвели на него сильное впечатление «в возрасте от 14 до 20 лет».

Собственно, есть два варианта этого списка. В окончательном тексте писатель называет имена Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лермонтова, Григоровича; из зарубежных писателей — Диккенса, Шиллера, Руссо и Стерна; в список включено также Евангелие от Матфея (нагорная проповедь). В первоначальной редакции перечень был шире: назывались «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо», романы Марлинского и два известных в своё время, а к концу века прочно забытых произведения: «Монастырка» А. Погорельского и «Семейство Холмских» Д. Бегичева.

Появление Дюма в списке авторов, увлёкших 14–15-летнего подростка, можно не комментировать. Марлинским в начале 40-х годов зачитывались все. Роман Погорельского «Монастырка» имеет увлекательную фабулу, где есть похищение, сокрытие завещания и помощь благородного разбойника; к тому же он отличается живостью слога и яркими картинами быта.

Но «Семейство Холмских» в этом списке стоит особняком.

Это, используя слова Пушкина, роман ... «старинный, отменно длинный, длинный, длинный, нравоучительный и чинный, без романтических затей». Его первое издание вышло в 1832 году. Белинский вспоминал о нём в 1845 году как о романе дидактическом, немножко сентиментальном, немножко резонёрском и нисколько не поэтическом. Сам Бегичев дал «Семейству Холмских» подзаголовок «Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» и подчёркивал: «Повествование наше не представляет ничего чрезвычайного: нет в нём никаких романтических, невероятных приключений».

И хотя «Семейство Холмских» пользовалось весьма большой известностью и выдержало несколько изданий — трудно представить, чтобы сами по себе черты нравов и образа жизни провинциальных дворян, вышедшие из-под пера писателя, не обладающего к тому же ярким талантом, могли настолько заинтересовать подростка (юношу) Толстого, что он помнил об этом на закате жизни. Мало того — не только помнил, но и, как мы стремимся показать, во многом «отталкивался» от романа Бегичева при создании «Анны Карениной».

Юношу Толстого заинтересовала в романе Бегичева прежде всего его нравственная проблематика.

Роман Бегичева был одним из последних произведений, воссоздающих традиции русского просвещения XVIII века. Мы встречаемся в нём со ссылками на сатирические журналы этого времени («Живописец», «Зритель», «Всякая всячина»), с постоянными обращениями к литературе, прежде всего к Фонвизину, чьи афоризмы повторяются героями («глупому сыну не в помощь богатство»). Цитируется «Вельможа» Державина, упоминаются постоянно Руссо, Фенелон (Фенелона читает Софья, идеальная героиня — ситуация фонвизинская). В романе большое место занимают сатирические картины быта и нравов, данные в духе журнальной сатиры XVIII века; к тому же источнику восходят и фамилии героев: Старовекова, Подляков, Змейкин, Вампиров, Кривосудов, Радушин, Инфортунатов.

Надо оговорить, что в романе встречаются имена героев комедии «Горе от ума»: Чацкий, Молчалин, Фамусов, Репетилов. Но сюжетной связи нет: герои имеют иную биографию, иное положение в обществе, а в отдельных случаях (Чацкий) и иной характер.

Таким образом, перед нами произведение в духе просветительской литературы XVIII века — что, разумеется, в начале 30-х годов было уже некоторым анахронизмом (отсюда — холодность и ирония критики). Здесь, очевидно, и надо искать истоки внимания Толстого к роману Бегичева.

Две проблемы должны были стать (и, как увидим, стали) близки Толстому в «Семействе Холмских».

Первая — мысль о путях нравственного самоусовершенствования.

В романе Бегичева она занимает подчинённую роль. Тем не менее именно здесь Толстой мог найти подробное изложение т. н. «Франклиновой методы»,— теории самонаблюдения и самооценки, которой он живо интересовался в юношеские годы.

Вторая — «мысль семейная».

Основная тема просветительского романа Бегичева — тема становления и распада семейных уз, поставленная в прямую зависимость от роли женщины, которая, по мысли Бегичева, является естественной хранительницей семейного очага и на которую падает главная ответственность за его прочность и сохранность. Но речь идёт не только об общей позиции Бегичева, свойственной, в сущности, всем просветителям. Речь идёт о многих, может быть, не случайных, совпадениях в структурах «Семейства Холмских» и «Анны Карениной», которые я, естественно, не собираюсь объяснять прямым заимствованием, но которые должны привлечь внимание литературоведов.

«Семейство Холмских» — не нравоописательный роман и не роман воспитания. В нём совершенно нет авантюрных элементов, наличествующих в английском романе эпохи Просвещения: ни тайны рождения, ни скрытого завещания, ни происков коварных врагов, того, на чём строят сюжеты своих романов современники Бегичева Погорельский и Ушаков). В романе нет и любовной интриги в собственном смысле этого слова: препятствий на пути любящих.

Сюжетные линии романа (а их пять — по числу детей в семействе Холмских) развиваются параллельно, соприкасаясь, но не переплетаясь. Их объединяет не событийная связь, минимальная и чисто внешняя (присутствие, например, одной сестры в доме другой в качестве гостьи), но общая для всех сюжетных линий мысль, тезис, который стремится разъяснить и доказать автор-просветитель.

Это мысль о причинах семейных несчастий и о тех, не обращающих на себя внимания, но важнейших мелочах, которые определяют собою счастье и несчастье семейной жизни.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Было бы недопустимым преувеличением говорить, что всем

известный афоризм автора «Анны Карениной» восходит к забытому роману Бегичева; но содержание этого романа он определяет очень точно: несчастливые семьи. Несчастье не в силу причин внешних (смерть, случайное разорение, гонения, насильственный брак), но в силу причин внутренних (внутрисемейных), зависящих от небрежности, легкомыслия, пренебрежения мелочами.

«Повествование наше не представит ничего чрезвычайного: нет в нём никаких романтических, невероятных приключений. Но, смеем надеяться, многие мужья и жёны, войдя сами в сердце своё, отдадут нам справедливость и согласятся, что повесть наша заключает истины, которые, может быть, известны им на опыте. Уверятся также и в том, что в супружеской жизни надобно иметь беспрерывное внимание за собою, не пренебрегать никакими мелочами, и что иногда, как кажется, по-видимому, безделицы — влекут за собою самые пагубные последствия».

На первый план при этом выдвигается роль женщины, как создательницы, хранительницы — и невольной разрушительницы — семейного очага. «Девочке предназначено в последствии времени быть супругою и матерью; она должна б быть почитаема основанием, на котором созидается всё благосостояние будущего её семейства. Женщина есть невидимая судьба, приводящая всё в движение».

Эта позиция писателя 30-х годов очень близка Толстому.

Как я уже сказала, в романе Бегичева пять сюжетных линий — по числу детей в семье Холмских, по числу заключаемых браков и образующихся семей.

Елизавета — князь Рамирский

Катерина — Аглаев

Наталья — граф Клешнин

Софья — Пронский

Алексей — Фамусова

Сюжетная линия Алексей — Фамусова находится извне рассматриваемой проблемы. Это, если можно так сказать, бессемейный брак (хотя налицо жена, тёща, тесть, ребёнок и все атрибуты семейной жизни). Заключённый по расчёту с той и другой стороны, он лишь имитирует семью. Всё семейное здесь лишь одна видимость, принятая форма; всё насквозь фальшиво и потому благополучно. С ней в основном связан сатирический (нравоописательный) элемент романа.

Почти не разработана сюжетная линия Наталья — граф Клешнин. Она сведена к одному эпизоду (посещение Софьей имения Клешниных) и иллюстрирует обычный для просветителей тезис: брак по расчёту не приносит счастья, светское воспитание уродует женщину, делает её неспособной к роли жены и матери (тезис, впрочем, полностью разделяемый Толстым — достаточно вспомнить Элен Безухову или княгиню Бетси).

В центре романа история трёх сестёр — Елизаветы, Катерины и Софьи — главным образом в их семейных отношениях. В совокупности они дают контур здания, которое — очень приблизительно, схематично, но явственно — напоминает в своих основных чертах здание бессмертного романа Толстого.

Оговорюсь: я ни в коем случае не хочу сказать, что Толстой подражал роману Бегичева. Я не берусь даже решать, является ли это соотнесение результатом сознательной ориентации или неосознанного воспоминания. Между романом Бегичева и «Анной Карениной» дистанция огромного размера. И всё же точки соприкосновения, безусловно, есть. Во всяком случае, мы можем говорить о «Семействе Холмских» как об одном из источников замысла романа Толстого.

Как я уже говорила, Бегичева как писателя-просветителя волнует вопрос о роли женщины — жены и матери — в установлении и сохранении семейных связей

и прочности семейных отношений. Бегичев, рисуя историю двух сестёр — Елизаветы и Катерины — показывает, как каждая из них, несмотря на полное различие характеров и положений, является невольной виновницей распада семейных отношений, которые, при условии более разумной позиции женщины в семье, могли бы быть сохранены и привели бы к взаимному счастью супругов.

Елизавета Холмская, старшая дочь вдовы Холмской, очень красива, весела, немного легкомысленна и тщеславна, избалована вниманием провинциального общества. Она мечтает о богатстве и свободе и потому принимает предложение князя Рамирского, хотя родные её всячески отговаривают. Рамирскому под сорок, он безвыездно живёт в деревне, он порядочен, холоден, скуповат, самолюбив и обидчив, влюблён в молодую жену, но не склонён ей уступать; имеет доброе сердце, но может быть деспотом и тираном.

Во всей бесчисленной галерее образов, населяющих роман, князь Рамирский — самая большая удача автора. Он ни хорош, ни плох: он человек со своими давно сложившимися привычками и взглядами на обязанности жены (то и другое мотивировано его положением, образом жизни и т. д.). Семейная жизнь с таким человеком будет трудна, о чём предупреждают Елизавету мать и сёстры, но не обязательно должна быть несчастна. Всё зависит от позиции женщины.

Бегичев заставляет читателя вглядываться в те, на первый взгляд незначительные, мелочи, которые с первого шага Елизаветы определяют семейную атмосферу и в конечном итоге ведут к катастрофе. Вот начинается спор о том, идти ли в мокрый сад в новых дорогих шёлковых туфельках,— а кончается тем, что Рамирский не на шутку оскорблён. Вот Елизавета приезжает в дом мужа, погода плохая, она устала, в доме мрачно и холодно — она вслух выражает неудовольствие, а для Рамирского это дом его матери, где он прожил всю жизнь, место дорогое — он обижен. Каждая мелочь вырастает в проблему, вспыхивают беспрерывные ссоры, при встречах с матерью и сёстрами Елизавета жалуется на холодность и упрямство мужа, а князь — на бесчисленные капризы жены. А между тем в редкие минуты согласия Елизавета не может не оценить порядочности, даже великодушия мужа, его постоянной заботливости.

Катастрофа наступает закономерно — как следствие неосторожности Елизаветы. Поощряя «назло мужу» назойливого поклонника, она заходит слишком далеко: её репутация под угрозой. Рамирский, уверенный в измене и глубоко страдающий, требует, чтобы она тотчас уехала из его дома с дочерью, которую он за свою более не признаёт. Елизавета потрясена, тяжело заболевает, бредит; к ней зовут священника. «Она плакала и внутренно сознавалась, что сама, запальчивостью, ветреностью и нерассудительностью своею, стала многому причиной. Ей невольно пришло в голову, как постепенно эти, по общему мнению маловажные и даже очень милые в прелестной женщине недостатки увлекли её на погибель! Будущий жребий несчастной дочери сильно мучил её». Со своей стороны муж тоже потрясён — впервые понимает, как сильно любит ребёнка. У постели больной Елизаветы происходит примирение.

Ещё о Рамирском:

«По многим причинам был он чрезвычайно рад примирению с женой. Гласный развод с нею, за неверность её, был слишком тяжёл для его самолюбия потому, что муж-рогоносец, во всяком случае и смешон и жалок. При том же, история его могла б быть поводом к разным толкам не в его пользу. Чувство привязанности к жене точно таилось в его сердце, а всего вероятнее, что и эгоизм много действовал в этом случае. Оставшись один после ссоры с женой, он с ужасом представил себе, какая несносная тоска будет ему в обширном его доме! Сверх того, взятая им на себя обязанность давать жене 10 тысяч в год по скупости его была ему также весьма тягостна».

Параллельно развивается история семейных отношений второй сестры — Катерины.

Катерина и Аглаев соединяются по пылкой и страстной любви. Они небогаты, но имеют небольшое состояние и могли бы жить безбедно. Аглаев — поэт-романтик, с чертами маниловщины, но человек добрый, честный и неглупый. Единственное облачко — его неумение хозяйствовать. Но на взаимных отношениях супругов это не сказывается: они живут в состоянии блаженства.

Точка поворота — рождение первого ребёнка. Катерина полностью погружается в материнство. Она считает своей обязанностью и правом заниматься только ребёнком, думать только о ребёнке, не обращая внимания на окружающее (включая мужа). В гостиной сушатся пелёнки. Муж обижается, что жена перестала уделять ему внимание. Первая ссора — оба жалуются Софье. Её позиция: он обиделся, когда я сказала, что мне некогда играть с ним в шахматы. Я же не развлекаюсь, не выезжаю, я занята с ребёнком, неужели он не понимает? Его позиция: я хотел сыграть в шахматы, но проклятая девчонка беспрерывно орала. Я заснул, проснулся — девочка была мила, забавна, полчаса с ней играл. Потом после чая снова просил Катерину сесть в шахматы — она сказала, что надо уложить Сонечку. Как будто не могла это сделать нянька! Два часа ждал, прихожу в детскую — оказывается, Сонечка не желает спать и мама её два часа развлекает: поёт и пляшет перед ней.

Позиция Свияжской, тётки сестёр Холмских, положительной героини, играющей роль резонёрки: «Надо предупредить Катерину, чтобы она не занималась беспрестанно и исключительно одним только своим ребёнком. Мужчины могут ко всему приревновать и обидеться, как кажется с первого раза маловажным невниманием к ним». «Многим мужьям неприятно найти соперника — даже в собственном своём дитяти».

Последствия не заставляют себя ждать: происходит постепенное, но неминуемое отчуждение Аглаева от семьи, от жены и детей. Он ищет развлечений на стороне, по слабохарактерности попадает в дурную компанию, пьёт, делает долги — в конце концов наступает полное разорение и распад семьи.

С другой стороны, дети, растущие в такой обстановке, избалованы и капризны. Когда Софья привозит подарки, между ними начинается драка: «старшая сестра обижала братьев, отнимала игрушки, несмотря на то, что ей подарила Софья вдвое больше и лучше. Катерина должна была несколько раз входить в залу, унимать и мирить».

Автор жалеет Катерину, но считает, что она не только жертва: она не выполнила своего долга по отношению к мужу и семье. О причинах падения Аглаева автор пишет: «Но, главнейшее — он не имел подкрепление от самого близкого ему человека. Жена его способна была только страстно любить и не имела никакой твёрдости душевной».

Перед нами ситуации, близкие роману Толстого — иногда очень (болезнь Елизаветы, примирение), но главное — близкие по общему звучанию, так сказать, по расстановке сил...

Двум старшим сёстрам и их мужьям противопоставлены в романе Софья и Пронский — идеальная героиня и идеальный герой.

Обращаю внимание на следующие эпизоды и сцены:

1. Мачеха Пронского, уверившись в добродетели и любви к Пронскому Софьи, вызывает его из-за границы, куда он, по её настоянию, удалился на время. Пронский скачет, не помня себя; в тот же вечер он — у ног Софьи; происходит помолвка.

«Мог ли он ожидать, чтобы столь долговременные мечтания его так внезапно могли свершиться?.. А теперь он сидит подле неё, смотрит на неё, говорит ей прямо о любви своей, имеет право брать и целовать её руку, называть её своею... Весь свой

век с душевным умилением вспоминал потом Пронский этот незабываемый для него вечер!

2. Сцена свадьбы: колебание — кому первому ступить на коврик. По слову Пронского — вместе. Бытовой фон свадьбы.

3. После свадьбы — внимание к мелочам жизни. Диалог Софьи и Светланиной — сестры мужа: Пронский «имеет свои капризы»: не расстаётся со старым шлафроком, разрешает пуделю спать на креслах и диванах, требует к чаю стакан, а не чашку. Позиция Софьи: нужна терпимость к таким мелочам.

Та же терпимость — в сцене, когда Пронский уезжает на обед к Сундукову и его нет всю ночь. Софья волнуется, мечется, не спит, но не делает мужу сцен и не упрекает его.

4. Рождение ребёнка — апофеоз супружеской жизни. Пронский потрясён. Он отдаёт все деньги горничной, принёсшей известие. «Потом... возвратился потихоньку к постели жены своей, сел на стоящее подле кресло и с восхищением смотрел на неё. Бледность и какое-то небесное спокойствие, начертанные на лице Софьи, делали её ещё прекраснее... Слёзы радости текли из глаз Пронского, и он, невольно упав опять на колени, молился, воссылая пламенные чувства благодарности к богу». Софья, «с согласия и одобрения мужа своего, сама стала кормить ребёнка».

Свияжская в конце романа говорит, что Софья с её твёрдым и уступчивым характером, была бы в замужестве счастлива не только с Пронским: Чацкого она укротила бы терпением, Аглаевым бы руководила, грубый нрав князя Рамирского смягчила бы нежностью; была бы счастлива в бедности с честным Ельмириным и ужилась бы даже с фанфароном Галганским.

В «Анне Карениной» у Толстого есть герой, самый близкий ему во всём его творчестве. Он и фамилию ему дал «свою»: Левин — от имени писателя Лев. Поиски Левина, его метания, его планы, его чувства — всё это автору не просто близко, всё это его собственное, своё. В том числе и взгляды на семью, и нелёгкие усилия в создании семейной жизни.

И вот рядом с Левиным автор ставит Кити. Неяркую, неброскую, лишённую обаяния Наташи Ростовой и духовности княжны Марьи Болконской, явно «проигрывающую» рядом с яркой, мятущейся, полной жизни и страсти Анной Карениной. Почему?

Потому что Кити — именно та женщина, которая способна создать и сохранить семейное счастье. Она не понимает и не хочет понять задач, которые ставит перед собой её муж, но она знает, что от неё требуется... После свадьбы родные советуют ехать за границу, и Левин согласен, но именно Кити противится. Она знает, что всё дело её мужа в деревне, и её дом будет в деревне. У постели умирающего Николая Левин чувствует себя неловко, а Кити незаменима. Она вместе с Левиным создаёт семью. И наконец, рождение ребёнка: боль и муки, но и высшая радость, апофеоз, залог грядущего счастья. Это их с Левиным общая победа.

Роман Бегичева давно забыт. Роман Толстого бессмертен. Но великий писатель помнил о «Семействе Холмских», когда его создавал.

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ

СОБЛАЗН И БЕЗУМИЕ

К юбилею Л. Н. Толстого

Иногда с удивлением спрашивают: а что, Достоевский и Толстой не были знакомы? Как? Почему? Ведь они жили в одно время и принадлежали примерно к одному поколению — Достоевский родился в 1821 году, а Толстой в 1828-м. У них был общий товарищ — Н. Н. Страхов, критик и философ. Был общий, скажем так, литературный оппонент и конкурент, отношения с которым у обоих сразу не сложились — И. С. Тургенев. Оба, хотя и в разное время, «окормлялись» возле издателя «Современника» Н. А. Некрасова.

Ну и, наконец, это было бы просто логично — познакомиться двум величайшим прозаикам мира, раз уж довелось им родиться в одной стране и в одно время. Правда, Толстой жил под Тулой, а Достоевский — в Петербурге и за границей. Но Толстой бывал в Петербурге по делам, а в Ясную Поляну к нему приезжали писатели и рангом помельче, и всех он охотно принимал. Неужели тому же Н. Н. Страхову не пришло в голову свести вместе двух наших равноапостольных гениев, Петра и Павла русской прозы? Неужели им самим ни разу не приходило в голову, что надо бы встретиться и поговорить? Тем более что оба читали и ценили друг друга. Красивая была бы встреча!

Нет, им не удалось познакомиться. Хотя такая возможность была и даже дважды... 10 марта 1878 года, находясь в Петербурге, где он заключал купчую крепость на покупку у барона Бистрома самарской земли, Толстой посетил публичную лекцию 24-летнего входящего в моду философа, магистра Петербургского университета Владимира Соловьева, будущего «отца» русского символизма. На этой лекции были Страхов и Достоевский. Казалось, всё говорило за то, чтобы близко знакомый и с Толстым, и с Достоевским Страхов познакомил двух главных прозаиков современности, которые давно желали встретиться друг с другом. Но Страхов этого не сделал. В воспоминаниях вдовы Достоевского Анны Григорьевны это объясняется тем, что Толстой просил Страхова ни с кем его не знакомить. И это очень похоже на поведение Толстого в ненавистном ему Петербурге, где он чувствовал себя совершенно чужим.

Интересной была реакция Достоевского на так называемый «духовный переворот» Толстого. Она интересна ещё и тем, что очень точно отражает мнение литературных кругов вообще на то, что происходило с Толстым в начале 80-х годов. В мае 1880 года во время торжественного открытия памятника Пушкину в Москве, когда Достоевский произносил свою знаменитую «пушкинскую» речь, среди собравшихся писателей Толстого не было. Зато циркулировал слух, что Толстой в Ясной Поляне... сошёл с ума. 27 мая 1880 года Достоевский писал жене: «Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошёл и даже, может быть, совсем сошёл». Это означает, что, возможно, слух

о «сумасшествии» Толстого пустил в Москве именно Тургенев. Перед этим он посетил Толстого в Ясной Поляне, они помирились, и Толстой рассказал ему о своих новых взглядах. Но насколько же легко приняли братья-писатели этот слух, если уже на следующий день в письме к жене Достоевский сообщает: «О Льве Толстом и Катков подтвердил, что, слышно, он совсем помешался. Юрьев (Сергей Андреевич Юрьев — писатель и переводчик, председатель Общества любителей российской словесности, знакомый Толстого — *П.Б.*) подбивал меня съездить к нему в Ясную Поляну: всего туда, там и обратно менее двух суток. Но я не поеду, хотя очень бы любопытно было».

То есть Достоевский, смущённый слухами о «сумасшествии» Толстого, решил не рисковать. Таким образом, ещё одна возможность знакомства двух писателей была потеряна... едва ли не из-за обычного писательского злословия.

Но у Толстого с Достоевским был и ещё один общий знакомый — графиня А. А. Толстая, тётка Льва Николаевича и его духовный корреспондент. Зимой 1881 года, незадолго до кончины Достоевского, она близко сошлась с ним. «Он любит вас,— писала она Толстому,— много расспрашивал меня, много слышал об вашем настоящем направлении и, наконец, спросил меня, нет ли у меня чего-либо писанного, где бы он мог лучше ознакомиться с этим направлением, которое его чрезвычайно интересует». Alexandrine, как называли её в светских кругах, дала Достоевскому прочесть письма к ней Толстого февраля 1880 года, написанные в то время, когда Толстой, по общему мнению, «сошёл с ума». В «Воспоминаниях» она писала: «Вижу ещё теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял: «Не то, не то!..» Он не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича...»

Такова была реакция Достоевского на духовный кризис Толстого.

Совсем другой был отклик Толстого на смерть Достоевского.

5 февраля 1881 года (Достоевский умер 28 января старого стиля) Толстой писал Страхову в ответ на его письмо: «Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек... И никогда мне в голову не приходило меряться с ним — никогда. Всё, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость.— Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это моё. И вдруг за обедом — я один обедал, опоздал — читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал, и теперь плачу».

За два дня до этого Страхов писал Толстому: «Он один равнялся (по влиянию на читателей) нескольким журналам. Он стоял особняком среди литературы, почти сплошь враждебной, и смело говорил о том, что давно было признано за «соблазн и безумие»...»

Но что было «соблазном и безумием» с точки зрения литературной среды того времени? А вот как раз проповедь христианства как последней истины.

На этом, по мнению писателей, помешался перед смертью Гоголь, это было пунктом «безумия» Достоевского и от этого же самого «сошёл с ума» Толстой. И Толстой, не медля, принимает эстафету «безумия». Случайно или нет, но именно после смерти Достоевского с маленького рассказа «Чем люди живы», написанного в 1881 году, начинается «поздний» Толстой, взгляды которого на жизнь, на религию, на искусство совершенно противоположны тем, которые приняты в «нормальном» обществе и которые сам же Толстой недавно принимал...

ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ

ГЕНИЙ МЕСТА

К 200-летию И.С. Тургенева

Кто бы знал, как трудно быть писателем в самом литературном крае России! В любом другом месте ты отвечаешь лишь за самого себя, а у нас прежде всего нужно хранить наследство и крепить традиции. А как же? — не каждому выпало счастье жить и творить на родине Тургенева! Вживёшься — пройдёшь эпигоном, взбунтуешься — дураком выйдешь. Тургенев — наиболее хрестоматийный из русских классиков, и этот факт, с одной стороны, создаёт богатый общекультурный контекст, поддерживающий на плаву любого орловского литератора, но, с другой стороны, снижает амбиции и сужает рамки текущего литературного процесса. Ни железная воля Лескова, ни тёмные аллеи Бунина не в силах увести традицию из-под неодолимого влияния гения места.

Современная литература противоборствует Тургеневу, как бы решая от обратного *проблему классики*. Из всех корифеев Золотого века Тургенев наиболее подходит для амплуа *благородного отца*, и потому разрушительная интенция *эдипова комплекса* новых иконоборцев направлена скрытым образом прежде всего против него. Тургенев — эталон стиля, который надо держать в уме, по которому следует сверяться в сомнительных случаях. Однако творческое начало современности замеряется отступлением от канона,— и тут Тургенев отдыхает. Это если не естественно, то по крайней мере, объяснимо. Эстетическая система Тургенева принадлежит к типу закрытых, законченных: ей можно подражать, но продолжать нельзя, да и не нужно. В мир Тургенева входишь как паломник, почтительно и почти благоговейно — и отдаляешься с сожалением... скорее, облегчив душу, чем отяготив сознание. Перечитывая знакомые с детства романы, проникаешься счастливым чувством, что есть места, куда можно всегда возвращаться в спокойной уверенности, что там ничего не изменилось, и даже забытая перчатка всё так же покоится на ломберном столике.

Иван Тургенев... роскошная красота бабьего лета русской литературы. Последняя зрелая красота,— которая вот-вот соскользнёт в болезненную красивость золотой осени. Классицизм, застывший в прощальном жесте на пороге собственного мавзолея. Безупречная речь отдаёт мраморным холодком бессмертия. Фраза Тургенева так хорошо скроена и так надёжно отлажена, что хочется утвердить её в качестве стандарта для всей словесности. Но всякое её дальнейшее развитие в этой манере чревато манерностью. Красивая фраза — вот неистребимый корень модернизма, неизбежно процветающего на перенасыщенной аллюзиями культурной почве. Уже на поздние сочинения самого Тургенева порой тянет отозваться цитатой из него же: *Иван Сергеевич, не говорите красиво*. Тургеневым создана самая совершённая проза на русском языке,— и в силу этой завершённости опасно балансирующая в грациозном равновесии на грани банальности. Чему свидетельство его «Стихотворения

в прозе», столь восторженно принятые за образец ранними декадентами. Senilia: старческая сентиментальность уходящего гения. Всё немного слишком. Настолько возвышенно духовное, что уже почти безвоздушное; вроде бы то же высокое и чистое чувство, но чуть-чуть перегретое, слегка перезрелое, немного приторное. То, что порой сквозило в его письмах,— претенциозность, стилизация, некая экзальтация чувств и игривость слов,— теперь, по слабости человеческой, просочилось в литературу. Многие считают, что этот слезливый старик, перебирающий засохшие лепестки давно увядших роз, и есть Тургенев.

Да ничего подобного! Настоящий Тургенев — великан, стесняющийся своего роста и смущающийся от своего таланта. Он может всё, но хочет чего-то другого. Ему тесновато среди всех. Иногда кажется, что великие современники недолюбливали Тургенева. Герцен насторожённо сторонился, Щедрин подозрительно косился, а Толстой так вообще хотел стреляться. Достоевский высмеял его в «Бесах» в образе Кармазинова. Нечестно, немилосердно, несправедливо. Занял, шельма, полсотни талеров, продул их в рулетку — и вот так отплатил, злой карикатурой! Стыдно-с, Федор Михайлович, не по-божески это! Ну да, хотел Иван Сергеевич, очень хотел всем нравиться, а молодёжи особенно,— так велик ли грех? Ведь он же при всём при том никому не угождал и душой не кривил, и через то наживал наряду со славой непременные неприятности. При жизни ему не везло с критиками, а после смерти с исследователями. Тургенев — центральная фигура пантеона русской литературы. (Центральная — не значит: главная). Это самый непонятый из наших классиков. Потому что самый умный и самый ясный. То переоценённый, то недооценённый, но всегда гонимый критикой под ту или иную тенденцию, Тургенев вызывал недоумение и недовольство общественного мнения тем, что не ставил и не решал вечных вопросов. Иван Тургенев поразительно для русского гуманиста деидеологичен. В самом деле, Гоголь — учитель, Достоевский — пророк, Толстой — мессия, а Тургенев — кто он такой? всего-навсего великий писатель... ну, знаете ли! Это как-то не по-русски...

Неудача Тургенева в роли властителя дум не случайна. В его драматической биографии и литературной судьбе как ни в чём другом выразился перманентный кризис русского либерализма. Глубокие впечатления в нашем менталитете оставляют лишь радикальные идеи. Или революция, или реакция. Свобода, равенство, братство — или самодержавие, православие, народность. Особость Тургенева как его особенность хорошо обосновал Исайя Берлин в статье «Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов». *Средняя линия весьма уязвима, опасна и неблагодарна. Сложную позицию тех, кто в пылу битвы хочет по-прежнему говорить с обеими сторонами, часто толкуют как мягкотелость, обман, оппортунизм, трусость. <...> Дилемма морально чувствительных, честных и интеллектуально ответственных людей в период острой поляризации мнений стала с его времён ещё острее и распространённее.* И в этом плане Тургенев настолько же актуален, насколько злободневна для нас проблема взаимопонимания.

Либерал среди консерваторов и реформатор меж радикалов, холодный скептик для идеалистов и опасный мечтатель для прагматиков, Тургенев не дался в оборот ни одной из господствующих идеологий, и потому вытеснен в истории идей во второй ряд национального иконостаса. Что не мешает нам его читать и почитать в числе самых надёжных заступников русского человека перед судом истории. С ним мы спокойнее и увереннее в себе. Тургенев осуществил в родной литературе поэтическое измерение нашей прозы, как Гоголь — метафизическое, Достоевский — экзистенциальное, Толстой — онтологическое. Объяснить поэтическое труднее всего, если вообще возможно. Волшебное обаяние и завораживающий шарм тургеневских страниц в литературоведческом анализе исчезают, и оттого в зеркале критики его лик кажется плоским и (в юбилейных акафистах благоговейных филологинь) даже постным. Гений места становится бесплотным духом, туманом в сюртуке и облаком в панталонах. Разве это — Тургенев? Да нет, мы опять обознались...

Тургенев — утончённый варвар, романтичный скептик, смятенный ум и мятущаяся душа, русский медведь с манерами светского льва... кто он на самом деле? Испанский писатель Хуан Эдуардо Суньига в книге «Загадка Тургенева» создаёт сложный и сумрачный образ писателя, лишённый привычного нам хрестоматийного глянца: *Перед нами раскрывается жизнь, исполненная скрытых страстей, тяжких дум и несбывшихся надежд.* Чему сам Тургенев даёт немало оснований, проговариваясь в письмах и воспоминаниях о невзгодах воспитания и слабостях натуры. *Рос я дурно и невесело...* Что томило его и срывало в бегство от самого себя, что угнетало его стремление к счастью? — *И желание и страх жизни.* Личность Тургенева не может быть определена однозначно. Но и в этой сложности своей он сложен иначе, чем равновеликие ему современники. Он не апория, как Гоголь, не парадокс, как Достоевский, не противоречие, как Толстой, он — двойственность. Как бы един в двух лицах: сам за себя и против тоже. И эта двойственность, мучительная для жизни, стала счастливой для творчества. Тургенев не может выбрать удобную для защиты идейную позицию — и не хочет выбирать. Его взгляд на суть вещей обладает той объективностью, что равно чужда поклонению и поруганию. Оттого так выразительна жизнь в его изображении. Особенно жизнь в высшем её проявлении — в любви. Пожалуй, впервые после Катулла он различил в любовной страсти два нераздельных и неслиянных чувства: нежность и ненависть.

Что такое эти прославленные тургеневские женщины? Инкарнация романтического идеала в образцах и образах? Вот уж нет! Это, если хотите, реванш стихийных сил в сердцевине утончённой культуры. Вечная женственность выходит из хаоса и затягивает все наше мужество в тихий омут всепоглощающей страсти. Песнь торжествующей любви звучит как траурный марш. Любящему нет пощады, а любимому нет избавления. Страшнее и трагичнее этой мучительной страсти только её отсутствие. Что мог добавить к этому сексуальному фатализму Фрейд? Разве что всякие пикантные мелочи...

Иван Сергеевич Тургенев, вечный владелец Спасского, полномочный представитель Орловского края в мировой культуре, волшебник слова и гений места. Неприкаянный гений... Вот он, запертый веком в родовой усадьбе, мается от одиночества и не хочет ничего от людей. На тысячу вёрст кругом — Россия, родной край, и за тысячу вёрст отсель — Европа, чарующая чужбина... А от края до края — бесприютная тоска. Что за несчастный жребий — быть серединой меж крайностей! *Какая-то тайная и глухая тоска, от которой я не могу избавиться и которую ничто не может рассеять (из письма к Полине Виардо).*

Россия и Виардо: вот две силы, раздирающие меж собой узорный покров его жизни. Две грёзы, две темы, две музы... не сумевшие дать ему ни счастья, ни покоя. И та, и другая подавали ему надежды, но отказывали в близости. Брали щедрые дары его, а самого в расчёт не брали. С тем он и умер. С тем и вошёл в бессмертие. Тургенева изучают в школе и, представьте себе, читают после,— без нужды и принуждения. Так что его книги пользуются уверенным спросом. Время от времени театры ставят его пьесы, и, надо сказать, с устойчивым успехом. Не забывают классика кинематограф и телевидение. Тургенев — мировой бренд, и на его родине его имя ставится первым в мартирологе великих земляков, поминаемых в памятные дни. Так было, так есть и так будет,— доколе великий и могучий русский язык будет сакральной гарантией российской истории. Больше, чем долго — всегда.

В течение юбилейного года на родину Тургенева в разумном множестве будут приезжать его читатели,— организованными группами и дружескими компаниями, а также поодиночке. Чтобы побывать в Спасском, поклониться знаменитому дубу. Чтобы проникнуться естественной прелестью русской провинции, где гений места соразмерен масштабу бескрайнего неба и созвучен духу непреходящего времени...

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

«НОВАЯ ИЛИАДА» И ЕЁ АВТОР

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 2018 году исполняется 10 лет со дня выхода «Новой Илиады» Петра Прихожана, изданной в 2008 году. Издателем стал «Московский писатель» в типографии «Греф» (город Тула). А предпечатную подготовку по желанию автора провели его друзья и коллеги из Набережных Челнов: редактор Николай Алешков, корректор Алла Шливанчанин-Орехова, дизайнер-верстальщик Виталий Павлов, представляющие Татарстанское отделение Союза российских писателей.

В книге поэт Пётр Прихожан представил российскому читателю третий после Н. И. Гнедича и В. В. Вересаева полный текст «Илиады» великого Гомера. С момента создания оригинала (IX — VIII вв. до н. э.) до настоящего времени — это, согласитесь, слишком мало. Конечно, к переводу поэмы обращались многие российские литераторы, но лишь некоторым удавалось завершить этот нелёгкий труд до конца.

Необходимо отметить, что всякий новый перевод ставил задачу, сохранив хронологию и используя материал Гомера, пересказать в той же последовательности, не нарушая замысла автора, содержание Илиады так, чтобы книга стала более доступна современникам. Каждый новый перевод так или иначе учитывал и опирался на переводы предшественников, вбирая лингвистические находки и опираясь на уже раскрытые психологизмы, привнося авторское осмысление событий многовековой давности.

С этой точки зрения все они внесли неоценимый вклад в развитие русской и мировой литературы. Их работы сродни переводам Велесовой книги, Священных писаний и других памятников культуры и письменности. Умалять историческое значение этих работ всё равно, что пытаться умалять ценность произведений, вариативно описывающих знаменитые сражения от Бородино до Сталинграда, что отнюдь не говорит о том, будто все последующие изыскания и опыты в этом направлении не имеют права на существование, а предыдущие переводчики сумели подвести своих современников к порогу абсолютной истины. Вариативность, без всякого сомнения, помогает полнее проникнуться не столько стилем, сколько событиями дней давно минувших.

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В современном обществе всё чаще стоит вопрос о сохранении культуры в целом и литературного наследия, как её неотъемлемой части. На протяжении столетий создавалась база общечеловеческих ценностей, которые воспевались писателями в произведениях, называемых сегодня литературной классикой. Невозможно представить процессы воспитания и образования без фундаментальной базы нравственности, культуры, эстетики, морали. Именно литературе отводилась главенствующая роль в этих процессах, именно на примере литературных героев, их поступков формировалась личность будущего человека-гражданина, представителя своего народа, а, следовательно, и культуры этого народа.

Лауреат Нобелевской премии Ч. Шеррингтон в своих работах сравнивал внутренний мир человека с воронкой, обращённой широким отверстием в мир, а узким к самому человеку, его действиям и поступкам. Внешний мир вливается через индивида мириадами желаний, позывов, влечений, но только ничтожная часть получает отклик и доходит до завершающей стадии.

Искусство и литература призваны внести гармонию во внутренний мир человека, помочь преодолеть диссонанс, пробудить возвышенные чувства и духовные силы, реализовать недостижимое посредством фантазии. Для этого в арсенале внутреннего мира должно быть всё, накопленное человеческой цивилизацией против хаоса: красота, мудрость, жизнелюбие.

Если человек научится понимать, что временные рамки жизни легко раздвинуть с помощью погружения в пространство иных эпох, судеб и событий, если научится личное существование измерять и соотносить с другими, не только схожими судьбами — накопленный личный опыт, помноженный на откровения творцов и создателей художественных полотен расширится до необозримого. Таким образом, культурное наследие включает прикоснувшегося к нему в сложные и глубокие процессы поиска гармонии и смысла жизни. Именно так формируется человек гуманный, обладающий духовностью и душевной чуткостью.

За последние два с небольшим десятилетия в результате ломки системы образования, сокращения количества и качества уроков литературы, неоправданных рокировок и зачисток в списках обязательной литературы, произошло резкое снижение интереса к предмету и падение литературной эрудиции. Современный школьник и студент, как показывают социологические опросы, не знает, порой, самых известных авторов и их произведения, не говоря уже о героях этих произведений и цитатах их них. Сказываются не только вышеназванные причины, но и вошедшее в моду знакомство с произведениями по так называемым «кратким содержаниям», которыми пересыпано пространство Интернета.

Убогий язык, замена авторских метафор, образности, нарушение хронологии и разорванность структуры текста, порождает убогую систему мышления, однотипность и корявость языка. Это, в свою очередь приводит к изменениям в концептосфере человека, т. е. привычные предыдущим поколениям понятия, образы, являвшиеся частью культуры общества, под влиянием внешних факторов заменяются на более примитивные.

Приведём несколько примеров, наглядно демонстрирующих уровень современных «просветителей». Вот как выглядит краткое содержание первой главы «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя:

«В город NN въезжает бричка с обычным, ничем не примечательным. Он заселился в гостиницу, в которой, как это часто бывает, было бедно и грязно. Багаж господина вносили Селифан (низкий человек в тулупе) и Петрушка (малый лет 30).

Путешественник почти сразу же направился в трактир, чтобы узнать, кто занимает руководящие должности в этом городе. При этом о себе господин старался не говорить вовсе, тем не менее все, с кем бы ни говорил господин, сумели составить о нём самое приятную характеристику. Наряду с этим автор очень часто подчёркивает незначительность персонажа».

Обращает на себя внимание обилие ошибок. В первом предложении непонятно кто приехал в город. Во втором глаголы «заселился — бывает — было» дают временное несоответствие. В третьем, пунктуационные опечатки. Четвёртое болеет, по определению К. И. Чуковского «канцеляритом», которым гениальный автор «Мёртвых душ» страдать просто не мог, так как «занимает руководящие должности в городе» — современное убожество русского языка. В следующем предложении — неоправданный повтор «господина» и несогласованное «самое приятную». Последняя фраза звучит оксюмороном.

Точно так же читается и вольная трактовка А. Грина («Алые паруса»): *«Что бы там ни было, а весть о таком демонстративном бездействии Лонгрена поразила жителей деревни сильнее, чем если бы он собственными руками утопил человека. Недоброжелательство перешло чуть ли не в ненависть и обратилось также на ни в чем не повинную Ассоль, которая росла наедине со своими фантазиями и мечтами и как будто не нуждалась ни в сверстниках, ни в друзьях. Отец заменил ей и мать, и подруг, и земляков».*

Прочитав такие перлы, вникать в оригинал произведений желание не возникает ни у ребёнка, ни у взрослого. Мало того, закрадывается смутное сомнение: действительно ли классика является таковой? В данном контексте уместно привести цитату К. И. Чуковского: «Всякое своевольное обращение с текстом воспринимается как преступление».

В этой связи, возникает вопрос: возможно ли исправить ситуацию и если «да», то как? На эти вопросы не один год пытаются найти ответ не только воспитатели, учителя, работники библиотек и родители, но и писатели.

Как донести до юного читателя события дней давно минувших и вызвать интерес к ним? Какими приёмами, формами и средствами языка должен вооружиться современный писатель, чтобы создать произведение, основанное на этих событиях? Согласитесь, задача сложная: произведение должно быть понятное, увлекательно повествующее и не нарушающее при этом гармонии, т. е. созданное на великом и могучем русском языке.

Итак, от того, что выберет читатель (оригинал, переложение или краткое содержание) будет зависеть судьба литературного наследия и судьба современной литературы. Здесь стоит вернуться к «Илиаде» Гомера...

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА

Лев Толстой писал о Гомере, что это «вода из ключа, ломящего зубы, с блеском и солнцем и даже с соринками, от которых она ещё чище и свежее» (письмо к А. Фету). Свою эпопею «Война и мир» он сравнивал с «Илиадой» и «Одиссеей». А вот ещё цитата из дневника Льва Николаевича: «15 августа. Читал „Илиаду“. Вот оно! Чудо!». Гомеровы образы можно встретить у Бунина и Блока. А Гумилёв в своей лирике воспроизвёл не только образы, но и сам дух Гомера.

Гомер пережил Античность, Возрождение, классицизм и романтизм. В период расцвета филологической науки, т. е. в середине XIX века, он удостоился всестороннему осмыслению и, вплоть до настоящего времени, всестороннему изучению с лингвистической, литературоведческой, социально-политической, этнографической и археологической точек зрения. В течение XIX–XX веков появилось огромное количество изданий Гомера и комментариев к ним.

Когда мы говорим о подлиннике «Илиады» Гомера, создание которой датируется весьма приблизительно и относится к VIII веку до нашей эры, мы конечно понимаем, что само понятие подлинности весьма и весьма относительно. До того, как «Илиада» впервые была записана, её распространением занимались аэды, рапсоды, которых позднее стали называть гомеридами. Существуют сведения о редактировании первоисточника в VI веке при Писистрате, когда исполнение текстов включалось в афинские празднества Великих Панафиней. Именно к середине VI века до нашей эры относятся первые записи поэмы.

Уже в VI и V веках многих коробило «легкомыслие» Гомера в представлении им богов и героев с многочисленными человеческими слабостями и даже пороками, что было несовместимо с углублённым религиозно-философским сознанием данной эпохи. Гомера изучали, его восхваляли, а чаще порицали и пытались исправить не только философы, но и переводчики, желавшие привнести своим трудом стройность и упорядоченность в гомеровский эпос. Так или иначе, их сопричастность не осталась незамеченной в истории мировой литературы. Прославился своим ярым осуждением Гомера ритор Зоил из Амфиполиса в начале IV века до н. э., написавший целый трактат в 9 книгах под названием «Бич против Гомера».

Сегодня нам известны имена александрийских учёных, потрудившихся над толкованием, исправлением и изданием гомеровского текста, это — Зенодот Эфесский, Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский. Зенодот Эфесский начал с того, что разделил «Илиаду» на 24 песни и отличился большой смелостью в исправлении текста Гомера, дело доходило до вычёркивания целых стихов. Аристофан Византийский известен своей гибкостью, осмотрительностью, осторожностью и большой филологической проницательностью. И, наконец, Аристарх Самофракийский заново издал Гомера, определял подложные места в нём и, подходя критически, устанавливал текст. В венецианской рукописи Гомера можно найти также схолии из Аристоника, Дидима, Геродиана, Никанора. Изданий Гомера в античности было вообще немало.

Работа александрийских учёных, расценивается во многих отношениях не очень высоко, ввиду того, что они хотели во что бы то ни стало сделать Гомера ясным, общедоступным и совершённым поэтом, удаляя из него всё архаическое, непонятное и противоречивое. Таким образом, подчищенный и выправленный труд Гомера, начал своё странствие уже в рукописной форме.

Первый стихотворный перевод Гомера на иностранный язык выполнил Ливий Андроник. Цицерон упоминает о своих переводах Гомера. Его современник Гней Маций полностью перевёл «Илиаду». В 60 годах новой эры было составлено краткое изложение «Илиады» объёмом около 1070 стихов.

Известно так же, что в III веке н. э. Нестор Ларандский соригинальничал и переписал «Илиаду», избавившись в первой песне от буквы «альфа», во второй — от «бета», в третьей от «гамма», и так до конца алфавита и поэмы. Арабы и те имели в VIII веке перевод обеих поэм Гомера «Илиады» и «Одиссеи». Переводчиком был некий христианский маронит с Ливанских гор Феофил. Этот перевод утерян, но о нём упоминает средневековый арабский историк Абульфарагий.

Лишь в конце XV века появились первые переводы Гомера на итальянский язык Анджело Полициано. Событием в европейской культуре XVIII века стали переводы Гомера на английский язык А. Попа, на немецкий язык И. Г. Фосса. Александр Поп перевёл «Илиаду» (1715–1720) рифмованным ямбом и исправил «вульгарные» места Гомера. На сегодняшний день существует множество вариантов переводов, компиляций и переложений текста «Илиады» на Западе.

Переводы и переложения на русский язык известны не всем и не все. Признанным считается перевод Н. И. Гнедича. Но кто был до него? На что опирался и каких принципов придерживался он и его предшественники и кого мы знаем из его последователей? Существует ли аксиома восприятия и воссоздание подлинника с помощью языкового инструмента, звучит ли этот инструмент в унисон Гомеровскому голосу или это в каждом отдельном случае сугубо индивидуальный и стихийный процесс, который не укладывается в понятие гармонии? Есть ли необходимость новых переложений на русский язык и более фундаментальных изысканий в области донесения «Илиады» до читателя? Ответы на эти вопросы далеко не однозначны. Переводов «Илиады» на сегодняшний день столько, что их перечисление может занять довольно много времени. Были среди поэтов, бравшихся за переводы, буквалисты, следовавшие стилю, языку и стихотворному размеру Гомера; были такие, которые переписывали поэму вольным переложением; а были и такие, для которых сюжет «Илиады» послужил материалом для интерпретаций — воспетые «великим слепым» герои перекочёвывали в сюжеты собственных сочинений. Каждый из перечисленных вариантов в той или иной мере послужил популяризации древнего опуса. Благодаря неутомимым служителям литературы, об «Илиаде» помнят, героев «Илиады» знают, интерес к изучению пятидесяти одного дня великой войны, произошедшей за несколько сот лет до нового летоисчисления не ослабевает не только у поэтов, но и у археологов, и у историков.

Древнерусский читатель мог найти упоминания о Гомере (Омире, как его называли на Руси, следуя византийскому произношению) уже в «Житии» Константина Философа, больше известного нам, как монах Кирилл, который совместно со своим братом Мефодием изобрели славянскую азбуку и письменность. Получив прекрасное образование, основательно изучив Гомера и творчество византийских писателей, Кирилл писал первые славянские поэтические тексты для поднятия авторитета новой славянской литературы.

Далее переводы о Троянской войне встречаются уже в киевскую эпоху в «Византийских всемирных хрониках» начиная с «Хронографии» Иоанна Малалы (VI в.). В XVI веке на Руси появляются переводы, написанной по-латыни «Троянской истории» Гвидо де Колумны, с которыми был, в частности, знаком Иван Грозный. По сведениям 1679 года в Москве уже были книги Гомера на русском языке. В 1709 году по приказу Петра Великого вновь переведённая «Троянская история» была напечатана по-русски. Наконец, в 1748 г. М. В. Ломоносов включает в свою «Риторику» цитаты из «Илиады», впервые переведённые на русский язык стихами.

Вот начало VIII песни «Илиады» в переводе Ломоносова:

Пустила по земле заря червленну ризу:
Тогда, созвав богов, Зевес-громодержитель
На высочайший верх холмистого Олимпа
Отверз уста свои; они прилежно внемлют:
Послушайте меня, все боги и богини,
Когда вам объявлю, что в сердце я имею.
Ни мужеск пол богов, ниже богинь пол женский
Закон мой преступить отнюдь да не дерзает,
Дабы скорее мне к концу привесть все дело.
Когда увижу я из вас кого снисшедша
Во брани помощь дать троянам либо грекам,

Тот ранен на Олимп со срамом возвратится,
Или, хватив его, повергну в мрачный тартар,
Далече от небес в преглубочайшу пропасть,
Где медяный помост и где врата железны.

Первый полный русский перевод «Илиады» Гомера, сделанный прозой, и не с греческого, а с латинского языка, Кирьяком Кондратовичем (1760 г.), остался в рукописи. Михаил Муравьев, опубликовавший в своём сборнике 1773 году отрывок из «Илиады», писал о Гомере: «Я нахожу, что самые сокровеннейшие чувствования моего сердца столь живы в творениях Гомера, как будто происходят во мне самом». Пётр Екимов перевёл «Илиаду» прозой (1776–1778). В 1787 году был опубликован перевод первых шести песен «Илиады», выполненный Ермилом Ивановичем Костровым, а в 1811 году он был дополнен найденными в его архиве седьмой, восьмой и фрагментом из одиннадцатой. Перевод был выполнен шестистопным ямбом. И критики обрушились на автора: Белинский писал, что в этом переводе Гомера нет и признаков; Радищев также осуждал этот перевод. Хотя Костров был опытным переводчиком. Труд Ермила Кострова будет использован Гнедичем и некоторые удачные образы и метафоры плавно перекочуют в его перевод.

Гомерова Илиада перевёденная Ермилом Костровым во граде С. Петра ***1787:***

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Воспой Ахиллов гнев божественная муза,
Источник Грекам бед, разрыв меж них союза,
Сей гнев, что много душ Геройских в ад предслал,
В корысть тела их псам и хищным птицам дал;
Когда Атрид, и с ним Ахилл богоподобный,
Растрогли меж собой приязнь враждой всезлобной.
Так бурна грома Царь свершал судьбу свою.
Но кто из горних сил возжёг вражду сию?
Зевесов светлый сын Латоною рождённый:
Он гневом ярости к Атриду воспалённый
Тлетворной язвой рать Ахейску поразил;
Зане Атрид жрица Хризиса не почтил,
Что жалостью влеком и чувствием сердечным,
Достигнул к кораблям Аргивским быстротечным;
Да знаменитыми дарами и ценой
Искупит дщерь свою ниспадшу в плен судьбой.

В 1796 Карамзин публикует «Прощание Гектора с Андромахой», с пометкой «перевод». Василь Васильевич Капнист публикует перевод начала VI песни «Илиады» (1815). Перевод выполнен былинным стихом. Иван Мартынов перевёл прозой «Илиаду» (1823–1825) В 1829 году выходит полный стихотворный перевод «Илиады» Николая Гнедича. Новый полный перевод «Илиады» Минского вышел в 1896 году. Переводы Вересаева изданы посмертно в 1949 и 1953 годах. Перевод «Илиады» Шуйским, написанный в середине XX века оцифрован, но не издан. Последние полные переводы (компилятивные по авторскому определению) можно найти в интернете. Электронный вариант «Илиады» — это перевод Н. И. Вашуткина, выполненный современным стилем, не гегзаметром, и А. А. Сальникова, который попытался

разбавить перевод Гнедича более современными речевыми и стилистическими оборотами, но сохранить размер подлинника.

Перевод Гнедича, считается классическим, одним из лучших не только в русской литературе, но и в мировой. К сожалению, современные издания не печатают примечания самого Гнедича, это безусловно затрудняет понимание перевода, по причине обилия в нём славянизмов. Перевод Минского освобождён от славянизмов, но сер, прозаичен, производит впечатление подстрочника. Правда Минскому удались описательные места. Вересаев обобщил опыт Гнедича и Минского, но переводит слишком по народному, натуралистически.

В памяти последующих поколений Н. И. Гнедич остался прежде всего как автор первого полного поэтического перевода «Илиады». «С именем Гнедича,— писал Белинский,— соединяется мысль об одном из тех великих подвигов, которые составляют вечное приобретение и вечную славу литератур. Перевод Гнедича „Илиады“ на русский язык есть заслуга, для которой нет достойной награды».

Заслуга в том, что Николай Иванович Гнедич осуществил коллинеарный перевод, то есть строка в строку, не изменив размера стиха. Перевод, по сути, был делом всей его жизни. Двадцать лет без малого кропотливо и скрупулёзно изучались материалы первоисточника. У Гнедича, если мы обратимся к его переписке с А. Пушкиным, И. Крыловым, случайных строк в переводе не существовало. Перевод Гнедича несомненно классический, но всё же и он оставляет путь для более совершённых переводов.

Уместно в данном случае привести цитату М. Л. Гаспарова о нюансах и сложностях перевода исторического наследия, лучших образцов мировой культуры: «В каждой развитой классической культуре памятники прошлой литературы должны существовать не в одном, а нескольких переводах. Каждый перевод, сколь бы он не был превосходен, проецирует многомерную сложность подлинника на плоскость, делает оригинал упрощённым и представляет его односторонне. Сопоставив два или несколько переводов, читатель может получить как бы стереоскопическое изображение оригинала, увидеть его с разных сторон». Таким образом, мы видим, что вариативность помогает читателю полнее проникнуться не столько стилем, сколько событиями дней давно минувших».

Виктор Ремизовский о переводе Гнедича пишет: «А. С. Пушкин сказал: „Русская ‘Илиада’ перед нами. Приступаем к её изучению“. Однако подлинного изучения „Илиады“ Н. И. Гнедича не было и нет. Есть труды, посвящённые переводческой работе Гнедича, есть статьи о стихах Гомера в переводе Гнедича, но справочника по „Илиаде“ нет. Нет именного указателя, нет мартирологов, нет описания оружия, материалов изготовления и так далее. А для современного читателя уже необходим и небольшой словарик старославянских слов (верея, глезна, гридня, лядвея, пард, усмарь и др.). Между прочим, в Англии перевод „Илиады“ Гомера сопровождают шесть томов справок, уточнений, пояснений и прочего».

ОБОГАЩЕНИЯ И УПУЩЕНИЯ

К сожалению, после издания 1829 года вышли в свет многие десятки других изданий «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича, но в них до сих пор находим множество упущений. Исчезают авторские комментарии, меняется словарь, и до сих пор, как мы говорили, нет справочника по «Илиаде» в русском переводе. Почти в каждом издании имеется «Словарь мифологических и географических названий

и имён», но все они с существенными погрешностями. Так, в издании «Библиотеки античной литературы» 1978 года всего 289 «географических названий и имён» из 1165 упоминаемых в тексте. А в издании, осуществлённом издательством «Азбука-классика» в 2005 году, уже 585 имён и названий. Но! Увеличение произошло в основном за счёт путаницы: автор «Словаря» включил все известные ему имена, в том числе, и не встречающиеся в «Илиаде». Нелишним будет напомнить, что в поэме Гомера действующих лиц, в полтора раза больше, чем в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

Поскольку перевод Гнедича к концу XIX века уже оказался устаревшим, то появилась потребность дать перевод «Илиады» в упрощённом виде, без всяких славянизмов и на основе только современного русского литературного языка. Такой перевод «Илиады» в исполнении Минского опубликован в 1896 году издательством Солдатёнкова. Перевод Минского ближе и к современному языку и к современному состоянию филологической науки, считается вполне удачным, но уступает сжатой выразительности Гнедича.

В 1949 году опубликован новый перевод «Илиады» Гомера В. В. Вересаева, который в XX веке неоднократно переиздавался.

И вот в 2008 году в издательстве «Московский писатель» выходит в свет «Новая Илиада» нашего земляка Петра Прихожана, обозначенная автором, как компилятивная поэма, написанная по мотивам «Илиады» Гомера на основе перевода Николая Гнедича. Добавила ли эта работа ясности в изучении мирового шедевра, и сделал ли автор шаг вперёд, видно из следующих примеров:

В кратком пояснении к тексту «Илиады» Гнедич даёт краткие характеристики героям:

Аякс — сын царя Теламона (Теламонид), самый сильный, после Ахиллеса, ахейский воин;

У Прихожана, при написании «Новой Илиады» проводившего не менее тщательные, чем Гнедич исследования всего имеющегося на сегодняшний день материала, образ Аякса выступает более выпукло:

Аякс (Теламонид) — сын Теламона, царя о. Саламин и брата Пелея. После смерти Ахиллеса вступил в спор с Одиссеем за оружие двоюродного брата, которое Фетида велела отдать тому, кто больше всех отличился при спасении тела Ахиллеса. Спор предоставили решать пленным троянцам, которые, по внушению Афины, решили его в пользу Одиссея. Обиженный Аякс впал в безумие и стал избивать скот ахейцев, думая, что убивает ахейских вождей, а, придя в себя, покончил самоубийством.

Всего «Словарь мифологических терминов и географических названий и имён», приведённый в конце издания Петром Прихожаном содержит 519 слов и пояснений к ним. В качестве иллюстраций использованы фрагменты росписи, изображающие сцены из Илиады, а так же изображения героев античности, относящиеся к 540–230 г. г. до н. э., что позволяет читателю наиболее полно прочувствовать дух того времени, яснее понять описываемые события.

Несомненно, стиль изложения «Новой Илиады» далёк от перевода Гнедича и Вересаева, тем более далёк он от оригинального текста Гомера. Достоинство это или недостаток — покажет время и востребованность. Но одно можно сказать с уверенностью, именно этот перевод адаптирован к современному читателю: лёгкость языка, стремительный ход сюжета, динамизм, а в чем-то и лаконизм, исключающий перечисления, выносящий их за скобки, и предлагающий, таким образом читателю по прочтению обратиться к комментариям и словарю самостоятельно.

ИСПРАВЛЕНИЕ НЕТОЧНОСТЕЙ ИЛИ УХОД ОТ БУКВАЛИЗМА

Сегодня мы попробуем проанализировать труд Петра Прихожана, в том числе, с точки зрения преемственности. Новый перевод «Илиады» — это произведение для читателя XXI века. Сравним отрывки «Илиады» Гомера в переводе Гнедича и переложения Прихожана из «Песни второй».

Гнедич:
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отёр на ланитах.

Прихожан:
И жезлом вытянул Терсита вдоль спины.
Хулителя врасплох застала кара,
застряли в горле злые словеса,
а на спине от хлёсткого удара
багровая набухла полоса.
Терсит скукожился, заверещал, заохал,
на землю слёзы брызнули из глаз...

Мы видим, что в обоих отрывках авторы не уходят от сюжета. Автор «Новой Илиады» в такой же степени точности следует за Гомером, в какой следует за ним Гнедич. В переводе Гнедича оборот «вид безобразный наморщив» нельзя отнести к абсолютно грамотным с точки зрения лексикологии и стилистики. Так же нестройно звучит фраза: «вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра златого, вздулась багровая». У Прихожана сюжет выстроен, как мы видим, более грамотно, но «скиптр» превратился в «жезл», архаизм «ланиты» исчез не получив эквивалентной замены.

Пётр Прихожан в предисловии к книге пишет: «У каждого времени свои ритмы. Мир, со времени описываемых событий, изменился до неузнаваемости: человечество обрело письменность, сотворило других богов, изобрело уйму машин и средств связи, научилось летать за пределы Земли и роботов из кузницы Гефеста широко используют на современных заводах. Хотя не всё из тех времён ушло в небытие: в пятидесятых годах двадцатого века в Крыму носили кожаные лапти из цельного куска кожи, известные под названием „постолы“ или „поршни“, которые можно видеть на ногах героев „Илиады“».

Для того, чтобы понять, о чём ведёт речь Гомер, нужно по крайней мере изучить его эпоху, так как он сочинял для своих современников, знающих о колесницах, доспехах и обычаях того времени. Перенестись к стенам Трои, приблизиться к событиям, сжиться с героями современному читателю и должен помочь перевод. Перевод Гнедича изобилует архаизмами и старославянизмами, но данный язык, как мы знаем, считался устаревшим уже на момент завершения его труда.

Рассмотрим отрывок из «Песни одиннадцатой», в котором идёт описание эпизода схватки Диомеда с Гектором:

Гнедич:
И улучил, без ошибки уметил в главу Приамида,
В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.

Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
Пал на колено; могучей рукой упираяся в землю,
Томный поникул; и взор ему чёрная ночь осенила.

Прихожан:
И дрот метнул... В дарёный Аполлоном
Шлем дыроокий дротик угодил,
Ударил в гребень он со страшным звоном,
но только шлем трехслойный не пробил.
Сверкая, медь от меди отскочила;
и в этот раз герой остался цел,
но был удар такой огромной силы,
что Гектор на три метра отлетел.
И пошатнулся он... Обмякло тело...
На правое колено Гектор пал;
в глазах от сотрясенья потемнело;
он на мгновение сознанье потерял.
Но отдышался и, собравшись с духом,
успел укрыться в воинстве своём.

И снова мы видим сохранение сюжетной линии, образов и действий героя. Нельзя не согласиться с тем, что у Прихожана более ясно, зримо и, что особенно ценно, более «по-русски» выписан не только шлем Гектора. Читая Гнедича, возникает, по меньшей мере, сомнение в том, что «томный поникул» Гектор от мощного удара по голове. Такие неточности наводят на мысль, что форма в данном случае превалирует над содержанием и непроизвольно вспоминается Пушкин: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...»

В качестве последнего примера обратимся к тому, как переводчикам удалось передать знаменитый «Гомерический хохот». В эпизоде «Песни двадцатой», Гомер показывает не только коварство Аполлона, который, чтобы восстановить Энея против Ахилла, является к последнему под видом Ликаона, но и то, какие аргументы приводит, чтобы свершить суд чужими руками.

Гнедич:
Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:
«Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,
Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса
Дщерью Кипридой рождён, а Пелид сей — богинею низшей:
Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.
Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,
Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!»

Прихожан:
Феб возразил: «У матери защиты
ты почему не просишь? Ведь прикинь:
Фетида много ниже Афродиты
по рангу в иерархии богинь!
С такою матерью грешно бояться
Ахилловых насмешек и угроз —
иди смелее! Надо в бой ввязаться,
а кто там победит — ещё вопрос!»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «НОВОЙ ИЛИАДЕ» И ЕЁ АВТОРЕ

Положительный аспект переложения Прихожаном «Илиады» на современный язык несомненно заметен. Его «Новая Илиада», на мой взгляд, достойна серьёзного изучения специалистами и внимания всех, кто интересуется данной темой. Пётр Прихожан — признанный мастер слова. Он родился 11 февраля 1940 года, кстати, почти день в день с Николаем Гнедичем (2 (13) февраля 1784 года). Ученик Бориса Чичибабина. Член Союза писателей СССР с 1991 года, а затем Союза писателей Татарстана. Поэт, переводчик на счету которого многочисленные переводы на русский язык произведений татарских поэтов, публикации в крупных изданиях России, целый ряд сборников. Стоит отметить, что кроме Илиады, он не раз в своём творчестве обращался к истории. Им мастерски исполнено переложение «Слово о полку Игореве», которое он назвал «Снова о полку Игореве». К числу исторических поэм относятся также «Дума о граде Китеже», «Папоротник», «Святослав», «Алексей и Афросинья». Они вошли в книгу избранных произведений поэта «Дума о граде Китяже», изданную в 2011 году его друзьями из Татарстанского отделения Союза российских писателей уже после кончины Петра Борисовича, последовавшей в 2010 году.

По профессии Пётр Борисович Прихожан был строителем. В молодости судьба забросила его на всесоюзную стройку в Братск. Из Братска в Набережные Челны, куда он попал уже в числе первостроителей КАМАЗа. Им была привезена тонюсенькая книжка своих стихотворений под названием «Гулливеры», ставшая результатом его участия в конференции «Молодость. Творчество. Современность» (Иркутск, 1968 год, а книжка вышла в 70-ом). Второй сборник стихотворений «Знакомство» вышел уже в Татарском книжном издательстве (1986 год). Затем отдельным изданием выходила поэма «Стройка», заставившая по-новому взглянуть на великие стройки коммунизма и вызвавшая негативную реакцию партийных идеологов того времени. Но для поэта художественная правда всегда была выше принципов соцреализма.

Он досконально знал, как на самом деле осуществлялся «трудовой подвиг на Каме». Его личный вклад в Набережночелнинскую строительную эпопею — первая очередь кузнечного завода КАМАЗа, который он возводил в качестве начальника СМУ-1 «Автозаводстроя».

Именно поэтическая школа и врождённый такт, а так же уважение и понимание того объёма, который пришёлся на долю первооткрывателей-переводчиков, не позволили ему свой труд назвать переводом, тем более что перед глазами был образец более чем достойный — Николая Ивановича Гнедича. Поэзию Пётр Прихожан любил самозабвенно. Пять лет своей жизни он отдал тому, чтобы переложить на современный язык «Илиаду» Гомера, сделать её удобоваримой книгой, лишённой качества снотворного.

Отклики на «Новую Илиаду» незамедлительно появились в печати. Всесторонний анализ с точки зрения современной филологии провела Наталья Александровна Вердеревская, доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40–60 годов XIX века. Вот что она пишет: «Гнедич использует размер, наиболее приближённый к греческому гекзаметру, но в то же время органически включённый в утвердившуюся к этому времени в России силлабо-тоническую систему стихосложения — нерифмованный шестистопный дактиль. Он стремится в той или иной степени сохранить стилистику подлинника и подчёркивает его архаичность»

Далее Наталья Вердеревская отмечает достоинства переложения П. Б. Прихожана: «Прихожан не стремится к сходству (созвучию) греческого и русского стиха, он выбирает привычный нашему слуху размер: пятистопный ямб с перекрёстной рифмовкой, с чередованием мужской и женской рифмы, энергичный и стремительный. И этим существенно облегчает восприятие нам, воспитанным на ритме пушкинских и лермонтовских поэм, стихов Блока и Ахматовой».

Нельзя не согласиться и с тем, что пишет в своей статье по поводу выхода «Новой Илиады» поэт и журналист Вера Арямнова: «Критических замечаний отрицательного свойства при прочтении „Новой Илиады“ не возникло: внятный, динамичный текст с крепкими рифмами и размером. Другое дело, что это не размер подлинника. Но, думается, творческий человек имеет право на перевод произведений любым языком, вплоть до хореографического: балет „Илиада“ — почему нет?.. Ну, а любителям подлинного не запрещено читать Гомера на древнегреческом или перевод Гнедича. Лишь бы не заснуть на середине списка кораблей...».

После «Новой Илиады», друзья стали называть Петра Прихожана «Набережночелнинским Гомером». Но истина состоит в том, что его переложение «Иллиады» спустя почти 180 лет с момента появления перевода Гнедича и почти 60 лет с момента опубликования перевода Вересаева стало явлением в российской литературе и в российском литературоведении. Серьёзная оценка этого труда ещё впереди. Остаётся надеяться, что будущие исследователи «Новой Илиады» учтут и тот факт, что этот пятилетний кропотливый труд был для Петра Прихожана радостным и бескорыстным. «Новая Илиада» тысячным тиражом, объёмом 450 страниц, в твёрдом переплёте и удлинённом формате была издана автором за собственный счёт.

ДРУЗЬЯ «АРГАМАКА»

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВА

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В ПУТИ

«Бийский вестник» — журнал родины Шукшина

Народ всегда был прекрасно осведомлён о том, что «да будет тебе по вере твоей». Веришь в себя, значит, надейся только на себя. Веришь в могущество вождя, значит, надейся на вождя. Все выбирают второе. А коли выбрал, так уж будь добр, пеняй, в случае чего, на свой выбор. И вот эта народная философия солипсизма — такой обкатанный веками, отшлифованный до зеркальности камешек катится по блюдечку с золотой каёмкой, мелькают век за веком, события следуют одно за другим, но каковы бы они ни были, а в жизни народа почти ничего не меняется. На блюдечке лежат всё те же три корочки хлеба — иногда белые, иногда чёрные, иногда даже может появиться вкусный бутерброд. Беда лишь в том, что народ готов в любой момент лишиться всего этого великолепия и перейти на хлеб из лебеды. Говорят, именно феномен народного терпения и веры во что-то незыблемое и есть его главное героическое качество.

И тем более удивительны люди, которые выпадают из этого замкнутого круга смирения — люди, не желающие надеяться на кого бы то ни было, кроме себя, и собственных усилий. Журнал родины Шукшина «Бийский Вестник» — пример подвижнического труда длиной в полтора десятилетия. Задумайтесь — что такое для литературного журнала вот эти полтора десятилетия в эпоху перемен? Это свидетельство жизнеспособности литературы и творческого, думающего человека, человека действия, ведь жизнь журналу подарена и поддерживается фактически одним энтузиастом — главным редактором. Источники финансирования, которые появляются время от времени, возникают лишь благодаря тому, что меценаты участвуют в проекте под доброе имя главного редактора.

Журнал «Бийский Вестник», ставший легендой, историей литературы Алтая, Сибири, России — в 2018 году празднует своё пятнадцатилетие. Что характерно для первой и второй книжек «Бийского Вестника» в юбилейном году? Без преувеличения, можно сказать, что поставленные в центр внимания читателей уникальные материалы о Шукшине и произведения писателей Алтая — его земляков. Думаю,

не ошибаюсь, утверждая это. Почему? А потому, что любое слово из жизни, о жизни Шукшина — не только интересно. Это живое прикосновение к самому писателю, к его родине, вызывающее «шок и трепет» — тот самый феномен, когда касание (ладонь в ладонь!) даёт энергию духовному росту людей. Именно вот этот живой контакт с Шукшиным и утрачен во многом при окультуривании его наследия.

Что происходит сейчас в Шукшиниане? Об этом размышляет Валентин Курбатов**:** «Давно гляжу: лежит в магазине пятый том шукшинского собрания сочинений, выпущенного ещё в 1992 году в Екатеринбурге, кирзово-фуфаечный, бедноватый в оголтелом (голотелом) окружении зазывных, броско-наглых обложек, и даже на взгляд там ему неудобно. Догадываюсь, что когда ночами повторяется история его горькой сказки „До третьих петухов“, в которой Иван-дурак, оставляя на библиотечных полках своих серьёзных „коллег“, идёт по их просьбе добывать справку, что он умный, этот невзрачный том „наводит шороху“ среди публичной обложечной шушеры, так что перед открытием магазина эти „лакомые кусочки“ и „рабыни секса“, „дьявольские уловки“ и „поцелуи на краю смерти“ долго не могут найти своих мест. Но днём они своё возьмут. ... Так что же? Всему своё время под солнцем? И забвение, подкравшееся к Шукшину, естественно**:** другие времена — другие песни?»

Отвечая на этот свой вопрос Валентин Курбатов приходит к выводу, что дело тут не в старении творчества того или иного писателя, а в состоянии нашей души**:** «За трескотнёй о возрождении России мы успели подзабыть живого русского человека, который эту самую Россию и составлял».

То есть в процессе окультуривания памяти писателя произошло некое окукливание его образа и сло*в*а — нарастание оболочки привычного, стандартного, через которую трудно пробиться к живому сердцу и душе.

Об этом, как ни странно (как будто предвидя будущее), говорил и сам Шукшин**:**

«...Кто придумал глиняную кошку с бантиком? Мещанин. Кто нарисовал лебедей на чёрном драпе и всучил мужику на базаре? Мещанин. Крестьянин не додумается до этого. Он купит лебедей, повесит на стенку и будет думать, что это красиво. Его обманули. Попробуйте теперь отнять у него этот ковёр с лебедями. Не отдаст. Он привык к нему. Надо ехать и объяснять, что это плохо. ... Надо бить его по рукам, этого „изготовителя“, всеми возможными средствами. Изготовителя „ковров-книг“, „ковров-фильмов“, „ковров-концертов»...

Вот это — точное определение самого писателя тому, что происходит в Шукшиниане сейчас. Вывешивается «ковёр с лебедями». То есть — культурный суррогат. И в жизни происходит то же, что и в книжном магазине, торгующем «глянцем». Живая душа живого человека становится невидимой за громом фанфар и блеском бутафории. Происходит изъятие души, изъятие самого Шукшина из его же биографии. Чиновник Чичиков купил-таки мёртвые души. Вообще, всех нас купили — легко и просто.

О том же болит душа поэта Александра Боброва — статья «Растревоживший Русь». И остаются в стороне и забвении самые главные вопросы — что написал Шукшин, что такого важного сказал, что непременно нужно знать каждому? Шукшин работал как проклятый, работал до смерти. И мы должны понять, ради чего он работал и умер.

Журнал — то, что позволяет нам прикоснуться непосредственно — душой, ладонью к тому самому тексту, который выстрадан писателем. Поэтому, именно поэтому потрясают письма Шукшина, ранее неизвестные, опубликованные директором Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина (с.Сростки) Лидией Чудновой. Письма, адресованные Майе Семёновне Якутиной — односельчанке

Шукшина, работавшей в с. Сростки в районной прокуратуре в 1952 и 1953 годах, когда происходили почти ежедневно её встречи с будущим писателем, режиссёром, актёром.

Фактически, письмо к Майе Якутиной, датированное 27 сентября 1974 года (за неделю до смерти В.М.), это последние строки, написанные Шукшиным при его жизни, где он делится со своей бывшей односельчанкой планами на ближайшее будущее. Пишет о том, что скоро приступает к работе над большим фильмом о Степане Разине: «Работа предстоит столь огромная, что о ней не хочется заранее говорить (страшно пока), но делать надо».

В предыдущих письмах, где Майя Якутина говорила о том, что «жизнь уже прожита», Шукшин, не соглашаясь с ней, написал: «...это не так. Это ещё не конец, это добрая середина — на том и условимся».

И ни слова о каком-либо тёмном предчувствии — Шукшин не собирался уходить. Он собирался работать!

Прекрасно, что во второй книжке «Бийского Вестника» опубликованы рассказы Шукшина, упомянутые в статье Валентина Курбатова: «Стенька Разин», «Миль пардон, мадам!», «Жена мужа в Париж провожала». Живое слово Шукшина совершает чудо — создаёт эффект его присутствия в настоящем моменте. Очень верное редакторское решение, которому вторит стихотворение Николая Зиновьева: «Загорелый, вихрастый. Задорный/ На телеге сижу, а дорога/ Превращается в путь самый скорбный,/ Путь из детства, всё дальше от Бога.../ После будут событья и даты,/ Будет много и грязи, и лжи.../ И щемящее чувство утраты/ Незапятнанной детской души».

Письма Шукшина и его рассказы возвращают нас туда — к истокам его творчества, к незапятнанной детской душе, которая живёт в каждом живом человеке. Это и есть отличительная черта второй книжки журнала «Бийский Вестник» за 2018 год.

Журнал родины Шукшина «Бийский Вестник» вот уже пятнадцать лет удерживает рубежи прозы, поэзии, публицистики, следующих традициям классической русской литературы и, действительно, прекрасно справляется с поставленными изначально задачами — просветительства и создания единого творческого пространства в России, где может развиваться то, на чём зиждется жизнь народа, а именно его национальная культура.

ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Мозг человека — это самое удивительное и загадочное произведение Природы. Его можно назвать восьмым чудом света. На самом деле, это первое чудо света, ибо известные семь чудес появились благодаря работе мозга. Мозг человека — это центр управления работой всего нашего сложного организма, наш «бортовой» компьютер. Он, скорее всего, квантовый. Один человеческий мозг сложнее всей мировой сети интернета вместе со всеми миллиардами компьютеров, входящих в неё. Это единственный инструмент познания окружающего мира. Это сложная целостная система приёма и переработки энергии и информации, которые он получает из внешнего мира. Его задача заключается в чувственно-рациональном отражении действительности, в разумном регулировании чувств и поведения человека.

Главное, он обеспечивает наше мышление, нашу умственную деятельность. Моё «Я» — это и есть мой мозг, который фактически является микрокосмосом. Примерно полтора килограмма студенистой массы в черепной коробке обеспечивает всё богатство нашего внутреннего мира, всё разнообразие нашего поведения и всё восприятие окружающей действительности. Ещё в 420 г до нашей эры Гиппократ писал: «Человек должен в полной мере осознать тот факт, что именно из мозга происходят наши ощущения радости, удовольствия, веселья, также как наши печаль, боль, скорбь, слёзы. Мы мыслим мозгом и с его помощью можем видеть и слышать, и способны различать уродство и красоту, добро и зло, то, что приятно и неприятно.»

Есть точка зрения, что человек только тогда поймёт своё предназначение и свою сущность, когда познает себя, т. е. свой мозг. Если учесть, что мозг — это само совершенство, что его потенциальные возможности практически безграничны, начинаешь понимать, насколько священна и неприкосновенна жизнь человека, который является его обладателем.

В настоящее время строение мозга изучено достаточно хорошо. Не последнюю роль в этом сыграло отсутствие болевого синдрома в мозговой ткани. Современная наука, новые физические методы позволили получить много экспериментальных данных в рамках нейрофизиологии, нейрогенетики и биохимии. Но всё это привело пока к афоризму: «Много знаем, мало понимаем». Это объясняется тем, что с проблемой понимания работы мозга связана не столько его физиология, сколько проблема сознания.

СОЗНАНИЕ

Вопрос о взаимоотношении мозга и сознания всегда был актуальным. Если «мозг» ассоциируется у нас с физическим, материальным объектом, то понятие «сознание» вызывает затруднение.

Сознание можно отнести к метафоре, которая предполагает целую систему структурно-организованных элементов, связанных с психикой. Эта категория включает в себя переживания, ощущения, восприятие, представление, понятие, мышление, внимание, потребности, интересы, эмоции, воля и т. п. То есть в философском понимании сознание рассматривается как функция человека, как свойство отражения действительности человеком. При помощи сознания человек выделяет себя из окружающей среды и, воссоздавая её в форме психических образов, регулирует своё поведение и поступки.

Сознание многокомпонентно, но составляет единое целое. Существует более тридцати определений сознания. В большинстве из них подчёркивается, что сознание человека — это высшая форма психической активности, связанная с использованием чувственных и мыслительных образов; это осмысленное отражение действительности, выражаемое посредством речи; это осознанное Бытие; это субъективный образ объективного мира. И главное, это высшие психические функции — речь, память, мышление, интеллект, творческая деятельность, стремление к познанию, к пониманию своего «Я». Понять связь между психическими функциями и работой мозга, соотносительность материального (процессов, происходящих в мозге) с идеальным (мысль, мышление, память) — вот главная проблема. И здесь возникает масса вопросов. Что такое мышление, и существует ли мозговой код? Как рождается мысль, и как происходит её реализация, например, в виде общей теории относительности Эйнштейна, картины художника, литературного или музыкального произведения? О каком чувственно-рациональном отражении действительности сознанием можно говорить, когда речь идёт о несуществующем или воображаемом? Как объяснить колоссальный объём памяти человека, каков её механизм и где находится «карта памяти»? Как осуществляется процесс познания и чем он обусловлен?

Наука продвинулась вперёд, и человечество приблизилось к миропониманию благодаря деятельности мозга и работе нашего сознания. Но понять их взаимосвязь, их соотносительность в полной мере она пока не в состоянии. Этой проблеме около двух тысяч лет. Что первично — мозг (материя) или сознание? Порождает ли мозг сознание? Либо сознание проявляет себя через работу мозга? Что означает потеря сознания или потеря памяти? Вопросы сложные и актуальные. Парадоксальная ситуация — мы познаём мир с помощью инструмента, работу которого и принципы организации которого пока не знаем. Если выдающийся физик С. Хокинг говорил, что: «...Научных законов вполне достаточно для того, чтобы объяснить возникновение мира. Нет смысла впутывать в это Бога.» То выдающийся нейрофизиолог Н. П. Бехтерева другого мнения: «Всю свою жизнь я посвятила изучению самого совершённого органа — человеческого мозга. И пришла к выводу, что возникновение такого чуда невозможно без Творца.» Наталья Петровна тем самым подчёркивала уникальность, сложность, загадочность нашего мозга и его широчайшие потенциальные возможности. Проблемы головного мозга и связанного с ним сознания намного превышают все проблемы космологии и Вселенной в целом.

Пока ясно лишь, что между психикой (сознанием) и материальным её обеспечением (мозгом) существует двусторонняя связь. Активность нейронов (клеток головного мозга) организуется мыслью (и в этом плане говорят, что мысль материальна), а изменения в активности нейронов вызывают изменения в поведении и мыслях человека. Действительно, мозг есть скоординированная, взаимосвязанная, кооперативная система, включающая большое число подсистем, работающих как единый механизм. *Именно строение мозга позволяет связать между собой многочисленные динамические процессы в некую целостную совокупность, которая и является нашим сознанием.*

Это подтверждается тем, что каждой мысли, каждому психическому явлению соответствуют изменения в активности нейронов, их реорганизация и перестройка связей между нейронами. А мысли и даже субъективные чувства являются проявлением разных физических состояний соответствующих нейронных ансамблей и участков мозга. Любая творческая деятельность, как один из важнейших элементов сознания, связана с мозгом. Научная теория, идея, музыка, живопись, литература не приходят к нам откуда-то в готовом виде, а являются результатом сложнейшей работы мозга их создателей. И музыка становится музыкой только тогда, когда набор звуковых волн разных частот воспринимается человеком, его мозгом. И значимость написанного полотна определяется не стоимостью холста и красок, а только благодаря восприятию его человеком. Только благодаря процессам, происходящим в его мозге, в нейронных сетях и на уровне биохимии, полотно становится либо шедевром, либо посредственностью.

Сознание и его элементы в свободном состоянии (вне мозга) не наблюдаются. Они являются необходимым атрибутом мозга и проявляются только в его конструкции. Но очевидна и обратная связь — влияние мыслей и эмоций на активность нейронов, на состояние и зоны мозга, на организм в целом. Этому можно привести массу примеров из реальной жизни и из психологии: эффект плацебо, йога, медитация, гипноз, зомбирование, сглаз, эффект белого халата и т. д. Как говорит С. В. Медведев: «Соотношение между психикой и материальным её обеспечением — так сказать, дорога с двусторонним движением.» Но мне больше нравится следующее замечание Д. Чопры: «Противопоставление мозга сознанию — вообще бесперспективная идея... Сознание и материя неотделимы друг от друга. Человеческому мозгу — как инструменту сознания потребовалось время на эволюцию. Но когда он развился в достаточной мере, между мыслью и нейроном возникло такое же совершённое единение, какое бывает между пианистом и его инструментом,— только так мозг может достойным образом исполнять музыку жизни.» Меня смущают в этой цитате только слова «как инструменту сознания».Здесь подспудно предполагается, что сознание первично, а мозг — его инструмент. Мне ближе высказывание А. С. Хоцея, что **сознание есть результат интегративной работы всех систем возбуждённого мозга**. От уровня возбуждения мозга зависит и уровень сознания, и вся его структурная и функциональная организации. Мозг и сознание составляют единое целое и совместно «исполняют музыку жизни».

СОЗНАНИЕ И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что никто не знает, что такое сознание и как оно работает. Отсюда столько его определений, против каждого из которых трудно что-либо возразить. Пока все согласны только в том, что сознание каким-то образом связано с организацией и работой мозга. В дополнение к этому оказалось, что проблема сознания связана с проблемами квантовой механики. Даже был введён термин «квантовое сознание».

Квантовая механика, в нынешней её интерпретации, является лучшей теорией, описывающей поведение микрообъектов. Но строго научной теорией её назвать нельзя. Она представляет собой инструмент-методику, с помощью которой описывается поведение объектов микромира в определённых пределах. По определению, квантовая механика — это самосогласованная, логически не противоречивая, математическая теория, *предсказания* которой согласуются с экспериментом. Р. Фейнман

отмечает: «... квантовая механика даёт совершенно абсурдное с точки зрения здравого смысла описание Природы, но оно полностью соответствует эксперименту...». Природа же квантовой реальности остаётся непонятной. Дело в том, что в квантовой механике существует «эффект наблюдателя» — результат квантового эксперимента зависит от наблюдателя и требует учёта особой роли его сознания. То есть микромир при наблюдениях зависит в какой-то степени от сознания наблюдателя, которое может менять поведение квантовых систем. Естественно возникает вопрос, что такое квантовая реальность или что такое «физическая реальность» на фундаментальном квантовом уровне материи? И насколько при этом эксперимент является основой истины?

Как писал П. Йордан: «Наблюдения не только нарушают то, что должно быть измерено, они это определяют... Мы принуждаем квантовую частицу выбирать определённое положение... Мы сами производим результаты измерений». В таком случае человек-наблюдатель является сотворцом существующей реальности. «Парадоксальность» квантовой механики оказалась связанной с сознанием, с работой мозга. По словам В. Паули: «Законы физики и сознания должны рассматриваться, как взаимодополняющие». Поэтому проблема соотносительности сознания и мозга важна не только для нейрофизиологии, но и для квантовой физики, для понимания микромира и мира всей Вселенной.

ГОЛОВНОЙ МОЗГ

Мозг — это не просто самовосстанавливающаяся структура, но ещё и саморазвивающаяся, способная работать над собой и способная к самоперестройке. Его специфика состоит в том, он воспринимает воздействия извне не просто как стимулы для реакции, а как информацию, которую он перерабатывает в знания и откладывает их в память. Это ведёт к трансформации некоторых материальных мозговых структур.

Материальная природа мозга накладывает некоторые жёсткие ограничения на процессы мышления в рамках некой биологической защиты. Это обеспечивает штатный режим работы мозга. В этом режиме он рассчитан «на долгую жизнь» и обладает чрезвычайной надёжностью. Стрессовые ситуации, нарушающие этот режим работы, естественно оказывают негативное воздействие на работу мозга и организма в целом.

Обеспечением работы мозга занимаются более 80% генов. Строение мозга очень сложное, это удел специалистов. Мы рассмотрим лишь некоторые особенности мозга человека. Наиболее сложной и специализированной частью центральной нервной системы (ЦНС) являются хорошо известные всем большие полушария мозга. Они являются высшим отделом ЦНС, состоят из правого и левого полушарий и составляют почти 80% от общей массы мозга. Поверхность полушарий имеет сложный рисунок в виде борозд (углублений) и извилин (складок), благодаря которым увеличивается площадь поверхности мозга и число нейронов. Основные борозды делят полушария на пять долей — лобная, теменная, затылочная, височная, островковая. Все они ответственны за определённые психические функции. Особенно велико значение лобных долей, которые у человека занимают примерно 25% от общей площади. Именно большая лобная доля позволяет нам мыслить абстрактно и логически. Например, сравните лобные доли человека и шимпанзе. Как показывают исследования, наиболее активно эволюционировала именно лобная область мозга гоминид (семейство человекообразных обезьян), далее теменная и височная доли, а в наименьшей степени прогрессировала затылочная доля мозга.

В каждом полушарии различают кору, покрывающую всю поверхность полушария. Она занимает примерно 44% от объёма всего полушария и образована скоплениями нейронов (десятки миллиардов). Кора головного мозга выполняет сложный анализ поступающих сигналов. В ней возникают ощущения, запоминается поступающая информация, осуществляется процесс мышления.

Если на долю головного мозга приходится примерно 2–3% от массы тела, то потребление кислорода мозгом в состоянии физического покоя достигает 25% от общего потребления его всем организмом, а у детей — до 50%. Поэтому наша физическая активность весьма полезна для умственной деятельности. Физические нагрузки стимулируют работу мозга.

Для эффективной работы больших полушарий необходимо, чтобы к ним поступали «правильные» информационные потоки. Этим занимается таламус — ключевая структура, которая находится на входе в кору больших полушарий. Он играет роль фильтра информационных потоков, роль «секретарей» больших полушарий. Помимо таламуса информация от всех органов чувств также тщательно фильтруется на всех уровнях ЦНС. Цель этой фильтрации одна — обеспечить адекватное («правильное») отражение реальной действительности для сохранения штатного режима работы мозга. Без правильной фильтрации информационных потоков человек может прийти к шизофрении. Он будет не в состоянии выделить главную информацию из поступающего огромного потока, что скажется на умственной деятельности. *Поэтому говорят, что мир таков потому, что у нас такой мозг.* Какую информацию пропускать, какую отсекать, какую корректировать — решает его величество мозг и все его структуры. В видении мира, в поступках, в действиях, в решениях, в поведении, в общении человек не может опередить или обойти мозг.Наш мозг воспринимает внешний мир, реконструируя его в рамках законов действующего мозга в виде определённой модели.

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ

Наш мозг — это результат эволюции живой материи. Главная задача мозга, как центра управления,— обеспечить выживание особи в конкретной реальной действительности. Поскольку реальная действительность эволюционирует, то продолжает эволюционировать и наш мозг, подстраиваясь под новые возможности. В процессе эволюции естественно увеличивались относительная масса мозга, число нейронов и, самое главное, число связей между нейронами. Именно числом связей между нейронами, а не массой мозга, определяется интеллект человека. Например, мозг Тургенева (2000г) и мозг Гёте (1200г) отличались существенно, но интеллект обоих был весьма высок. В этом плане велика роль количества извилин, так как они увеличивают площадь поверхности мозга, число нейронов и число связей между ними. Масса мозга среднестатистического мужчины больше массы мозга среднестатистической-женщины примерно на 10%. Однако у женщин больше число связей между нейронами, поэтому их мозг работает эффективнее.

У человека мозг насчитывает 80–100 млрд нейронов, а связей между ними триллионы. К примеру, в нашей галактике «Млечный Путь» около 200 млрд звёзд. По оценкам учёных число связей между нейронами и число их возможных вариантов равно примерно числу частиц в видимой Вселенной. Это колоссальная нейронная сеть. Как пишет К. В. Анохин: «Наш мозг –это огромная физически связанная сеть, это гиперсеть, в которой генерируется, отражается и запоминается весь наш субъективный опыт. Эта гиперсеть и есть наше „Я“.»

Передача по нейронной сети электромагнитного импульса представляет собой мысль. Каждой нашей мысли соответствуют изменения в активности нейронов, их реорганизация, перестройка связей между нейронами, реорганизация нейронных ансамблей. Это не стационарная сеть, а мобильная. За день в нашем мозге «рождается» до 70 000 мыслей. И каждой мысли соответствуют свои нейронные связи. Одновременно с этим происходят молекулярные изменения, синтез различных белков. Всё это происходит практически одновременно и молниеносно во всём головном мозге. Одна секунда активности мозга соответствует 40 минутам работы мощного компьютера. При этом происходит параллельная обработка информации. Все эти сети и функциональные системы динамически перестраиваются в зависимости от конкретной задачи. Идёт постоянная трансформация связей.

Существует отличная концепция системной динамической локализации высших психических функций (ВПФ) А.Р. Лурия. Она является одной из основных, объясняющих связь психики и мозга. Суть её состоит в следующем:

◊ Нет ни одного психического процесса, который не был бы каким-то образом локализован в мозговых структурах.

◊ Поставленная субъектом психологическая задача определяет систему мозговых процессов, которые будут задействованы при решении данной задачи.

◊ Любая психическая функция есть результат интегративной деятельности всего мозга.

Так что мы имеем? Жёсткую локализацию ВПФ в участках мозга или ответственность мозга целиком за их реализацию? Мы имеем и то, и другое. Наблюдаются реализации событий, в подготовке которых участвовали зоны всего мозга. В качестве аналога этого процесса можно привести возникновение торнадо. Наблюдается его чёткая локализация, хотя в его подготовке участвовали огромные воздушные массы.

Обсуждая работу мозга, необходимо коснуться концепции Н. П. Бехтеревой о жёстких и гибких звеньях мозговых структур. Это пример оптимизации работы мозга. Жёсткие звенья — это овеществлённые, многократно протекавшие, «застывшие» этапы функций. Это такие звенья, которые обеспечивают выживание особи и экономичную работу мозга. В рамках экономии имеет место фиксация жёстко закреплённых функций в виде конкретных нейронных сетей в долговременной памяти. А для выполнения сложных задач, требующих мозговое обеспечение, наличие высокоэффективных рабочих ансамблей, используются гибкие звенья. Для решения таких задач необходимо создание новых связей, новых нейронных сетей. Таким образом, мозг использует гибкие технологии.

НЕЙРОНЫ

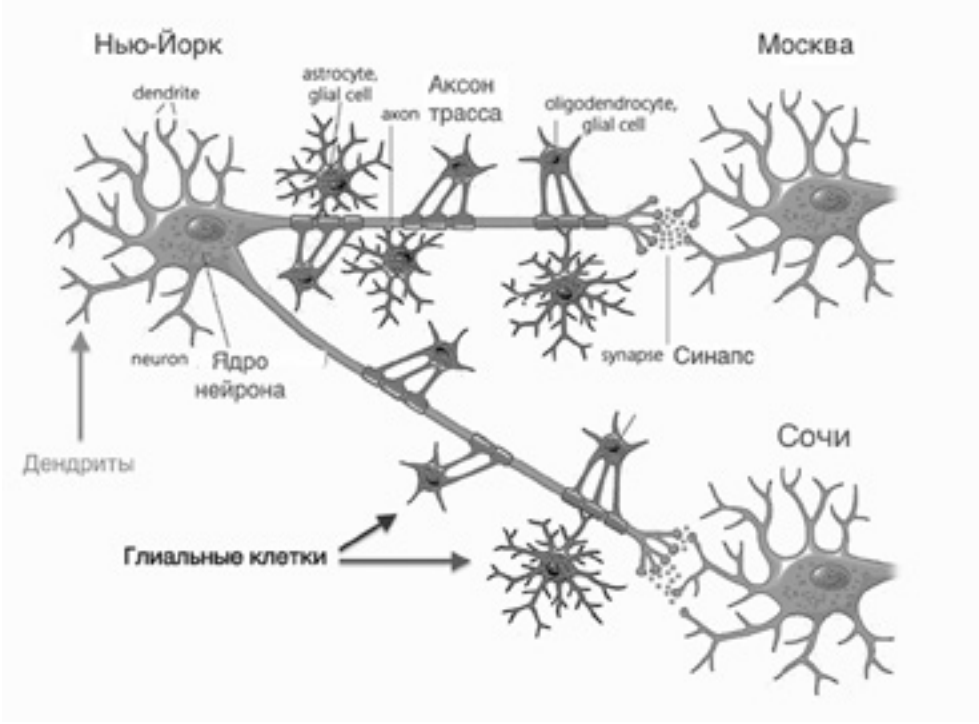
Основными клетками головного мозга, ответственными за «рождение» мысли являются нейроны. Существует до 60 различных вариантов строения нейронов. Их классификации также многочисленны. Размер нейронов от 4 до 100 мкм в ширину. Каждый нейрон представляет собой практически отдельный «город», имеющий центр управления (ядро), рабочую зону (цитоплазму с рабочими органоидами) и таможню (мембранную оболочку). Таких «городов» десятки миллиардов. В ядре находятся молекулы ДНК, функциями которых является хранение, передача и воспроизведение в ряду поколений генетической информации. В ДНК любой клетки закодирована информация обо всех белках данного организма, о том, какие белки, в какой последовательности и в каком количестве будут синтезироваться.

Цитоплазма — внутренняя среда клетки, включает множество рабочих органоидов, обеспечивающих её жизнедеятельность. Особо можно выделить митохондрии и рибосомы.Митохондрии обеспечивают клетку энергией, а в рибосомах происходит синтез белка. Мембранная оболочка обеспечивает гомеостаз (постоянство условий) клетки и проведение нервных импульсов.

Отличительными свойствами нейронов являются наличие нескольких дендритов, многочисленных синапсов и, как правило, одного аксона. Это устройства связи нейронов, обмена информацией с другими нейронами и проведения нервного импульса. Дендриты — короткие, сильно разветвлённые отростки, собирают информацию от других нейронов через синапсы. Они играют ключевую роль в интеграции и обработке информации. Синапсы — место контакта между двумя нейронами, служат для передачи нервного импульса. Одни синапсы вызывают возбуждающее, другие — тормозящее действие.

Аксоны — это длинные отростки, это выходные нервные волокна клетки. Они обеспечивают проведение импульса и передачу воздействия другим нейронам или от нейрона к исполнительному органу. Основными свойствами нейронов является способность возбуждаться и способность проводить это возбуждение по нервным волокнам. Аксон фактически является кабелем, по которому распространяется нервное возбуждение (импульс). Скорость передачи нервного импульса может достигать 120 м/сёк.

Ниже приведён схематично участок нейронной сети:



РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Упрощённо формирование нервного импульса можно представить следующим образом. Поверх оболочки нейрона расположен слой белков, который формирует калийные и натриевые каналы. Положительные ионы находятся вне нейрона, отрицательные — внутри. В состоянии покоя каналы закрыты. На оболочке нейрона возникает разность потенциалов (потенциал покоя). Когда с участием синапсов за счёт химических изменений, ионные каналы открываются, положительные ионы попадают внутрь нейрона. Происходит разряд, который называется *потенциалом действия* или *нервным импульсом*. Это и есть *«осколок мысли»*. Аксон передаёт нервные импульсы от тела нейрона к дендритам соседних нейронов как по кабелю. Общая длина всех аксонов составляет примерно 160 000 км. Они имеют по своему ходу сотни тысяч соединений с дендритами других клеток. Один нейрон может иметь до 20 000 связей с другими нейронами. Если суммарный сигнал превышает порог возбуждения, то нейрон возбуждается, что приводит к выработке нервного импульса.

Любое наше мысленное переключение внимания немедленно перестраивает синаптические связи. Налицо плотный ряд масштабных событий, которые случаются в миллисекунды с каждым мысленным событием в мозге. Функционирование нейронов требует больших затрат энергии, которую мозг получает через сеть кровоснабжения. Сонные и позвоночные артерии транспортируют к мозгу до 20% всего объёма крови.

Любая мысль вызывает не только реорганизацию нейронных ансамблей и нейронных сетей, но и определяет характер множества молекулярных процессов, связанных с синтезом конкретных белков, необходимых для «реализации» данной мысли.

СИНТЕЗ БЕЛКОВ

Упрощённо синтез необходимого белка можно представить следующим образом. Код его молекулы переносится с молекулы ДНК на молекулу РНК (иРНК — информационная РНК), которая доставляет нужную информацию в рибосомы, где должен происходить синтез белка. Факторов, определяющих и регулирующих этот процесс, около миллиона. Но это только первичная информация о структуре белка. Дальше сама иРНК начинает себя редактировать для того, чтобы сформировать окончательный информационный код для синтеза данного белка. В этих процессах участвуют около 4 млн различных «переключателей» и около 8 млн различных молекул. По отредактированному коду в рибосомах на основе комбинаций аминокислот происходит синтез точной конечной формы белка, необходимого для «задуманной» перестройки нейронов. Аминокислоты в рибосомы доставляются транспортными РНК (тРНК).

Таким образом, иРНК доставляют в рибосомы информационный код будущего белка, тРНК — аминокислоты, и в рибосомах происходит синтез необходимого белка. *В высшей степени удивительно, но нейрон точно «знает», какая форма необходима для незамедлительного синтеза нового белка, чтобы отреагировать на изменения, возникающие с ходом мысли в перестраиваемых нейронных схемах*. Складывается впечатление о «разумности» процесса редактирования иРНК. Эти процессы происходят для «реализации» каждой мысли. Именно конечные формы белков являются самым важным фактором в этом сценарии. Синтезированные белки сразу готовы к реорганизации нейронных связей. Следовательно, если в момент события заблокировать синтез белков, то память о нём стирается из сознания. Т.е. мысль не будет «реализована».

Для современной науки со всей её вычислительной базой пока невозможно моделирование этих процессов. Клетка же делает это в какие-то миллисекунды. Непонятно, как любое ментальное (мысленное) событие практически мгновенно запускает такой сложный механизм. Оно является «спусковым курком» для начала синтеза белков, для «реализации» мысли. Побуждения и стимулы к ментальному событию приходят из разных источников — сенсорная стимуляция со стороны окружающей среды (различные явления природы), литература, наблюдения, музыка, живопись, кино, общение с людьми и т. д. Всё вышесказанное находит экспериментальное подтверждение при наблюдении активности мозговых структур. Самым удивительным и непонятным в этом процессе является реализация мысли в конкретное воплощение: музыка, живопись, литература, научная теория и т. д. Поэтому любую творческую деятельность приписывают метафорическому понятию — сознанию. На самом деле это есть результат сложнейшей работы мозга и тех процессов, о которых мы говорили. Для любого озарения мозг должен быть хорошо подготовленным. Идея периодической таблицы химических элементов пришла именно к Д. И. Менделееву, который долгие годы занимался этой проблемой. Шедевры «рождаются» благодаря мозговой деятельности авторов.

Усложнение функций живых организмов в процессе эволюции происходит за счёт усложнения связей между нейронами. Функционально объединённое сообщество множества нейронов приобретает новое качество, которое не является результатом простого суммирования свойств отдельных нейронов (свойство эмерджентности). Как отмечает Л. Млодинов: «Мы пока ещё не приблизились к истокам разума или сознания, как эмерджентного феномена, являющегося результатом взаимодействия нейронов.» По этой причине свойства и признаки, присущие живой материи, никоим образом не вытекают из физических и химических свойств молекул, её составляющих.

АЛГОРИТМ РАБОТЫ МОЗГА

Исследования алгоритма работы мозга показали следующее. Работа мозга состоит из двух важных алгоритмов — гносеологического и оптимизационного.

Гносеологический (гносеология — теория познания) направлен на поиск и накопление знаний. Оптимизационный должен принимать оптимальные решения на основе накопленных знаний. Главным является то, что выбирается такой результат, который даёт *лучшую эмоциональную оценку*. Именно аппарат эмоций осуществляет качественную оценку, задаёт мотивацию и определяет вообще всё. Физиологи и психологи уже давно доказали, что за любым психологическим актом и за интеллектуальной сферой лежит сфера мотивационная. Всё, что мы делаем, направлено на поиск положительных эмоций. А эмоции являются результатом работы биохимии мозга. Исследования показали, что даже во время совершения альтруистических поступков мозговая активность меняется так, что это приводит к приятным ощущениям. Поэтому при совершении богоугодных дел человек в первую очередь сам испытывает моральное, психологическое удовлетворение.

БИОХИМИЯ МОЗГА

Биохимия мозга позволяет понять, как выработка и синтез определённых химических веществ, нейромедиаторов, гормонов и ферментов влияют на психическое, эмоциональное состояние людей, их поведение и физиологию. Гормоны служат регуляторами многих процессов в организме. Нейромедиаторы обеспечивают возникновение и передачу нервного импульса от нервной клетки через синапсы. Они могут быть возбуждающими и тормозящими. Все эти вещества ответственны за поведение человека. Они позволяют оценить окружающий мир через призму собственных установок. *Нет плохих или хороших событий, а есть то, как мозг воспринимает эти события.*

Рассмотрим некоторые химические вещества, вырабатываемые и образуемые в организме, в том числе и в головном мозге, и влияющие на психику и эмоции.

Серотонин влияет на настроение человека. Повышение серотонина создаёт в коре головного мозга ощущение подъёма настроения, удовлетворения, эйфории, эмоциональной устойчивости. Он положительно влияет на процесс познавательной активности. Недостаток серотонина вызывает депрессию.

Дофамин отвечает за чувство удовольствия, за предвкушения удовольствия. Его выработка начинается ещё в процессе ожидания удовольствия. Это способ мотивации и поощрения эволюционно верных выборов, способствующих выживанию. Дофамин использует тягу к удовольствию, чтобы заставить человека совершить правильные действия или принять решение.

Эндорфины — гормоны счастья. Это вещества, вызывающие у человека чувство эйфории. Они вызывают целый ряд психических ощущений за счёт положительных эмоций. Выброс эндорфинов напрямую связан с ощущением счастья, сиюминутного блаженства, с просмотром произведений искусства, с прослушиванием музыки, с занятиями спортом.

Адреналин (гормон страха) адаптирует организм к стрессовой ситуации. Его секреция резко повышается при стрессах, страхе, тревоге. Без этого гормона организм оказывается беззащитным перед любой опасностью.

Мы привели лишь некоторые химические вещества биохимии мозга, влияющие на психику, эмоции и поведение человека. Важно то, что изменить биохимию возможно не только за счёт химических препаратов, но и посредством психотерапевтического воздействия. То есть, не только химические вещества влияют на нашу психику и эмоции, но и наши мысли, наше сознание определяют биохимические процессы. Поэтому йога,

медитация, позитивное настроение и даже созерцание природных пейзажей благоприятно действуют на организм, на мозг и на умственную деятельность. А стрессовые состояния, печаль, ненависть, уныние приводят к тому, что мозг перестаёт вырабатывать необходимые нейромедиаторы, что ведёт к негативным явлениям. Достаточно сказать, что химический состав печальных слёз сильно отличается от слёз радостных.

Нейроны по своему строению, по своим свойствам и классификации являются очень сложными клетками. Хотелось бы остановиться на некоторых специализированных нейронах, в частности, зеркальных нейронах и «детекторах ошибок».

ЗЕРКАЛЬНЫЕ НЕЙРОНЫ

Зеркальные нейроны — одно из главных открытий в нейробиологии. По значимости они приравниваются к открытию «двойной спирали» ДНК. Суть их состоит в том, что они возбуждаются как при выполнении определённого действия, так и при наблюдении этого действия, выполняемого другими. Они заполняют разрыв между «Я» и другими. Зеркально-нейронная система осуществляет внутреннюю проекцию других людей в наш мозг. Они делают нас социально интегрированными. Наш мозг способен зеркально воспроизводить глубочайшие аспекты чужого внутреннего состояния, что позволяет нам понять себя через других. Это ли не начало человека?! Мы вместе представляем собой глобальную сеть. Взаимодействуя, мы на нейрофизиологическом уровне делимся эмоциями и намерениями. Мы не только имитируем поведение других, но и вступаем в резонанс с их чувствами, с их внутренним мыслительным потоком. Это называется *«эмоциональным заражением»*. Экспериментально установлено, что через несколько минут беседы определённые мозговые зоны и структуры резонируют в плане активности. Следствием работы зеркальных нейронов могут быть возможные состояния взаимной любви, эмоции, сопереживания, доверие, гипнотическое влияние, сглаз, предсказания, наговоры и т. д. Они помогают понять и прояснить нейрофизиологический механизм языка и речи человека, социобиологию, элементы культуры и науки.Мозг использует сенсорную информацию для репрезентации чужого сознания. Но зеркальные нейроны реагируют только на *преднамеренную активность*. Зеркальные нейроны считаются основой социума. Они делают человека Человеком. Поэтому их появление (примерно 40 000 лет назад?) считается критической точкой в эволюции мозга человека.

ДЕТЕКТОРЫ ОШИБОК

Следующие специализированные нейроны, поражающие воображение, это «детекторы ошибок». Это мозговой механизм оптимизации мыслительной деятельности. Это нейроны, реагирующие селективно на ошибочное выполнение задания. Данный феномен был открыт Н. П. Бехтеревой в 1968 году Детектор ошибок работает на бессознательном уровне, обеспечивая устойчивое функциональное состояние мозга, и тем самым поддерживая «правильное» поведение человека. Физиологический механизм его работы заключается в постоянном мониторинге и сравнении информации о текущем состоянии с моделью, находящейся в матрице памяти. В случае рассогласования происходит активизация детектора ошибок.

Бессознательный механизм детектора ошибок поддерживает верную модель поведения человека. Перед совершением человеком ошибки или неправильном

опознании «чего-то» нейроны «сигнализируют» об этом, наблюдается их импульсная активность. Это согласуется с результатами П. К. Анохина (1955 г.), который показал, что мозг «предвосхищает» (моделирует) свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением. Он опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром.

Сейчас доподлинно известно, что в мозгу существуют как нейроны-детерминаторы ошибок, которые активны перед совершением ошибки, так и нейроны-детекторы ошибок, которые активируются после совершения ошибки. Детектор ошибок выполняет роль стабилизатора работы мозга и во многом определяет условно «правильное» поведение человека. Сознательная ложь, сознательное совершение «неправильного» действия приводит к активации системы детектора ошибок. «Детектор лжи» не обманешь.

Детектор ошибок препятствует отклонению нашего поведения от нормы, включает режим ограничения. Поэтому его называют иногда «блоком гениальности». Если ослабить работу этой системы, снять некоторые ограничения, ослабить тем самым биологическую защиту, то человек будет с «отклонением» от нормы, т. е. не ординарным (либо гением, либо шизофреником). Кстати, у многих гениев мозг «раскрепощался» из-за болезни. Возможно, что сбой в работе детектора ошибок ведёт к озарениям, открытиям, изобретениям, к пикам в творческой деятельности. По этому поводу А. Эйнштейн писал: «Нельзя решить проблему при помощи того же мышления, которое её породило». То есть, для этого нужно выйти за ограничения нашего мозга.

При этом важно знать, что сбой в работе детекторов ошибок автоматически ведёт к нарушению штатного режима работы мозга, к ослаблению биологических защитных свойств, к быстрому изнашиванию организма. Гениальность — это та же аномалия и гипертрофия. На Западе в этом направлении ведутся очень обширные исследования. Многие таким образом стремятся «получить Эйнштейнов».

Учитывая работу детекторов ошибок, необходимо обратить внимание на подсознательное и на интуицию. Человек часто ощущает интуитивно, на подсознательном уровне нежелание сделать что либо, нежелание принять то или иное решение. Возможно, это сигналы нашего мозга. Он уже «просчитал» всё и предупреждает человека не делать этого. Когда же человек всё же совершает это действие, то часто убеждается позже в его неправильности.Недаром говорят, что первая мысль обычно правильная. Иногда выполнение задуманного происходит как бы само собой («как по маслу»), а иногда сопровождается преодолением большого количества препятствий («как головой об стену»).

Следует отметить, что в психической деятельности человека на сознательном уровне перерабатывается информации в секунду на семь порядков меньше, чем на бессознательном**.** *Поэтому очень важно научиться слушать свой мозг. Все его помыслы направлены на обеспечение существования человека в данной реальности*. Между организмом и мозгом существует диалектическое единство. Они зависят друг от друга и обеспечивают друг друга.

ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ ВОЛНЫ И МОЗГ

Роль волновых процессов в работе функциональных систем мозга весьма велика. Как было сказано выше, практически вся наша умственная деятельность основана на возбуждении и передаче электромагнитных импульсов по нервным волокнам. Каждую минуту десятки тысяч электрических импульсов «передают сообщения между нейронами». Любое физическое тело падающую на него энергию частично отражает,

а частично поглощает, чтобы потом переизлучитьеё на определённых частотах. Тело человека не является исключением. Поэтому вокруг человека и его головы возникает «аура», «биополе», «ореол», которые являются результатом информационно-энергетического обмена с окружающей средой. Диапазон собственного электромагнитного излучения тела человека довольно широк:

◊ низкочастотные электромагнитные поля (частота меньше 10^3 герц),

◊ радиоволны сверхвысоких частот (частота 10^9–10^{10} герц),

◊ инфракрасное излучение (~ 10^{14} герц),

◊ оптическое излучение (~10^{15}герц).

Низкочастотные поля создаются главным образом при протекании физиологических процессов, сопровождающихся электрической активностью органов. Характерное время процессов, протекающих в мозге ~ 0.1 сёк. Мозг человека излучает электромагнитные импульсы малой интенсивности частотой в основном до 30 герц. Из 10 наблюдаемых ритмов электрических колебаний мозга можно выделить пять основных групп этих волн («волны мозга»):

◊ *дельта-волны* (0.5–4 Гц, глубокий сон, транс, гипноз),

◊ *тета-волны* (4–7 Гц, яркие сны, медитация, интуиция, усиление памяти),

◊ *альфа-волны* (8–13 Гц, положительные эмоции, чувства комфорта и благополучия, умственная деятельность),

◊ *бета-волны* (13–30 Гц, активное состояние, быстрое мышление, насторожённость, тревога),

◊ *гамма-волны* (30 Гц и выше, гиперсознание, йога, медитация).

В альфа диапазоне лежит полоса частот, которая резонирует с магнитным полем Земли (резонанс Шумана). Идеально уравновешенное состояние сознания достигается на границе между альфа и тета, которая приблизительно соответствует частоте 7.8 Гц — частоте резонанса Шумана, частоте резонансного поля Земли. Поэтому NASA использует эту частоту для поддержания своих космонавтов на орбите.

В силу существования таких биоритмов мозга опасна синхронизация внешнего воздействия с мозговыми волнами. Опасно также попадание в резонанс с биоритмами человека инфразвука, на частотах, близких к альфа и бета ритмам.

Негативное влияние на работу мозга оказывают также мобильные телефоны. Во время разговора происходит прямое воздействие электромагнитных полей (ЭМП) на мозговые структуры. Даже в режиме ожидания мобильник поддерживает контакт с мачтой сотовой связи и происходит воздействие «информационных» ЭМП. Поэтому не желательно класть телефон рядом во время сна и хранить его в кармане либо на поясе. Коммерция и бизнес всячески убеждают нас в безопасности мобильной связи. Исследования же показывают совершенно иное:

◊ даже 2-х минутное пользование мобильным телефоном может изменить биоритмику активности мозга ребёнка в течение 2-х часов после окончания разговора (Испания);

◊ установлена связь между развитием опухолей головного мозга и пользованием сотовым телефоном (Венгрия);

◊ при пользовании мобильником у абсолютно здоровых людей в височных областях мозга отмечаются изменения, похожие на энцефалограмму больных эпилепсией (Россия);

◊ длительное пользование сотовыми телефонами может способствовать лейкемии, расстройству памяти, замедлению кровообращения в мозге, нарушению функционирования ЦНС, ухудшению зрения, снижению иммунитета, повышению артериального давления;

◊ особенно их негативное влияние сказывается на беременных, маленьких детях, сердечниках, неврастениках.

Да, мы живём в мощном потоке электромагнитных волн, ибо окружены современными технологиями. Но здоровье организма в первую очередь определяется штатным режимом работы головного мозга. Как снизить негативное воздействие мобильных телефонов на мозг? Надо просто проявить благоразумие и познакомиться хотя бы с рекомендациями специалистов в интернете.

ПАМЯТЬ

Одним из загадочных вопросов мозга, его тайной является проблема памяти. С момента своего рождения, и даже раньше, человек всеми своими органами чувств воспринимает информацию, перерабатывает её в «физическое прошлое» и откладывает в память. Есть данные о том, что даже плод в чреве матери ещё до своего рождения воспринимает информацию об окружающей среде, используя её для подготовки к «выходу» во внешний мир.

В памяти хранится вся информация, которую мы воспринимаем в течение всей нашей жизни от мелочей, от эпизодических до важных событий. Вопрос только в том, что по существу мы не знаем точно, где и в каком виде хранится наша память и где находится «карта памяти». Оценки объёма человеческой памяти колеблются от квадриллиона байт до нескольких петабайт информации, что сопоставимо с объёмом всей глобальной сети.

Исследования показали, что память в целом нельзя устранить, какие бы участки мозга не удалялись. По мнению К. Лешли «Памяти нигде нет, но в то же время она всюду». Многие эксперименты показывают непрерывное распределение памяти, то есть вся информация является распределённой по коре мозга. Распределённый характер памяти, её колоссальную вместимость, механизм хранения информации, «карту памяти», ассоциативную память, фантомные боли, сохранение информации в памяти человека во время клинической смерти и другие особенности памяти наилучшим образом объясняются *голографической* её моделью. Конечно, она не решает все проблемы восприятия и памяти, но, главное, не противоречит классическим нейрофизиологическим концепциям.

Пока на сегодняшний день считается, что молекула ДНК представляет собой лучшую систему хранения информации, а человеческий мозг является самым эффективным вычислительным устройством и при этом самым экономичным по энергозатратам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы слегка соприкоснулись с работой мозга, с «рождением» мысли, с проблемой соотносительности мозга и сознания. Вопрос о взаимоотношении мозга и сознания остаётся открытым и дискуссионным по сей день, несмотря на то, что этой проблеме более 2000 лет.

Важным является также вопрос о будущем мозга и человека. Наша реальная действительность эволюционно «породила» наш мозг и наше сознание, и они её адекватно отображают. Не секрет, что за последние годы наблюдается колоссальное увеличение информационного потока. Информационный взрыв в масштабах планеты

обусловлен работой нашего мозга и деятельностью человека. По прогнозам объёмы информации будут удваиваться каждые два года. С другой стороны, отмечается рост различного рода заболеваний, особенно психических. На неврологические заболевания тратится в Европе около 400 млрд евро в год. С учётом связи психического и материального, а также лидирующей роли мозга, становится понятным рост и других физиологических заболеваний. Информационный взрыв ведёт к нарушению штатного режима работы мозга и к ослаблению биологической защиты организма. Естественно возникает вопрос об информационной «вместимости» нашего мозга без катастрофических последствий для физиологии человека. Как далеко и глубоко способен человеческий ум проникнуть в свои тайны и тайны мира?

В связи с этим возникает центральная проблема человеческой цивилизации — проблема двух культур, которая резко обострилась в XX — XXI веках. С одной стороны, наблюдается мощный рост естественнонаучной культуры (точных наук и прогрессивных технологий), что естественно является заслугой мозга человека. С другой стороны, наблюдается спад и даже крах гуманитарной культуры(первая и вторая мировые войны; проблемы экологии, энергетики, здравоохранения, народонаселения, политического и религиозного фанатизма, терроризма), что никак не согласуется с рациональной деятельностью мозга. Как писал Пифагор: «Разум, подобно хорошему скульптору, представляет душе прекрасные образы». Позитивная познавательная деятельность человека оборачивается негативными последствиями в рамках гуманитарной культуры. Практически все достижения человеческого разума используются в военных целях, что является реальной угрозой существования человеческой цивилизации. Всё это свидетельствует о низкой гуманитарной культуре Человечества, как цивилизации.

Ещё в 1820 году великий Ж. Б. Ламарк писал: «Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания.» По сравнению с 1820 годом ситуация в наши дни ухудшилась на несколько порядков. Борьба «между окружающей средой и близорукой погоней за прибылью» достигла своего максимума. Ноосфера (биосфера, преобразованная трудом и разумом человека; надбиосферный мыслительный пласт) становится разрушительной силой, так как ведёт к нарушению целостности единой неделимой биосферной системы. Всё выше перечисленное не согласуется с рациональной работой такого совершённого устройства как мозг человека.

Человек, находясь на вершине биологической стадии эволюции, обладая высокоразвитой структурой головного мозга и высоким уровнем сознания, своей деятельностью создаёт реальную угрозу своему существованию. В связи с этим напрашивается вопрос о возможном существовании постбиологической стадии эволюции материи в виде *создания человеком самоорганизующихся искусственных информационных систем*. Речь идёт о симбиозе машинной и человеческой цивилизаций. В этом случае человек будет больше напоминать кибернетический механизм с ёмким и эффективным мышлением. Мы являемся свидетелями движения в этом направлении. Но будет ли это человек?

МИХАИЛ ЧВАНОВ

КАМЛАНИЕ НА КРОВИ

* * *

Вместе с автором данной статьи я принадлежу к послевоенному поколению. Наши годы рождения: 1944-й и 1945-й. Абсолютно согласен с ним: столетний юбилей «великого Октября» прошёл, проблемы, связанные с ним, остались. События 1917 года и последующей Гражданской войны требуют дальнейшего осмысления. Они аукаются в мире и сегодня. Говорят, что инерцию согласно законам физики победить невозможно. Общественное сознание вновь взбудоражено мнением о том, что будущее России непредставимо без лидера (вождя), сравнимого с Лениным или Сталиным. А коли так, значит, будущее представимо с властью без Бога.

Не всё в рассуждениях Чванова бесспорно, но в главном я, человек сугубо беспартийный, то есть не вступавший даже в КПСС, с ним согласен. Потому что... Мои предки-мужики по отцовской линии — потомственные сельские кузнецы — были раскулачены. Моего отца-фронтовика, шесть лет председательствовавшего после войны в сельсовете, чуть не посадили за то, что он якобы дал справку односельчанину-колхознику, по которой тот пытался получить паспорт. Да, я застал то время, когда все сельские жители (пол-России или больше?) были безпаспортными рабами советской системы, работавшими от зари до зари в поле и на фермах не за деньги, а за палочки-трудодни, за которые осенью, если она окажется урожайной, может быть, они получат немного зерна или фуража. Я помню, как ровесники моих старших братьев (1936 и 1939 г.р.) один за другим были осуждены за полмешка пшеницы, украденной с колхозного поля в пятидесятые годы: кто на год, кто на три, а кто и на пять.

Это продолжалось и в шестидесятые — при Хрущёве. А наш сосед, дядя Коля Карпов, рождённый в двадцатые годы, отсидел 20 лет в Магадане за такую же кражу, совершённую в голодные тридцатые годы. И было «врагу народа», когда он попался, пятнадцать лет. Мы с ним, уже стариком, иногда выпивали, и он рассказывал: когда зэки возвращались с лесоповала или с прииска в зону, их встречал на заборе огромный портрет Сталина. И они кричали речёвку: «Спасибо, усатая сволочь, за наше счастливое детство!» И конвой (то ли вологодский, то ли ещё какой) в них не стрелял, может быть, потому, что был солидарен с ними — на краю земли свои порядки, а общие невзгоды даже охрану сближают с сидельцами...

Я не понимаю, как и почему становятся ныне сталинистами уважаемые люди, среди которых, не скрою, есть и мои друзья, а среди писательского сообщества — старшие товарищи по общим пристрастиям — не только литературным. Мы с Михаилом Чвановым не вправе их осуждать. Мы приглашаем их к дискуссии.

Николай АЛЕШКОВ.

* * *

Отшумели юбилейные речи, прошелестели газетные и журнальные публикации. Немало было телевизионных передач, аналитических обзоров, посвящённых 100-летию так называемой Великой Октябрьской социалистической революции. Удивительно, но именно так кровавый большевистский переворот именовался и в официальном правительственном постановлении, посвящённом этому «юбилею». Тем самым нынешняя власть соглашается с трактовкой благоприятного для страны характера этого переворота, считая его закономерным шагом в исторической поступи России.

Не менее удивительно, что среди огромного количества материалов на эту тему в подавляющем меньшинстве оказались объективные аналитические материалы по сути этого, касающегося не только России, явления. К удивлению, подавляющими в количественном отношении были статьи, анализы и телевизионные шоу с выступающими в них не только оголтелыми коммунистами во главе с камлающим на крови миллионов пострадавших от этой революции и её последствий товарищем Зюгановым, настойчиво пытающимся соединить Христа с Антихристом (чего стоит только одно его заявление: «Если бы Иисус Христос сегодня был жив, он был бы с нами»), но и статьи, и выступления людей вроде бы вполне нормальных, вроде бы серьёзных ученых-историков, я уж не говорю о так называемых левых красных патриотах и даже о некоторых «православных» патриотах.

Статьи, доказывающие, что так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция во главе с товарищем Лениным (а в последнее время появилось немало «объективных» статей о Троцком, пытающихся обелить чёрного кобеля если не добела, то хотя бы до сера, такая статья появилась даже в патриотическом журнале «Наш современник»), спасла Россию. Да, именно так, пусть с некоторыми оговорками: да были там такие мелочи, как красный террор, расстрел священников и разрушение храмов, жестокое подавление многочисленных крестьянских восстаний, архипелаг ГУЛаг, но якобы сидели в лагерях с невыносимыми условиями, в основном, троцкисты да уголовники (а армию уголовников создали вчерашние беспризорники, появившиеся после красного террора, Гражданской войны и крестьянских восстаний против большевистской «народной» власти). Статьи, доказывающие, что миролюбивые большевики-государственники не брали власть вооружённым путём. Ещё вчера они хвалились штурмом Зимнего дворца, а сегодня утверждают, что никакого штурма не было, они подобрали власть на грязной октябрьской петроградской мостовой, брошенной масонской Февральской революцией.

Кем же на самом деле были большевики? Может быть, они и им подобные, которые только называли себя иначе, вообще не хотели никакой революции, если бы ни Февральская бесхребетная революция, после которой они вынуждены были брать власть, валяющуюся под ногами? Но разве не они задолго до Февральской революции в течение десятилетий раскачивали, разваливали страну бесконечными терактами? Разве не они развязали революцию 1905 года? Разве не «большевистский центр», созданный тайно от меньшевиков ещё в 1906 году на Стокгольмском съезде так называемой РСДРП, готовил для будущей революции кровавых боевиков за границей, как сегодня на тайных базах готовят боевиков ИГИЛ[1], из молодых рабочих уральских заводов, создавая из них боевые дружины, а на самом деле банды, которые потом грабили поезда и банки (это называлось экспроприацией народом нажитого на нужды революции), убивая стражников и случайно оказавшихся при этом свидетелей? Разве ни на эти обагрённые кровью деньги проводился в 1907 году в Лондоне V съезд РСДРП, разве не на нём, опять-таки в тайне от меньшевиков, «большевистский

[1] ИГИЛ – запрещённая в Российской Федерации террористическая организация.

центр» провозгласил курс не социалистическую революцию? Если у товарища Зюганова в жизни путеводной звездой является товарищ Ленин, то у товарища Ленина путеводной звездой был кровавый террорист Нечаев. Временем массового начала «красного», революционного террора можно считать уже 1901 год. Только с 1901 по 1911 годы жертвами его стали около 17 тысяч человек.

Красный террор был определён Троцким как «орудие, применяемое против обречённого на гибель класса, который не хочет погибать». Видный чекист М. Лацис (в 1938 году расстрелянный: то ли за то, что не дострелял, или за то, что лишку перестрелял «врагов народа»), писал: «Мы истребляем ненужные классы людей. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора».

Ошельмованные годами коммунистической пропаганды, мы до сих пор стесняемся называть революционеров всякого рода и, тем более, большевиков, своим именами. А они были бандитами и убийцами.

Кем был их вождь Ульянов-Бланк-Ленин, живший в Шушенском в ссылке, вместе с супругой за счёт преступно благодушного царского правительства (сравните с ГУЛагом!) так, как не жили, наверное, в советское время партийные функционеры в санаториях ЦК КПСС. В охотничьем раже он настрелял во время весеннего половодья столько тощих, непригодных для еды зайцев, что под их весом чуть не утонула лодка вместе с зайцами и вождём мирового пролетариата. Этот факт биографии из книги воспоминаний Надежды Константиновны Крупской 20-х годов был застенчиво вырезан строгой цензурой в последующих изданиях. Ульянов-Бланк-Ленин был, прежде всего, братом одного из организаторов террористической организации, готовившей убийство императора Александра III. По кодексу большевиков убийство ради идеи не является убийством! Русофобская ненависть к русскому народу, как и старшему брату, переданная Владимиру Ульянову-Бланку-Ленину матерью, кипела в нём. Он не однажды в той или иной форме говорил: «Если и есть в России умные люди, то это только евреи». Но не будем укорять Владимира Ильича старшим братом, вслед за большевиками скажем, что брат за брата, сын за отца не отвечают, но с приходом большевиков к власти стали отвечать и арестовываться, привлекаться к большевистскому суду по статье «враг народа» целые семьи, включая стариков, малолетних детей и порой даже дальних родственников. Из огромного количества известных нравственных характеристик будущего вождя мировой революции приведу только одну, кажется, до сих пор не упоминаемую в печати.

Голод в результате засухи в Поволжье в конце XIX века (придёт время, большевики подобный голод в 20-е годы XX века будут усугублять, подчистую выгребая хлеб у крестьян и отправляя его за рубеж для поддержки мирового пролетариата, который в этом хлебе не нуждался, а спасать Россию от голода, приведшего порой к людоедству будет великий полярный исследователь Фритьоф Нансен), как и террор, Ленин считал своим верным союзником в деле подготовки мировой революции. В 1891 году, когда самарское общество во главе с губернским предводителем дворянства Г. С. Аксаковым, сыном великого русского писателя С. Т. Аксакова, в меру своих сил боролось с последствиями засухи и наступившим после неё голодом, а Самара была центром голодающего Поволжья, будущий вождь мировой революции, тогда двадцатилетний помощник самарского присяжного поверенного, был единственным из представителей местной интеллигенции, кто не только не участвовал в общественной помощи голодающим, но был категорически против неё. Один из поклонников будущего вождя

мировой революции некто В. Водовозов восторженно писал «В конце 1891 года разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим. В комитет входила самая разнообразная публика — от чиновников, занимающих высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц, явно неблагонадёжных, даже прямо поднадзорных... На собраниях и сходках молодёжи Ленин вёл систематическую и решительную пропаганду против комитета... Владимир Ильич имел мужество открыто заявить, что последствия голода — нарождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнёт крестьянство на путь революции и облегчит победу революции...». Своё отношение к комитету помощи голодающим будущий Ленин выражал, по свидетельству В. Водовозова, чрезвычайно ясно и просто: *«С членами комитета один способ разговора: рукой за горло и коленкой на груди!»*. Чем не проявление садистских наклонностей?

Другие левые патриоты, в какой-то мере трезво оценивающие личность Ульянова-Бланка-Ленина, решительно отмежевывают от него личность И. Джугашвили-Сталина. Что он никогда не был верным ленинцем, как утверждают учебники по истории партии, и каким до самой своей смерти он называл себя сам. Что он был на самом деле антиподом Ленину, что он долго, постепенно набирая силу, прикидывался ленинцем, и что репрессии 1937 года — это уничтожение ленинско-троцкисткой гвардии. Якобы убедившись в невозможности мировой революции, он поставил цель построения коммунизма в одной стране. Его сравнивают с Иваном Грозным, и он сам был не против этого сравнения, но при Грозном, было казнено, кажется, всего три тысячи человек.

Что касается ГУЛага, плач нынешней либеральной интеллигенции по нему — это плач по троцкисто-ленинской гвардии, которую Сталин загнал в лагеря, а не о миллионах крестьян, рабочих, учёных, священников, российской интеллигенции, которые были ни в чём неповинны. Недавно в ответ на вопли либеральной интеллигенции о якобы десятках миллионов расстрелянных и погибших в лагерях, тюрьмах и спецпоселениях (туда не вошли данные о погибших в многочисленных крестьянских восстаниях, одно из них, Тамбовское, красный маршал Тухачевский усмирял боевыми газами), директор ФСБ А. В. Бортников в «Российской газете» опубликовал якобы документально подтверждённые цифры сталинских репрессий: «всего» 3 миллиона 777 арестованных (поразительная точность!), из них 643 тысячи расстрелянных. А это, что — мало? Что касается раскулаченных, то якобы был раскулачен всего один процент от общей численности крестьянского населения страны.

Приведённым А. В. Бортниковым цифрам хотелось бы верить, но как верить им, если в уральском хуторе Ералка, где жил мой дед по матери, из четырнадцати крестьянских дворов было раскулачено четыре? И можно ли верить цифрам, предоставленными в начале 1954 года, ещё при жизни Сталина, тогдашним ген. прокурором Руденко и тогдашним министром внутренних дел Кругловым? Меня вообще смущает, что нынешнее ФСБ, как и МВД, не отмежевались от, без сомнения, преступной организации ВЧК-ОГПУ и считают себя именно её восприемниками, а не российского корпуса жандармов и не российского МВД во главе со Столыпиным. Опять ныне в фаворе основатель этой организации, «железный Феликс».

Нет, Сталин никогда не был антиподом Ленину. Развал Советского Союза, его обречённость были заложены в самой Ленинской национальной политике. Она была если не тупостью, то сатанинской гениальностью русофоба Ульянова-Бланка-Ленина. И эту политику продолжил Джугашвили-Сталин. Из Российской империи, где дружно жили

все народы, отторгнув ряд территорий, накроили национальных республик, из Малороссии упорно в течение десятилетий создавали искусственное государство Украину, попирая права русского народа. Уже к началу сороковых годов там выходила единственная газета на русском языке. Всё время существования искусственного образования, какое представлял из себя Советский Союз, русский народ кормил и обустраивал национальные окраины, сам прозябая в нищете, особенно страдало лишённое паспортов крестьянство. Вся страна представляла собой концлагерь. Помню, как уже в конце пятидесятых — начале шестидесятых моя тётя Анна, колхозница, получала только палочки в ведомости за отработанные дни. Если получалось на трудодень 200 граммов пшеницы или ржи, то это была великая радость. Крестьян выручал только собственный огород. Помню, как уже в начале 60-х с отцом косили сено для собственной коровы, без которой не прожить, порой уже в сентябре, а бывало, и после первого снега, потому что разрешалось косить для себя только когда колхоз откосится. Прятались в овраге, когда видели верхового, который мог быть партийным уполномоченным. И, вжавшись в землю, отец, участник декабрьского наступления под Москвой, тяжело раненный под Юхновым, инвалид войны второй группы, плакал и матерился: «Я от немцев так в землю не вжимался, как от этих сволочей, настоящих врагов народа». Это сейчас товарищ Зюганов преступно мутит головы юным гражданам страны, принимает их в красные пионеры, рассказывая сказки, как хорошо жилось при социализме.

Сельская Россия, духовная основа страны, пережившая коллективизацию, Великую Отечественную войну, троцкистские хрущёвские реформы, и сегодня похожа на кладбище, она брошена на выживание, хотя есть обнадёживающие ростки, дающие возможность верить в непобедимую стойкость российского народа: то там, то здесь, несмотря ни на что, на бывших пустырях возрождаются погибшие деревни. Но вот недавно мэр Москвы господин Собянин заявил, что в России около 20 миллионов условно лишних сельских жителей. Что накормят страну агрохолдинги. Правда, он не предложил, как быть с этими лишними двадцатью миллионами, преимущественно пенсионерами и людьми не желающими жить в мегаполисах. Может, по Троцкому?

Левые красные патриоты утверждают, что Сталин восстановил империю, а точнее, создал новую, Красную империю. И не его вина, что пришлось строить жёсткой рукой. Ну, хорошо, а где ныне эта искусственная империя? Она осыпалась, как срубленная, лишённая корней ёлка после новогодних праздников, оставив в этих осыпях, бывших союзных республиках, в роли изгоев миллионы русских. Он рассорил русский народ со всеми славянскими странами, навязав им лагерный социализм.

Многие постулаты созданной Сталиным Красной империи — за границей нормального человеческого сознания. К ним относится провозглашённый Сталиным постулат, что при социализме классовая борьба усиливается. Этот, объявленный гениальным, тезис требовал доказательства. И его стали усиленно доказывать. Может, права внучка выдающегося русского психиатра В. М. Бехтерева, Наталья Петровна, которая воспитывалась в детдоме, как дочь «врага народа», потому что её отец был расстрелян в 1938 году, что В. М. Бехтерев неожиданно умер в 1927 году на второй день после посещения Сталина по поводу его сухорукости, из-за того, что он неосторожно проговорился кому-то о параллельно поставленном им Сталину диагнозе: «тяжёлая паранойя». Прямых доказательств тому нет, но всё, что делалось в двадцатые и тридцатые годы со страной, далеко за границами здравого смысла. В рамках несомненно, параноидальной доктрины, что классовая борьба при строительстве социализма усиливается, был развязан жестокий террор против своего народа. Каждая республика, каждая область получили разнарядки — сколько людей надо арестовать и сколько из них расстрелять, независимо от того, были ли они врагами кроваво-красной империи.

Планы составлял НКВД, а утверждало Политбюро во главе со Сталиным. И сегодня холод пробегает по спине при чтении этих документов. Но ещё более ужасает инициатива местных кадров, боявшихся самим попасть в эти разнарядки за недоработку. Никто не просил уменьшить лимиты на аресты и расстрел, все просили увеличить.

Вот письмо: начальника Управления НКВД по Омской области Горбача, он докладывает «железному наркому» с двухклассным образованием (члены большевистского Политбюро в области образования недалеко ушли от него), садисту Николаю Ежову, что в Омской области по первой категории (расстрел) арестовано 5444 человека. В конце доклада он просит: «Прошу увеличить лимит первой категории до 8 тысяч человек». Ежов, на которого потом постараются свалить разгул репрессий и расстреляют, не решается самостоятельно решить этот вопрос, он согласовывает его со Сталиным. Тот накладывает резолюцию: «т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч. И. Сталин». Что это — резолюция здравого в своём уме человека?

Украине увеличивают лимит на 30 тысяч, Белоруссии — на 5 тысяч... Иногда в республики летели такие телеграммы «Город Фрунзе. НКВД. Уничтожьте 10 тысяч „врагов народа“. Об исполнении доложить. Ежов». Не думаю, что эта телеграмма не была согласована со Сталиным, верю, что она была инициирована им.

В 1937–1938 годах Ежов направил Сталину 383 списка арестованных из числа руководящих работников и членов их семей. В эти списки они включали тысячи людей. Если Сталин ставил напротив фамилии цифру 1 (первая категория) — это означало расстрел. Цифру 2 — тюрьма или лагерь. Левым патриотам в оправдание Сталина остаётся только говорить, что Хрущёв, развенчавший потом Сталина, подписал гораздо больше смертных приговоров, чем Сталин.

Недавно разговорились с подполковником Российской армии, башкиром, гордящимся, что несколько поколений его предков были царскими урядниками, получившим тяжёлое ранение в Чеченскую войну, которая тоже не что иное, как отрыжка «гениальной» ленинско-сталинской национальной политики. Он рассказал о своём дяде, арестованном в 1937-м и отсидевшем в лагерях от звонка до звонка 10 лет, согласно приговора по страшной 58-й статье: «изменник Родины». Чтобы победно выполнить разнарядку по «врагам народа», в районе не хватало одного человека, а в 12.00 нужно было докладывать об исполнении. Около кинотеатра, фильм уже начался, схватили одиноко стоявшего парня, который дожидался опаздывающую невесту.

Желая хоть каким-нибудь образом обелить личность Сталина, некоторые левые «патриоты» представляют его своего рода раскаявшимся разбойником Кудеяром: да на его руках много крови, да он объявлял «пятилетку борьбы с церковным мракобесикем», но потом, вспомнив свою семинарскую юность, раскаялся, и под его руководством была одержана победа в Великой Отечественной войне. «Православные» красные патриоты, есть и такие, придумали красивую легенду, что перед решающей битвой за Москву Сталин приказал облететь вокруг Москвы с Казанской иконой Божией Матери.

Да, он назвал русский народ великим, но только тогда, когда над страной нависла смертельная угроза — гитлеровское нашествие, к которому страна, армия были не готовы, в том числе, и по причине репрессий. Подавляющее большинство офицеров высшего и среднего звена было расстреляно или сидело в лагерях, в первые же месяцы войны счёт попавших в плен солдат шёл на миллионы, в этом же ряду — блокадная трагедия Ленинграда. Да, убедившись, что, несмотря на жестокие репрессии, русский народ в большинстве своём остался православным и державным, и поняв, что только тогда станет возможной победа, когда загнанный в лагеря народ, почувствует войну Отечественной, Сталин открыл храмы, выпустил из лагерей избежавших расстрелов священников, вернул патриаршество, вернул армии погоны, учредил ордена великих

русских полководцев. И простодушный русский народ простил ему прежние злодеяния. В армейские ряды были призваны вчерашние раскулаченные крестьяне и их подросшие дети, добровольцами записывались заключённые в лагерях, и те, и другие не для того, чтобы перейти линию фронта и сбежать от ненавистного режима, а то и влиться в немецкую армию, а для того, чтобы защищать Родину. И поднимались они в смертные атаки не за Сталина, как утверждала и продолжает утверждать коммунистическая пропаганда, а за Родину, а кричали «За Сталина!» политработники, которые в большинстве своём, прокричав «За Сталина», прятались за спинами идущих в атаку цепей. Насколько же искренними оказались слова Сталина о великом русском народе можно судить по тому, что посадки невинных людей не прекратились ни в войну, ни после победы...

События последних лет, появление ИГИЛ, казалось бы, из ничего, из шайки тёмных необразованных бандитов, превращение её во влиятельный фактор мировой политики, угрожающей всему цивилизованному миру, даёт возможность посмотреть по новому на такое явление, как так называемая Великая Октябрьская социалистическая революция, которая тоже, как и ИГИЛ, выросла вроде бы из ничего, из шайки бандитов и примкнувших к ней идеалистов-романтиков, и всерьёз её никто не принимал. Но именно она со временем обрушила в пропасть Российскую империю (даже название страны было выброшено на свалку) и сыграла огромное влияние на ход мировой истории. Русский народ, все его сословия, особенно казачество и крестьянство, и даже целые народы, как например, калмыцкий, оставшийся верным Белому Царю, подверглись чудовищному геноциду. И есть все основания полагать, что эти два мировых явления — одного порядка, одной антисистемы, одного отца и одной матери, одной закулисы, только под разного цвета знамёнами. Приверженцы того и другого противостоят основам коренных религий. Одни, уворовав у Иисуса Христа основные заповеди, на основе их состряпав «кодекс строителей коммунизма», вторично распяли Христа, законодательно запретив его, разрушив Его храмы, расстреляв и загнав в лагеря Его священников. В лагерях же оказались и мусульманские, и буддистские священники, и даже раввины, хотя основной костяк пламенных революционеров составляли евреи и полукровки, как некоторые утверждают, красные евреи, отказавшиеся от Бога. Идеологи ИГИЛ, отвергнув коренной Ислам, тоже рушат храмы без разбору. Одни провозгласили своей целью мировую революцию, вторые — Всемирный Халифат. Чем же отличается ИГИЛ от так называемой Великой Октябрьской революции? Те же расстрелы, та же ненависть к культуре, к историческому прошлому. Те же наёмники со всего мира, отпетые бандиты и «наивные» романтики. Красная армия 1918 года почти на 50 процентов состояла из так называемых воинов-интернационалистов, деклассированных и денационализированных элементов, сбежавшихся чуть ли не со всего мира. Различается только цвет знамён. Тоску в современной России по Красному ИГИЛ провоцирует антинародное засилье олигархов, отношение к которым внятно не выразил ни Президент страны, ни правящая партия. Это и заставляет народ тосковать по советской власти, по сильной руке, по Сталину, даже по Ленину, даже по Берии. Нынешняя экономическая политика лево-либерального правительства тоже способствует, чтобы народ тосковал о прежних временах.

Партия большевиков создала СССР, её наследница, КПСС, её и развалила, мировая закулиса, на которую привыкли сваливать все беды, тут сыграла далеко не первую роль, из рядов компартии вышли такие истинные ленинцы, как Горбачёв и Ельцин. Оба они заслужили Ленинскую премию за продолжение дела разрушения исторической России, правда, Ельцину воздвигли пышный мемориал в Екатеринбурге, в несколько раз превосходящий Ленинский мемориал в Ульяновске. На открытие Ельцин-центра, на которое собрались все оголтелые русофобы, не преминул прибыть и наш супердемократический Президент. Из внуков и правнуков пламенных революционеров выросла современная когорта леволиберальной интеллигенции, по

своему жестоко мстящая не только Сталину, но и многонациональному российскому народу за своих расстрелянных и посаженных в лагеря отцов и дедов.

Зюгановская компартия России тоже сыграла свою чёрную роль в смутные 90-годы прошлого века. Именно она ратовала за суверенитет России, с чего началось отторжение от России союзных республик. Либеральную власть зюгановская партия, как своего оппонента, устраивала больше, чем любая другая. Да и не была она никаким оппонентом, а, по сути, оказалась соратником. Опасности от неё, кроме патриотического трёпа, мутящего сознание, к сожалению, не только пенсионеров, не было никакой, а нишу истинно народной партии, которая так и не появилось, заняла «Единая Россия», которую ныне возглавляет премьер-министр Медведев.

Камлание Зюганова сейчас уже мало кто слушает, но он бесстрашно отчитывает президента страны за неуважительное отношение к вождю мирового пролетариата и тут же извинительно бежит возлагать цветы к его мавзолею, а завтра идёт на Всемирный Русский Народный Собор. И, по-прежнему отрицающий Иисуса Христа, сидит в президиуме рядом с Патриархом, почему-то это у нас в порядке вещей, соревнуясь в красноречии с Жириновским, ещё одним русским «патриотом», который тоже сидит в президиуме, и оба они вещают от имени русского народа, а до слова истинных патриотов России дело, как правило, не доходит. И потому, может, так мало на соборе бывает представителей Русского Зарубежья.

Кощунственно ли выносить тело Ленина из Мавзолея, как это утверждают с пеной у рта коммунисты? Чтобы примирить красных и белых, к чему ныне призывают представители самых разных слоёв общества, однозначно нужно вынести из Мавзолея красно-игиловские мощи. Народного восстания уж точно по этому поводу не будет, раздастся только вздох облегчения.

Давайте забудем на минуту, кем он был для России, для всего мира, который в своё время содрогнулся от возможности, что Красный ИГИЛ может перекинуться и на него, как ныне Чёрный ИГИЛ, а для этого страха были все основания. Красно-игиловские ячейки пытались опутать весь мир. Красный Интернационал смог организовать революции в некоторых европейских странах, которые удалось вовремя задушить. Поход красного маршала Тухачевского на Варшаву имел ту же цель, поляки, вчерашние солдаты императорской германской армии, всыпали ему по первое число, в плену у поляков оказалось около 100 тысяч безвинных, втянутых в эту авантюру солдат, около 30 тысяч из них потом умрут с голоду в польском плену.

Но повторяю: забудем на время, кем был Ульянов-Бланк-Ленин: святой, мессия для одних, и слуга Сатаны для других, отбросим в сторону наше разное отношение к нему. Прислушаемся к его завещанию, это относится прежде всего к коммунистам, если он для них действительно дорогой человек, а не пешка в не совсем чистой политической игре, выполним его волю-завещание — он просил похоронить его в Петербурге на Волковом кладбище рядом с могилой матери...

РУБАШКИ ВЕТРА

Из татарской детской поэзии

Габдулла ТУКАЙ

МАЛЫШ И МОТЫЛЁК

— Подожди, Мотылёк!
Ты так долго летал —
Расскажи, Мотылёк,
Разве ты не устал?

Где твой домик стоит —
Свет вокруг или тень?
Чем бываешь ты сыт?
Чем ты занят весь день?

— На зелёной лужайке
Живу я, дружок,
Над лужайкой летаю
В погожий денёк —

Там, где нега и зной,
Где цветов аромат.
Этой сыт я едой,
Этой ласке я рад.

И как этот денёк
Моя жизнь коротка…
Если ты мне дружок —
Не лови Мотылька!

Шаукат ГАЛИЕВ

СНЕГОВИК ВЕСНОЙ

Ушла зима с морозами,
И слышен птичий крик.
Один, друзьями брошенный,
Горюет Снеговик.

Ручьи струятся вешние,
Прозрачный тает лёд.
Стоит созданье снежное
И молча слезы льёт.

Где ж вы, друзья-приятели,
Пропали вы куда?
Ведь вы — его создатели,
А у него беда!

Ушли глядеть создатели,
Как гонит лёд река,
И ледоход приятелям
Милей Снеговика.

Всё утро на проталине
От слёз мокрым-мокро.
Одна метла осталась здесь,
Морковка да ведро…

ГОРЮЧЕЕ

Отчего бежит машина?
Знаю, знаю: от бензина!

Только мне другого надо —
Молока и шоколада!

Я от них, как от бензина,
Мчусь не хуже чем машина.

А варенье одолею —
Я сумею и быстрее!

А когда напьюсь компоту –
Не угнаться самолёту!

Самое могучее
У меня горючее!

Хайдар ГАЙНУТДИНОВ

РУБАШКИ ВЕТРА

Не дорожил рубашкой
Своей зелёной ветер:
На жёлтую однажды
Сменил — и не заметил,

И весело гуляя
В негаданной обнове,
Он с листьями играет –
Бросает их, и ловит,

И вертит, и не знает:
Уже ему, дурашке,
Портниха записная
Шьёт новую рубашку.

Рубашка будет модной –
Пушистою и белой.
«Ах, этот цвет — холодный!» –
Шуршат кусты несмело.

А ветер всё играет
Листвою на дорожках...
Портниха записная
Кладёт за стёжкой стёжку.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Мне сказали:
Белый цвет
Очень-очень сложен.
Этот цвет
На семь цветов
Разделиться может!

Вот теперь понятно,
Почему весной
Снег бывает
Белый,
А лужок —
Цветной!

Ахмед АДИЛЬ

ДЕРЕВО

Дерево, а Дерево!
Твой папа с тобой играет?
А если ты плачешь, Дерево,
Твоя мама тебя утешает?

Дерево, а ты можешь
Прыгать через скакалку?

Ой Дерево, Дерево,
Как мне тебя жалко…

ХУДОЖНИК

Белый лист бумаги
Взял художник в руки.
Чистый лист бумаги,
Только и всего.

Кисточку и краски
Вынул он из сумки,
Кисточку и краски,
И больше ничего.

Посидел немножко,
Будто над задачей,
И ушёл тихонько,
И унёс с собой

Улицу с домами
С лужицей впридачу
И кусочек неба –
Самый голубой.

Рафис КУРБАНОВ

КАК МАЛЬЧИШКА

Выйду утром на крыльцо –
Ветер радостный в лицо:
Очень скучно одному
Во дворе играть ему.

То мне за ворот нырнёт,
То рубашку распахнёт,
То завертится вокруг,
Шарик выхватит из рук,

Унесёт под облака
И смеётся свысока…

Шутки шутит он со мной —
Как мальчишка озорной!

Накип КАШТАНОВ

КАК СДЕЛАТЬ МОРЕ

Соли в речку
Брошу я —
Выйдет море
У меня.

Чайки в небе
Закричат,
Черепахи
Зашуршат,

Задрожат в воде
Медузы,
Краб ракушку
Тронет усом,

Чёрный скат
Над жёлтым дном
Шевельнёт
Тугим хвостом,

И весёлые
Дельфины
Из волны
Покажут спины,

И акула
Приплывёт,
Распугав
Морской народ,

И огромный
Синий кит
Под фонтаном
Запыхтит.

…Соли в речку
Брошу я —
Выйдет море
У меня.

Только где бы
По пути
Столько соли
Мне найти?

Маджит РАФИКОВ

ШМЕЛЬ

Шмель мохноногий над цветком
Хлопочет спозаранку
В тулупе с жёлтым пояском,
Надетом наизнанку.

Шмелю в одёжке тяжело,
Он шевелится еле,
Но зною летнему назло
Ползёт к заветной цели.

Он ни за что и никогда
Тулупа не снимает…
Зато его и холода,
Наверно, не пугают.

Эльмира ШАРИФУЛЛИНА

МУЗЫКА

Поёт на ветке соловей,
Жужжит оса над грядкой —
Пишу я новую скорей
Мелодию в тетрадку.

У листьев песенка своя —
Сядь в тишине и слушай.
Лесного песенка ручья
Журчит и в зной и в стужу.

Бушует ветер — "фа" и "ре".
"До" — дождь стучит в окошко.
"Ля-соль" — мальчишки во дворе,
"Ми-си" — на кресле кошка…

Всё-всё, что голос подаёт
И нотку робко тянет,
Ко мне в тетрадку попадёт
И музыкою станет!

Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» сердечно поздравляет нашего постоянного автора Бориса Вайнера с семидесятилетием, желает ему здоровья, благополучия, новых книг, стихов, переводов, песен.

ЕВГЕНИЙ ПОСПЕЛОВ

АВТОПОРТРЕТ С ПОДРОБНОСТЯМИ

Находясь в том возрасте, когда за плечами остались многочисленные, ничем не закончившиеся увлечения самолётами, марками, велосипедами, спортом, живописью и так далее, объяснить пристрастие к фотографии особенно трудно. Причина тут простейшая — для меня фотография стала в какой-то степени частью моего видения бытия. Не жизни, а именно бытия, то есть, выражаясь философски, не стихия жизни меня увлекает в этом случае, а закономерность, осмысленность Бытия. Отсюда и мой взгляд, мой интерес, моя точка съёмки. Проще говоря, смотреть — чтобы увидеть, видеть — чтобы быть и понимать, быть — чтобы осмыслить и осуществить. Фотография именно об этом.

А начиналось всё с простого желания «сделать фотку» друзей с улицы или одноклассников, брата, матушки с бабушкой, потом девчонок, потом уже что-то вроде репортажа о походе на Каму или в луга с ночёвкой... Этот период, эта забава отражены в феноменальном количестве альбомов, где можно проследить все этапы становления моего особого взгляда и зрения, о которых, само собой, я тогда и не задумывался. Надо видеть мои бесконечные сюжеты с разными лицами в разное время в разных местах — стоящие, сидящие, идущие, позирующие, снятые спонтанно, расставленные намеренно, в летних, зимних, демисезонных, пляжных, официальных, хиповских одеждах! И всё это в двадцати четырёх альбомах! В сущности, там нет ничего особенного, нарочитого, прихотливого — как видел, так и снимал. Не в этом ли, может статься, ценность такого вот взгляда для историков? Пристрастился я к фотографированию, как и все мальчишки ради понтов: типа крутой и прикольный. И что-то я не припомню, чтобы кто-то рядом занимался фотографией — даже в классе вроде бы таких не было. А может просто не продавали тогда хорошие камеры, и доставать химикаты и плёнку не было возможности? Может и так, а может быть, изначально я от отца что-то воспринял?

Мой отец, Александр Сергеевич, начал фотографировать лет в тридцать, когда мне было два-три года (сужу по снимкам). Это тот же подход, о котором я только что говорил: родные, близкие, друзья, работа — он был офицером, служившим в Восточной Германии до хрущёвской демобилизации. Собственно, истоки моего пристрастного отношения к фотоаппарату от него. Когда в 1961 отец погиб, остался фотоаппарат «Зоркий С» с выдвижным объективом, фотоувеличитель «Ленинград», бачки для проявки плёнок, ванночки, рулон широкой рентгеновской плёнки для сушки снимков, пинцеты и химикаты. И куча сделанных отцом фотографий,

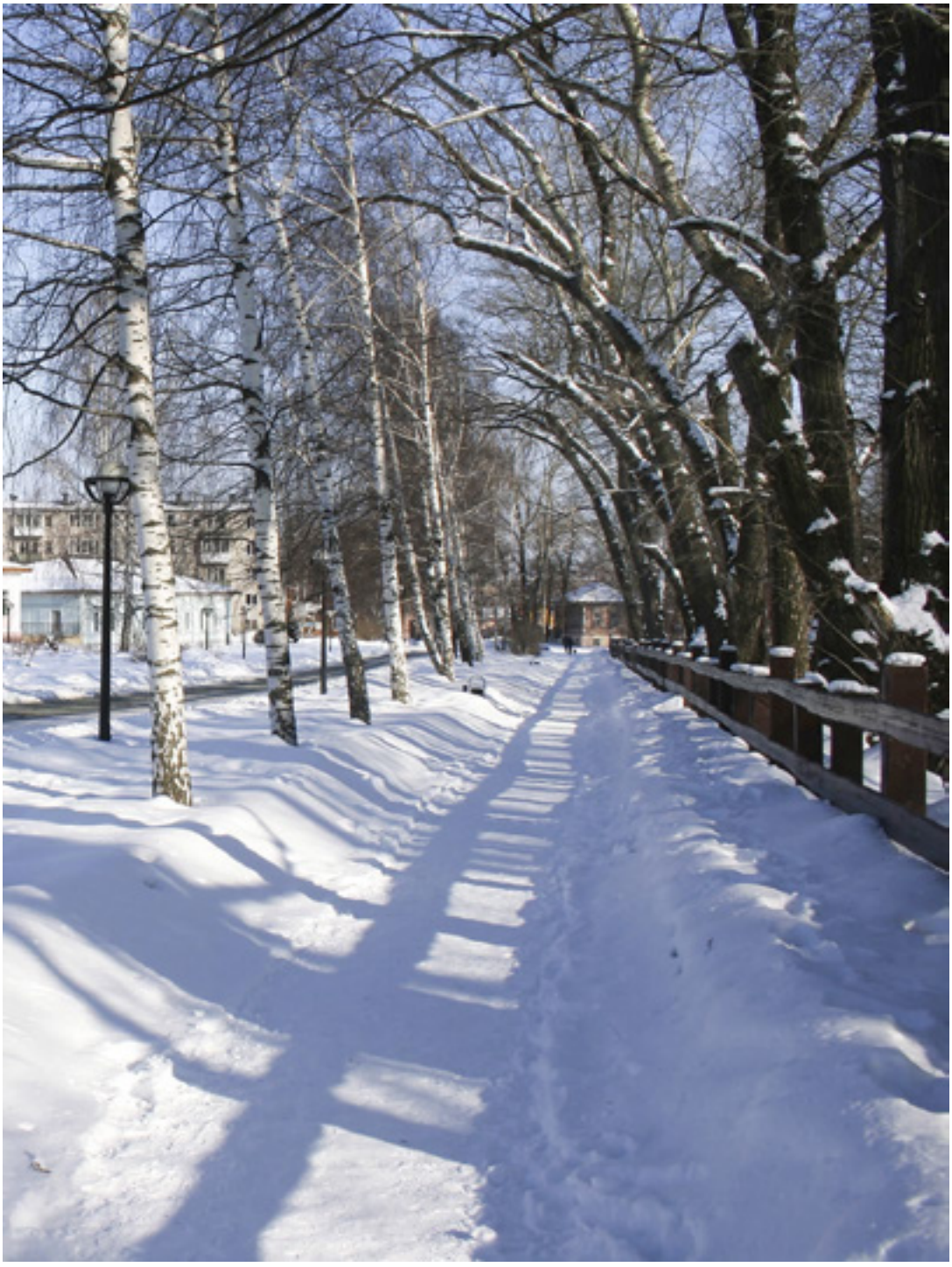
которые он не успел разместить в огромном тёмно-коричневом альбоме с толстыми картонными страницами бежевого цвета... Только в начале 80-х (через 20 лет) я их собрал в три матушкиных альбома, третий из которых завершил уже после её смерти в 2004 году.

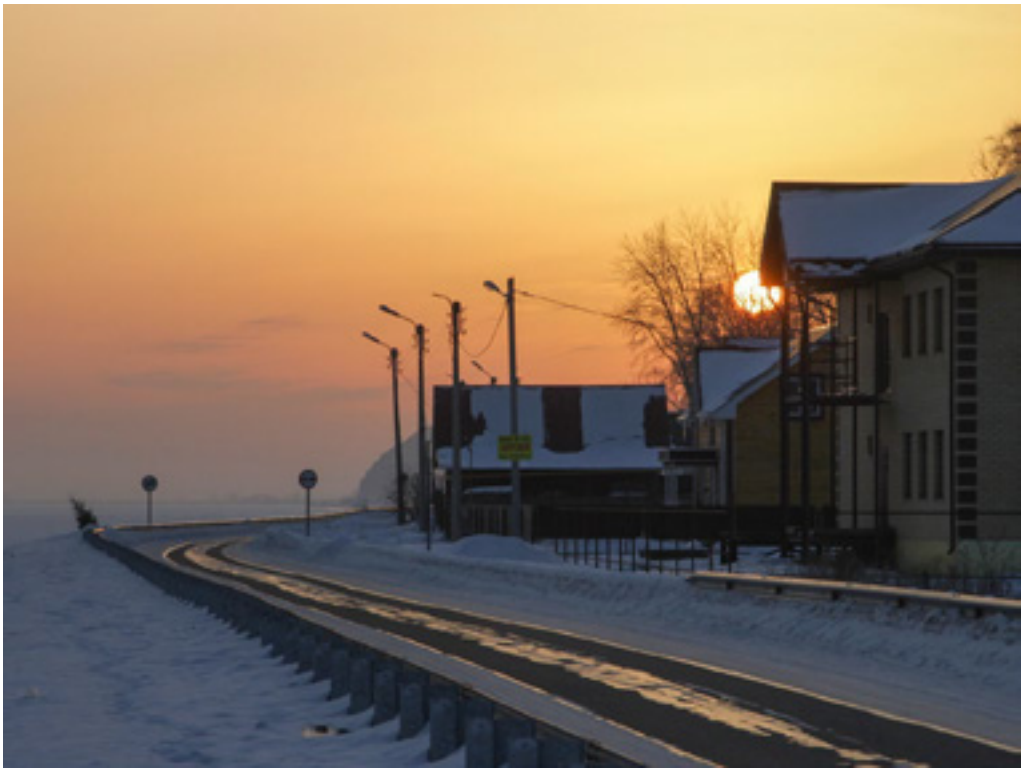
Очень хорошо помню, как в первый раз я сам зарядил плёнку в фотоаппарат, как что-то поснимал, как проявлял, печатал, сушил... Кстати, до всего дошёл в основном сам. Тогда ещё от отца достались не готовые проявители и закрепители, а метол, гидрохинон, поташ, сода, сульфит натрия безводный (ведь вспомнил, что удивительно, хотя уже лет 20 не проявлял ничего и не печатал!)... Но это я знаю в подробностях не с тех детских пор, а когда отучился в казанском училище на фотографа. В середине же 60-х, мне было 12–14 лет, и опытным путём приходилось постигать техническую часть фотопроцесса. Между прочим, с фотоаппаратами мне фатально не везло. К слову, отцовский «Зоркий С» у меня украли, а следующую фотокамеру «ФЭД-3» я купил сам, но и сам же её потерял, оставив в автобусе, когда провожал даму с прогулки. Потом был «Любитель» — это я уже из Казани привёз, за ним «Любитель 2» (как бы полуавтомат — его я утопил в Тойме, когда её переплывал с одной рукой; камера зачерпнула тойминской водицы, отсырела и сломалась). Работая на станции юных техников, я снимал последовательно на «Силуэте-электро», потом, кажется, на «ФЭД-5М» и на «Зените». В Елабужском музее-заповеднике я владел цифровыми Соньками (Sony). В 2011-м с рук приобрёл старенький Canon, который тоже утопил весной в полынье на Старой Каме, едва не утонув сам (благо Алексей Куклин меня удачно успел вытащить — спасибо ему за это!). И вот в январе 2014 года, находясь на пенсии, купил (уже сам, на свои сбережённые от Цветаевской премии и сэкономленные на субсидиях по ЖКХ деньги) Canon EOS600D года с двумя объективами, стандартным и длиннофокусником, плюс у меня ещё от старого Canon'а остался объектив, который можно условно назвать портретным. С этим вооружением я и хожу по лесам и лугам, по улицам и берегам, время от времени делая фотовыставки, более или менее правдиво рассказывающие о том, что я видел.

Так что, таков вот проход — от «Зоркого С» до неплохой для любителя камеры Canon 600D. Правда, обидно, что на такого рода «прогресс» ушло 50 лет! А теперь, когда мне под 70, надо уже что-то соизмерять с настроением, что-то со здоровьем и возможностью куда-то пойти, с погодой, бытом и — работой со словом. Последнее отнимает тоже значительную часть сил и времени. Однако, желание снимать ещё есть. Ещё мир природы, мир света и тени во всём, из чего и состоит Бытие, меня на самом деле привлекает. И я, зарядив оба аккумулятора, в очередной раз выходя из дома с тремя объективами, с открытыми широко глазами, ещё способен получить большое удовольствие, увидев нечто для меня важное, вовремя нажав кнопку спуска на своём Canon'е.

Так что и для чего я снимаю? Почему я действительно с удовольствием иду на Чёртово городище в три часа утра, нагружённый штативом и кофром с камерой и объективами за левым плечом, чтобы увидеть и снять восход солнца? Что меня влечёт поздно вечером в том же вооружении идти в город снимать туман или лёгкий снег, отражения зданий в осенних лужах, заснеженные фонари в парке или цветные линии от проезжающих автомобилей на фоне вечернего города? С какой такой радости или интереса в августе я бегу в луга, чтобы в который раз увидеть озёра с утками и лебедями, траву и луговые цветы со шмелями и стрекозами, подсвеченными угасающим солнцем?..

ФОТОВЕРНИСАЖ ЕВГЕНИЯ ПОСПЕЛОВА





ФОТОВЕРНИСАЖ ЕВГЕНИЯ ПОСПЕЛОВА

У меня давно уже зреет странноватое для XXI века желание написать большой цикл стихов о природе. Просто о природе — как всё там происходит по сути, по цвету, по запаху, по форме и во все времена года, и суток, и в лесу, и в лугах... В общем, желание-то есть, но всё никак не соберётся оно в кулак конкретного действия, хотя, справедливости ради, замечу, что большие и малые циклы о природе у меня есть во всех сборниках. И это не случайно. Таким вот образом, отсутствие книги моих стихов, где бы мир живой, мир божеский, ещё не отредактированный человеком, не уничтоженный его бессмысленной силой модернизации и урбанизации, предстал бы во всей своей естественности и дикой мощи, очаровывающей зрителя властно, подспудно масштабом события,— отсутствие такой книги я интуитивно пытаюсь компенсировать фотографией, своими снимками про то, о чём пока не успел написать. Это не теория и не ключ к понимаю чего-то в моих фотокартинках. Я не ставлю себе никаких особенных целей. Есть игра цвета и света, есть уравновешенность кадра и выраженность изображаемого. Это не столько наука, сколько опыт и практика — для меня уж во всяком случае. Понятно, что есть банальные, но красивые сюжеты, также понятно, что можно — в духе нашего сложного времени — выдрючиваться, разрушая первоначальную, природную форму, называя это постмодернизмом или акционизмом. А можно попытаться увидеть явление и сказать о нём просто и без изысков. Тем более, что у многих снимков есть своя история, которая окрашивает кадр уникальным, внутренним светом, может быть и не особенно видимым стороннему зрителю, но важным для меня. Что-то вроде рассказа рыбака о пойманной воооот такой рыбе!..

Помню, первого июня 2015 года, примерно в половине девятого вечера я увидел за окном сверкание молний и соответствующий им масштабный гром (что помню дату, конечно же шучу,— на сегодняшних цифровых снимках есть точное время съёмки, вплоть до секунды). Гром и молнии следовали друг за дружкой почти не переставая, что в свою очередь вызывало желание посмотреть и даже зафиксировать сей масштабный процесс, хотя полной уверенности в успехе не было — гроза могла быстро уйти, вместо неё мог прибежать хороший летний ливень, которому на мои фотоинтересы плевать. Но охота пуще неволи! Я взял штатив, зонтик, кофр с камерой и объективами и устремился на Чёртово городище. В таких случаях говорят: даже специально, даже с помощью компьютерной графики такого не придумаешь! Представьте картину: я стою на земляном валу и смотрю в сторону города и городища; над старой Елабугой голубое вечернее летнее небо, а слева на него как бы наплывает грязное пятно грозовых туч, в которых то и дело рождаются и мгновенно сгорают золотые нити молний, то ударяя в землю, то, запутавшись в тучах, освещают их изнутри каким-то мистическим светом...

Моя фотосессия продолжалась примерно полтора часа, за это время я сделал около сотни снимков, из них «шедевров» не более десяти. Но какой это кайф — видеть, что видел, и хотя бы отчасти об увиденном рассказать! Уверяю, это большая удача сделать столько кадров с молниями, при этом не попасть под дождь и штормовой ветер. Между прочим, я вообще люблю вечернюю, ночную и утреннюю съёмку за то, что мир в это время как бы приоткрывается с иной стороны. Он то ли спит уже, то ли готов проснуться, и потому выглядит как-то беззащитно, невинно, он открывается с неожиданной стороны, его краски, его дух и смысл не повседневен, не суетен, а это и есть в какой-то степени цель моего взгляда на природу — увидеть и рассказать другим.

А на Спасских ярмарках я пристрастился снимать портреты. Это, замечу, совсем другая картинка. Тут смысл не в том, чтобы поставить штатив и снимать наудачу, надеясь на случайное совпадение момента съёмки и мгновения молниеносной вспышки. Нужно выбрать освещение, ракурс, яркую эмоцию, выразительное лицо, увидеть сюжет. Это и называется жанровая сцена или портрет на пленере, так сказать. Это уже мир людей, где душу можно увидеть в движении, где взгляд может сказать больше, нежели всё остальное...

И в завершении вот что хотелось бы заметить. Как фотограф, я часто бываю в разных местах на природе — лес, берег реки, луга, озёра, и всегда меня сильно напрягает наша человеческая беспардонность. Брошенные бутылки, пакеты, разные бумажки и всякий другой мусор уродуют природу, частью которой мы, люди, являемся, хотя часто и забываем об этом. Но брошенный нами мусор, по гамбургскому счёту, это то же самое, как если б мы выпили отраву вместо чистой воды, съели бы стекло вместо каши с маслом, оделись бы в проволочную сетку вместо ткани из ситца или хлопка...

Понимаю, как говорят некоторые политологи, нынче апокалиптические времена приходят, а посему, мол, скоро всё кончится. Но всё зависит именно от нас. А природа это такая сила, которая, если будет на нашей стороне, всегда поможет и жить, и выжить, и мы не можем не восхищаться её таинственной красотой, не можем не томиться осенней грустью и удивляться причудам зимушки-зимы, и молодеть душой вместе с весенним пробуждением, и радоваться летнему торжеству жизни!

А уж я постараюсь обо всём этом рассказать с помощью своего фотоаппарата и выставок в Библиотеке Серебряного века.

МИР ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

Не впервые я участвую в работе жюри детского литературного конкурса, ежегодно проводимого администрацией и активом школы театрального искусства в Набережных Челнах. Не впервые «Аргамак» публикует выбранные по моему вкусу стихи и прозу из этих сочинений. По итогам 2017 года улов был особенно удачным.

Взрослому человеку не грех порадоваться детской непосредственности и наивности — можно даже попытаться вернуться к потерянной чистоте взгляда на мир, когда веришь всему вокруг. А некоторые произведения юных писателей удивили меня недетской мудростью и умением выразить словом свои размышления о жизни и смерти, выразить свою нерасторжимую любовь к близким, к природе, к родине — большой и малой.

Читаешь и веришь — наши дети растут прозорливее, умнее, добрее, честнее нас...И это радует!

Николай АЛЕШКОВ

Мария ГУБАНОВА, 14 лет,
гимназия № 10, г. Зеленодольск

* * *

У мишутки есть подружка –
Это мягкая игрушка.
Начиная с ней играть,
Мишка сразу хочет спать.
Мишка глазки закрывает,
Очень быстро засыпает.

* * *

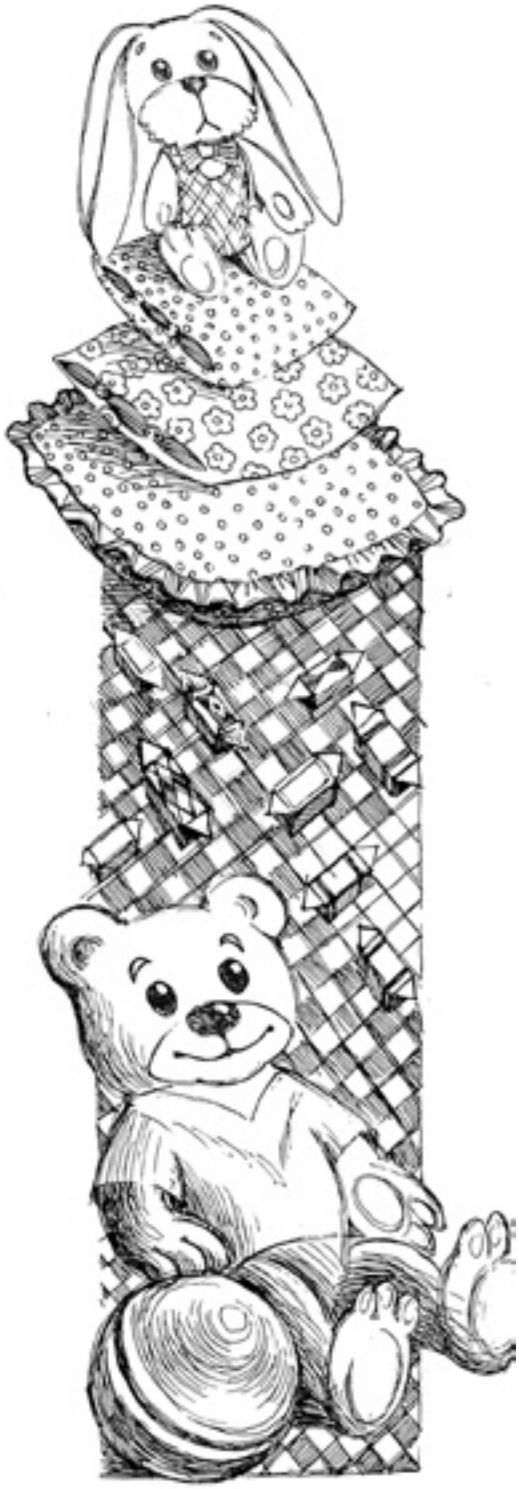
Шла корова через мостик,
Намочила в речке хвостик.
Крутит, вертит, не поймёт:
Почему же хвост ревёт.

* * *

Рыбка, рыбка, изловчись!
На крючок не попадись!
Рыбка слушать не желает,
С поплавком моим играет.

* * *

Паучок в уголке на картинке
Всё плетёт и плетёт паутинки.
Мама тряпочку возьмёт —
Все «шедевры» уберёт!



* * *

Сидит зайка на подушке,
Опустивши грустно ушки.
Хочет заинька играть,
Но хозяйки не видать!
Ей купили красный мяч,
С ним она пустилась вскачь.

* * *

У меня лежат в кармане
Десять сладеньких конфет,
Вот сейчас приду я к Ване –
Мы съедим их на обед.
Вместо супа,
Вместо каши,
Вместо маминых котлет...
Мы с Ванюшей проглотили
Десять вкусненьких конфет!!!

* * *

В комнате сидит щенок
И задорно лает.
Не стучите в дверь ко мне —
Пёс нас охраняет!

* * *

Целый день не я ль берёг
Папин праздничный пирог?
Его на стол поставили
И папу ждать заставили:
Папа с работы пораньше пришёл,
А пирога на столе не нашёл!

* * *

Амир, Соня, Ангелина,
Маша, Яна, Катерина...
Рядом мы живём, играем,
Понапрасну не скучаем!
Мы на великах гоняем,
Дни рожденья отмечаем,
И на пляже загораем,
Далеко не заплываем.
Ходим в лес, в кино, рыбачить,
Также любим посудачить.
Вместе любим мы играть!
Дружбе нашей ставлю «пять»!!!

Екатерина ЖЕЛНОВА, 12 лет,
школа № 159 г. Уфа

ХЛЕБ

Мама готовила вкусный обед.
И тут выясняется: хлеба-то нет.
Мама кричит мне: «Деньги возьми
И поскорее за хлебом беги!»

Едва зашла я в магазин,
Забыла всё на свете –
Смотрят на меня с витрин:
Кукла в кабриолете,
Рядом плюшевый щенок,
Шарик разноцветный,
Вкусный, сочный пирожок
И букет конфетный...

Я сама не поняла, как же получилось,
Как же это всё само в корзину мне сложилось?

Вот у кассы лимонад
(он со вкусом груши),
И молочный шоколад –
Мне он тоже нужен.

У мамы денег в кошельке
Мне на всё хватило.
Дома рады будут все:
Я столько накупила!
Весело я в дверь стучу,
Мама мне открыла,
Ей сумку полную даю...
Ой! Про хлеб-то я забыла!

Александра ПОЛЕТАВКИНА, 17 лет,
школа № 127 г. Уфа

ПИСЬМО РОДИНЕ

Ты часто снишься мне ночами,
Когда с тобой разлучены.
Зовёшь, зовёшь меня речами,
Любовь в них скрыта к дому, и
Ещё сильнее сердце рвётся
Вернуться в мой родимый край,
Где песня звонко-звонко льётся,
И где поёт родной курай.
Башкортостан! Уфа, родная!
Здесь дом, вся жизнь, друзья, семья.
Мне не нужна земля другая,
Ведь это родина моя.
Мне без тебя не мило солнце,
И воздух не насытит грудь.
И я спешу открыть оконце,
Чтобы взахлёб весны вздохнуть.
Ты мне нужна, как крылья птице,
Как влага первому цветку.
Чтобы мечте с успехом сбыться,
Лишь ты уймёшь мою тоску.

Твои обширные просторы:
Луга, поля, озёра, лес —
Весь день мои ласкают взоры.
Я здесь надеюсь на успех.
Я буду вечно помнить трели
В весенней роще соловья,
И песни зимние метели,
Журчанье быстрого ручья.
Я вспомню осень золотую,
Когда вздохнёт усталый сад.
Покинув сторону родную,
Вновь журавли на юг летят.
Как я люблю тебя, родная!
Хочу с тобой всю жизнь прожить.
Мне не нужна земля чужая.
Прошу тебя благословить
Меня на путь дальнейший, чтобы
Он светлым был, как ни далёк,
Чтобы на всю Россию снова
Тебя прославил твой росток!

Алина НУРУТДИНОВА, 17 лет,
гимназия № 20 г.Казани

ДЕВОЧКА-ОСЕНЬ

Я — девочка-осень, одна из сестёр —
Помощниц волшебницы-мамы.
Ночами я тку красно-жёлтый ковёр
И им покрываю поляны…
Смотрите, верхушки лесов шелестят,
Затронуты золотом ярким.
Сама выбирала им этот наряд
И рады деревья подаркам.
Хорошие тёплые дни в сентябре,
И утром бывает — сквозь ветки
Проглянут лучи, я иду по тропе,
И прыгают рядышком белки.
Дарами осенними прямо из рук
Я потчую белок и зайцев…
А вот в паутине осенний паук.
Ему говорю: до свиданья!
Я — девочка-осень, я — странница, дочь
Солидной и ветреной Осени.
Я спеть улетающим стаям не прочь,
Чтоб помнили птицы о Родине.
Я в танцах кружусь на дорогах Земли
И вместе с опавшими листьями
Лечу, как умеют летать журавли,
И падаю чистыми ливнями.

Никита ЗВЯГИНЦЕВ,15 лет,
школа № 3, г. Менделеевск

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПРАДЕДУ

Мой прадед был фронтовиком.
Хоть лично с ним я не знаком,
Ведь так бывает же на свете…
Со мной — статья о нём в газете.
Как прадед Прагу защищал,
Как знамя он в руках держал.
За ним поднялся целый взвод.
Не верите? Газета — вот.
И есть в ней фотография.
На ней мой прадед молодой,
За Родину — хоть снова в бой.
Я думаю, что он фашистов не боялся,
Всегда живым в бою и оставался.
Он до Берлина знаменосцем дошагал.
Берлин он с Красным знаменем отвоевал.
Потом вернулся снова на Донбасс,
И мамку Украину от разрухи спас.
На шахте лучшим стал шахтёром.
И не покрыл себя позором,
А честно Родине служил:
Работал честно, честно жил.
Вот снова снимок и статья в газете.
Мой прадед лучший был на свете:
И фронтовик, и лучший был шахтёр.
Об этом с дедушкой веду я разговор
О том, что мы из Звягинцева рода,
Могучая, бесстрашная порода.
Мы любим Родину, мы любим труд,
И если вдруг служить нас призовут,
Чтобы Россию от врагов спасти,
То лучше вам солдата не найти!

Рузиля ВАЛИЕВА, 10 лет,
Гимназия № 2, г. Нижнекамск

КАК ЗАВЬЮЖНЫЙ ДЕД СТАЛ ДЕДОМ МОРОЗОМ

Ой, давно это было... Было, да былью поросло... На самом дне Хрустального озера, которое раскинуло свои воды в самом сердце сибирских лесов, сиял чистотой ледяной за́мок Завьюжного Деда. В зеркальной глади озера отражалось голубое бездонное небо, а в танце снежинок вальсировали яркие лучики зимнего солнца. Завьюжный Дед согласно заведённому порядку каждый день в одно и то же время покидал свои покои, чтобы обойти свои снежные владения. Хоть и морозным, и снежным был Завьюжный Дед, но в уголках его голубых, как бездонное ледяное озеро, глаз мягким светом отражалась безграничная доброта и чуткость. Всё было замечательно в хозяйстве Завьюжного Деда. Везде царил порядок, покой и уют. Звери и птицы лесные чувствовали его доброту и заботу, деревья и кусты, несмотря на сильные морозы и вьюги, никогда на него не сердились. Казалось, что уже ничто и никогда не нарушит этот устоявшийся веками порядок. Однако случилось непредвиденное событие, которое взбудоражило все леса и земли, входившие во владения Завьюжного Деда. А началось всё с сороки, которая на своём хвосте принесла весть о том, что где-то далеко-далеко, в одной из жарких стран живёт маленькая девочка с совершенно белой кожей, белокурыми волосами и ясными голубыми глазами. Каждый день во сне она видит леса, занесённые снегом, ледяные пустыни, метели и вьюги. И всю свою недолгую жизнь мечтает хоть одним глазком взглянуть на бескрайние северные просторы. Сорока без умолку стрекотала и стрекотала, перелетая с ветки на ветку. И скоро весь лес, все звери и птицы, которые беззаботно жили на берегу Хрустального озера, узнали историю маленькой голубоглазой девочки, живущей там, где нет снега.

— Да не может быть, чтобы были на земле места, где нет этого замечательного пушистого, белоснежного ковра,— рассуждали косолапые медведи.

— Однозначно, нет. Это выдумки сороки! — вторили им не в меру серьёзные волки.

— Сорока хоть и та ещё болтунья, но неправду никогда по свету разносить не будет. Нам надо отправить Завьюжного Деда за этой девочкой,— вдруг предложили олени.

— Ну, надо так надо. Да и дедушке будет чем заняться. Себя покажет, на людей посмотрит,— согласились с оленями мудрые филины.

Завьюжного Деда долго упрашивать не пришлось. Недолго собирался он в необычное путешествие. Запряг в расписные сани самых быстрых оленей, надел самую тёплую, нарядную шубу, положил в серебряный сундучок сладких гостинцев и отправился в дорогу.

Летят расписные сани Завьюжного Деда, только звёздный след остаётся на ночном небе от саней тех сказочных. Дед без устали вглядывается в города и села, над которыми пролетает. Вот мальчонка с горки неудачно скатился и в сугроб лицом приземлился. Завьюжный Дед тотчас к нему на помощь спешит. Поднимает мальчугана, отряхивает, пряник мятный, витиеватыми узорами украшенный, протягивает. Возле другого городка на замёрзшей речке ребята на коньках катаются. Только одна девочка понуро стоит в сторонке. «Ай, непорядок, надо бы ей коньки подарить» — думает Дед и тотчас же спускается к ней и протягивает пару новеньких сияющих коньков. Глядь, а совсем неподалёку два брата-близнеца не могут меж собой пару

лыж поделить. И им Дед помог — лыжи подарил, ещё и сладким угостил. Так и летал Завьюжный Дед от одного городка к другому, от села к деревеньке, от богатого белокаменного дома к бедному домишке. Летал и всё думал, как бы поскорей добраться до далёких жарких стран — девочку ту белокурую и голубоглазую отыскать. Летит Завьюжный Дед по небу на своих санях, а молва людская о доброте его и участии на много вёрст вперёд несётся. И вот уже ждут его с нетерпением то тут, то там. Пока Завьюжный Дед все города и сёла посетил, наступил новый год, да и солнце на весну повернуло.

Много ли времени прошло, мало ли, но добрался, наконец, Завьюжный Дед и до тех мест, где и вовсе зимы не бывает. Глядь, а там все кругом чёрненькие да кучерявые. Дед только бороду свою поглаживает да диву даётся: «Сколько веков жил, не тужил, а такого народца не видел». Не сложно было отыскать Завьюжному Деду белокурую и белолицую девочку среди загорелых на солнышке детишек. Посмотрел он на неё и вмиг признал в ней внучку свою, которая от снега, искрящегося уродилась. Посадил он её в свои сани расписные и отправился в обратный путь. Очень рады были звери и птицы возвращению Завьюжного Деда. А когда увидели, что он не один вернулся, а с внучкой, то и вовсе в пляс пустились.

С тех самых незапамятных времён, с лёгкой руки внучки Снегурочки, стал Завьюжный Дед Дедом Морозом называться. Так его внучка Снегурочка нарекла, когда в царство его хрустально-ледяное приехала.

— Какой-же ты,— говорит,— Завьюжный Дед? Ты — добрый и никогда никого ещё не завьюжил и с пути не сбил. Напротив, всем помогаешь, детворе гостинцы раздаёшь, взрослых в детство возвращаешь, мечты исполняешь. Ты — добрый Дедушка Мороз!

С тех пор и повелось, что каждый год, в самую студёную зимнюю пору, запрягает Дедушка Мороз в свои красивые, добротные расписные сани быстрых оленей, сажает рядом с собой внучку Снегурочку и отправляется детвору веселить, да гостинцы раздавать. А мы все с нетерпением ждём, когда же самый добрый волшебник всех времён и народов заглянет в наши оконца и щедро одарит нас здоровьем, удачей, счастьем, весельем, мечтами и верой во всё самое прекрасное и доброе, что есть на Земле.

Владислав МИНЯКИН, 9 лет,
детская школа театрального искусства,
г. Набережные Челны

СКАЗКА ПРО ЛЕНЬ

Гуляла как-то по улице маленькая лень. Она была настолько маленькая и худенькая, что её никто не замечал. Так вот, идёт она по улице и видит, что в одном доме дверь слегка приоткрыта, ну лень в неё и вошла.

А в том доме жила маленькая и хорошая девочка Олеся. Олеся каждое утро умывалась, делала зарядку, заправляла кровать и помогала маме по дому. Она как раз пила чай, когда к ним в дом вошла маленькая лень...

Олеся закончила пить чай, но кружку за собой мыть не стала. Как тут обрадовалась лень! Олеся взяла книжку и присела на диван, чтобы почитать, но читать совсем не хотелось. Лень, расправила плечи и слегка подросла. Затем Олеся решила

примерить наряды, что висят в шкафу, но это занятие ей быстро надоело, а платья обратно вешать в шкаф не стала. Лень выросла ещё больше. Потом Олеся села за стол, чтобы порисовать, но рисунок никак не получался, а карандаши и альбомные листы совсем не хотелось убирать на место. Лень решила, что останется здесь надолго, её радости не было предела.

Но тут Олеся прошла мимо зеркало и увидела своё отражение, на неё смотрела совсем неопрятная девочка... Олеся тут же собрала все наряды и убрала их обратно в шкаф, собрала все альбомные листы и карандаши и разложила их по местам. Затем прошла на кухню, перемыла всю посуду, взяла метлу и выгнала лень на улицу!!! С тех пор Олеся тщательно закрывает дверь, чтобы даже самая маленькая лень не смогла зайти к ним в дом.

Азалия ШАГЕЕВА, 14 лет,
школа № 40, г. Набережные Челны

КАЖДЫЙ РЕШАЕТ САМ

Я резко очнулся. Затхлый воздух ударил в нос, вмиг заполняя лёгкие. Я закашлялся и сел, стараясь остановить приступ. Я чувствовал, что сижу на мокром асфальте, но увидеть этого не мог. Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Я попытался встать. Это оказалось тяжелее, чем я думал. Ноги были будто ватными, не слушались. После нескольких неудачных попыток наконец удалось подняться. Тысячи мелких иголочек вонзились в меня. С трудом передвигая ноги, пошатываясь, я поплёлся прямо. В конце концов, я упёрся в стену. Она была каменной, кое-где я нащупал мох. Опёршись о наиболее выступающий камень, я стал разминать ноги. Постепенно неприятные ощущения прошли, и я мог идти нормально. Только — куда? Этого я не знал.

Я всё шёл и шёл, то ускоряясь, то замедляя ход, дотрагиваясь одной рукой до стены, чтобы совсем не потеряться в темноте. Я прошёл, кажется, добрых десять километров, а выйти на свет всё не удавалось. Наконец, окончательно выбившись из сил, я решил присесть и отдохнуть. Я сел, выпрямив ноги, спиной опираясь на стену.

Странно, всё, что происходит вокруг. Потому, что туннель всё никак не кончался, а я всё время шёл только прямо, никуда не сворачивая. Я шёл уже часа три... Или четыре? А может, не прошло и десяти минут? Мои внутренние часы совсем сбились. Я не понимал, сколько я пробыл здесь, но, судя по тому, что до сих пор не хотел есть... Немного? Но я успел выбиться из сил...

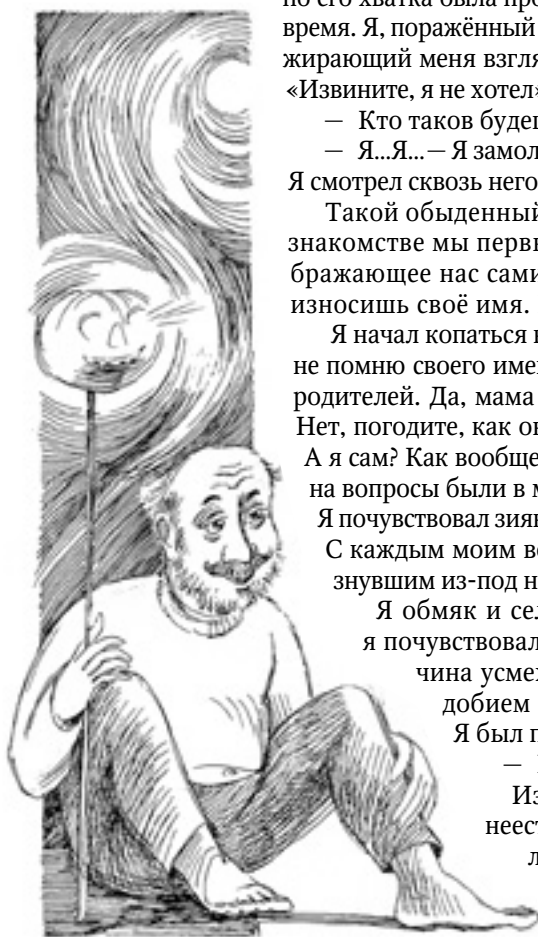
И тут я увидел крохотный огонёк. Он был слабым, отсвечивал оранжевым, колебался, но он был. Он появился из ниоткуда невдалеке от меня. Я встал и быстро пошёл к нему, постепенно набирая темп. И вот, я уже бежал, а огонёк становился всё ярче. Мне казалось, что он был совсем недалеко, но мне пришлось бежать до него. Наконец я подбежал настолько близко, что разглядел на фоне света человеческую фигуру. Я остановился. Затем я услышал непродолжительный смех, и грубый мужской голос с хрипотцой пробормотал что-то невнятное. Немного поколебавшись, я подошёл ближе, удивляясь, как он меня не заметил. Зайдя в круг света, я увидел мужчину лет сорока, сидящего на полу. У него было небритое лицо, потрёпанный

вид, на глаза надвинута шляпа, наподобие ковбойской. Но больше всего привлекал внимание фонарь, стоящий рядом с ним. Его свет мне и посчастливилось увидеть. Это была тыква с вырезанной на ней страшной рожицей, внутри которой мерцал огонёк. Именно такие фонарики делают на Хэллоуин.

Я воззрился на тыкву. Потом взглянул на мужчину. По-видимому, он спал. Я сел рядом с самодельным фонариком и огляделся. Всё оказалось примерно так же, как я себе и представлял: каменные пол и стены, покрытые мхом, потрёпанные временем. Свет от тыквенного фонаря доходил в радиусе метра полтора, создавая ровный круг света. Интересно было то, что круг имел чёткие границы. Вот здесь свет, а рядом — уже кромешная тьма. Даже если бы мужчина не спал, он не заметил бы меня, пока я не вышел на свет.

Свет фонаря не доставал до потолка. А мне очень хотелось увидеть потолок. Доказать самому себе, что я был прав абсолютно во всём. Было в этом что-то принципиальное. Я встал и наклонился, чтобы взять фонарь. Я только коснулся шершавой кожицы тыквы, как меня схватили за руку.

Мужчина сделал это неожиданно, поэтому я порядком напугался. Я замер, как будто меня уличили в преступлении. Удивлённо посмотрев на него, я увидел, что не только его рука, но и глаза вцепились в меня. Они были чёрными, бездонными. Мне даже показалось, как будто они вобрали в себя тьму этого туннеля. Я дёрнулся, стараясь вырваться, но его хватка была просто железной. Мы не шевелились какое-то время. Я, поражённый неожиданностью произошедшего, он — пожирающий меня взглядом. Наконец, я промямлил что-то вроде: «Извините, я не хотел», на что он, не ослабив хватки, гаркнул:



— Кто таков будешь?

— Я...Я...— Я замолчал. Мои глаза больше не видели мужчину. Я смотрел сквозь него.

Такой обыденный вопрос. Такой лёгкий ответ. Всегда при знакомстве мы первым делом говорим своё имя. Слово, отображающее нас самих. Всегда на вопрос: «Кто ты?», ты произносишь своё имя. Но что делать, если ты не помнишь его?

Я начал копаться в памяти. Что я вообще могу помнить, если не помню своего имени? Нет, нет... Я всё помню. Я помню моих родителей. Да, мама и папа. Я помню, как они... Как они что? Нет, погодите, как они выглядели? Кем они были, что делали? А я сам? Как вообще выгляжу я? Все воспоминания, все ответы на вопросы были в моей голове, но я никак не мог их поймать. Я почувствовал зияющую пустоту внутри. Она всё разрасталась. С каждым моим вопросом к самому себе, с каждым ускользнувшим из-под носа ответом.

Я обмяк и сел абсолютно без сил. Как сквозь дымку, я почувствовал, что меня отпустили, услышал, как мужчина усмехнулся, увидел его лицо, искажённое подобием улыбки. Все чувства потускнели в разы. Я был поражён, опустошён...

— Ну как?

Из прострации меня вывел голос, звучавший неестественно чётко и громко. Я повернул голову и произнёс короткое: «А?»

Мужчина опять ухмыльнулся:

— Я говорю: как ты себя чувствуешь?

— Я... эм...— Было довольно трудно описать моё состояние. Я задумался. Мужчина, видя это, поспешно прибавил:

— Э, э! Парень! Не надо, не надо! Опять полчаса до тебя не дозовёшься...— Он ухмыльнулся ещё шире. Улыбкой это назвать трудно.

Я не разделял его настроения. Я только что понял, что абсолютно не знаю, кто я. Мне не до веселья. Он, видимо, заметил это и его изборождённое морщинами лицо вмиг стало серьёзным.

— Ты это... Не думай, что один такой. Я понимаю. Проходили уже... Не волнуйся, это пройдёт. Ты вспомнишь, как тебя зовут, кто ты есть и все остальные подробности. Все вспоминают. Просто не сразу.

Я посмотрел на него и понял, что это правда. На лице у него читалось понимание, перемешанное с жалостью. Вот уж чего мне сейчас не надо, так это жалости. Я взял себя в руки. Вспомню — значит всё нормально. Гораздо важнее сейчас — получить ответы на вопросы, мучавшие меня в самом начале. Я набрал побольше воздуха.

— Итак,— выдохнул я,— Как тебя... Вас...

— Нет-нет,— он перебил меня, мотая головой. Из-под «ковбойской» шляпы выбилось несколько длинных прядей волос.— Никаких «Вы». Здесь все равны. Обращайся на «Ты».

Я кивнул и продолжил:

— Как тебя зовут?

— Я Джек.

— Хорошо, Джек, что это за место? И ещё, может, ты знаешь, как я здесь оказался?

Джек молчал. Я выжидающе уставился на него. Похоже, он подбирал слова. Наконец, он заговорил:

— Это место — Туннель. Думаю, ты это уже и сам понял. У него нет другого названия. Ты оказался здесь потому...— Он замялся.— Как бы сказать... В общем, твоя жизнь сейчас висит на волоске.

Я уставился на него, как на ошалелого. О чём он говорит? На каком ещё волоске? Я оглядел себя: всё на месте — руки-ноги целы. Нигде ни царапины.

— Ты о чём вообще? Я так плохо выгляжу?

Джек опять усмехнулся. Что за человек — во всём находит что-то весёлое?!

— Нет, не в этом дело. Это тот самый туннель, в котором...

Договорить он не успел. Вернее, мог бы, но мы отвлеклись. Темнота, поглощавшая до этого всё кроме крошечного клочка, освещённого самодельным фонариком, вмиг рассеялась. На секунду меня ослепила вспышка. Я открыл глаза и увидел тот самый Туннель, в конце которого все когда-нибудь увидят свет.

Ясно. Так вот о чём говорил Джек. Моя жизнь висит на волоске. Я сейчас полужив, полумёртв.

Холодный белый свет в конце туннеля я видел недолго. Совсем чуть-чуть. За это время я успел лишь пару раз моргнуть. А затем вновь темнота. Вновь только крохотный, но зато уютный островок оранжевого света. Я повернулся к Джеку. Он молча смотрел на меня.

— Понятно...— Медленно протянул я и устало опёрся на сырой камень. В это трудно было поверить, но это было так. Я вдруг понял, что всегда в течение своей жизни относился к такому типу людей, которые не задумываются о том, что ждёт их после смерти. Просто живут и всё.

Это маленькое воспоминание развеселило меня.

— Джек, как я выгляжу?

— Ты серьёзно сейчас об этом беспокоишься? — удивлённо воскликнул он.— Парень, ты либо очень смелый, но не особо умный, либо у тебя мозги не на месте!

Я улыбнулся. Впервые, за... За эту вечность.

— Нет! Я спрашиваю, сколько мне на вид лет, какие волосы, какой я вообще. Я ведь не помню ничего. А зеркала тут нет, как я погляжу.

— Ааа... Ну да, ну да.— Он удовлетворительно кивнул, успокаиваясь.— Так...— Он стал пристально осматривать меня с головы до ног. Настолько пристально, что мне даже стало как-то не по себе.— Ладно. Тебе на вид лет тринадцать, может, четырнадцать.

Я кивнул.

— Дальше... У тебя короткие русые волосы и серо-голубые глаза. Длинные ресницы, кстати. Как у коровы. Больше ничего сказать не могу.

— И на том спасибо.

Что ж, теперь я хоть примерно знал, как выгляжу... Однако... оставалось ещё несколько нерешённых вопросов.

— Джек, а ты сам-то как здесь оказался, почему не наслаждаешься Раем или не горишь в Аду? И что это за фонарь такой?

Джек издал какие-то странные прерывающиеся звуки, похожие на крик дельфина. Видимо, смеялся.

— Так много вопросов сразу! А ты любопытный малый. Начнём по порядку. Ты знаешь легенду про фонарь Джека?

В памяти всплыло что-то смутное и я неопределённо покачал головой.

— Так я тебе напомню. Джек-фермер при жизни был страшным пьяницей, вёл разгульную жизнь. Когда пришёл срок, за ним пришёл сам Дьявол. Но Джек обхитрил его и выторговал ещё десять лет спокойной жизни. Когда и это время истекло, Джек вновь обвёл старого чёрта вокруг пальца и вытребовал, чтобы тот никогда не забирал его в Ад, и вообще отстал от него. А когда Джек, наконец, умер, его, естественно, не пустили ни в Рай, ни в Ад. Принципиальным вдруг решил сделаться Дьявол. Видите ли, сдержал обещание. Тьфу! Вот и выпросил у него уголёк для фонарика. Благо, с собой была тыква.

Мы замолчали. Не то, чтобы я так уж много говорил. Я, по большей части, просто слушал. Но теперь каждый из нас думал о своём. Я посмотрел на тыкву. Внутри горел, переливаясь, уголёк. Который из Ада.

Но тут каждого из нас вновь отвлекла вспышка. На этот раз она была ярче и продолжительней. Впервые за всё это время мне стало по-настоящему страшно. А что, если всё? Что, если я уже умер? И вот, сейчас мне придётся идти к этому свету. И предаться страшному Суду, даже при том, что я не помню ни своего имени, ни своей жизни, ни... ни смерти...

Поэтому, когда свет снова потух, я выдохнул, чувствуя нереальное облегчение и посмотрел на Джека.

— Тебе стало хуже,— монотонно произнёс он. Так, как будто сказал что-то обычное, типа: «У тебя на щеке крем от торта». Волна злости захлестнула меня. Я рявкнул в ответ:

— Сам вижу! Не слепой!

Почему-то эти слова привели меня в бешенство. Я не помню ничего из своей жизни, но я ценю её. Я хочу жить, просто потому, что не хочу умирать. Я хочу снова почувствовать лёгкое дуновение ветерка, услышать шуршание осенних листьев под ногами, увидеть, как садится солнце, как багровеет небо под его вечерними лучами, хочу услышать голос мамы, которая, как обычно, приходя с работы, скажет: «Ну, сколько сегодня двоек нахватал?»

Мама...

Меня как током ударило. Я вспомнил! Вспомнил её запах, её лицо, её голос, всё вспомнил! И сестру. Мою маленькую девятилетнюю сестру — Верку. Всё поплыло. Туман плёнкой ложился на глаза, а я всё вспоминал и вспоминал: вот мама и папа приносят мне сестрёнку; вот я иду в первый класс; вот мама с папой ругаются; вот папа уходит, мама плачет.

Старые и новые, весёлые и грустные — воспоминания проносились мимо, я видел свою жизнь со стороны и понимал, насколько сильно я её не ценил. На глаза невольно выступили слёзы. Мамин голос всё говорил и говорил, всё шептал мне что-то. Я никак не мог разобрать, что именно она мне шепчет, но одни слова явственно услышал. Они буквально впились в моё сознание:

— Ты должен жить, Жень!

Я снова был опустошён. Но я ждал, когда эта пустота чем-то заполнится!

В конце концов, я вспомнил всё. Что-то было более тусклым, что-то более ярким. Но я почувствовал себя собой.

Я вновь увидел Джека. Он сидел рядом и смотрел на то тускнеющий, то вспыхивающий красным, уголёк. Заметив, что я очнулся, он тихонько произнёс:

— Как звать-то?

— Ж-Женька.

— Ну, рассказывай, Женька, как ты там?

— Да я... Да мы с мамой и сестрой в Елабугу ехали...

— Куда-куда? — Не понял Джек.

— Ну, в Елабугу. Город такой. В России.

— А-а-а... В России... Я-то сам родом из Америки,— улыбнулся Джек.

— В каком... А как это мы тогда?..— Я говорил обрывками, но Джек меня понял.

— Здесь... ну, на этом свете все говорят на одном языке. То есть, каждый говорит как будто на своём и слышит остальных на таком же. Но мы отвлеклись. Так что там с этой поездкой-то?

— Мы с сестрёнкой и мамой ехали в Елабугу — бабушку повидать. Вроде, ничего необычного. Но потом... Это я во всём виноват, знаешь... Я сразу не заметил, а когда понял — было поздно. У мамы снова был приступ грусти. Она выпила. Немного, но этого вполне хватило. Когда мы ехали, впереди нас был грузовик. Он перестраивался, а мама... Мама этого не учла. Дальше помню всё как в тумане. Звон стекла, крики, сирена...— Я сглотнул несуществующий ком в горле.— Мы попали в аварию, Джек. И мама сейчас наверняка плачет, винит во всём себя. А Верка... Я даже не знаю, что с ней.

— М-да...— протянул Джек,— Надеюсь, ты поправишься.

Я задумался. Поправлюсь. Да мне тут наоборот хуже стало. Что же делать...

— Джек, а что надо сделать, чтобы мне стало лучше? Я же наверняка не первый, кто оказался в такой ситуации.

Джек утвердительно кивнул:

— Не первый. А делать... делать тебе ничего не надо. Я видел только двоих, таких как ты. Оба просто сидели со мной и разговаривали. Если честно, из троих ты мне больше всех понравился...

Джек замолчал.

— Джек, что с ними случилось?

Тишина.

— Джек! — я перешёл на крик.

— Они умерли! — Криком ответил мне Джек. Он тоже встал.— Ушли навстречу свету! Они шли туда, как заворожённые! Здесь нельзя ничего сделать, Жень! Ты либо

выкарабкаешься, либо...— он перестал кричать, дрогнул всем телом и последние слова произнёс чуть ли не шёпотом,— либо умрёшь.

Я видел, что Джеку приходилось несладко. Он не был похож на того задорного пьянчугу, которому было раз плюнуть обмануть самого Дьявола. Он многое повидал в своей загробной жизни.

— Да уж... шансы у меня невелики...— вздохнул я. Страшно. Самое страшное, что я ничего не могу сделать. Абсолютно ничего. Мне просто придётся идти навстречу этому дурацкому свету. Оставить маму и Верочку одних, совсем без мужчин в доме.

Лучше бы я остался лежать на месте. Тогда бы не было так больно.

Волна бешенства накрыла меня. Я со злостью пнул стену. Ногу пробила резкая боль. Может быть, я сломал себе пару пальцев. Это вообще возможно — сломать себе что-нибудь здесь? Странный гортанный звук вырвался из меня вместе с криком:

— Ну почему я не могу вернуть всё назад!

Я остановился. Что-то было в этом слове: «Назад». Оно наталкивало меня на мысль, которая пчелой жужжала у самого уха. Голова кипела. А что, если пойти туда, назад? Я вспомнил, как долго добирался сюда, до Джека. Да, идти придётся немало, а времени в обрез. Да и не факт, что вообще что-то получится из этой затеи.

— Джек! — я посмотрел на своего нового друга. Он дёрнулся, когда я его позвал.

— Ч-что?

— А кто-нибудь пытался пойти в обратном направлении?

Нога безумно болела. Я сел, стараясь не замечать этой боли.

— В обратном направлении? — тупо повторил он.— Не знаю, Жень. При мне такого точно не было. Двое до тебя только ревели бесконечно. И всё.

— Тогда стоит попробовать,— я встал и тут же сел обратно. Нога нестерпимо болела. Я поморщился, но снова попытался встать. Джек поспешил мне помочь.

— Ты уверен, что сможешь? — с сомнением спросил он,— Нога-то...

— Я должен, Джек. Мама и Верка без меня не смогут. Им и так несладко после ухода отца.

— Ты молодец, Женя! Нет. Евгений, ты настоящий мужчина! — Джек протянул мне руку, и я крепко пожал её.

И тут снова нас ослепил белый холодный свет. Нога тут же перестала болеть. На несколько мгновений моя решимость улетучилась. Не лучше ли бросить эту затею? Свет манил к себе. Он был успокаивающим, притягивающим.

— Жень, живи,— это голос мамы.

Свет потух.

— Тебе нужно торопиться,— строго произнёс Джек.

Я повернулся спиной к выходу из туннеля. Мне предстояло преодолеть немалое расстояние. В то же время совсем не хотелось возвращаться в ту темноту, из которой я пришёл. Я выдохнул и сделал шаг. Он отозвался острой болью в ноге. Но я сделал ещё шаг. Ещё два шага, и вот я уже стою одной ногой во тьме. Я развернулся, посмотрел на Джека. Тот стоял, отдавая мне честь. Я улыбнулся и крикнул, хотя он стоял совсем рядом:

— Джек! Обмануть Дьявола — это реально круто!

И сорвался с места.

Мне было больно бежать, но я бежал. Потому, что боялся, что уже через мгновенье туннель вновь зальёт свет и я уже не смогу ему противиться. Пот градом спадал с моего лица, мне было тяжело дышать. Рука саднила из-за царапин, которые я получил, дотрагиваясь до стены, что вновь была моим проводником.

Я остановился лишь раз. Вернее, не остановился, а упал без сил. Я пролежал на месте, пока не восстановился. Огромным усилием воли я заставил себя подняться. Иногда в моей голове звучали голоса Веры или мамы. Они придавали мне сил, и я бежал быстрее. И уже не боялся, что со мной что-то случится от бега. Страх перед смертью и желание выжить даёт человеку уникальные силы.

В какой-то момент, нога вдруг перестала болеть. Мне снова стало хватать воздуха. Я больше не чувствовал под собой асфальта. Меня накрыла волна белого холодного света. Я понял, что от судьбы не убежишь, но...

Я увидел лицо моей мамы. Услышал её смех сквозь слёзы и тоненький голосок Верки:

— Очнулся! Очнулся!

От судьбы не убежишь, верно. Каждый решает сам — жить ему или умереть.

Регина ВАЛИЕВА, 9 класс,
Детская школа искусств, г. Нижнекамск

КАК ВАСЬКА ЗА САПОГАМИ ХОДИЛ.

«Деда, а сколько у тебя на теле этих чёрных шариков? А тебе больно?»,— эти детские вопросы я задавала своему деду — ветерану Великой Отечественной войны Габдулле Салихову. Став взрослее я с ужасом считала эти маленькие чёрные осколки от гранат. Им не было счёта. На моих глазах выступали слезы...

Мой легендарный дед не любил говорить о войне. «Нет, не спрашивай. Ни о чем меня не спрашивай». И его морщинистые руки начинала бить мелкая дрожь. Помню, однажды, лет двадцать пять назад, в самом начале мая, он получил письмо от своего фронтового товарища. Вот это событие и всколыхнуло в нём воспоминания, которые он долго и тщетно пытался забинтовать ветхими бинтами времени...»

Из воспоминаний моей мамы о своём дедушке Салихове Габдулле Салиховиче.

Шёл март 1942 года. Положение дел на Ржевско-Вяземском плацдарме заметно осложнилось. Зимние морозы сменяла оттепель. На бугорках и возвышенностях, на крышах землянок, из-под грязно-алого снежного покрывала проступала земля, пропитанная солдатской кровью и потом. Тяжёлый, дурманящий запах особенно остро чувствовался именно в такие дни. Он плыл над головами насквозь промокших бойцов, пропитывал одежду, волосы, ухитрялся проникнуть в самые потаённые уголки их нехитрых ночлежек. Но нет, даже не этот сладковато-противный запах, не отсыревшая телогрейка, одетая поверх гимнастёрки, заставляла бойцов трястись то ли от холода, то ли от безысходности и неопределённости своего положения. Тяжелее всего юному Габдулле было ходить в сырой обувке. Ноги мёрзли, деревенели и отказывались служить хозяину. Могильным холодом сковывало каждый мускул, каждый нерв, каждую клеточку. Вскоре от постоянной сырости ступни и щиколотки многих

бойцов покрылись язвами и волдырями. «Эх, сейчас бы нормальную обувку»,— эта мысль не давала покоя. В один из таких мучительных моментов, вылив из валенок набравшуюся в них талую воду, двое молодых бойцов переглянулись и, не сговариваясь между собой, метнулись к огромной воронке.

Васька, а именно так называли бойцы простоватого, добродушного паренька Габдуллу, был всем известный балагур и весельчак. Он замечательно играл на губной гармошке, умело имитировал голоса диких птиц и животных. Но особенно удавалось ему повторить кряканье диких уток и тявканье лисиц. И это неспроста. И дед, и отец Васьки были известными в округе охотниками. Сколько он себя помнил, в их доме на полу всегда лежали самодельные ковры из волчьих шкур, на лавках и кроватях были постелены лисьи шкурки. А какие замечательные шапки и варежки шила из них его мама! И где сейчас отец? Васька тяжело вздохнул и внимательно посмотрел на молодого и отчаянного Самигуллу. В противоположность юркому, лёгкому на подъем, изворотливому, невысокому Ваське, Самигулла был высок, коренаст и крепко сложен. Несмотря на то, что его движения были размеренны и неторопливы, в них чувствовалась какая-то отчаянная сила. Эти два бойца, оказавшиеся к тому же земляками, словно дополняли друг друга. Вот и сейчас стоило Ваське взглядом указать на ту сторону соседней воронки и Самигулла понял его без слов. Они оба знали, что после отбитой утренней атаки там, на противоположном краю глубокой воронки, остался лежать немецкий солдат на ногах которого были новенькие, хрустящие, а, главное, сухие сапоги. Васька-Габдулла, осторожно приподнялся, ещё раз оглянулся и кивнув Самигулле, приготовился к решающему прыжку. Своим зорким охотничьим взглядом он уже рассчитал расстояние до боевого трофея. Рывок, несколько минут безоглядного бега, прыжок и... вот она заветная цель.

Немец, лежал лицом вверх. На его почти мальчишеском безусом лице застыла гримаса ужаса и боли. Взгляд широко открытых зелёных глаз был устремлён в весеннее небо. Васька взглянул на это чужое лицо и почувствовал, что где-то глубоко внутри, в самой середине его живота уже собрался комочек самых разнообразных чувств, в котором сплелись ненависть, отчаяние, страх, жалость, желание жить. Неимоверным усилием воли, подавив подкатившее к горлу чувство тошноты, заставившее конвульсивно сжаться пустой желудок, рядовой Габдулла Салихов стащил с уже успевших одеревенеть немецких ног новенькие сапоги. «Ну что, посмотрел в Моё небо?»,— то ли сказал, то ли подумал он. И медленно, словно в каком-то глубоком сне, полуобезумев от одной только мысли, что он — солдат Советской армии вынужден снимать сапоги с убитого немца, рядовой Салихов пополз обратно к своим.

Трофейные сапоги оказались велики. Не раздумывая ни минуты, Васька отдал их товарищу. Самигулла, повертел в руках немецкую обувку, и, решительно скинув мокрые валенки, натянул сапоги на свои ноги. К всеобщему удивлению, за свой дерзкий поступок Васька не только не получил наказания, но с молчаливого согласия командира взвода продолжил свои вылазки. «Дело по разуванию немцев», а именно так солдаты стали называть эти рискованные прогулки Васьки-Габдуллы, было поставлено на поток. После очередной атаки, приметив место, где можно достать обувь, рядовой Габдулла Салихов, под прикрытием других бойцов отправлялся за боевым трофеем. И каждый раз ему приходилось снова и снова тонуть в океане противоречивых чувств. Самым сильным из них была, пожалуй, даже не ненависть, а какое-то торжество, чувство пусть маленькой, но победы. Стаскивая с убитых фашистов их обувь, а он взял себе за правило снимать только новые сапоги, Васька не уставал

повторять: «Ну что, морда фашисткая! Это даже хорошо, что ты обувку свою мне отдаёшь! Помогаешь стало быть!»

Сколько вылазок за немецкими сапогами совершил Васька? Сколько раз возвращался разочарованный и без боевого трофея? Этого он не считал. Да и зачем? Если и так от зари до зари под всевидящим оком смерти ходишь? Вскоре почти все солдаты Васькиного взвода были обеспечены непромокающей добротной обувью. Были, однако, среди них и такие, которые отказывались от немецких сапог. К ним относил себя и Ванька Воробей. Это лёгкое и весёлое прозвище было дано угрюмому и неразговорчивому белорусу Ивану Воробьеву с лёгкой руки всё того же Васьки-Габдуллы. Ванька Воробей никогда не принимал участия в делёжке и раздаче немецких сапог, добытых бойцом Салиховым. Сдвинув на переносице кустистые брови, плотно сжав обветренные искусанные губы и опустив голову, он всегда отходил в сторонку и уже оттуда пристально исподлобья наблюдал за примеркой.

Грязный, пропитанный дождевой водой и всеобщей неимоверной усталостью, понурый мартовский день тянулся очень нудно и медленно. Дождь шёл уже вторые сутки. Промозглый ветер нещадно бил в лицо и насквозь выдувал остатки тепла из-под полусырых шинелей, гимнастёрок, фуфаек.

— Ну и погодка! Не только фрица, но и нас на прочность проверяет,— говорили бойцы и, чтобы хоть как-то согреться, располагались плотнее друг к другу...

В этот сырой весенний день Васька-Габдулла вернулся со своей вылазки ещё с одной парой новеньких немецких сапог.

— Ребята, кто там на очереди за «маршштифелями»[1]? Да и размерчик сегодня попался — будь здоров! — почти с ходу огласил он. Однако его слова потонули в напряжённой тяжёлой тишине.

Это были те редкие минуты всеобъемлющего покоя, когда каждый погружался в свои мысли, воспоминания, чувства и раз за разом воскрешал в памяти лица родных и близких, в сотый, тысячный раз мысленно прощался с домом, матерью, женой и детьми. Видя упаднические настроение бойцов и непременно желая обрадовать кого-либо из них, Васька весело и призывно прокрякал дикой уточкой. Это неожиданное кряканье и вывело из себя Ваньку Воробья.

— Слышь, Васька, ты давай прекращай свою самодеятельность. А не то ноги тебе переломаю. Глядишь, и не понадобятся эти штифели,— сказал он и тяжело поднявшись со своего места медленно пошёл в сторону Васьки.

— А коли ты мне ноги переломаешь, кто за обувкой ходить будет? Не хочешь не бери,— миролюбиво возразил Васька,— добро не пропадёт.

Его последние слова повисли в воздухе, а бойцы, расступившись, пропустили вперёд начальника штаба части Сергея Давытенко и командира взвода Петра Нестерова. Давытенко был болен и в последние дни не покидал своей землянки. Бойцы об этом знали. Что же заставило его прийти сюда в этот холодный, дождливый день? Неужели он всё знает? Кто донёс на Ваську-Габдуллу? Напряжённое, словно натянутая струна, молчание повисло в воздухе. Ваське даже показалось, что пошевели он сейчас рукой или ногой и разлетится эта звенящая тишина на миллионы осколков, причём один из них непременно в него попадёт. Попадёт и сразит наповал. Так и стоял, боясь шелохнуться. Виноватая улыбка застыла на губах Самигуллы, бросившегося на помощь товарищу и уже занёсшего руку для того, чтобы отразить тяжеленный удар Ваньки

[1] «Marschstiefel» — немецкие маршевые сапоги. Всю Вторую Мировую войну немецкие солдаты прошли обутые в маршевые сапоги, которые шились из качественной коровьей кожи покрашенной в чёрный цвет. Двойная подошва сапог была укреплена 35–45 гвоздями. По внешней кромке каблука шла металлическая подкова, что значительно увеличивало их носкость.

Воробья. Последний, однако, явно не собирался сдавать позиции и процедил сквозь зубы:

— Умру, а фрицевы сапоги носить не стану и тебе не позволю.

Давытенко меж тем тяжело закашлял и устало прислонился спиной к ближайшей берёзке.

— Рядовой Салихов! Давайте сюда свои штифели.

— А размерчик, товарищ полковник, самый что ни на есть Ваш! — и Васька-Габдулла вмиг сообразив, что вот оно негласное прощение за самовольные вылазки, моментально протянул Давытенко немецкие маршевые сапоги, чуть не ставшие причиной всеобщего раздора.

Давытенко медленно стянул свои мокрые, пережившие уже не одну починку кирзачи и также неторопливо, словно прицениваясь к товару, натянул на голые ноги немецкие маршевые сапоги.

— Рядовой Салихов!

— Я!

— Тебя не наказывать надо, а благодарность объявлять. Этот немецкий трофей я забираю себе. Чёрт его знает, что нас впереди ждёт,— сказал Давытенко и, пожав руку счастливо улыбавшемуся Ваське-Габдулле, медленно удалился. Следом за ним двинулся и не проронивший за все это время ни единого слова командир взвода Пётр Нестеров.

* * *

Простой татарский паренёк, рядовой Габдулла Салихов был одним из немногих, кому суждено было выжить в кровавой мясорубке под Ржевом. Он прошёл всю войну, участвовал в освобождении десятков сёл и городов, неоднократно был ранен и контужен. Однако, этот эпизод с немецкими сапогами так и канул бы в небытие, если бы не письмо однополчанина, разыскавшего Ваську-Габдуллу спустя 25 лет. В письме того самого Ваньки Воробья нашла героя невысказанная четверть века назад благодарность за новенькие, хрустящие немецкие сапоги.

Наши авторы

стр. 184 БАСИНСКИЙ Павел Валерьевич – родился в 1961 году в Волгоградской области, учился в Саратовском университете на факультете иностранных языков, окончил Литературный институт имени А.М. Горького, семинар критики В. Сурганова и там же аспирантуру, кандидат филологических наук. Член Союза российских писателей (1993), академик Академии русской современной словесности (1997). Автор биографий Максима Горького и Льва Толстого в серии «Жизнь замечательных людей» и ряда романов, участник многих международных книжных ярмарок. Лауреат Национальной литературной премии «Большая книга» и премии Правительства РФ в области культуры. Работает обозревателем в «Российской газете», преподаёт в Литинституте (творческий семинар прозаиков).

стр. 3 БЕДРЕТДИНОВ Хайдар Сулейманович, 1945 года рождения, по профессии военный инженер. Стихи пишет с юности. Публиковался в газетах и журналах. Автор одиннадцати поэтических сборников. Лауреат ряда литературных премий. Участвует в работе ветеранской организации, выступая со стихами перед различными коллективами. Живёт в Москве.

стр. 227 ВАЙНЕР Борис Гиршевич — писатель, поэт, переводчик, драматург, бард, журналист. Член Союзов писателей Татарстана и России, Союза журналистов РТ. Его основные жанры — детские стихи и проза, перевод (в основном с татарского и английского), а также песни, где он выступает и как соавтор известных композиторов Гр. Гладкова, А. Лукьянова, И. Тульчинской и других, а во многих случаях и как автор музыки. Им выпущено несколько десятков книг для ребят и для взрослых — «Ни капельки не страшно», «Школьные хайку», «Нинзя из Самураевки», «О дырках в зонтике и о других важных вещах», «На что похожи тени?», «Оловянный, деревянный и стеклянный», ряд пьес и киносценариев, главным образом детских. Борис Вайнер — заслуженный деятель искусств РТ, лауреат литературных премий имени М. Горького, С. Сулеймановой, международной премии «Золотое перо Руси»

стр. 178 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханьем весны». Член Союза российских писателей. В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

стр. 40 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне — Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (семинар драматургии В.С. Розова). В 1987 году в Казанском тюзе поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник Всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде. С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодёжь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидящая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань», опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском тюзе к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова. Там же через год сыграли премьеру комедии «Полёты в параллельных мирах». Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диасизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). Под его редакцией издано несколько альманахов «Галерея». Заместитель главного редактора литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей.

стр. 123 ВОСКОБОЙНИКОВА (ВОРОНОВА) Инна Владимировна — журналист, экскурсовод, член Союза писателей России — родилась в Магнитогорске в 1978 году. Закончила магнитогорский университет и ВЛК при Литинституте им.Горького. Автор книги стихов «Подснежники», интервью с известными писателями и артистами. Живёт в городке писателей Переделкино (Подмосковье).

стр. 201 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. В настоящее время живет в городе Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году. С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 201 КОЗЛОВА Людмила Михайловна — автор более 40 книг поэзии и прозы, изданных в Барнауле, Бийске, Санкт-Петербурге и за границей (Канада, Онтарио, Виннипег). Лауреат многих краевых литературных премий, в том числе, им. В.М. Шукшина, лауреат Международной литературной премии им. Сергея Михалкова, лауреат премии Алтайского края в области литературы. Стихи и проза публиковались в центральной, региональной и местной печати и за границей (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Лауреат.международного литературного конкурса «Лучшая книга…года»– 2014 и 2017 (Германия, Берлин-Франкфурт). Победитель Краевого издательского губернаторского конкурса — 2009 и 2015 г. Призёр международного литературного конкурса «Аленький цветочек» им. С.Т. Аксакова. Член Союза писателей России. Живёт в Бийске.

стр. 131 КРУПИН Владимир Николаевич родился 7 сентября 1941 года в Кировской области в семье лесничего.

После окончания школы в 1957 работал в газете, был членом бюро райкома комсомола, выдвигался на должность секретаря райкома комсомола. Три года служил в армии. Член КПСС с 1961 года. Не пройдя по конкурсу в Литературный институт, поступил на филологический факультет Московского областного педагогического института, который закончил в 1967. Работал учителем русского языка, редактором в издательстве «Современник», был парторгом издательства (уволен после выхода в свет повести Георгия Владимова «Три минуты молчания», 1977).

Первую книгу выпустил в 1974, но широкое внимание привлёк к себе в 1980 повестью «Живая вода».

Главный редактор журнала «Москва» в 1990–1992. С 1994 года преподаёт в Московской духовной академии;

с 1998 года — главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь». Сопредседатель Союза Писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Лауреат Патриаршей Литературной премии.

стр. 28 КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась в городе Волжском Волгоградской области. С 8-ми лет живёт в Набережных Челнах, куда переехала вместе с родителями в начале строительства КАМАЗа и нового города. Здесь окончила среднюю школу, училище искусств по классу виолончели и педагогический институт. Работала с детьми в музыкальной и общеобразовательной школах, в городском центре детского творчества, затем руководила коллективом художественной самодеятельности на заводе микролитражных автомобилей, далее как индивидуальный предприниматель издавала корпоративные газеты для некоторых предприятий города.

В 2009 году поступила на Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького, где впоследствии закончила и редакторские курсы. Активно сотрудничала с Татарстанским отделением Союза российских писателей по организации литературно-музыкальных встреч и вечеров. Член Союза российских писателей. Автор трёх книг поэзии и двух книг художественно-документальной прозы. Автор-исполнитель песен и романсов, активно выступающий с собственными программами на сценических площадках Москвы, Казани, других городов России, а также дома — в Набережных Челнах и в других городах и посёлках Татарстана.

Лауреат республиканского конкурса «Хрустальное перо», московского творческого конкурса им. Потатушкина, дипломант российского литературного конкурса им. Андрея Платонова, победитель в номинации «Философское эссе» Тютчевского литературного конкурса «Мыслящий тростник», призёр международного конкурса Грушинского фестиваля. Имеет ряд других званий и наград.

стр. 159 ОКОМЕНЮК Татьяна Владимировна родилась в Днепропетровске (Украина) в семье военнослужащего. Закончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Пятнадцать лет занималась преподавательской деятельностью и активно публиковалась во многих украинских изданиях. Член Союзов журналистов Украины и Германии. Член Союза немецких литераторов «Unser Leben» и Французского Европейского литературного общества AFEL. Лауреат Международного конкурса «Литературная Вена 2009» (Австрия, Вена). Победитель литературного конкурса «Лучшая книга года 2009» (Германия, Берлин). Лауреат Международного конкурса «Серебряный стрелец 2010» (Лос-Анджелес, США). Победитель Международного фестиваля «Русский STIL 2010» (Германия). Дипломант международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси — 2010» (Россия, Москва). С 1998 года живёт и работает в Германии. Является спецкором русской редакции берлинского радио RBB Rundfunk Berlin-Brandenburg. Пишет художественную прозу. Автор книг «Замужем за немцем» (2003), «Вечерние новости» (2004), «Одинокие женщины желают…» (2006), «Иуда» (2010), «О Ване и пуТане» (2010), «Возвращение блудной души» (2010), «Репортаж с планеты ариев» (2011).

стр. 145 ЛИСНЯК Александр Алексеевич родился в 1948 году в Лискинском районе Воронежской области. Окончил дирижёрско-хоровое отделение культпросветучилища и факультет журналистики Воронежского государственного университета. Трудился механизатором, служил в армии, работал в различных учреждениях культуры, в газетах (от корреспондента до редактора), много лет в аппарате Воронежской писательской организации (директором межобластного бюро пропаганды художественной литературы), в Воронежской областной Думе.

Стихи Лисняка с 1964 года публиковались в различных газетах, журналах и альманахах СССР: «Москва», «Подъём», «Молодая гвардия», «Всерусский собор», «День литературы», «День поэзии», «Неман» и др. Автор многих книг стихов и прозы. Создатель и главный редактор секции писателей «Профи» и сетевого альманаха «Стражник». Член Союза писателей СССР. В настоящее время живёт в Витебской области Республики Беларусь.

стр. 148 ЛИСНЯК Алексей Александрович — протоиерей, родился в 1975 году в Воронежской области. Окончил Воронежскую духовную семинарию. Служил в армии. С 1993 года служил диаконом, а затем священником в Троицком храме города Обоянь Курской области. С 1999 года по сей день является настоятелем Богоявленского храма села Орлово Воронежской области. Прозаик. Печатался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Сибирские огни», «Москва», «День литературы», «Бельские просторы» (лауреат 2011 года), «Фома», «Русский дом», «Иван-да-Марья», церковной и светской периодике. Автор книг рассказов «Праздник жизни», «Зимнее тепло», «Бананы на берёзе», «Сашина философия и другие рассказы» (М . 2014), «Через речку быструю» (М. 2016). В 2018 году народный артист России А. Панкратов-Черный, записал аудиокнигу Лисняка «Кровная родня». Рассказы из книг о. Алексия неоднократно выходили в столичных и региональных коллективных сборниках. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член секции писателей «ПРОФИ» — профессионалы против профанации.

стр. 204 МИЛОВАНОВ Владимир Николаевич родился в 1947 году в исправительно-трудовой колонии в Ютазинском районе ТАССР, куда была депортирована его мать по национальному признаку из Республики немцев Поволжья. Отец — участник финской войны, участник обороны Ленинграда, инвалид ВОВ.

Детство и юность прошли в г. Бугульма. В 1965 г. окончил школу с золотой медалью, в 1970 г. — физический факультет Казанского государственного университета (отделение астрономии) с красным дипломом.

Научной работой начал заниматься в студенческие годы. С 1970 по 1982 гг. работал в Астрофизическом институте АН Каз ССР (г. Алма-Ата). Занимался исследованиями Солнца и солнечной активности на Высокогорной солнечной обсерватории в горах Заилийского Алатау. В 1979 году был признан лучшим молодым учёным Казахстана. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию в Главной астрономической обсерватории АН СССР (Пулково, г. Ленинград).

С 1982 года работал в г. Набережные Челны в политехническом институте на кафедре физики научным руководителем лаборатории волновой оптики и квантовых явлений. После присоединения института к Казанскому Федеральному университету продолжил работу в Набережночелнинском институте КФУ. Стаж научно-педагогической работы — 50 лет. Автор почти 100 научных работ и учебно-методических пособий. .

стр. 169 НАЗМУТДИНОВА Алсу Мидхатовна (Алсу НазМи) родилась в 1972 году в деревне Нижняя Татарская Майна Аксубаевского района Республики Татарстан. После окончания средней школы поступила в Казанский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет. Работала в Алексеевской средней школе № 1 преподавателем татарского языка и литературы. С ноября 2018 года работает методистом Районного дома культуры. Произведения публиковались на страницах республиканских и районных газет и журналов. Является автором книг прозы и поэзии на татарском и русском языках. Автор 27 песен и автор-исполнитель песен собственного сочинения.Является руководителем районного отдела женской общественной организации при Всемирном конгрессе татар «Ак калфак».

стр. 120 ОРЛОВ Борис Александрович родился 7 марта 1955 года в деревне Живетьево Ярославской области. Стихи стал сочинять в дошкольном возрасте, а публиковаться в районной газете, когда учился в школе. Окончил Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского. После окончания ВВМИУ имени Ф. Э. Дзержинского был направлен для дальнейшего прохождения службы на атомную подводную лодку Северного Флота. Участник дальних походов. Прослужил в Вооружён-

ных Силах 33 года. Капитан 1 ранга. В 1986 году Борис Орлов был принят в Союз писателей СССР. Четырежды избирался делегатом съездов Союза писателей России. Выпустил 15 книг стихов. Лауреат Большой литературной премии России, литературных премий Александра Невского, Андрея Платонова, Константина Симонова, Валентина Пикуля, «Золотой кортик». С 2005 года является председателем Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, а с 2009 года — сопредседателем Правления Союза писателей России. Член Общественного совета по культуре при Правительстве Санкт-Петербурга.

стр. 110 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в городе Череповце в городской газете. В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты. Член Союза российских писателей, автор трёх книг стихотворений; «Моя параллель» (2007 г.), «Китежанка» (2009 г.), «Прапамять» (2016 г.). Живёт в Набережных Челнах.

стр. 231 ПОСПЕЛОВ Евгений Александрович родился в 1950 году в Елабуге, где и живет в настоящее время. Работал слесарем на арматурном заводе, архивариусом в строительном тресте, лаборантом в пединституте, штатным фотографом Елабужского государственного музея-заповедника. Принимал участие в различных выставках, в том числе и персональных. Печатал стихи в газете «Новая Кама», журналах «Идель» и «Аргамак».

Первый сборник стихов «Вполголоса» увидел свет в 2000 году. Второй — «Крылатый ковчег» — в 2010. Лауреат литературной премии имени М. Цветаевой.

стр. 88 стр. 104 САРЧИН Рамиль Шавкетович родился в 1975 году в Ульяновской области. Поэт, литературный критик, литературовед. Доктор филологических наук. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан, Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Автор поэтическихсборников «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011), «Не погашен свет» (2017); монографий «Поэтический мир Н. Н. Благова» (2008), «Николай Благов» (2008), «Традиции русской поэзии в лирике Инны Лиснянской» (2009), «Лирика Роберта Миннуллина» (2012), «Жизнь и судьба Фатиха Карима» (2014), «Поэзия Фатиха Карима в историко-литературном контексте 1930-х — 1945 годов» (2015); сборников статей «Лики казанской поэзии» (2013), «Memoria» (2018); более сотни публикаций об отечественной литературе, преимущественно о поэзии. Автор идеи и редактор-составитель книг серии «Народная энциклопедия»: «Мой край — моя Россия» (2017), «Великая Отечественная» (2017), «Это всё — моё, родное…» (2018). Живёт в Казани.

стр. 115 ФЁДОРОВ Владимир Николаевич — поэт, прозаик, драматург. Лауреат Большой литературной премии России, международной премии «Триумф», всероссийских премий Николая Гумилёва, Николая Лескова, «Золотое перо Руси», Государственной премии Якутии и других писательских наград. Автор двадцати пяти книг — сборников стихов, нескольких повестей, романа, ряда изданий по традиционным верованиям, а также более десяти поставленных пьес, в том числе — на сценах Москвы и Санкт-Петербурга.

Живет в Москве, работает главным редактором «Общеписательской Литературной газеты».

стр. 189 ХАМИДУЛЛИНА Вера Петровна — поэт, переводчик, издатель. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Родилась в 1960 г. в городе Краснотурьинске Свердловской области. Окончила институт филологии и межкультурной коммуникации им. Л.Н. Толстого Казанского (Приволжского) Федерального университета (2016г.). Руководитель литературно-издательского проекта «Современные авторы — детям». Автор более 20 научно-популярных изданий, сборников стихов, прозы и переводов, в том числе для детей. Участник научно-практических конференций, автор статей по сопоставительному литературоведению и художественным переводам. Член Союза российских писателей, российского Литфонда, Союза писателей Республики Татарстан, Союза писателей XXI века..

стр. 37 ХАРИСОВ Ренат Магсумович (Ренат Харис) — народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии Российской Федерации (2005), лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая, автор около 40 сборников стихов и поэм, либретто музыкально-сценических произведений, в том числе либретто балета «Сказание о Йусуфе» Леонида Любовского.

Является секретарём Союза писателей России, членом редколлегий журналов «Наш Современник», «Татарстан», «Историческая Газета» (Москва). Живёт в Казани.

стр. 219 ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодёжной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана. Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже, в Москве. Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С. Т. Аксакова и его сыновей: И. С. Аксакова и К. С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии. Возглавляет Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С. Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы — русские? Всего мира Надеждо и Утешение». С 2009 г.— почётный гражданин г. Уфы.

Содержание

СТИХИ В НОМЕР

ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ
МОСТЫ ИСТОРИИ 3

СОБЫТИЕ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН
ЛЕТО. КАЗАНЬ. ЮБИЛЕИ 4

ИРИНА ГРИГОРЬЕВА
КАК НАЗАРБАЕВ СТАЛ ПОЧЁТНЫМ ДОКТОРОМ КФУ,
А ВЛАДЫКА ФЕОФАН ПРОЦИТИРОВАЛ ВЫСОЦКОГО 11

ДИАНА КАН
БОЛДИНО — СТОЛИЦА ВДОХНОВЕНИЯ 15

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ
НА ВИДУ У ВСЕХ 17

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ДИЛЯРА МУХАМЕДЬЯРОВА
ПЬЕСЫ И ПЕСНИ ФАЙЗИ! 21

ЕЛЕНА ПАРЩИКОВА
ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА ЧЕЛНИНСКОЙ ГРАФИКИ 24

ДУША ПОЁТ

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
«Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ...» 28

ПОЭМА О ГЛАВНОМ

РЕНАТ ХАРИС
ПРИЗРАК 37

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН
ВОЛЯ ВИЛЯ 40

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

РАМИЛЬ САРЧИН
ФЕШИН НАКАНУНЕ ЭМИГРАЦИИ 88

ПОЭЗИЯ

РАМИЛЬ САРЧИН
СОЗВЕЗДИЯ ЦВЕТУТ ИЗ ТЕМНОТЫ 104

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА
ПРИГОРШНЯ БЕЛОГО ОГНЯ 110

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ
АФРИКАНСКАЯ ТЕТРАДЬ 115

БОРИС ОРЛОВ
В НЕБЕСА ПОДНИМАЮТСЯ ПЕСНИ 120

БЕСЕДЫ О ГЛАВНОМ

ИННА ВОРОНОВА (ВОСКОБОЙНИКОВА)
ВЯТСКИЙ ЖАВОРОНОК 123

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР КРУПИН
С УТРА ПОРАНЬШЕ 131
ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ГЛАВНОЙ ВОЙНЫ 141

ОТЕЦ И СЫН — ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

АЛЕКСАНДР ЛИСНЯК
ЗВЕЗДА НАД ОТЧИМ ДОМОМ 145

АЛЕКСЕЙ ЛИСНЯК
КОЛЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ЗУЕВО 148
СЛОН ЗАБРАЛСЯ В ОГОРОД 151
НАД БЕЛО-РОЗОВЫМ МОРЕМ 155

ПРОЗА
ТАТЬЯНА ОКОМЕНЮК
СНЕГУРКА 159
ЛЮБОВЬ МАНЬЯКА ПЕТРОВИЧА 164
АЛСУ НАЗМИ
КАЗАН 169

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ
НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ
ДВА РОМАНА 178
ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ
СОБЛАЗН И БЕЗУМИЕ 184
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ
ГЕНИЙ МЕСТА 186

НАСЛЕДИЕ
ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА
«НОВАЯ ИЛИАДА» И ЕЁ АВТОР 189

ДРУЗЬЯ «АРГАМАКА»
ЛЮДМИЛА КОЗЛОВА
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В ПУТИ 201

МОЗГ И СОЗНАНИЕ
ВЛАДИМИР МИЛОВАНОВ
ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА 204

P.S. К ЮБИЛЕЮ РЕВОЛЮЦИИ
МИХАИЛ ЧВАНОВ
КАМЛАНИЕ НА КРОВИ 219

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА
БОРИС ВАЙНЕР
РУБАШКИ ВЕТРА 227

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ
ЕВГЕНИЙ ПОСПЕЛОВ
АВТОПОРТРЕТ С ПОДРОБНОСТЯМИ 231

ПРОБА ПЕРА
МИР ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА 235

НАШИ АВТОРЫ
..... 251

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ «ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ». ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ ФЕШИН

ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ. ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ ФЕШИН

ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ. ФОТОВЕРНИСАЖ ЕВГЕНИЯ ПОСПЕЛОВА

ЧЕТВЁРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ФОТО ЕВГЕНИЯ ПОСПЕЛОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Учредитель
АО «Татмедиа»
420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Татарстанское отделение
Союза российских писателей
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Представительство в Москве:
8-966-380-04-00
Ларина Ксения Владимировна

Подписано в печать 25.06.2018 г.
Формат 70x100 1/16;
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 1000 экз.
Заказ

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей **www.srpkzn.ru**.

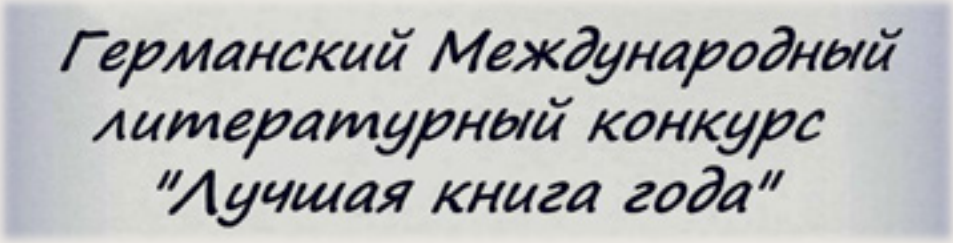
Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**, тел.: **(8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19**.

В № 6 (103) «Общеписательской литературной газеты (июль 2018) прозаик и публицист Татьяна Окоменюк, живущая во Франкфурте-на-Майне, она же организатор Берлинского международного литературного конкурса «Лучшая книга года 2018», сообщает:

«...Как и в предыдущие годы, самой активной и результативной литературной державой на нашем конкурсе остаётся Россия. 26 из 48 вышедших в финал литераторов представляют именно эту страну. Четверо из них стали золотыми лауреатами. Это **москвич Николай Стародымов с социально-публицистическим исследованием «Офицер эпохи перемен», Николай Алешков из Набережных Челнов с оригинальным поэтическим сборником «Дальние луга», ростовчанка Ольга Прилуцкая с романом «Общежитие», ставшим зеркалом жизни последнего двадцатилетия XX века и москвич Георгий Панкратов со сборником рассказов «Стыд и совесть», повествующим о проблемах современного общества...»**



Следующий номер литературного журнала «Аргамак. Татарстан» выйдет в марте 2019 года. Читайте в нём интервью с Татьяной Владимировной Окоменюк «Самые талантливые писатели живут в России».